

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-3

ISSN 1996-7853
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»
672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, г. Чита,
ул. Бабушкина, 129
Телефон: 8 (3022) 35-24-79
Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE
“Transbaikal State University”
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

129 Babushkina st.,
Chita, Russia, 672007
Phone: 8 (3022) 35-24-79
Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 13, № 3
2018

Vol. 13, No. 3
2018

Гуманитарный вектор

Издаётся с 1997 г.
Выходит пять раз в год

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень
ведущих рецензируемых научных
журналов и изданий, в которых
должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание
учёных степеней доктора и
кандидата наук: *философские,*
филологические, исторические
науки и археология

Направление номера журнала
Философские науки

Авторы несут полную
ответственность за подбор и
изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые взгляды
могут не отражать точку зрения
редакции

Редакция журнала руководствуется
положением Гражданского кодекса
РФ по авторскому праву,
международным стандартом
редакционной этики, лицензией
Creative Commons "Attribution"
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала
в «Пресса России» **42407**

Размещение и индексация
журнала
CrossRef, ERIHPLUS, Index
Copernicus, Ulrich'sPeriodicals
Directory, Citefactor, JIFACTOR,
Journal Factor, Google
Scholar, WorldCat, НЭБ, Соционет,
Znanium, БиблиоРоссика,
Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка,
Университетская библиотека
онлайн, IPRbooks

Редакционная коллегия

Главный редактор

И. В. Ерофеева, доктор филологических наук, доцент

Выпускающий редактор

М. Б. Лига, доктор социологических наук, профессор (Чита, Россия)

Б. В. Базаров, доктор исторических наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);

Батмаз Вейзель, доктор наук, профессор (Стамбул, Турция);

Т. В. Бернюкевич, доктор философских наук, доцент (Москва, Россия);

Буржо Андре, доктор социальных наук (Париж, Франция);

Бэррон Келли, доктор наук, профессор университета Луисвилл (Штат Кентукки, США)

Т. В. Воронченко, доктор филологических наук, профессор (Чита, Россия);

М. И. Гомбоева, доктор культурологии, профессор (Чита, Россия);

З. К. Дербишева, доктор филологических наук, профессор (Бишкек, Киргизская Республика);

В. С. Диев, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Жамбалын Цэцэгма, доктор исторических наук, профессор (Монголия);

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Москва, Россия);

Е. Ю. Захарова, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

В. К. Зубарева, доктор филологических наук, профессор (Филадельфия, США);

Т. Ю. Игнатович, доктор филологических наук, доцент (Чита, Россия);

Изухо Масами, доцент (Токио, Япония);

А. А. Камалова, доктор филологических наук, профессор (Ольштын, Польша);

В. И. Карасик, доктор филологических наук, профессор (Волгоград, Россия);

В. В. Колесов, доктор филологических наук, профессор (Санкт-Петербург, Россия);

М. В. Константинов, доктор исторических наук, профессор (Чита, Россия);

В. А. Маслова, доктор филологических наук, профессор (Витебск, Белоруссия);

Б. Я. Мисонжников, доктор филологических наук, профессор
(Санкт-Петербург, Россия);

С. А. Михайлов, доктор политических наук, профессор (Сыктывкар, Россия);

А. Н. Новиков, доктор географических наук, доцент (Чита, Россия);

Н. С. Розов, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);

Грег Саймонс, доктор наук, доцент (Уппсала, Швеция);

Д. В. Сергеев, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

Сонг Чжон Су, доктор филологических наук, профессор (Сеул, Корея);

Д. Л. Стровский, доктор политических наук, профессор (Ариэль, Израиль);

Д. В. Трубицын, доктор философских наук, доцент (Чита, Россия);

М. Н. Фомина, доктор философских наук, профессор (Чита, Россия);

Граля Хероним, доктор исторических наук (Варшава, Польша);

И. В. Черникова, доктор философских наук, профессор (Томск, Россия);

Чжао Сяобин, доктор литературы, доцент (Баодин, КНР)

Ответственный секретарь

Е. В. Седина, кандидат культурологии

Редактор О. Ю. Гапченко,
редактор перевода В. М. Ерёмина,
вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 15.05.2018.

Дата выхода в свет 20.05.2018.

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура "Arial".

Способ печати оперативный. Заказ № 18055.

Усл. печ. л. 23,5. Уч.-изд. л. 20,2.

Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.).

Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

Тематика журнала связана с *ключевыми смыслами, ценностями и артефактами культуры*. Идейная канва контента журнала становится основанием для осмысления широкого круга социокультурных проблем в рамках таких наук, как филология, филология и история.

Данный выпуск представляет собой сборник оригинальных и обзорных научных статей по проблемам истории философии, экзистенциальной философии, гуманитарной географии. Представлен культурологический анализ различных сфер человеческой деятельности, исследования по проблемам материальной и духовной культуры, истории и философии культуры.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям вузов, аспирантам, студентам, деятелям культуры и образования.

Humanitarian Vector

Gumanitarnyi Vektor

Founded in 1997
Published five times a year

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences: *Philosophical Sciences, Philological Sciences, Historical Sciences and Archeology*

Journal Issue direction

Philosophical sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards Creative Commons license "Attribution" ("Attribution") 4.0 universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" 42407

Journal placement and indexing

CrossRef, ERIHPLUS, IndexCopernicus, Ulrich'sPeriodicalsDirectory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WorldCat, RSC, Sotsionet, Znanium, BiblioRossika, ArbiKon, IVIS, KiberLeninka, Universitetskaya biblioteka online, IPRbooks

Editorial Board

Editor-in-Chief

I. V. Erofeeva, Doctor of Philology, Associate Professor

Main Handling Editor

M. B. Liga, Doctor of Sociology, Professor (Chita, Russia)

B. V. Bazarov, Doctor of History, Professor (Ulan-Ude, Russia);

V. Batmaz, Doctor of Sciences, Professor (Istanbul, Turkey);

T. V. Bernyukevich, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Moscow, Russia);

Bourget Andre, Doctor of Sociology (Paris, France);

Baron Kelly, Doctor of Sciences, Associate Professor (University of Louisville Kentucky, USA)

T. V. Voronchenko, Doctor of Philology, Professor (Chita, Russia);

M. I. Gomboeva, Doctor of Culturology, Professor (Chita, Russia);

Z. K. Derbisheva, Doctor of Philology, Professor (Bishkek, Kyrgyz Republic);

V. S. Diev, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);

Zhambalyn Tsetsegma, Doctor of History, Professor (Mongolia);

N. L. Zhukovskaya, Doctor of History (Moscow, Russia);

E. Yu. Zakharova, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);

V. K. Zubareva, Doctor of Philology, Professor (Philadelphia, PA, USA);

T. Yu. Ignatovich, Doctor of Philology, Associate Professor (Chita, Russia);

Masami Izuho, Associate Professor (Tokyo, Japan);

A. A. Kamalova, Doctor of Philology, Professor (Olsztyn, Poland);

V. I. Karasik, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russia);

V. V. Kolesov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);

M. V. Konstantinov, Doctor of History, Professor (Chita, Russia);

V. A. Maslova, Doctor of Philology, Professor (Vitebsk, Belarus);

B. Ya. Misonzhnikov, Doctor of Philology, Professor (St. Petersburg, Russia);

S. A. Mikhailov, Doctor of Political Science, Professor (Syktyvkar, Russia);

A. N. Novikov, Doctor of Geography, Associate Professor (Chita, Russia);

N. S. Rozov, Doctor of Philosophy, Professor (Novosibirsk, Russia);

G. Simons, Doctor of Sciences, Associate Professor (Uppsala, Sweden);

D. V. Sergeev, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);

Song Chon Su, Doctor of Philology, Professor (Seoul, Korea);

D. L. Strovsky, Doctor of Political Science, Professor (Ariel, Israel);

D. V. Trubitsin, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Chita, Russia);

M. N. Fomina, Doctor of Philosophy, Professor (Chita, Russia);

Hieronim Grala, Doctor of History (Warsaw, Poland);

I. V. Chernikova, Doctor of Philosophy, Professor (Tomsk, Russia);

Zhao Xiaobing, Doctor of Literature, Associate Professor (Baoding, People's Republic of China)

Executive Secretary

E. V. Sedina, Candidate of Culturology

Corrector O. Yu. Gapchenko,
Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 15.05.2018.

Date of publication 20.05.2018.

Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset "Arial".

Operative printing. Order No. 18055b.

Conv. quires 23,5. Ed.-print quires 20,2.

Circulation 1000 copies. (first impression 1–100 copies).

Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal
State University"

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

The dominant subject matter of the journal is connected with *key meanings, values and artifacts of culture*. This ideological outline of the journal's content becomes the basis for understanding of a wide range of sociocultural problems within philosophy, philology and history.

The issue is a collection of original and review scientific papers on the history of philosophy, existential philosophy, human geography. It presents culturological analysis of various spheres of human activity, the studies on topical issues of material and spiritual culture, history and philosophy of culture.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduate students, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2018

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕСТВА

<i>Ананьина Д. А.</i> Межэтнический конфликт на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР	6
<i>Думнова Э. М.</i> Феномен формирования самосознания народа в современном российском обществе	12
<i>Жуков В. М.</i> Проблема религиозной безопасности как предмет философии и классического религиоведения	19
<i>Лига М. Б., Щеткина И. А., Захарова Е. Ю.</i> Оценка качества жизни населения как условие обеспечения социальной безопасности (по материалам социологического исследования)	27
<i>Сухарев Д. В.</i> Философский анализ социального аспекта западноевропейских исследований региональных кластеров Китая (по работам Джона Сигурдсона)	35
<i>Фирсов М. В., Юдина Т. Н., Черникова А. А.</i> В поисках утраченной инкапсуляции: философия топологии уходящего времени	42
<i>Цырендоржиева Д. Ш., Корягин В. В.</i> Информационная реальность как фактор развития российского общества	50

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

<i>Гладышева С. Г.</i> Концепция человека в неоплатонической философии Ренессанса и её интерпретация в искусстве	58
<i>Золотарева Т. А.</i> Экзистенциальные концепты ориентиров личности в современном социуме	68
<i>Хасиева М. А.</i> Концепция постмодернизма в философии метаболизма К. Курокавы	75
<i>Швец И. В.</i> Синергийная антропология: социально-праксеологический аспект	84
<i>Эрдэнэев Э. Т.</i> Концепция трансгуманизма Ника Бострома	90

ФИЛОСОФИЯ МЫШЛЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ

<i>Лисеев И. К.</i> Об эпистемологической роли познавательного конструкта «глобальная экология»	96
<i>Маевляутдинов И. С.</i> Рациональный агуманизм: опыт соотнесения разума и веры	105
<i>Нестеров А. Ю.</i> «Исполнение» в семиотике техники	111
<i>Сергеев Д. В.</i> Проблема реконструкции смысла категории «лектон» в философии ранних стоиков	119
<i>Симонов Ю. П.</i> Антропологическое измерение концептуализации языков познания в современной культуре	124
<i>Субботина Н. Д.</i> Трудности реализации принципов практического гуманизма (к 50-летию публикации статьи Гаррета Хардина «Трагедия ресурсов общего пользования»)	132

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

<i>Аневский А. С.</i> Смысловые доминанты освоения художественного наследия в культуре современной России (на примере изобразительного искусства 1920–1930-х гг.)	142
<i>Гацунаев К. Н.</i> Социокультурные предпосылки возникновения феномена советского архитектурного авангарда	151
<i>Гомбоева М. И., Спандерашвили Н. И.</i> Социокультурные основания современных практик дополнительного профессионального образования сферы культуры и искусства	159
<i>Кучеренко А. Л., Коноплева Н. А.</i> Танец как феномен телесности на примере испанского танца фламенко	168
<i>Плеханова В. А., Коноплева Н. А.</i> Исследование гендерных и возрастных различий культуры повседневности жилища россиян (на примере г. Владивостока)	176
<i>Фомина М. Н., Воронченко Т. В., Иванова Ю. В.</i> Рефлексия языка в контексте диалога культур	187
<i>Щеткина И. А.</i> Структура культуры качества жизни	192

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>Бернюкевич Т. В.</i> Рецензия на монографию А. Ю. Нестерова «Семиотические основания техники и технического сознания»	197
--	-----

HUMANITARIAN Vector

CONTENTS

PHILOSOPHY OF SOCIETY

Anan'ina D. A. Interethnic Conflict in the Territory of Xinjiang-Uygur Autonomous Region of China	6
Dumnova E. M. People's Self-Consciousness Formation in the Contemporary Russian Society	12
Zhukov A. V. The Problem of Religious Safety as a Subject of Philosophy and Religious Studies	19
Liga M. B., Shchetkina I. A., Zakharova E. Yu. Assessment of Quality of Life of the Population as the Condition of Ensuring Social Safety (of Materials of Social Research)	27
Sukharev D. V. Philosophical Analysis of the Social Aspect of Western European Studies of Regional Clusters of China (According to the Works by John Sigurdson)	35
Firsov M. V., Yudina T. N., Chernikova A. A. In Search of Lost Encapsulation: Philosophy of Topography's Outgoing Time	42
Tsyrendorzhiyeva D. Sh., Koryagin V. V. Information Reality as a Factor in the Development of Russian Society	50

PHILOSOPHY OF MAN

Gladysheva S. G. The Concept of Man in Neoplatonic Renaissance Philosophy and its Interpretation in Art	58
Zolotareva T. A. Existential Concepts of Individual Guidelines in Modern Socium	68
Khasieva M. A. The Concept of Postmodernism in K. Kurokawa's Philosophy of Metabolism	75
Shvets I. V. Synergetic Anthropology: Social-Praxeological Aspect	84
Erdeneev E. T. Concept of Transhumanity of Nick Bostrom	90

PHILOSOPHY OF THINKING AND COGNITION

Liseev I. K. On the Epistemological Role of the Cognitive Construct "Global Ecology"	96
Mavlyautdinov I. S. Rational Ahumanism: the Experience of the Correlation of Reason and Faith	105
Nesterov A. Yu. Execution in the Semiotics of Technology	111
Sergeev D. V. Problem of Semantic Reconstruction of "Lekton" Category in the Early Stoics' Philosophy	119
Simonov Y. P. Conceptualizing the Anthropological Dimension of the Languages of Knowing in Modern Culture	124
Subbotina N. D. Difficulties of Realization of the Principles of Practical Humanity (to the 50th Anniversary of the Publication of the Article by Garret Hardin "The Tragedy of The Commons")	132

CULTURE AND SOCIETY

Anevsky A. S. Semantic Dominants of Artistic Heritage Exploration within the Framework of Modern Russian Culture (the Case of Fine Art of the 1920s–1930s)	142
Gatsunaev K. N. Sociocultural Prerequisites of Emergence of the Soviet Architectural Avant-Garde Phenomenon	151
Gomboeva M. I., Spanderashvili N. I. Sociocultural Grounds of a New Configuration of Supplementary Vocational Education in the Sphere of Culture and Art	159
Kucherenko A. L., Konopleva N. A. Dance as a Corporality Phenomenon on the Example of Flamenco Spanish Dance	168
Plekhanova V. A., Konopleva N. A. The Research of Gender and Age Differences in the Culture of Everyday Life of Russians' Homes (on the Example of Vladivostok)	176
Fomina M. N., Voronchenko T. V., Ivanova Y. V. Reflection of the Language of Culture in the Context of Cultural Dialogue	187
Shchetkina I. A. Structure of Quality of Life Culture	192

SCIENTIFIC LIFE

Bernyukevich T. V. Review of A. Yu. Nesterov's Monograph "Semiotic Bases of Technique and Technical Consciousness"	197
---	-----

ФИЛОСОФИЯ ОБЩЕСТВА

PHILOSOPHY OF SOCIETY

УДК 323.173

Дарья Александровна Ананьина,
ассистент кафедры философии,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: ananina_1989@mail.ru

Межэтнический конфликт на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР

Актуальность исследования межэтнических отношений в Синьцзян-Уйгурском автономном районе (далее СУАР) КНР обусловлена существованием давнего межэтнического конфликта между представителями ханьского и уйгурского этносов. В данной статье рассматриваются как внешние, так и внутренние причины, провоцирующие эскалацию конфликта. Выявлены исторически сложившиеся и появившиеся в нынешнее время противоречия между китайцами хань и уйгурами, приводящие к их детонированию в виде открытых, подчас вооружённых столкновений, крупнейшее среди которых произошло в июле 2009 года в г. Урумчи (в результате конфликта погибло по некоторым данным около 200 чел. и несколько сот ранено). Ввиду обострения данного конфликта возникает необходимость осуществления анализа как объективных, так и субъективных сторон «уйгурской проблемы». При этом отмечается, что сложность урегулирования данного конфликта в большей степени детерминирована причинами субъективного характера. Разрешение объективной стороны уйгуро-ханьского конфликта не гарантирует его исчерпывания. Вследствие чего особую актуальность приобретает рассмотрение субъективного фактора при формировании эффективной модели конфликтоуправления, способной в долгосрочной перспективе стабилизировать регион, гарантируя, таким образом, безопасность КНР и сопредельных с ним государств.

Ключевые слова: сепаратизм, межэтнические конфликты, политика Китая, уйгурский национализм

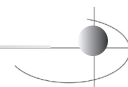
Введение. Современный полиэтничный мир продолжает, как и в предыдущие века, переживать межэтнические конфликты, в основе которых «лежит потребность в самосохранении, защите своих ценностей и традиций» [3, с. 27]. Эти конфликты происходят как между отдельными представителями, так и между социальными группами различных этносов. Причинные основания межэтнических конфликтов могут быть условно разделены на объективные и субъективные. Объективные причины, как правило, связаны с низким социальным и политическим статусом этногрупп, с различными формами этнической дискриминации. А. П. Садохин к объективным причинам также относит недостаточное знание языка, традиций и связанное с этим непонимание партнёра по коммуникации¹.

¹ Основы межкультурной коммуникации: учебник для вузов / под ред. А. П. Садохина. – М.: Юнити-Дана, 2003. – 352 с.

Субъективные причины, в свою очередь, обусловлены психологической ригидностью этнофоров, доминированием в этническом самосознании этноцентристских, этноэгоистических установок. Субъективные причины, транслируя полярное различие, противопоставление, отрицают возможность сближения и налаживания диалога конфликтующих сторон. Следовательно, разрешение межэтнического конфликта сопряжено с устранением не только объективных, но и субъективных причин, лежащих в его основе. Межэтнический конфликт в СУАР КНР, в свою очередь, является собой фактор нестабильности и угрозы безопасности не только для Китая, но и для всего региона Центральной Азии и России, поэтому его разрешение имеет принципиальное значение.

Методология и методы исследования.

С целью выявления причин зарождения и эскалации конфликта в Синьцзяне в данном

исследовании применяется принцип историзма, что способствует рассмотрению данного конфликта в исторической ретроспективе. При рассмотрении субъективной стороны межэтнического конфликта в статье применяется феноменологический подход, позволяющий осмыслить глубинные, лежащие в сознании субъекта (этнофора) мотивы, провоцирующие его конфликтное поведение.

Диалогический подход применяется в осмыслении ханьской и уйгурской культур в рамках концепции «диалога культур» как способа урегулирования межэтнического конфликта, в рамках которого мы используем теорию «диалога культур» В. С. Библера.

Результаты исследования и их обсуждение. Данный конфликт имеет свои историко-культурные корни, которые и предопределили его природу. В конце XVIII столетия Цинская династия, установленная в 1644 году, развернула программу территориальной экспансии на север и запад, установив китайскую сферу влияния в Монголии, Тибете и на территории современного Синьцзяна. Причём соседние народы, как полагали китайцы, получали выгоду от общения с Китаем и их цивилизацией. От них требовалось только одно – признать суверенитет китайского правительства и соблюдать имперские ритуалы, являющиеся неотъемлемой частью китайской культуры. Внедрение в этническое самосознание малочисленных народов доминирующей китайской идеологии не способствовало их ассимиляции, так как «достаточно развитое этническое самосознание постоянно их отвергало при первом же изменении политической ситуации в стране, порождая тем самым проблему сепаратизма...» [3, с. 35]. Поэтому присоединение СУАР к Китайской империи не привело к его интеграции в единое национально-культурное пространство. Главный научный сотрудник Казахстанского института стратегических исследований, известный китаевед К. Сыроежкин отмечает, что «незначительность численности китайского этноса, проживающего на этих территориях, компактность проживания коренных этнических групп и относительно кратковременный период их совместного проживания с ханьцами (СУАР был присоединён к Китаю лишь во второй половине XX в.), дополняемые чужеродностью по отношению к традиционной китайской культуре самой Цинской империи, делали практически невозможным процесс их естественной аккультурации», поэтому он принял принудительный характер [Там же, с. 34]. В этой связи справедливо высказыва-

ние К. Сыроежкина, что процесс аккультурации этнических групп, которые стояли «на достаточно высоком (для своего времени) уровне социально-экономического, политического и культурного развития», сопровождался зачастую навязыванием им культуры ханьцев структурами государственной власти [Там же, с. 36]. Стоит отметить, что глубоко укоренившаяся в сознании китайцев идея эксклюзивности собственной культуры, представление о китайской цивилизации как о центробежной силе мировых процессов предопределили характер отношений к «неханьскому миру». В их понимании принадлежность к китайской нации – это великое счастье и честь. Поэтому весьма трудно китайскому сознанию, воспитанному в духе китаецентризма, понять причину сепаратистских настроений в Синьцзяне, стремление уйгуров к автономии.

История уйгурского народа изобилует примерами борьбы за независимость в разное время, начиная с периода Уйгурского каганата (745–847 гг. н. э.), заканчивая сегодняшним днём. Столь долгое существование уйгуров в состоянии противоборства с ханьским этносом, безусловно, наложило отпечаток на формирование менталитета данной народности. Создание независимого государства стало национальной идеей и предопределило характер отношений с правительством КНР. Как справедливо отмечает Л. Н. Гумилёв относительно борьбы Уйгурского ханства с голубыми тюрками в IX веке, «их свободолюбие, диалектически развиваясь, превратилось в отрицание всякого организующего начала. Они в такой мере хотели ограничить ханьскую власть, что когда добились своего, эта власть потеряла всякий смысл. Отсюда полная неспособность уйгуров к консолидации сил даже перед непосредственной опасностью» [1, с. 310]. Подобная характеристика применима и по отношению к современным уйгурам и их противоборству с властями КНР.

На сегодняшний день напряжённость в отношениях между ханьцами и уйгурами обусловлена недовольством последних относительно «дискриминирующей политики Пекина», следствием которой, по их мнению, являются: ограничение рождаемости; введение преподавания на языке ханьцев в начальной школе; ограничения карьерного роста; вывоз сырьевых ресурсов СУАР в центральные и южные регионы Китая. Следует отметить, что подобные меры со слов главы комиссии по населению, ресурсам и окружающей среде Всекитайского комитета Народного полити-

ческого консультативного совета Китая Чжан Вэйцина «уже не имеют былой актуальности. Уровень рождаемости в стране настолько низок, что даже если ослабить политику ограничения рождаемости, резкого скачка прироста населения не будет». Что касается Синьцзяна, то «официально городскому населению разрешено иметь двух детей, сельскому – трёх» [4, с. 4]. Преподавание на китайском языке в начальной школе обусловлено мерой, связанной с необходимостью повышения социальной составляющей неханьских этнических групп. В докладе Госсовета КНР было отмечено, что 70 % уйгуров не знают китайского языка. Этот недостаток им предстоит как можно скорее преодолеть [10, с. 2]. Поэтому в данном контексте показательны сведения о состоянии просвещения. В докладе Госсовета КНР говорится: «В настоящее время в основном распространено обязательное 9-летнее образование, и в молодёжной среде ликвидирована безграмотность, начало развиваться образование взрослого населения и профессиональное образование». В сельских средних и начальных школах введено бесплатное обучение. Правительством принято решение «о всемерном внедрении обучения молодёжи национальных меньшинств «двум языкам» [Там же, с. 18].

Проблемы карьерного роста и связанной с ней социальной мобильности населения СУАР определены, главным образом, тем, что в силу либо низкого профессионального уровня, либо слабого знания китайского языка, при трудоустройстве предпочтение отдаётся ханьцу, нежели представителю национальности. Последние годы проблема обострялась ещё и влиянием мирового финансово-экономического кризиса, затронувшего Китай. Речь, прежде всего, идёт об обострении этнической конкуренции за рабочие места и сокращении финансовых ресурсов. И это особенно ощутимо при условиях, что экспорт сырья из СУАР в центральные и южные регионы Китая объясняется статусом Синьцзяна, в недавнем прошлом и в настоящее время считающегося «сырьевым придатком» КНР. Таким образом, Синьцзян и другие национальные районы Китая продолжают жить в долг – расходная часть местного бюджета вдвое превышает доходную [4].

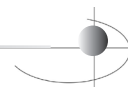
На сегодняшний день «политика стабильности» КНР, как один из наиболее приемлемых способов в разрешении межэтнической напряжённости в СУАР, приносит свои плоды. К таковым можно отнести: совершенствование структуры экономики (промышленность,

сельское хозяйство, сфера услуг), укрепление инфраструктуры, значительное увеличение сельскохозяйственного потенциала, быстрое развитие туризма, налаживание диалога с приграничными государствами, постепенное формирование современной промышленной структуры и др.

Проведённые Центральным национальным университетом в 2007 году двухлетние социологические исследования показали, что большинство уйгуров видят будущее своего народа в составе Китая, приверженцев сепаратистских идей не так много. Было опрошено 2189 случайно отобранных жителей СУАР (пригодными для исследования оказались 2094 анкеты), из них 87,1 % составили уйгуры, а 12,9 % – ханьцы. В интересах получения максимальной объективности результатов, исследования проводились как в крупных городах и центрах (Урумчи, Кашгар), так и в провинциальных уездах и сельских районах. Из числа опрошенных 88 % считают вредной деятельность сепаратистских движений. Не стала исключением и студенческая среда. Результаты опросов студентов СУАР показали, что большая их часть осознаёт свою принадлежность к государству. Данные настроения, как отмечено в статистическом ежегоднике, просто необходимо поддерживать и развивать, что в перспективе будет способствовать повышению уровня самосознания уйгурской молодёжи, формированию у неё правильного понимания своей принадлежности, а в конечном итоге – развитию региона и страны в целом [8, с. 78].

При рассмотрении межэтнического конфликта в Синьцзяне необходимо учитывать значение исламской религии, являющейся центральным компонентом этнического самосознания уйгуров.

Синьцзян-Уйгурский автономный район – многонациональный регион, в котором представлены самые различные религии (ислам, буддизм, а также различные ответвления христианства, в том числе протестантство, католицизм и православие). Ислам исповедуют уйгуры, казахи, хуэйцы, киргизы, таджики, узбеки, татары, салары и дунсяне, в религиозных традициях которых эта религия сосуществует с различными национальными верованиями. История его становления на территории СУАР достаточно продолжительна и сложна, но итогом стала прочная интеграция мусульманства в местную культуру и жизнь. Он формировался (в том числе в радикальной форме) в СУАР преимущественно под влиянием соседних государств. По мере

роста интеграции ислама в регионе развивались и радикальные его формы, цели которых были совершенно определённые – установление норм шариата в масштабах региона. В этом плане интересы местных деятелей ислама и некоторых соседних государств абсолютно совпадали.

Роль исламской религии в жизни СУАР остаётся преобладающей. Мусульманство является основной религией в пяти из восьми государств, соседствующих с СУАР. Таким образом, СУАР фактически окружён территориями, на которых доминируют самые различные этнические и религиозные группировки, а отдельные прилегающие районы без преувеличения можно назвать очагами террористической деятельности. Нестабильности обстановки в регионе способствуют и значительные различия в политическом устройстве соседних стран (прежде всего – в Афганистане, Пакистане и Индии), уровне их экономического и социального развития, где свою роль играют сохраняющиеся сложные этнические и религиозные вопросы, в том числе активность экстремистских организаций.

Наибольшую активность экстремистского характера на территории СУАР проявляет движение «Восточный Туркестан», поэтому имеют место проявления этнического сепаратизма и терроризма. Как отмечает известный китайский учёный-исламовед, общественный деятель У Юньгуй, исламская религия фактически становится прикрытием для экстремистской и террористической деятельности, что негативно сказывается на сплочённости различных национальностей СУАР и на стабильности региона в целом [9, с. 15].

Из вышеуказанного становится очевидным существование дифференциации населения на категории мирного и сепаратистки настроенного в уйгурской среде. Характерно, что у большинства населения религиозность не носит деструктивного характера. И дело здесь не в намеренно ущемлённом доминирующей расой хань религиозном чувстве, а в сознательном отказе данной категории граждан от радикального проявления своей религиозной принадлежности. Важно то, что они нередко сами становятся жертвами экстре-

мистов, а потому важнейшей своей задачей Правительство КНР считает защиту и всестороннюю поддержку населения СУАР.

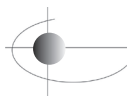
Выводы. Как показывает ход нашего исследования, межэтнические столкновения на территории СУАР имеют двойную природу. С одной стороны, государственная политика КНР направлена на централизацию всех провинций под единым китайским руководством. При этом централизация должна осуществляться не только на формальном – номинальном уровне, но и на идеологическом. Каждый китаец – и этнический, и неэтнический – должен позиционировать себя как человек, рождённый великой китайской цивилизацией. Патриотизм и стремление к процветанию «великого Китая» составляет основу китайского самосознания. С другой стороны, существование «непокорной провинции», не воспринимающей китайскую культуру на должном в представлении ханьцев уровне, является собой фактор дисгармонии во всём государстве и ставит под сомнение единство китайской территории. Открытый протест уйгуров против политики Пекина, выливается, как правило, в кровавые столкновения с китайцами хань, а также с представителями силовых структур.

Учитывая всё вышесказанное, можно сделать вывод в первую очередь о неэффективности «политики силы», проводимой КНР в решении этой проблемы. Как правило, насилие порождает ещё большую волну сопротивления [5]. Во-вторых, показана бесплезность попытки «китаизации» уйгуров, которая, напротив, провоцирует подъём националистических настроений.

Поэтому в отношениях между двумя этносами единственный выход видится в диалоге во всех сферах жизни общества. Положительная динамика в экономическом и социальном секторах, как представляется, призвана стабилизировать ситуацию в регионе, что в свою очередь будет способствовать исчерпыванию протестного ресурса и формированию у населения СУАР правильной гражданской позиции, нацеленной на конструктивную деятельность в рамках единого государства.

Список литературы

1. Гумилёв Л. Н. Древние тюрки. История образования и расцвета Великого тюркского каганата (VI–VIII вв. н. э.). СПб.: Кристалл, 2003. С. 310–314.
2. Жоголев Д. А. Политика Коммунистической партии Китая в районах национальной автономии (80-е годы): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.04. М., 1991. 42 с.
3. Кагиян С. Г. Управление этническими конфликтами // Философские науки. 2003. № 2. С. 27–36.
4. Лазарева Т. В. Зигзаги национальной политики Китая // Азия и Африка сегодня. 2010. № 3. С. 4–25.
5. Синьцзян тунцзи наньцзянь – 2009: стат. ежегодник Синьцзяна за 2009 год. Урумчи, 2009. С. 79.

6. Султыгов А. Х. Опыт урегулирования этнополитических конфликтов в Азиатско-Тихоокеанском регионе // Вестник Московского университета. 2006. № 1. С. 39–58.
7. Сыроежкин К. Л. Сепаратизм в Синьцзяне: мифы и реальность // Центральная Азия. 1997. № 10. С. 34–36.
8. Сыроежкин К. Л. Этносоциальный фактор развития Синьцзяна // Проблемы Дальнего Востока. 1990. № 2. С. 32–78.
9. У Юньгуй. Анализ исламского фундаментализма, религиозного экстремизма, международного терроризма // Иностранная общественная наука. Пекин, 2002. С. 15–19.
10. Хуй Лянюй. Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao (Отчёт о ситуации в сфере китайского языка): доклад Государственного совета КНР. Пекин, 2012. С. 2–18.
11. Mu Guangzong Worrying demographic changes. Peking: China Daily, 2013. P. 9.
12. Zhong hua ren min gong he guo min zu qu yu zi zhi fa (Закон о национальной районной автономии КНР) // Правительственные порталы КНР. Всекитайское собрание народных представителей. Пекин, 2005. С. 10.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018; принята к публикации 27.03.2018

Библиографическое описание статьи

Ананьина Д. А. Межэтнический конфликт на территории Синьцзян-Уйгурского автономного района КНР // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 6–11.

Dariya A. Anan'ina,

Assistant, Philosophy Department,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: ananina_1989@mail.ru

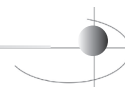
Interethnic Conflict in the Territory of Xinjiang-Uyghur Autonomous Region of China

The relevance of the study of interethnic relations in the Xinjiang-Uyghur Autonomous Region (hereinafter referred to as XUAR) of the PRC is conditioned by the existence of a long-standing interethnic conflict between representatives of the Han and Uigur ethnoses. This article looks at both external and internal causes that trigger the escalation of the conflict. Historically established and emerging contradictions between Han Chinese and Uighurs have been revealed, leading to their detonation in the form of open, sometimes armed clashes, the largest of which occurred in July 2009 in Urumchi (as a result of the conflict, some 200 people died and several hundred were wounded). In view of the aggravation of this conflict, it becomes necessary to carry out an analysis of both objective and subjective aspects of the "Uyghur problem". At the same time, it is noted that the complexity of the settlement of this conflict is more determined by reasons of a subjective nature. The resolution of the objective side of the Uighur-Han conflict does not guarantee its exhaustion. Therefore, special consideration is given to the consideration of the subjective factor in the formation of an effective conflict management model capable of stabilizing the region in the long term, thus guaranteeing the security of China and its neighboring states.

Keywords: separatism, ethnic conflict, China's politics, Uighur nationalism

References

1. Gumilev, L. N. Ancient Turks. The history of the formation and flourishing of the Great Turkic Kaganate (the VI–VIII centuries AD). SPb: Kristall. 2003. (In Rus.)
2. Zhogolev, D. A. The policy of the Chinese Communist Party in the regions of the national autonomy (the 80s). Cand. sci. diss. M., 1991. (In Rus.)
3. Kagiyan, S. G. Management of ethnic conflicts. Philosophical sciences, no.2, pp.34, 2003. (In Rus.)
4. Lazareva, T. V. Zigzags of China's National Policy. Asia and Africa Today, no.3, pp. 25, 2010. (In Rus.)
5. Sultygov, A. Kh. Experience in the settlement of ethno-political conflicts in the Asia-Pacific region. Vestnik Moskovskogo universiteta, no.1, pp. 58, 2006. (In Rus.)
6. Syroezhkin, K. L. Separatism in Xinjiang: Myths and Reality. Centralnaya Asia, no.10, pp. 34–36, 1997. (In Rus.)
7. Syroezhkin, K. L. Ethnosocial factor of development of Xinjiang. Problems Dalnego Vostoka, no.2, pp. 32–41, 1990. (In Rus.)
8. Hui Liangyu Zhongguo yuyan shenghuo zhuangkuang baogao (Report on the situation in the Chinese language). Report of the State Council of the PRC, Beijing, 2012, p. 4. (In Chn.)
9. Mu Guangzong Worrying demographic changes. China Daily. Beijing: 2013, p. 9. (In Chn.)

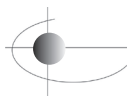

10. Xinjiang Tunji Nanjian – 2009. Statistical Yearbook of Xinjiang in 2009. Urumqi. 2009. P. 79. (In Chn.)
11. Wu Yun gui Analysis of Islamic fundamentalism, religious extremism, international terrorism. Foreign public science. Beijing. 2002, p. 19. (In Chn.)
12. Zhong hua ren min gong he guo min zu qu yu zi zhi fa (Law on National District Autonomy of the People's Republic of China). Governmental Portals of the People's Republic of China National People's Congress. Beijing: 2005, p. 10. (In Chn.)

Received: March 2, 2018; accepted for publication March 27, 2018

Reference to the article

Anan'ina D. A. Interethnic Conflict in the Territory of Xinjiang-Uygur Autonomous Region of China // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 6–11.

УДК 101.1:316.3

Эльнара Михайловна Думнова,
доктор философских наук, профессор,
Новосибирский государственный университет
экономики и управления
(630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 56);
Новосибирский военный институт
имени генерала армии И. К. Яковлева
войск национальной гвардии РФ
(630114, Россия, г. Новосибирск, ул. Ключ-Камышенское плато, 6/2),
e-mail: dumnova79@yandex.ru

Феномен формирования самосознания народа в современном российском обществе

В статье представлен социально-философский анализ проблемы формирования самосознания народа, актуализация которой обусловлена современными социальными процессами. Проводится рефлексия методологических оснований исследования данного феномена посредством обращения к концепциям русских философов XIX века, что позволяет прийти к выводам относительно использования определённого категориально-терминологического инструментария в исследовании данной проблематики и его преобразования в современный период в связи с усложнением рассматриваемого процесса. Методологический анализ понятия «народ» позволяет обосновать использование в контексте данного исследования термина «самосознание народа», как альтернативного «национальному самосознанию». Обозначается многогранность исследуемой проблемы в современном российском обществе, рассматриваются основные факторы, разнонаправленно влияющие на формирование самосознания народа. Выявляется роль глобализации, глокализации, миграций, этнической мозаичности и других факторов трансформации самосознания народа, эксплицирующегося в трансформации идентичности. Раскрывается суть проблемы, состоящая в противоречии: с одной стороны наблюдается прогрессивное развитие общества, сопровождающееся возникновением новых социальных процессов, слоёв, а с другой – ослабление самосознания народа. В качестве одной из основных тенденций процесса трансформации самосознания народа рассматривается формирование постнациональной идентичности, отражающей преодоление пределов национального менталитета и самосознания. В итоге проводится осмысление возможности сочетания национального и постнационального компонентов как важнейшего условия формирования самосознания российского народа.

Ключевые слова: народ, национальное самосознание, самосознание народа, идентичность, менталитет

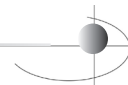
Введение. Национальное самосознание народа как важнейшая его часть являлось предметом философского дискурса на протяжении длительного периода развития русской общественно-политической мысли. Несмотря на переход современного общества на качественно новый уровень социального развития вопрос о формировании и функционировании национального самосознания не утратил своей значимости, напротив, в условиях комплексно усложняющегося социума он приобрёл новое звучание и ещё большую актуальность. Национальное самосознание как неотъемлемый атрибут народа под влиянием различных факторов трансформируется, являясь камертоном социальных изменений.

Усиление социально-философской рефлексии проблемы национального самосознания наблюдается в периоды кризисов и неустойчивости социального развития. Это вполне объяснимо, поскольку ослабление национального самосознания ведёт к деструктивным последствиям, в числе которых – утрата

социальной солидарности как основы социального порядка. Для российского общества, отличающегося мозаичностью этнического состава населения, поликонфессиональностью и поликультуральностью, представляющих единое социокультурное пространство, крайне важным является сохранение и укрепление национального самосознания. Вместе с тем, эта задача представляется весьма сложной в исторически сложившихся социальных реалиях, в связи с чем обозначенная проблема требует глубокого осмысления на современном этапе развития общества.

Носителем национального самосознания является народ, и, рассматривая проблему формирования национального самосознания, необходимо обратить внимание на трактовку выделенных понятий и истоки теоретического осмысления данной проблемы, обращаясь к русской философской традиции XIX века.

Методология и методы исследования. Репрезентация проблемы национального самосознания в русской философии

XIX века. Как известно, великорусский этнос сформировался в XIV веке, вобрав множество племён, объединённых единой территорией и культурой. По прошествии длительного исторического периода развития, являясь титульным этносом российского государства, он продолжил своё сосуществование в условиях полиэтничности. В связи с этим возникает вопрос: что же такое народ и можно ли говорить о едином национальном самосознании многонационального народа? Ведь именно он является носителем национального самосознания. Этим вопросом задавались русские философы XIX века, и их размышления нашли отражение в ряде соответствующих социально-философских концепций. Выявить основание, интегрирующее людей, принадлежащих к разным этносам и сословиям, в единый народ стремились представители различных направлений русской общественной мысли. Среди них следует выделить славянофилов (И. В. Киреевский, К. С. Аксаков), почвенников (Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой). Также огромный вклад в осмысление данного вопроса внесли русские религиозные философы. Особое место занимают идеи В. С. Соловьёва, Л. П. Карсавина, Н. А. Бердяева, И. А. Ильина, Н. О. Лосского. Рассмотрение данного вопроса носило имплицитный характер, не отличалось систематизированностью и было представлено в контексте осмысления русского характера, русской души, национального духа и прочих духовно-нравственных атрибутов русского народа, которые в рамках методологии современной социальной философии интегрируются термином *национальный менталитет*.

В учении славянофилов наиболее рельефно трактовка понятия «народ» представлена в работе К. С. Аксакова «О русском воззрении» [1]. Народу имманентно присуща народность, если он пребывает в нормальном состоянии. Философ отмечал основной признак народности – самостоятельность народа, на её основе народ может действовать, постигать истину. Следовательно, «истинное воззрение народа есть в то же время воззрение народное» [Там же]. Так, народ мыслится философом как единое целое, но при этом не учитывается социальное неравенство, выраженное в сословной структуре общества. В этой связи понимание термина «народ» в рамках учения К. С. Аксакова было недостаточно оформленным и аргументированным. В целом в славянофильстве, а также в концепции всеединства В. С. Соловьёва уже активно используется термин «народ».

При этом данное понятие трактуется исключительно контекстуально, как объединение людей в рамках территориальных границ, с присущим им общим историческим корнем происхождения. Вместе с тем не рассматривается роль этнического критерия в формировании народа, следовательно, вопрос остаётся открытым [4, с. 29].

Более последовательное осмысление данного вопроса представлено в работах Ф. М. Достоевского – в зрелый период его творчества, связанный с отходом от западных воззрений. Годы ссылки в Омском остроге существенно повлияли на становление мировоззрения писателя, формирование его философских взглядов и способствовали переосмыслению ранее разделяемых им идей западников. Почвенничество становится руслом мировоззренческой системы Ф. М. Достоевского. Именно в рамках этого философского направления формируются его взгляды на понимание русского народа и его ментальных основ. Продолжая религиозную идею Вл. Соловьёва о русском народе как народе, объединённом христианским началом, Ф. М. Достоевский воспринимает его как богоносца. Писатель проводит мысль о том, что именно вера в Бога объединяет отдельного человека с народом. Исследователь творчества Достоевского Р. Лаут отмечает, что он вывел формулу народа: «Тот, кто принадлежит к народу, верует в Бога. Исходит из того, что сущностью народа является вера в Бога» [7, с. 370]. Так, философу удалось выделить онтологическое основание народа, исходя из диалектической связи народа и веры в Бога. При этом он сводит к минимуму значение социальных и биологических признаков в процессе формирования народа. Согласно Достоевскому религиозная идея выходит за рамки классовой, расовой, этнической неоднородности общества, имеет наднациональный характер, что определяет её возможность быть сильнейшей скрепой, объединяющей народ. Так, Достоевский последовательно отрицает биологические и националистические черты, определяя народ. Он пишет, что «у русского народа нет национальных границ, что характерно для западноевропейских народов» [Там же, с. 376]. Философ признаёт, что сила народа состоит в прочности веры в свою идею и нравственные идеалы, а их утрата обрекает народ на гибель.

Осмысление данной проблематики получило плодотворное продолжение в учениях представителей русской религиозной философии второй половины XIX века.

Особый взгляд относительно трактовки термина «народ» был присущ Л. П. Карсавину. По его мнению, «русский народ – многоединство (или, если угодно, многоединный субъект) частью существующих, частью исчезнувших, частью на наших глазах определяющихся или ожидающих самоопределения в будущем народностей, соподчинённых – пока что – великороссийской» [6, с. 315]. Исходя из такого понимания русского народа, Л. П. Карсавин характеризует его, несколько критикуя подход, содержащийся в имеющихся концепциях национального характера и русской идеи. Учёный отмечает некоторую мифологичность в суждениях философов по этим вопросам, выраженную в идеализации черт русского народа и экстраполяции такого идеала на будущее его развитие. Он разделял идею Ф. М. Достоевского о значимости православной идеи в формировании духовного облика русского народа, при этом отмечая, что Ф. М. Достоевский построил некий идеал, который является лишь потенцией. Л. П. Карсавин утверждал: «Он сумел подняться над их потенциальностью, диалектически развернуть её, сумел осмыслить их цель – известный религиозно-общественный идеал» [Там же, с. 316]. Он видит проблему изучения русского народа в вероятности перехода идеала из потенциальности в действительность. Несмотря на это, Л. П. Карсавин разделяет позицию Ф. М. Достоевского, согласно которой православное религиозное сознание во многом определяет народный дух [5].

На основании анализа наиболее значимых трактовок понятия «народ» в русской философской мысли XIX века следует резюмировать, что народ представляет собой общность людей, объединённых, прежде всего, единой идеей. Для русского народа доминирующей в процессе его солидаризации выступила православная религия. Следовательно, понятие «народ» преодолевает национальные границы и является наднациональным.

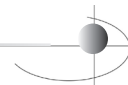
Вместе с тем возникает вопрос о национальном самосознании, носителем которого является народ. Возможно ли вообще формирование национального самосознания у народа, в состав которого входят представители разных национальностей? Возникает некоторый методологический диссонанс. В связи с этим в контексте данной статьи представляется целесообразным использовать термин «самосознание народа», что позволит избежать методологической рассогласованности в использовании категориально-терминологического аппарата.

Результаты исследования и их обсуждение. *Самосознание российского народа в современном обществе: pro et contra.* Принимая во внимание концепции русских философов XIX века, приходим к выводу, что идеей, интегрирующей русский народ и лежащей в основе его самосознания, была идея православная. XX век внёс свои коррективы, обозначив новый виток исторического развития России, что затронуло в частности и духовно-нравственные основания общества.

Путь формирования самосознания российского народа весьма тернист, это обусловлено многими факторами. В современном обществе под влиянием комплекса социальных изменений наметились новые тенденции развития данного процесса.

Политические трансформации способствовали размыванию роли религии, а затем на смену религиозной идеи пришла идеология. В результате советских реформ претерпела изменения когнитивная модель народа. Идея соборности трансформировалась, но идея коллективизма осталась весьма значимой. Коллективные начала воплотились в других формах, таких как гражданственность и патриотизм [5, с. 150].

Общество создаёт новые условия формирования самосознания народа, вследствие чего меняется механизм этого процесса. Самосознание народа объективируется в идентичностях макросоциального уровня, в котором представлены гражданская, национальная и постнациональная (транснациональная, бинациональная) группы идентичностей. В современном мире наблюдаются схожие трансформации процесса идентификации в разных обществах, как в России, так и на Западе. Самосохранение и саморазвитие является основными неотъемлемыми целями любой системы, в том числе и социальной. Общество, представленное конкретным народом, стремится самосохраниться посредством сохранения своей культурной, этнической и национальной самобытности. В связи с чем задействуются защитные механизмы системы, способствующие, с одной стороны, – его адаптации, а с другой – устойчивости. Мы разделяем точку зрения современного российского исследователя проблем идентичности Б. С. Орлова о том, что «формирование идентичности – это живой непрерывный процесс, при котором соблюдаются сложившиеся корневые ментальные традиции и одновременно происходит приспособление к новым обстоятельствам, влияющим на условия жизни, умонастроения жителей данной конкретной страны» [9, с. 67].

Полиэтнический состав российского общества является одним из основных факторов формирования самосознания народа. При доминировании титульного русского этноса представители других малочисленных этносов развиваются под влиянием его культуры и менталитета, сохраняя одновременно свою самобытность. В процессе межкультурного взаимодействия в пределах единого социокультурного пространства происходит взаимообогащение культур при сохранении ментальных оснований каждого этноса. В результате долгого исторического пути развития сложились предпосылки формирования единого самосознания многонационального народа.

Вместе с тем в полиэтническом социальном пространстве современной России, сосредоточивающем представителей более сотни этносов, наблюдается размывание границ этнической, культурной и национальной идентичностей. Данный процесс объясняется тем, что ментальное пространство российского общества весьма мозаично в силу его полиэтничности, при этом этническая самобытность не исключает культурный диалог и межэтническое социальное взаимодействие. Причём сохранение доминирования менталитета титульного этноса сочетается с его гибкостью и способностью воспринимать элементы других культур, сохраняя своё ядро посредством относительной открытости психосоциального структурного уровня. Внешний уровень в структуре менталитета включает социокультурные установки, ценности, фреймы, объективация которых происходит в рамках поведенческих стереотипов и социальной субъектности [5, с. 80]. Проживание малочисленных народов в условиях полиэтнического поликультурного общества с доминирующим титульным этносом позволяет им сохранить свою самобытность, выраженную в ментальной специфике, языке, культуре, расширяя при этом своё ментальное пространство, соответственно, границы идентичности. Пластичность внешнего структурного уровня менталитета позволяет в процессе кросс-культурного взаимодействия заимствовать народу некоторые элементы инокультурного опыта, что способствует формированию нового, соответствующего социальному времени менталитета, а также корректировке текущих и формированию новых практик идентификации.

В современном мире получили развитие новые социальные процессы, являющиеся маркерами эпохи, в числе которых глобали-

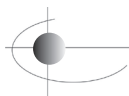
зация, глокализация, миграции. Они же становятся детерминантами ряда социальных изменений, носящих противоречивый характер, в частности, затрагивающих и сферу ментальных оснований общества.

Процесс глобализации стал сильнейшим катализатором трансформаций на всех уровнях организации общества. У. Бек рассматривает «глобализацию» как «нелинейный диалектический процесс, в котором глобальное и локальное существуют не как культурные противоположности, а как имплицитные друг друга взаимосвязанные принципы» [3, с. 25].

Отклик современного российского общества с присущим ему национальным менталитетом на воздействие глобализации нашёл выражение в процессе глокализации. Глокализация предполагает адаптацию процессов глобализации, неизбежно охватывающих различные регионы, к региональным социокультурным и экономическим особенностям. Глокализация способствует сохранению локальных идентичностей, прежде всего этнической, при этом прослеживается восприятие малочисленными народами новых элементов культуры в процессе межкультурной коммуникации и их включённости в глобализацию. Результатом становится глобализация сквозь призму региональной специфики с сохранением последней и наслаиванием на неё новых культурных элементов, что позволяет оставаться в поле мирового развития, сохраняя свою самобытность.

Противоречивость социальных процессов проецируется в плоскости идентификации, с одной стороны укрепляя локальные идентичности, а с другой – способствуя новому витку идентификационных практик, получивших в западных исследованиях название постнациональной идентичности. Формирование постнациональной идентичности субъектов конкретного общества можно рассматривать как внутри, так и за его пределами. При этом, как справедливо отмечают западные теоретики постнациональной идентичности Б. Андерсон [2], Дж. Дэланти [14; 15], К. Кэлхун [11], Ю. Харбермас [12], эпоха доминирования национальных государств и соответствующих идентификационных практик, сменяется гражданскими государствами, что и обуславливает новый формат идентификации.

Идеологический плюрализм и в целом ослабление идеологического регулятива в обществе, расширение жизненного пространства посредством увеличения темпов социальной мобильности, появившаяся в конце

XX века возможность преодоления пространственных границ и выбора страны проживания в совокупности для человека, родившегося в России, открыли новые жизненные перспективы, неразрывно связанные с модернистскими социальными практиками, в числе которых и идентификационные практики.

Постнациональная идентичность стала результатом космополитизации, которую У. Бек определяет как «внутреннюю глобализацию, развивающуюся изнутри национальных сообществ» [3, с. 25]. Рост уровня миграционных потоков, которые можно дифференцировать по ряду оснований, в целом способствует размыванию «оппозиции между национальным и интернациональным» [Там же, с. 27]. В новом социокультурном пространстве у индивида развивается «диалогическое воображение», отражающее объединение двух разных культур в формате жизни одного человека. Индивид признаёт ряд инаковостей в обществе, что лежит в основе формирования постнациональной идентичности, совмещающей национальное и наднациональное начала.

Постнациональная идентичность рассматривается как новая стадия в историческом процессе идентификации [8, с. 79], при этом она не исключает национальной идентичности на том же отрезке исторического пути общества, являясь её альтернативой. Импульсом к формированию постнациональной идентичности стал процесс глобализации, охвативший изначально западное общество. В связи с этим наиболее обсуждаемой в современной западной гуманитаристике формой постнациональной идентичности стала европейская идентичность. На рубеже XX–XXI веков аналогичные процессы активировались в России. Это делает как нельзя актуальной для современного поликультурного российского общества постановку проблемы идентичности, сформулированной Ю. Хабермасом для стран Запада: «Сегодня, когда национальное государство во внутренних делах

осознаёт вызов, исходящий из взрывных сил мультикультурности, а во внешних – давление со стороны проблемы глобализации, встаёт вопрос: можно ли найти столь же функциональный эквивалент для того, чтобы связать воедино гражданскую и этническую нацию?» [12, с. 214].

Заключение. Разнонаправленность идентификационных процессов, порождающая противоречие, состоит в следующем: одновременно наблюдается и укрепление локальных идентичностей, и формирование постнациональной идентичности в разнообразных её проявлениях. В результате происходит формирование *социопространственной идентичности*, представляющей собой синтезированную идентичность, формирующуюся в условиях многослойного, мозаичного жизненного пространства. *Социопространственная идентичность* – это отождествление субъектом себя с определённым народом, социальной группой, территорией и природно-географическими условиями их развития как с неразрывным целым [5, с. 76]. Так, в условиях существования национального самосознания представителей отдельных этносов, входящих в российский народ, и укрепления их этнической идентичности наблюдаются тенденции формирования наднациональной, интегрирующей идентичности – социопространственной. Её формирование во многом детерминировано переходом к гражданскому обществу.

Таким образом, наднациональное единение, результатом которого является формирование самосознания единого народа, возможно лишь при условии осознания социальным субъектом своей гражданской позиции. Как показывает исторический опыт, активация подобных процессов происходит в условиях возникновения внешней угрозы. Возможен также эволюционный путь укрепления самосознания народа, в основе которого – перманентное укрепление интегрирующей идеи на уровне государства.

Список литературы

1. Аксаков К. С. О русском воззрении [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.dugward.ru/library/aksakovy/kaksakov_vozzren.html (дата обращения: 12.01.2018).
2. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. Баньковской. М.: КАНОН-пресс-Ц: Кучково поле, 2001. 288 с.
3. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6, № 1. С. 24–53.
4. Думнова Э. М. Динамика ментального пространства российской молодёжи в условиях транзитивного общества (социально-философский анализ): автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Новосибирск, 2016. 44 с.
5. Думнова Э. М. Динамика ментального пространства российской молодёжи в условиях транзитивного общества (социально-философский анализ): дис. д-ра филос. наук: 09.00.11. Новосибирск, 2016. 324 с.

6. Карсавин Л. П. Восток, Запад и русская идея // Русская идея / авт. вступ. ст. М. А. Маслин. М.: Республика, 1992. С. 313–324.
7. Лаут Р. Философия Достоевского в систематическом изложении / под ред. А. В. Гулыги; пер. с нем. И. С. Андреевой. М.: Республика, 1996. 447 с.
8. Линченко А. А., Сыров В. Н., Головашина О. В. Проблема постнациональной идентичности: к истории вопроса // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 419. С. 79–85.
9. Орлов Б. С. Проблемы идентичности в современной Германии: аналитический обзор. М.: РАН: ИНИОН, 2012. 74 с.
10. Соловьёв В. С. Русская идея [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html> (дата обращения: 13.12.2017).
11. Кэлхун К. Национализм / пер. А. Смирнова. М.: Территория будущего, 2006. 288 с.
12. Хабермас Ю. Вовлечение Другого. Очерки политической теории. СПб.: Наука, 2001. 418 с.
13. Blum Douglas W. National Identity and Globalization: Youth, State, and Society in Post-Soviet Eurasia. Cambridge: University Press, 2007. 225 p.
14. Delanty G. Models of European identity: Reconciling universalism and Particularism // Perspectives on European Politics and Society. 2002. № 9. Pp. 345–359.
15. Delanty G. The Idea of a Cosmopolitan Europe: On the Cultural Significance of Europeanization // International Review of Sociology. 2005. Vol. 15, № 3. Pp. 405–421.
16. Values and Post Soviet Youth: The Problem of Transition / ed. by L. Tomasi. Milano: Franco Angeli, 1995. 176 p.
17. Schlenker A. Cosmopolitan Europeans or Partisans of Fortress Europe? Supranational Identity Patterns in the EU // Global Society. 2013. Vol. 27, № 1. Pp. 25–51.

Статья поступила в редакцию 16.01.2018; принята к публикации 28.02.2018

Библиографическое описание статьи

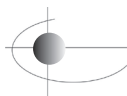
Думнова Э. М. Феномен формирования самосознания народа в современном российском обществе // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 12–18.

Elnara M. Dumnova,
Doctor of Philosophy, Professor,
Novosibirsk State University
of Economics and Management
(56 Kamenskaya st., Novosibirsk, 630099, Russia);
Novosibirsk Military Institute
of National Guard Troops
(6/2 Kluch-Kamushenskoe plato st., Novosibirsk, 630114, Russia),
e-mail: dumnova79@yandex.ru

People's Self-Consciousness Formation in the Contemporary Russian Society

The article presents socio-philosophical analysis of people's self-consciousness formation problem, whose mainstreaming is determined by contemporary social processes. Reflection on methodological foundations of the phenomenon is carried out through turning to the conceptions of the Russian 19th century philosophers. This makes it possible to come to conclusions about the use of definite categorial-terminological tools in studying these issues and their transformation in the contemporary period in connection with the increasing complexity of the process analyzed. Methodological analysis of the concept of "the people" makes it possible to justify the use of the term "self-consciousness of the people" as an alternative to "national self-consciousness". Multi-faceted nature of the problem in the contemporary Russian society is indicated, and major factors, influencing in a multidirectional way on people's self-consciousness formation, are analyzed. The role of globalization, glocalization, migrations, ethnic patchiness and other factors in transforming people's consciousness, explicating itself in identity transformation is revealed. The essence of the problem consisting in a contradiction is uncovered: on the one hand, the progressive development of the society accompanied by the emergence of new social processes is evident; on the other hand, people's self-consciousness weakens. Post-national identity formation reflecting overcoming the boundaries of national mentality and self-consciousness is viewed as one of the major tendencies of people's self-consciousness transformation. Finally, reflection on the possibility of the combination of national and post-national components as the crucial condition of the Russian people self-consciousness formation is carried on.

Keywords: people, national self-consciousness, people's self-consciousness, identity, mentality

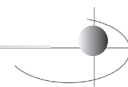
References

1. Aksakov, K. S. On the Russian viewpoint. Web:12.01.2018. http://www.dugward.ru/library/aksakovy/kaksakov_vozzren.html (In Rus.)
2. Anderson, B. Imagined communities: reflections on the origin and spread of nationalism. M: KANON-press-C; Kuchkovo pole, 2001. (In Rus.)
3. Beck, U. The cosmopolitan society and its enemies. The journal of sociology and social anthropology, V.VI, no. 1, pp. 24–53, 2003. (In Rus.)
4. Dumnova, E. M. The dynamics of the Russian youth mental space in the circumstances of the society in transition (socio-philosophical analysis). Dr. philos. sci. diss. abstr. Novosibirsk, 2016: 29. (In Rus.)
5. Dumnova, E. M. The dynamics of the Russian youth mental space in the circumstances of the society in transition (socio-philosophical analysis). Dr. philos. sci. diss. Novosibirsk, 2016. (In Rus.)
6. Karsavin, L. P. The East, the West and the Russian idea. In Maslin, M. A., ed. The Russian idea. M: Respublica, 1992. (In Rus.)
7. Laut, R. Dostoyevsky's philosophy in a systematic restatement. M: Respublica, 1996. (In Rus.)
8. Linchenko, A. A., Syrov, V. N., Golovashina, O. V. The problem of post-national identity: towards historiography of the issue. Tomsk University monitor, no. 419, pp. 79–85. 2014. (In Rus.)
9. Orlov, B. S. Problems of identity in contemporary Germany: analytical survey. RAN INION, M: 2012. (In Rus.)
10. Soloviev, V. S. The Russian idea. Web: 13.12.2017. <http://www.vehi.net/soloviev/russianidea.html> (In Rus.)
11. Calhoun C. Nationalism. M: Territoria buduschego, 2006. (In Rus.)
12. Habermas, J. The involvement of other. Essays on political theory. Sankt-Peterburg: Nauka, 2001. (In Rus.)
13. Blum Douglas, W. National Identity and Globalization: Youth, State, and Society in Post-Soviet Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. (In Eng.)
14. Delanty, G. Models of European identity: Reconciling universalism and Particularism. Perspectives on European Politics and Society. pp. 345–359, 2002. (In Eng.)
15. Delanty, G. The Idea of a Cosmopolitan Europe: On the Cultural Significance of Europeanization. International Review of Sociology, vol. 15, no. 3, pp. 405–421, 2005. (In Eng.)
16. Schlenker, A. Cosmopolitan Europeans or Partisans of Fortress Europe? Supranational Identity Patterns in the EU. Global Society, vol. 27, no. 1, pp. 25–51, 2013. (In Eng.)
17. Values and Post-Soviet Youth: The Problem of Transition. Tomasi, L. ed. by. Milano: Franco Angeli, 1995. (In Eng.)

Received: January 16, 2018; accepted for publication February 28, 2018

Reference to the article

Dumnova E. M. People's Self-Consciousness Formation in the Contemporary Russian Society // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 12–18.

УДК 291.7

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-19-26

Артем Вадимович Жуков,
доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: artem_jukov68@mail.ru

Проблема религиозной безопасности как предмет философии и классического религиоведения

Статья посвящена анализу «религиозной безопасности» как понятия, содержащегося в трудах представителей философии и классического религиоведения. Методология исследования базируется на философских и философско-религиоведческих концепциях религии. В работе использованы компаративистский, системный, феноменологический методы. Как показывают результаты исследования, многие проводят анализ проблем религиозной безопасности, основываясь на методологии, разделяющей религии на «свои» и «чужие». Многие авторы публикаций, посвящённых религиозной безопасности, выполняя социальный заказ, защищают собственные метафизические убеждения и публикуют разоблачительные материалы против религиозных объединений, считающихся ими опасными и даже экстремистскими. Однако всегда находятся их оппоненты, которые говорят о том, что религиозной безопасности будет соответствовать не политика защиты интересов отдельных категорий верующих, а создание эффективного механизма, обеспечивающего реализацию принципа «свободы совести» каждого верующего, который имеет право индивидуального выбора религии.

Ключевые слова: религиозная безопасность, сущность религии, религия и социум, концепции религии, классическое религиоведение, религиозный экстремизм

Введение. Глобализация и социальный кризис, характеризующие развитие современного общества, ведут к интенсификации воздействия факторов, связанных с отчуждением, стрессами, порождаемыми стремительными социальными изменениями, отсутствием уверенности в будущем. На этом фоне укрепляется влияние различных религиозных объединений, претендующих на право обладать высшими религиозными истинами. Выступая от имени Бога (богов), они осуществляют религиозную деятельность, вызывающую обеспокоенность у общественности и властей, опасаящихся, что она может стать причиной распространения религиозного экстремизма и межконфессиональной напряжённости. К угрозам, связанным с деятельностью разнообразных религий, исследователи религиозной безопасности относят раздробление общества по конфессиональному признаку, распространение религиозного тоталитаризма, пропаганду оккультизма, мистических учений, способных нанести существенный урон устоям, нравственным ценностям, психическому здоровью личности. Под религиозной безопасностью в самом общем виде они понимают состояние защищённости государства, общества и личности от перечисленных угроз, связанное с системой мероприятий, организуемых государственной политикой и традиционными конфессиями [8].

В российском обществе широко обсуждается политика государства в сфере религиозной безопасности, что актуализирует анализ этой проблемы, осуществляемый социологами, психологами, юристами и политологами. Однако до сих пор не был осуществлён анализ того, как понималась проблема религиозной безопасности в классических философских и религиоведческих трудах, посвящённых анализу религии.

Методология и методы исследования. Методология проведённого исследования базируется на философских и философско-религиоведческих концепциях, позволяющих интерпретировать материал, раскрывающий деятельность конфессий. В работе был использован комплекс методов: компаративистский, направленный на анализ методов воздействия на верующих, используемых различными конфессиями; системный, использованный для комплексного исследования процессов религиозного влияния в реальном и виртуальном пространстве. В работе применены методы: типологизация социальных проявлений религии, феноменологический, структурный анализ.

Результаты исследования и их обсуждение. Философская основа представлений о религиозной безопасности базируется на идеях, представленных в исследованиях религии философии Нового Времени, Про-

свещения, немецкой философии и философии романтизма (Д. Юм, Ф. М. Вольтер, Ш. де Брос, Ж. Кондорсе, А. Сен-Симон, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Г. Гегель, Ф. В. Шеллинг, Новалис). Научно-религиоведческий подход был разработан в трудах Ф. Д. Шлейермахера, М. Мюллера, О. Конта, Г. Моргана, Э. Тайлора, Дж. Леббока, Г. Спенсера, А. Лэнга, Дж. Фрезера, Л. Фейербаха, М. Вебера, К. Маркса, Ф. Энгельса, Э. Дюркгейма, Р. Н. Белла. В рамках концепции «религиозной безопасности» написаны работы Р. Д. Лифтона, Ф. Конвея, Дж. Сиглмана, М. Сингер, Дж. Кларка, Т. Патрика, А. В. Кураева, О. В. Стеняева, А. Л. Дворкина, А. В. Щипкова, Р. Силантьева, Хвыля-Олинтера, Тарасевича и др. С критикой антикультулизма в рамках данной концепции выступают Ричардсон, Биерманс, А. Баркер, Д. М. Келли, Дж. Фишер, Кантеров, Н. С. Гордиенко, С. И. Иваненко. Целью данной статьи является исследование представлений о религиозной безопасности в социальной философии и классическом религиоведении.

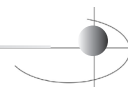
Религиозная безопасность вызывает интерес у многочисленных исследователей, принадлежащих к различным направлениям и школам. Однако в течение длительного времени проблема религиозной безопасности не формулировалась, хотя её элементы регулярно обсуждались в связи с выражением той или иной конфессиональной, либо атеистической оценки религии. Они были связаны с верой их авторов в то, что источником религиозной угрозы является та религия, которая имеет не божественное, а дьявольское, либо человеческое происхождение, следовательно, преследует не божественные, а корыстные, нацеленные на реализацию сиюминутных планов их основателей задачи. Например, уже в Древней Греции было понимание того, что ценности религии, исповедуемой простым народом, не божественны, а социальны. Д. Реале указывает, что в средневековой Европе христианские теологи рассматривали религиозность народных масс в контексте идей библейского монотеизма как угрозу со стороны дьявольских сил [18, с. 9].

Когда в эпоху Просвещения общество стало освобождаться от доминирующего влияния церкви, в среде просветителей само христианство стало рассматриваться как явление, представляющее общественную угрозу [1, с. 91]. Это было связано с тем, что общество освобождалось от власти теологии, что сопровождалось появлением научно-критических взглядов на религию. Просветитель-

ская концепция была связана с утверждением о связи социальных и религиозных интересов, что стало основой для разоблачительных публикаций Ш. де Броса, Ф. М. Вольтера, Ж. Кондорсе, А. Сен-Симона, Ж.-Ж. Руссо, Д. Юма. Особое мнение было выражено И. Кантом, который в противовес критицизму предложил методику описания религии с опорой на моральный императив [4].

Противоположные точки зрения попытался примирить Ф. Д. Шлейермахер [21], который подчёркивал, что восприятие религии в социальном воплощении не отражает её внутренней связи с Богом, так как метафизические идеи не могут быть обоснованы ни с помощью критицизма, ни на почве морали по методу Канта. Кроме этого религия по Ф. Д. Шлейермахеру является совершенно самостоятельной сферой по отношению к разуму. Это означает, что согласно философу человеческий разум способен воспринимать и описывать только внешние проявления религии, что не даёт оснований для утверждений о её опасности. Ф. Шлейермахер отмечал, что, обращаясь к метафизическим концепциям религии, многие авторы конструируют тексты, основанные только на фантазиях и отвлечённом мышлении, зависящем от их личностных убеждений и чувств. Чувства человека по отношению к религии всегда субъективны, и поэтому у каждого человека религиозное чувство выражается по-разному. Однако сущность религии согласно Ф. Д. Шлейермахеру состоит в осознании зависимости, чувстве единства и терпимости по отношению к различным проявлениям божественного. В то же время отношения между разными религиями характеризуются нетерпимостью, которую Ф. Д. Шлейермахер объясняет вмешательством метафизических идей, ошибочно принимаемых за сущность религии, что даёт повод для несогласий, разделений, и приписывания религиям неких качеств, являющихся их субъективными характеристиками в сознании человека [Там же, с. 49].

Точка зрения Ф. Д. Шлейермахера существенно повлияла на становление методологии М. Мюллера [7], который, оценивая природу и характер воздействия религии и социума на сознание верующих, стал исходить из тезиса о том, что социальное воплощение религии не должно быть поводом для принятия внешней религиозной формы за её внутреннее содержание. Однако эта точка зрения критиковалась теми, для кого публикация текстов о религии была связана с выражением их конфессиональных, либо не-

конфессиональных убеждений. В частности наибольшее влияние получила метафизика Г. Лессинга, Й. Гердера, И. Гёте, Г. Гегеля [2, с. 211], отстаивавших убеждение о том, что на мировую историю оказывает влияние «мировой дух», описываемый «религиями откровения». Метафизическая точка зрения стала наиболее распространённой, что послужило основанием для распространения многообразных, не верифицируемых концепций, которые по-разному толковали сущность религии, формы её проявления, а также характер влияния на общество.

Впоследствии обсуждение сущности религии переместилось от отвлечённых вопросов взаимодействия общества и религии на анализ последствий деятельности конкретных религий в контексте конфессиональных установок авторов исследований. Например, романтическая реакция на метафизику гегелевской философии религии была связана с критикой организованных религий и апологией мифа как силы, возрождающей общество, прозвучавшей в произведениях Ф. В. Шеллинга, Новалиса, Ф. Велькера, Г. Германна, Дж. Горреса, И. Винкельмана, К. Морица, К. Бёттигера, Ф. Ницше [16, с. 36]. По их мнению, религия представляет общественную опасность, потому что это сказка, выдуманная жрецами, которой надо противопоставить миф, являющийся реализацией наибольшей символической осуществлённости и полноты личности. Идеи, противопоставлявшие миф, как подлинную реальность религиозной жизни организованным формам религии, впоследствии развивали представители диффузионизма Ф. Баур, Д. Штраус, Я. Гримм, М. Мюллер [7, с. 28]. Сходные по содержанию концепции были высказаны на территории России, где религиозные, но в то же время противопоставленные точке зрения официальной церкви идеи о «народной религии» представлялись Н. А. Бердяевым, С. Н. Булгаковым, Ф. М. Достоевским, В. С. Соловьёвым [6, с. 382], которые полагали, что русский народ является самостоятельным и не нуждающимся в опеке со стороны иных сил, носителем собственного религиозного сознания.

Влияние религии на развитие человеческой культуры пыталось анализировать светское направление религиоведения, представленное Г. Морганом, Э. Тайлором, Дж. Фрезером, Л. Фейербахом, К. Марксом, Ф. Энгельсом [5]. В качестве методологической основы исследований религии ими была выбрана теория эволюции, согласно которой религия

оценивалась как социально обусловленное явление, нацеленное на выполнение определённых социальных функций. Общая тенденция секулярных работ заключалась в априорно признаваемом выводе о том, что «религиозное сознание» является уделом людей бессильных перед природой и социальными катаклизмами и поэтому нуждающихся в опеке со стороны религии, которая выполняет не религиозные, а только социальные функции. Аспекты религиозной безопасности в этих работах оценивались по практическим результатам религиозного воздействия.

Большое влияние получила метафизическая концепция К. Маркса, который с атеистических позиций указывал на опасные последствия воздействия религии. Он разрабатывал положение о том, что человеческое сознание определено условиями социального бытия, а религия выполняет функции, связанные с оправданием отчуждения и эксплуатации [Там же, с. 42]. Именно у него социальная наука унаследовала ведущую формулировку, указывающую на опасность религии, такую как «идеология», под которой понимаются системы идей, выражающих социальные интересы и «ложное сознание», понимаемое как мышление, отчуждённое от реального социального бытия. Аналогично к объяснению природы религии подошёл З. Фрейд, по мнению которого вред религии заключается в том, что она есть следствие зависимости человека от окружающего мира, что само по себе таит угрозу, заключающуюся в том, что религиозные представления являются опасными иллюзиями, свидетельствующими о протекании серьёзных невротических заболеваний у их носителей [9, с. 40].

Произведения и идеи К. Маркса и З. Фрейда были широко распространены в Советском Союзе и пользовались непререкаемым авторитетом в отечественном религиоведении, которое рассматривало религию только как угрозу обществу и личности. Этот вопрос раскрыт в монографиях Н. С. Гордиенко, С. А. Токарева, Ю. А. Левады, В. И. Добренькова и А. А. Радугина [3]. Диалектический материализм, который составлял сущность этих концепций, определял степень опасности религии, исходя из её «классовой сущности», в соответствии с которой религия выполняла функцию инструмента эксплуатации.

В отличие от отечественных авторов большинство западных исследователей религии долгое время уделяли внимание конструирующей и интегрирующей функциям религии. Это направление разрабатывалось

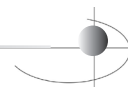
социально-психологическими теориями, направленными на анализ интернализации социальной реальности, из которых вытекало, что внешний аналитический анализ проблем, связанный с оценкой влияния и возможных угроз, исходящих от тех или иных религий, затруднён по причине того, что каждая из религий представляет собой реальность разных уровней. С одной стороны религия понималась как реальность, обеспечивающая ощущение безопасности для своих последователей, с другой она представлялась как угроза безопасности представителей иных религий и обществ. Влияние религии на социум исследовалось Б. Малиновским, Э. Дюркгеймом, Р. Н. Белла, И. Вахом, П. Бергером и Т. Лукманом, У. Уорнером, Г. Гарфинкелем, Р. Коллинзом, Б. Майерхоффом, М. Моссом, Х. Рингренем, Г. Ван дер Леувом, О. Петтерсоном, М. Шелером, В. Лантеранари, К. Леви-Строссом, С. Стремом, М. Вебером [23, с. 101] и др. Они уделяли внимание взаимодействию религии и социума, делая акцент на темах религиозного конфликта и религиозной солидарности. Ими был разработан термин «гражданская религия», значение которого указывало на то, что в индустриальных обществах имплицитно развивается система национальных символов и ритуалов, выполняющих функцию обеспечения социальной безопасности и солидарности. Среди представителей психологического направления парадигма светского понимания аспектов религиозной безопасности заложена Дж. Кэмпбеллом, А. ван Геннепом, К. Юнгом, М. Элиаде [13, с. 18], которые строили свои концепции, исходя из убеждения в том, что религия является проявлением компенсаторных механизмов бессознательного и проявляется на уровне религиозного сознания как миф. Как и Ф. Шлейермахер, учёные стремились синтезировать представления о невозможности постижения сущности религии через её социальные проявления.

Однако важно отметить, как и во времена Ф. Шлейермахера убеждения представителей социальной философии и светского религиоведения оказались не востребованы в реальной практике межконфессионального и государственно-конфессионального регулирования. Общее направление развития социальной сферы продемонстрировало усиление влияния концепций, в которых осмысление сущности религии направилось по метафизическому пути отделения «чужих» от «своих». Поэтому уже в 60-е годы XX века содержание научного дискурса, посвящённого

влиянию религии на верующих, стало определяться политическим заказом. Большое значение имело обострение противостояния между Западом и Востоком, вызвавшее движение, направленное на поиск врагов, которые, как казалось, могут воздействовать на сознание сограждан не только средствами открытой пропаганды, но и мистическими приёмами.

Вопросы религиозной безопасности как отдельная тема стали широко обсуждаться, начиная с 70-х годов XX века, когда П. Лазерсфельд, К. Хофланд, Г. Шиллер, М. Маклюэн, Т. Рона [20] ввели в обращение термин «информационная война», легализовавший применение приёмов, направленных на дискредитацию противника посредством публикации обвинительных и порочащих его материалов. С этого времени произошло чёткое разделение научного и ангажированного религиоведения, подчиняющего трактовку понятия «религиозная безопасность» политическим задачам. В это время было опубликовано значительное количество печатных работ и исследований, которые использовались как инструменты дискредитации религий, понимаемых как «чужие». Одновременно этот процесс сопровождался критикой, требовавшей отказа от априорных оценок, разделяющих религии на «свои» и «чужие», и указывавшей на необходимость применения научно-выверенных методологий [10, с. 11]. При этом ангажированные учёные широко привлекались представителями государства с целью поиска научных доказательств того, что «чужие» религии исполняют волю враждебных внешних сил, стремящихся негативно воздействовать на ситуацию в стране и здоровье людей, следовательно, представляя собой угрозу религиозной безопасности.

Одной из ведущих проблем дискурса, посвящённого религиозной безопасности во второй половине XX века на Западе, является обсуждение сущности новых религиозных движений. Они противопоставляются тем религиям, которые признаются в обществе традиционными. По мнению критиков новых религий, верующие являются жертвами психического насилия, а сами новые религии выполняют деструктивную, мироотрицающую функцию и стремятся к ликвидации общества, в котором они функционируют. Версию об использовании новыми религиями специальных методов деструктивного воздействия на сознание распространяли Дж. Кларк, Ф. Конвей, Дж. Сиглман, М. Сингер, Р. Д. Лифтон [15]. Под угрозой со стороны религии не по-

нимали «зомбирование» и духовное закабаление последователей. Особую актуальность этой дискуссии придавал факт широкого распространения в обществе таких организаций, которые, основываясь на вере в том, что члены новых религий подверглись «промыванию мозгов», стремились их насильственно перепрограммировать [17, с. 50].

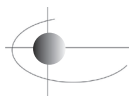
Проблема манипуляции религиозным сознанием продолжала будоражить религиозно-философские круги вплоть до начала XXI века в связи с усилением влияния на политику, экономику, культуру и повседневную жизнь человека средств виртуальной коммуникации. В этот период на обсуждение проблемы религиозной безопасности существенно влияла постмодернистская традиция, согласно которой сознание человека подвергается воздействию со стороны средств массовой коммуникации, целенаправленно искажающих информацию в политических и экономических целях. Согласно мнению Ж. Бодрийяра, Ж. Деридда, Р. Барта, искажающие образ мира символы, или «симулякры», активно применяются информационными технологами и электронными «социальными сетями» [12, с. 297]. По мнению постмодернистов, опасность представляет то, что массовое сознание запутывается в «социальных сетях» и, не видя выхода из виртуальной реальности, начинает подчиняться манипуляторам, принимая сконструированные ими ценности за подлинные, становясь оружием в политических, экономических, экстремистских целях. Вместо религии, как они полагают, в виртуальном пространстве существует «трансрелигия», «квазирелигия» или «псевдорелигия», которая, по мнению П. Тиллиха, является лишь имитацией, демонстрирующей только внешнее сходство с религиозной жизнью [22, с. 9]. Вслед за ним Б. Р. Уилсон стал доказывать, что с переходом к постмодерну и обществу, связанному с сетевой культурой, религиозность приобретает качества «ресекулярности» и идёт не от Священного, а от стремления к ощущению сакрализованности, возникающей у разнообразных групп и индивидов [24, с. 268].

Однако с этим мнением, которое априорно определяет религию в качестве прибежища социально не адаптированных людей, используемых информационными технологами в качестве орудия достижения целей, не соглашались представители эмпирического религиозоведения, представленного такими социологами религии, как Э. Баркер, Дж. Биерманс, Дж. Фишер, Дж. Ричардсон [19, с. 12].

Они доказывают, что попытки оказания влияния на сознание верующих посредством организации некоего социального и информационного контекста и использования информационных технологий проповеди не могут быть признаны как показатели опасности религиозного движения. Они доказывают, что люди, ставшие членами НРД и «виртуальных религий», не испытывали физического принуждения и вели себя как обычные члены общества. Они опровергают точку зрения, будто лидеры нетрадиционных религий обладают силой, способной деструктивно повлиять на человека, и считают, что реальную угрозу для сознания верующих представляет антикультурная деятельность, которая использует практики «депрограммирования», приводящие к психическим травмам и межконфессиональному противостоянию [11, с. 61].

В целом проходящий в рамках социальной философии и религиозоведения дискурс об угрозе, исходящей от религиозных движений, подвергся философской и научной рефлексии, а большинство религиозоведов и социологов сегодня оценивают возникновение и деятельность антикультурных движений в качестве предсказуемого вызова движениям, исповедующим альтернативные господствующим религиозные ценности. Однако это вызов, и последующий за ним конфликт такие религиозоведы, как Д. М. Келли [14, с. 32] оценивают не как войну против безжалостных заговорщиков, стремящихся к причинению максимального количества вреда, а как конфликт интересов в рамках конфессионального пространства. Тем не менее, ни в западных странах, ни в нашей стране не прекратилось осуществляемое в рамках параметров, задаваемых парадигмой «информационной войны», обсуждение проблемы опасности нетрадиционных религиозных движений. Причиной является то, что одной из функций данного процесса является осуществление контроля за развитием религиозных объединений, вынужденных благодаря общественному давлению непрерывно совершенствоваться и трансформировать социальную политику.

Выводы. Проведённый анализ показывает, что, начиная с формирования религиозоведения как науки, трансцендентный характер религии оказывал влияние на концепции религии, в которых давались взаимоисключающие оценки последствий религиозного влияния на личность и общество. Это привело к существующим сегодня противоречиям в содержании научных трудов. С одной стороны, они констатируют наличие объективных

потребностей современного общества в тех функциях, которые выполняет для него религия, таких как интеграция, мобилизация, и обеспечение социализации молодого поколения. С другой – они обращают внимание на то, что в обществе нарастают негативные явления, источником которых является межконфессиональная напряжённость, связанная с проявлением в массовом сознании ксенофобии, этнофобии и т. д.

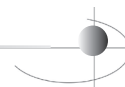
Несмотря на общее признание универсальности религиозного мировоззрения, исследования религии представляют широкую палитру мнений относительно её возможной опасности как для отдельного верующего, так и для широких социальных групп. Причиной является отмеченная Ф. Д. Шлейермахером разница между внешней формой, в какой наблюдаются социальные проявления религии и её скрытой сущностью, что не позволяет судить о ней на основании данных внешнего наблюдения. Это открытие не повлияло на реальную социальную практику взаимодействия с реальными религиями.

Между религиозными потребностями граждан современного общества и увеличением количества явлений религиозной нетерпимости и экстремизма, ангажированностью

и фрагментарностью распространённых в российском обществе представлений о религиозной безопасности существуют противоречия, обусловленные тем, что в социальной практике продолжают господствовать метафизические концепции религиозной безопасности. Фрагментарность и ангажированность теоретических религиозоведческих знаний отрицательно сказывается на социальной политике государства по отношению к религиозным объединениям, представления о религиозной опасности которых определяются априорными оценками и конфессиональными подходами. Многие авторы публикаций, посвящённых религиозной безопасности, выполняя социальный заказ, защищают собственные метафизические убеждения и публикуют разоблачительные материалы против религиозных объединений, считающихся ими опасными и экстремистскими. Однако всегда находятся их оппоненты, которые говорят о том, что религиозной безопасности будет соответствовать не политика защиты интересов отдельных категорий верующих, а создание эффективного механизма, обеспечивающего реализацию принципа «свободы совести» каждого верующего, который имеет право индивидуального выбора религии.

Список литературы

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Гегель Г. Философия религии. М.: Мысль, 2001. 532 с.
3. Добренков В. И., Радугин А. А. Методологические вопросы исследования религии. М.: Высш. шк., 1989. 189 с.
4. Кант И. О форме и принципах чувственно воспринимаемого и умопостигаемого мира // Сочинения. М.: СОЦЭКГИЗ, 1964. Т. 2. С. 404.
5. Маркс К., Энгельс Ф. О религии и борьбе с нею. М.: Политиздат, 1984. Т. 1. С. 13–42.
6. Мотрошилова Н. В. Мыслители России и философия Запада: В. Соловьёв, Н. Бердяев, С. Франк, Л. Шестов. М.: Республика, 2007. 477 с.
7. Мюллер М. Введение в науку о религии. М.: Высш. шк., 2002. 264 с.
8. Овчинников А. И., Мамычев А. Ю., Кравченко А. Г. Основы теории национальной безопасности. М.: Инфра-М, 2016. 236 с.
9. Фрейд З. Будущее одной иллюзии. М.: АСТ, 2008. 256 с.
10. Цыганов В. В., Бухарин С. Н. Информационные войны в бизнесе и политике: теория и методология. М.: Акад. Проект, 2007. 336 с.
11. Barker E. Who'd be a Moonie // The social Impact of NRM / B. R. Wilson [et al.]. New York, 1980. Pp. 59–96.
12. Barthes R. The Rhetoric of the Image. Moscow: Progress, 1989. 616 p.
13. Eliade M. Myth and Reality. Myth and Reality. New York: Harper & Row, 1963. 217 p.
14. Kelley D. M. Why Is the Conservative Church Growing? A Study in the Sociology of Religion From a New Perspective. Macon: Mercer, 1986. 639 p.
15. Lifton R. J. Technology of "brainwashing". Psychology of totalitarianism. М.: SPb., 2005. 576 p.
16. Nietzsche F. The Will to Power: An Attempted Transvaluation of All Values // The Complete Works Friedrich Nietzsche. London, 1934. Vol. 14. 410 p.
17. Patrick T. T. Let our children go. New York: Ballantine, 1976. 265 p.
18. Reale D., Antiseri D. Western philosophy from its origins to the present day. SPb.: Petropolis, 1994. Т. 1. 336 p.
19. Richardson J. T. An Oppositional and General Conceptualization of Cult // The Annual Review of the Social Sciences of Religion, 1978. Vol. 2. Pp. 12–52.

20. Rona T. Weapons Systems and Information War. Seattle, Washington: Boeing Aerospace Company, 1976. 71 p.
21. Schleiermacher F. D. On Religion: Speeches to Its Cultured Despisers. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. 128 p.
22. Tillich P. J. Christianity and the Encounter of the World Religions. New York: Columbia University Press, 1963. 97 p.
23. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization. New York, 1947. Pp. 101–496.
24. Wilson B. R. Aspects of Secularization in the West // Japanese Journal of Religious Studies. 1976. No. 3. December. Pp. 268–269.

Статья поступила в редакцию 25.02.2018; принята к публикации 20.03.2018

Библиографическое описание статьи

Жуков А. В. Проблема религиозной безопасности как предмет философии и классического религиоведения // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 19–26. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-19-26.

Artem V. Zhukov,
Doctor of Philosophy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: artem_jukov68@mail.ru

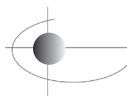
The Problem of Religious Safety as a Subject of Philosophy and Religious Studies

The article is devoted to the analysis of an urgent problem of religious safety in the context of social philosophy representatives' works and classical religious studies which recognize universality of religious outlook. However, they represent a wide palette of opinions, concerning its possible danger, for believers and for society. The methodology of the research is based on philosophical, philosophical and theological concepts of religion. The comparative, system and phenomenological methods were used in the research. As the carried out analysis shows, the difference between the external form of social manifestations of religion and its hidden entity, which does not allow to view it on the basis of external observation data, is the reason of it. Social practice of interaction with the religious organizations is based on theoretical situation, according to which, religion, having a certain spiritual entity, represents a social phenomena whose threat depends on this entity. Many authors of the publications devoted to religious safety executing the social order protect own metaphysical beliefs and publish exposing materials against the religious associations which are considered dangerous and even extremist by them. However, there are always their opponents, who advocate the interests of believers, specifying the presence of positive and integrating functions at the same religions. The author of the article proves that it has led to contradictions between religious needs of citizens of the modern society and an increase in quantity of the phenomena, connected with religious intolerance and extremism and also between involvement and fragmentariness of religious safety ideas widespread in the Russian society.

Keywords: religious safety, religion essence, social manifestations of religion, religion and society, concepts of religion, classical religious studies, religious extremism

References

1. Berger, P., Lukman, T. Social design world. A treatise on social sciences sciences. M: Medium, 1995. (In Rus.)
2. Hegel, G. Philosophy of religion. M: Mysl', 2001. (In Rus.)
3. Dobren'kov, V. I., Radugin A. A. Methodological questions of a research of religion. M: Vyssh. shk., 1989. (In Rus.)
4. Kant, I. The Form and Principles of the Sensible and Intelligible World. Soch. M: SOCEHKGIZ, 1964. V. 2. (In Rus.)
5. Marks, K., Ehngels, F. About religion and fight against it. M: Politizdat, V. I: 13–42. (In Rus.)
6. Motroshilova, N. V. Thinkers of Russia and philosophy of the West: V. Soloviev, K. Berdyaev, S. Frank, L. Shestov. M.: Respublika, 2007. (In Rus.)
7. Myuller, M. Introduction to the science of religion. M: Vysshaya shkola, 2002. (In Rus.)
8. Ovchinnikov, A. I., Mamychev, A. Yu., Kravchenko, A. G. Bases of the theory of a homeland security. M: Infra-M, 2016. (In Rus.)
9. Freud, Z. Future of one illusion. M: AST, 2008. (In Rus.)
10. Tsyganov, V. V., Bukharin, S. N. Information wars in business and policy: theory and methodology. M: Akademicheskii proekt, 2007. (In Rus.)

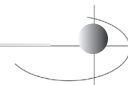

11. Barker, E. Who'd be a Moonie. The social Impact of NRM. Wilson, B. R., ed. N. Y., 1980. Pp. 59–96. (In Engl.)
12. Barthes, R. The Rhetoric of the Image. Moscow, Progress 1989. (In Engl.)
13. Eliade, M. Myth and Reality. Myth and Reality. New York: Harper & Row, 1963. (In Engl.)
14. Kelley, D. Why Is the Conservative Church Growing?: A Study in the Sociology of Religion From a New Prospective. Macon(Ca), Mercer, 1986. (In Engl.)
15. Lifton, R. J. Technology of "brainwashing". Psychology of totalitarianism. Moscow, St. Petersburg, 2005. (In Engl.)
16. Nietzsche, F. The Will to Power: An Attempted Transvaluation of All Values. The Complete Works Friedrich Nietzsche. London: T. N. Foulis, 1910–1014. Vol XIV. (In Engl.)
17. Patrick, T. T. Let our children go. N. Y. : Ballantine, 1976. (In Engl.)
18. Reale, D., Antiseri, D. Western philosophy from its origins to the present day. SPb.: Petropolis, 1994. T. 1. (In Engl.)
19. Richardson, J. T. An Oppositional and General Conceptualization of Cult. The Annual Review of the Social Sciences of Religion, 1978, vol. 2, pp. 29–52. (In Engl.)
20. Rona, T. Weapons Systems and Information War. Seattle, Washington: Boeing Aerospace Company, 1976. (In Engl.)
21. Schleiermacher, F. On Religion: Speeches to Its Cultured Despisers. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. (In Engl.)
22. Tillich, P. J. Christianity and the Encounter of the World Religions. N. Y. : Columbia University Press, 1963. (In Engl.)
23. Weber M. The Theory of Social and Economic Organization: monograph. N. Y., 1947: 101–496. (In Engl.)
24. Wilson B. R. Aspects of Secularization in the West // Japanese Journal of Religious Studies, 1976. December. No. 3/4. Pp. 268–269. (In Engl.)

Received: February 25, 2018; accepted for publication March 20, 2018

Reference to the article

Zhukov A. V. The Problem of Religious Safety as a Subject of Philosophy and Religious Studies // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 19–26. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-19-26.

УДК 330.53

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-27-34

Марина Борисовна Лига¹,

доктор социологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: m-liga@inbox.ru

Ирина Анатольевна Щеткина²,

кандидат социологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: irinasocio@mail.ru

Елена Юрьевна Захарова³,

доктор философских наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: aglena_72@mail.ru

Оценка качества жизни населения как условие обеспечения социальной безопасности (по материалам социологического исследования)

Целью исследования является оценка качества жизни населения как условия обеспечения социальной безопасности на основе мнений респондентов о предоставлении муниципальных услуг местными органами власти в различных сферах жизнедеятельности. В современной науке сложились и функционируют различные методики оценки развития человека и общества. Одной из таких методик является оценка качества жизни как удовлетворённости личностью реализацией материальных и духовных потребностей, условиями своей жизнедеятельности. Данная оценка выявляет отношение населения к деятельности органов власти, целью которой является обеспечение достойного качества жизни как показателя уровня социальной безопасности. Подчёркивается, что социальная безопасность, её состояние, уровень в современной цивилизации является условием повышения качества жизни. Оценка качества жизни на основе оценки удовлетворённости населением деятельностью муниципалитетов позволяет выделить проблемные моменты, определить перспективы развития. Оценка качества жизни как условия обеспечения социальной безопасности в данном исследовании была осуществлена на основе субъективных данных, характеризующих деятельность органов власти. Методологическую базу исследования составил человекоцентрический подход, в рамках которого оценивается, насколько услуга соответствует требованиям потребителя, а потребитель удовлетворён деятельностью организации, предоставляющей услугу; концепции качества жизни, социальной безопасности, человеческого капитала.

Ключевые слова: качество жизни, уровень жизни, удовлетворённость, качество услуг, социальная безопасность

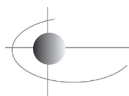
Введение. В современных условиях развитие государств во многом зависит от человеческого капитала. Теория человеческого капитала была разработана американскими учёными Г. Беккером [13] и Т. Шульцем [14] в 60-е годы XX века. Актуальность и значимость данной концепции была подтверждена тем, что за её разработку создатели получили Нобелевские премии в 1979 и 1999 годах. Т. Шульц считал, что процветание государств зависит не от наличия полезных ископаемых, географического положения страны, а

от уровня образования и состояния здоровья человека. По мнению Т. Шульца, «образованный капитал» является источником, ресурсом развития государств [14]. Изучая историю таких стран, как Япония и Германия, которые не только сумели за короткий промежуток времени восстановить разрушенное во время войны хозяйство, но и нарастить экономический потенциал, стать лидерами в экономическом развитии, учёный пришёл к выводу, что успехи этих стран связаны с вложениями в человека и социальную сферу. Т. Шульц отмечал,

¹ М. Б. Лига – основной автор, является организатором исследования, формулирует выводы и обобщает итоги исследования.

² И. А. Щеткина собирает и обрабатывает экспериментальные данные, формулирует выводы.

³ Е. Ю. Захарова собирает и обрабатывает экспериментальные данные, формулирует выводы.

что развитие страны во многом зависит от качества её рядовых граждан, их социального самочувствия.

Развитие человеческого капитала детерминировано внутренними и внешними факторами. К внутренним факторам относятся личностные качества индивида, его жизненная стратегия, мотивы, ценности. Внешние факторы – это условия, созданные государством для развития личностного потенциала, качество социального пространства, в котором функционирует личность.

В «Стратегии-2020» центральное место среди приоритетных направлений развития страны занимает необходимость инвестиций в человеческий капитал, создание условий для его развития. Все эти действия будут способствовать обеспечению достойного качества жизни, достижению высокого уровня социальной безопасности. Формирование человеческого капитала требует значительных экономических и социальных инвестиций в жизненное пространство человека, как со стороны государства, так и со стороны самого индивида.

Значимой становится оценка личностью своего жизненного пространства, формой выражения которой является удовлетворённость личностью различными сферами жизнедеятельности, деятельностью органов власти федерального, регионального и муниципального уровней, их руководителей, а также качеством предоставляемых населению услуг. Уровень удовлетворённости отражает условия развития человеческого капитала, качество жизни, уровень социальной безопасности.

Термин «социальная безопасность» относительно недавно вошёл в научный оборот. Анализ существующих разработок в данном направлении позволяет выделить ряд подходов к её пониманию, выделению индикаторов оценки состояния социальной безопасности. Во-первых, направление, связанное с формированием самого понятия «социальная безопасность». Во-вторых, социальная безопасность рассматривается в контексте рисков и угроз; в-третьих, социальная безопасность становится предметом самостоятельного изучения. В рамках четвёртого направления социальная безопасность изучается во взаимосвязи с социальной напряжённостью [1; 2; 6; 8].

В данной статье социальная безопасность понимается как состояние социума, при котором обеспечена надёжная и всесторонняя защита личности, общества, государства в социальном пространстве от воздействия

рисков, угроз, опасностей, вызов, исходящих от природной, социальной, технологической реальности.

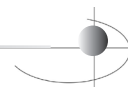
Распоряжением Правительства Российской Федерации от 10.06.2011 г. № 1021-р утверждена Концепция снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы. Одной из целей её реализации являлось повышение качества государственных и муниципальных услуг¹. Положениями указанной Концепции предусматривается проведение регулярного мониторинга качества предоставления (исполнения) государственных и муниципальных услуг (функций). Важнейшим показателем, характеризующим достижение цели Концепции по повышению качества предоставления государственных и муниципальных услуг, является удовлетворённость граждан качеством предоставления государственных и муниципальных услуг. Регулярная оценка значения данного индикатора, методическое обеспечение его расчёта, выявление факторов, определяющих изменения данного индикатора, направлены на повышение эффективности реализации административной реформы в Российской Федерации.

В настоящее время в отечественной научной литературе наряду с понятиями «показатели», «параметры» всё чаще используется понятие «индикаторы» [13]. В зарубежной литературе это различие отсутствует, так как в английском языке понятия «показатели» и «индикаторы» обозначаются одним словом “indicators”. Научная позиция переводчика и редактора публикации трудов зарубежных учёных на русском языке определяет использование либо термина «показатель», либо термина «индикатор».

Объективные индикаторы представлены как индикаторы уровня жизни, они характеризуют количественную меру социальных явлений, осуществляемую специально подготовленными людьми. Это оценка объективных условий социального благосостояния и благополучия.

Субъективные индикаторы – это оценка условий жизнедеятельности самим человеком, которая зависит от мировоззрения, индивидуально-психологических особенностей

¹ Распоряжение Правительства РФ от 10.06.2011 г. № 1021-р «Об утверждении Концепции снижения административных барьеров и повышения доступности государственных и муниципальных услуг на 2011–2013 годы и Плана мероприятий по реализации указанной Концепции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 26. – Ст. 3826.

личности, духовной атмосферы, осведомленности о предмете оценки, динамики состояния самого объекта, личного вклада, мнения окружающих, качества жизни.

Субъективные индикаторы позволяют выявить социальную эффективность и уровень удовлетворенности различными аспектами жизнедеятельности общества.

Методология и методы исследования. В основе исследования – человекоцентрический подход, в рамках которого оценивается, насколько услуга соответствует требованиям потребителя, а потребитель удовлетворен деятельностью организации, предоставляющей услугу; концепция качества жизни; концепция социальной безопасности; концепция человеческого капитала.

Применен метод кластерной (территориальной) одноступенчатой выборки, позволяющей достичь точности и достоверности полученной информации. Опрошено 4700 жителей Забайкальского края в соответствии с процедурой выборочного исследования. Контролируемые параметры: пол, возраст, образование, род занятий. Среди респондентов преобладали женщины – 52,7 % от числа опрошенных. Распределение по возрасту: 45–59 лет – 27,6 %; 25–34 года – 22,1 %; 35–44 года – 19,5 %; 18–24 года – 15,1 %; 60–69 лет – 7,3 %; старше 70 лет – 6,8 %. Среди опрошенных были специалисты, имеющие среднее специальное – 28,3 %; высшее профессиональное – 27,9 %; общее среднее – 16,0 %; неполное высшее – 10,8 %.

По роду занятий отмечены: рабочий сферы услуг – 12,9 %; пенсионер – 15,3 %; специалист, служащий бюджетной сферы – 15,1 %; специалист, служащий внебюджетной сферы – 11,3 %; безработный – 9,1 % и др.

Результаты исследования и их обсуждение. Интегральным индикатором всех процессов, происходящих в современном социуме, является качество жизни. Качество жизни – это оценка личностью уровня реализации своих потребностей, удовлетворенность (неудовлетворенность) своей социальной и индивидуальной субъектностью, детерминированной жизненной стратегией индивида и социальной политикой государства. Качество жизни является сложной комплексной характеристикой, включающей совокупность показателей, которые, в свою очередь, характеризуют возможность человека трудиться в хороших условиях, иметь достойный уровень благосостояния, учиться, получать высококачественное медицинское обслуживание, проживать в комфортных жилищных услови-

ях, дышать чистым воздухом и пить чистую воду, иметь возможность доступа к культурным ценностям, осуществлять жизнедеятельность в условиях безопасности и др. [9–12].

В современной научной литературе в зависимости от степени удовлетворения потребностей выделяют четыре уровня жизни: достаток (пользование благами, обеспечивающими всестороннее развитие человека); нормальный уровень (рациональное потребление по научно обоснованным нормам, обеспечивающее человеку восстановление его физических и интеллектуальных сил); бедность (потребление благ на уровне сохранения работоспособности как нижней границы воспроизводства рабочей силы); нищета (минимально допустимый по биологическим критериям набор благ и услуг, потребление которых позволяет лишь поддерживать жизнеспособность человека) [4].

В зависимости от уровня жизни в социальной структуре Забайкальского края можно выделить ряд кластеров. Наиболее значительным кластером является группа респондентов, оценивающих своё качество жизни как среднее (64,2 %). Следующий по численности кластер – это люди, живущие бедно. Представители этого кластера особо нуждаются в финансах. Респонденты, оценившие свой уровень жизни как бедный, при котором денег на скромное питание ещё хватает, а на приобретение одежды и других вещей, а также на оплату коммунальных услуг – нет, составили 19,6 %. Респонденты, которые дали оценку своему качеству жизни как обеспеченному, зажиточному, образуют третий кластер в социальной структуре края (8,3 %). Социальная группа, давшая оценку своему материальному благополучию как очень бедному (когда денег не хватает даже на еду), образует ещё один кластер в социальной структуре (4,9 %). Самый малочисленный кластер – люди, имеющий элитарный уровень жизни (1,7 %).

Респонденты, составившие кластер «бедные и очень бедные», обеспечивают свою жизнедеятельность на уровне прожиточного минимума. Прожиточный минимум – это показатель состава и структуры потребления, материальных благ и услуг на минимально допустимом уровне, обеспечивающем условия поддержки активного физического состояния взрослых, социального и физического развития детей и подростков [4].

Таким образом, субъективная оценка уровня жизни забайкальцев свидетельствует о том, что доля населения, имеющего средне-

душевые денежные доходы ниже прожиточного минимума (живущего бедно и очень бедно), составляет 24,5 %.

Сравнение с данными опросов 2012–2014 годов, проведённых лабораторией «Социология качества жизни» в Забайкальском крае, показывает, что в эти годы наблюдался небольшой рост «среднеобеспеченного» слоя населения: 61,3 % – в 2012 году; 66,2 % – в 2013 году; 66,8 % – в 2014 году. В 2015 году произошло снижение его численности до 64,2 %. В Забайкальском крае увеличилось количество людей, живущих обеспеченно (6,3 % – в 2014 г.; 8,3 % – в 2015 г.). Изменилась численность людей с высокими доходами, денежные накопления которых постоянно увеличиваются: 0,5 % – в 2013 году; 0,4 % – в 2014 году; 1,7 % – в 2015 году. Количество респондентов, живущих бедно, осталось на прежнем уровне (19,6 % – в 2014 г., 19,6 % – в 2015 г.). В то же время произошло увеличение доли респондентов, живущих очень бедно (3,8 % – в 2014 г.; 4,9 % – в 2015 г.).

По результатам социологического исследования нельзя дать однозначную оценку уровню жизни забайкальцев. С одной стороны, идёт процесс сокращения доли респондентов, имеющих средний уровень жизни, и увеличение лиц, имеющих нищенский уровень жизни. С другой стороны, наблюдается рост респондентов, живущих обеспеченно и очень хорошо.

Качество жизни детерминирует уровень социальной безопасности. В современной научной литературе существуют различные подходы к определению социальной безопасности, формам её выражения, функционированию. Социальная безопасность рассматривается нами как состояние жизненного пространства личности, позволяющее обеспечить оптимальное удовлетворение потребностей людей, достойное качество жизни, создать условия для развития личности.

В настоящее время всё большую популярность получают результаты социологических исследований, оценивающих удовлетворённость населения различными сферами жизнедеятельности [3]. В современной научной литературе существует множество подходов к определению понятия «удовлетворённость». В частности, К. В. Харченко трактует удовлетворённость как обобщающую социологическую категорию, позволяющую характеризовать поведение людей как жителей определённой территории: соседского сообщества, муниципального образования и т. п. [7]. В. Н. Мясичев определяет удовлетворён-

ность как «систему индивидуальных, избирательных, сознательных связей личности с различными сторонами окружающей действительности» [5].

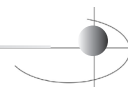
Мы считаем, что удовлетворённость есть специфическая форма асимметрии между желаемым и реальностью. Удовлетворённость – это соответствие ожиданиям потребителя услуг и реальному опыту их потребления. Если это соответствие существует, то есть все основания говорить о том, что потребитель удовлетворён предоставляемой услугой. Удовлетворённость является одним из наиболее сложных показателей, так как связана со специфическими особенностями восприятия личности. Удовлетворённость населения можно рассматривать как основу оценки деятельности органов местного самоуправления.

В данном социологическом исследовании даётся оценка качества жизни как удовлетворённости деятельностью органов местного самоуправления городского округа или муниципального района по оказанию услуг в различных отраслях жизнеобеспечения (электро-, тепло-, газо-, водоснабжение, транспортные услуги и т. д.).

Социальное развитие муниципальных образований во многом определяется не только наличием природных ресурсов, территориальными особенностями, экономической ситуацией, но и благоприятным социальным пространством, высоким уровнем предоставления услуг в различных сферах жизнедеятельности, существующим качеством жизни и состоянием социальной безопасности.

Важнейшим элементом социальной инфраструктуры городов и районов является организация транспортного обслуживания. Транспорт – одна из отраслей жизнеобеспечения территориального образования. Состояние транспортного обслуживания оказывает влияние на социально-экономическое развитие территории, её демографическую, интеллектуальную составляющие, привлечение трудовых ресурсов, качество жизни населения, комфортность проживания. Поэтому создание условий для организации транспортного обслуживания населения становится одной из приоритетных задач деятельности органов местного самоуправления.

Согласно полученным результатам, большинство респондентов – 46,5 % – полностью и частично удовлетворены организацией транспортного обслуживания. Доля респондентов, которые скорее не удовлетворены или полностью не удовлетворены организа-

цией транспортного обслуживания, составляет 44,0 %. Кроме того, следует обратить внимание на 8,7 % респондентов, которые либо затруднились с ответом, либо не дали его вообще. Скорее всего, это те категории населения, которые не пользуются транспортом или пользуются им очень редко. По сравнению с 2012–2014 годами в Забайкальском крае произошли изменения в удовлетворённости населения деятельностью местных органов власти в сфере транспортного обслуживания.

В современных условиях автомобильный транспорт является одним из наиболее массовых видов, особенно в таких регионах, как Забайкальский край. Автомобильный транспорт обеспечивает жизнеспособность муниципальных образований. Организация автомобильного транспорта в первую очередь предполагает создание дорог, которые обеспечивают непрерывность, оптимальную скорость, удобство и безопасность дорожного движения, высокий уровень дорожного сервиса, удовлетворение эстетическим и экологическим требованиям. Согласно данным американского института общественного мнения, в мире около 38 % водителей негативно оценивают качество дорог. В соответствии с данными Центра стратегических исследований компании «Росгосстрах» удовлетворённость жителей крупных и средних российских городов качеством дорог и инфраструктуры дорожного хозяйства выглядит следующим образом: в среднем по России состоянием дорог в 2012 году были удовлетворены 41 % автомобилистов, что всего на 1 % больше, чем в 2011 году. В рамках данного исследования было опрошено 11 тыс. респондентов из 36 крупнейших городов РФ.

Большинство респондентов в Забайкальском крае (75,1 %) отмечают неудовлетворённость качеством автомобильных дорог. Процент респондентов, удовлетворённых качеством данной отрасли жизнеобеспечения, составляет всего лишь 20,3 %, что значительно ниже российского показателя. По сравнению с 2014 годом особых изменений в оценке этой сферы деятельности не произошло. По-прежнему большой процент респондентов, не удовлетворённых качеством автомобильных дорог. В 2014 году он составлял 75,4 %. Процент респондентов, удовлетворённых качеством автомобильных дорог, в 2014 году составлял 18,7 %, что также значительно ниже российского показателя.

В процессе исследования была выявлена на удовлетворённость деятельностью по организации водоснабжения (водоотведения)

в муниципальном районе (городском округе). Большая часть респондентов полностью (19,7 %) и скорее удовлетворены (36,2 %) деятельностью органов местного самоуправления городского округа или муниципального района в сфере организации водоснабжения (водоотведения).

Одним из индикаторов удовлетворённости деятельностью органов местного самоуправления городского округа или муниципального района в сфере предоставления услуг является оценка организации электроснабжения на территории муниципалитета.

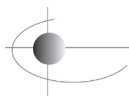
Как показали результаты исследования, 71,7 % респондентов удовлетворены организацией электроснабжения в Забайкальском крае, и лишь 19,9 % так или иначе не удовлетворены организацией предоставления данной услуги в муниципальном районе (городском округе).

В современных условиях в числе приоритетных государственных мер по повышению качества жизни населения особое место занимает газификация жилья и содействие развитию услуг, связанных с использованием газа населением. Услуги газоснабжения – это сфера профессиональной деятельности по обеспечению потребителей газом. Степень газификации жилья как в городах, так и в сельской местности является одним из основных показателей уровня жизни населения. Поэтому качественное оказание услуг по газообеспечению населения является одним из важнейших индикаторов деятельности органов местного самоуправления городского округа или муниципального района. Показатели опроса следующие: 12,6 % – полностью удовлетворены; скорее удовлетворены – 19,1 %; скорее не удовлетворены – 11,6 %; полностью не удовлетворены – 14,3 %; затруднились с ответом – 33,6 %; не дали ответа 11,1 % респондентов. При оценке данного вида услуги отмечается достаточно большой процент респондентов, затруднившихся с ответом на вопрос или не ответивших на него. Скорее всего, полученные результаты обусловлены тем, что данные респонденты не пользуются этим видом услуги.

Важным становится определение индекса удовлетворённости граждан качеством предоставляемых услуг в отдельных отраслях жизнеобеспечения. Этот индекс рассчитывается по следующей формуле:

$$ИУ = \frac{Пу}{Кр} \times 100 \%,$$

где ИУ – индекс удовлетворённости; Пу – потребители услуг, полностью и скорее удов-

летворённые качеством оказанных услуг; Кр – количество респондентов, принявших участие в опросе.

В зависимости от индекса удовлетворённости оказания услуг в отдельных отраслях жизнеобеспечения были выделены несколько уровней их ранжирования: высокий уровень удовлетворённости (1–0,8); средний уровень удовлетворённости (0,7–0,5); низкий уровень удовлетворённости (0,4–0).

В рейтинге удовлетворённости населения оказанием услуг в отдельных отраслях жизнеобеспечения первое место занимает организация электроснабжения. Относительно благополучно ситуация складывается с организацией водо- и теплоснабжения. Качество автомобильных дорог, исходя из уровня удовлетворённости, находится на низком уровне.

Перед органами местного самоуправления поставлена задача – создать нормальные условия жизни людей, обеспечить достойное качество жизни. Её решение возможно за счёт предоставления качественных услуг в

различных сферах деятельности, которые определяются полномочиями по предметам ведения местного самоуправления.

Заключение. Оценка качества жизни в исследовании была осуществлена на основе мнений респондентов о предоставлении муниципальных услуг местными органами власти в различных сферах жизнедеятельности. Качество жизни и социальная безопасность неразрывно связаны, поскольку обеспечение социальной безопасности возможно только в том социальном пространстве, где созданы условия для достижения достойного качества жизни, интеллектуального развития личности. Уровень качества жизни детерминирует состояние социальной безопасности. Выделенным выше уровням качества жизни соответствует определённая зона социальной безопасности. В частности, такому уровню качества жизни, как достаток, будет соответствовать зона социального благополучия; нормальному уровню качества жизни – зона социального риска; бедности – зона социальной угрозы; нищете – зона социальной деградации.

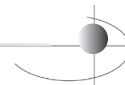
Список литературы

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Наука, 2000. 384 с.
2. Ковалев В. Н. Социология управления социальной сферой. М.: Акад. Проект, 2003. 240 с.
3. Леонтьев Г. К. Местное самоуправление как реальный механизм улучшения качества жизни населения России. Иркутск: Изд-во ИУГУ, 2000. 126 с.
4. Лига М. Б., Щеткина И. А. Методология и методика оценки качества жизни. Чита: ЗабГГПУ, 2011. 137 с.
5. Мясичев В. Н. Психология отношений. М.: Ин-т практ. психологии; Воронеж: Модэк, 1995. 356 с.
6. Сухов А. Н. Социальная психология безопасности. М.: Академия, 2002. 256 с.
7. Харченко К. В. Удовлетворённость: методология и опыт муниципальных исследований. М.: Альперия, 2011. 260 с.
8. Чмыхало А. Ю. Социальная безопасность. Томск: Изд-во ТПУ, 2007. 168 с.
9. An Agenda of Science for Environment and Development into the 21st Century, Edited by J. C. I. Dooge and Gordon Goodman and J. W. M. Rivière and Julia Marton-Lefèvre and Timothy O'Riordan. Cambridge: Cambridge University Press, 1992. 225 p.
10. Allardt E. Having, Loving, Being: An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research // The Quality of Life / M. C. Nussbaum [et al.]. 2002. pp. 94–99.
11. Aron R. Progress and Disillusion Hammonds worth. London: Penguin Books Ltd, 1972. 140 p.
12. Beck U. Die Erfindung des Politischen. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1993. 210 p.
13. Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70, no. 5. Part 2. Pp. 9–49.
14. Shultz T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. New York, 1968. 210 p.

Статья поступила в редакцию 25.01.2018; принята к публикации 10.03.2018

Библиографическое описание статьи

Лига М. Б., Щеткина И. А., Захарова Е. Ю. Оценка качества жизни населения как условие обеспечения социальной безопасности (по материалам социологического исследования) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 27–34. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-27-34.

Marina B. Liga¹,
Doctor of Sociology, Professor
Transbaikal State University
 (30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
 e-mail: m-liga@inbox.ru

Irina A. Shchetkina²,
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Transbaikal State University
 (30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
 e-mail: irinasocio@mail.ru

Elena Yu. Zakharova³,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Transbaikal State University
 (30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
 e-mail: aglena_72@mail.ru

Assessment of Quality of Life of the Population as the Condition of Ensuring Social Safety (of Materials of Social Research)

Research objective is assessment of quality of life of the population as conditions of ensuring social safety on the basis of opinions of respondents on providing municipal services by regional authorities in various spheres of activity. Various techniques of assessment of development of the person and society are developed and function in modern science. One of such techniques is assessment of quality of life as satisfactions with the personality with realization of material and spiritual needs, conditions of the activity. This assessment reveals the population relation to activity of authorities which purpose is ensuring worthy quality of life as an indicator of level of social safety. It is emphasized that social safety, its state, level in a modern civilization is a condition of improvement of quality of life. Assessment of quality of life on the basis of assessment of satisfaction with the population with activity of municipalities allows us to allocate problem points, to define the prospects of development. Assessment of quality of life as conditions of ensuring social safety in this research was carried out on the basis of the subjective data characterizing activity of authorities. The methodological base of a research was made by the person in the center approach within which it is estimated as far as the service conforms to requirements of the consumer, and the consumer is satisfied with activity of the organization providing service; concepts of quality of life, social safety, human capital basis of the subjective data characterizing activity of authorities.

Keywords: quality of life, level of living, satisfaction, quality of services, social safety

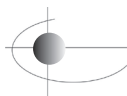
References

1. Bek, U. Society of risk. On the way to other modernist style. M: Nauka, 2000. (In Rus.)
2. Kovalev, V. N. Sociology of management of the social sphere. M: Akademicheskii Proekt, 2003. (In Rus.)
3. Leont'ev, G. K. Local self-government as real mechanism of improvement of quality of life of the population of Russia. Irkutsk: Izd-vo IUGU, 2000. (In Rus.)
4. Liga, M. B., Shchetkina, I. A. Methodology and technique of assessment of quality of life. Chita: Izd-vo ZabGGPU, 2011. (In Rus.)
5. Myasishchev, V. N. Psychology of the relations. M.: Izdatel'stvo Institut prakticheskoy psihologii, Voronezh: NPO «MODEHK», 1995. (In Rus.)
6. Sukhov, A. N. Social psychology of safety. M.: Izdatel'skij centr «Akademiya», 2002. (In Rus.)
7. Kharchenko, K. V. Satisfaction: methodology and experience of municipal researches. M: Al'periya, 2011. (In Rus.)
8. Chmyhalo, A. Yu. Social safety. Tomsk: Izd-vo TPU, 2007. (In Rus.)
9. An Agenda of Science for Environment and Development into the 21st Century, Edited by J. C. I. Dooge and Gordon Goodman and J. W. M. Rivière and Julia Marton-Lefèvre and Timothy O'Riordan, Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1992. 225 p. (In Engl.)
10. Allardt, E. Having, Loving, Being: An Alternative to the Swedish Model of Welfare Research. The Quality of Life. Nussbaum, M. C. and Sen, A., eds. 2002: 94–99. (In Engl.)
11. Aron, R. Progress and Disillusion Hammonds worth: Penguin Books Ltd, 1972. (In Engl.)
12. Beck, U. Die Erfmdung des Politischen. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 1993. (In Engl.)
13. Becker G. S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. Journal of Political Economy, vol.70, no. 5, part 2, pp. 9–49, 1962. (In Engl.)

¹ M. B. Liga: the main author, an organizer of the study who formulates conclusions and summarizes the results of the study.

² I. A. Shchetkina: collection and processing of experimental data, conclusions.

³ E. Yu. Zakharova: collection and processing of experimental data, conclusions.

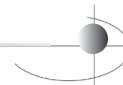

14. Shultz, T. Human Capital in the International Encyclopedia of the Social Sciences. N. Y., 1968. (In Engl.)

Received: January 25, 2018; accepted for publication March 10, 2018

Reference to the article

Liga M. B., Shchetkina I. A., Zakharova E. Yu. Assessment of Quality of Life of the Population as the Condition of Ensuring Social Safety (of Materials of Social Research) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 27–34. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-27-34.

УДК 316.442

Дмитрий Викторович Сухарев,

аспирант,

Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),

e-mail: dmits04@mail.ru

Философский анализ социального аспекта западноевропейских исследований региональных кластеров Китая (по работам Джона Сигурдсона)¹

Статья посвящена анализу социального аспекта регионального развития Китая в работах шведского учёного Джона Сигурдсона. В июне 2004 года он опубликовал в Швеции рабочий документ «Китай становится технологической сверхдержавой – узкое окно возможностей». В июле вышла работа «Региональные инновационные системы (РИС) в Китае». Дж. Сигурдсон, как и многие исследователи, анализирует экономический, политический факторы, технологические инновации, региональные программы развития Китая. Его работы привлекли тем, что он один из немногих западных исследователей, кто анализирует и социальные проблемы. Учёный проводит анализ китайского общества в контексте развития технологических систем. Он отмечает, что создание кластеров, использование новых технологий способствуют развитию социальной инфраструктуры современного китайского общества. Стоит отметить, что его анализ построен на историко-информационном подходе. Интерес в этом случае вызывает не констатация изложенных им фактов, а описание роли инновационных систем в развитии социальной сферы китайского общества. Таким образом, актуальность данной статьи обусловлена необходимостью анализа западных исследований социального фактора региональных изменений в Китае. Этому способствует методология исследования (индуктивный и дедуктивный методы, социокультурный подход, метод интерпретации и др.). Проанализировав работы Дж. Сигурдсона, отметим, что западные исследователи ещё в начале XXI века обратили внимание на то, что создание кластеров влечёт за собой увеличение конкурентоспособности и инновационной активности регионов Китая. Это стало возможным благодаря реализации Китаем стратегии «знания для экономики».

Ключевые слова: региональное развитие, региональная инновационная система, кластеры, высшее образование, университет, наука, Китай

Введение. Акцент, сделанный ранее на развитии регионов Китая, позволил определить роль научного китайского потенциала в разработке стратегии «многоуровневой интеграции, в том числе экономической, политической, социальной» [4, с. 13; 5]. Обращение к китайским исследованиям процесса становления нового регионализма Син Лицзюань [16] и Лиу Сичжун [15], к анализу стратегического выбора в статье «Новая Волна регионализма и стратегический выбор Китая» [14] и к другим работам показало необходимость анализа трактовки западными исследователями современного социального и экономического состояния Китая. Это в последующем позволит на уровне компаративистского анализа китайских, российских, западных исследований проанализировать социальный аспект китайской модернизации. Поэтому работы последних лет М. Д. Суэйна [13], Д. С. О'Нила [11], Б. Джессоп [9] позволили определить, что социальная составляющая региональной модернизации Китая является одной из областей интересов западных исследователей. Вышесказанное объясняет наш интерес к ранним работам западных учёных.

Джон Сигурдсон – профессор исследовательской политики и директор Программы по науке и технологиям Восточной Азии Европейского института японских исследований Школ экономики Стокгольма, профессор кафедры экономики Стокгольмской школы предпринимательства. Подготовка вышеназванных работ Дж. Сигурдсона стала результатом его исследований в Восточноазиатском институте Сингапура. Он трактует их как рабочий документ, который предвещает публикацию книги «Китай, становящийся технологической сверхдержавой» [14]. Учёный делает тщательный и всесторонний анализ развития инновационных технологий Китая, которые явились, как отмечает автор, следствием его динамичного марша в начале 1980-х годов.

В первой работе «Китай становится технологической сверхдержавой – узкое окно возможностей» он рассматривает технологический прогресс Китая, основанный на использовании иностранных технологий в сочетании с собственными трудовыми ресурсами [7]. Дж. Сигурдсон делает вывод, что умная интеграция региональных амбиций сочета-

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта Совета по НИИД ЗабГУ, протокол № 3 от 30.01.2018 г.

ется с национальной политикой и программами развития. Он отмечает, что развитие технологий объясняется увеличением числа студентов в высшем образовании, при этом подчёркивает, что это ещё не позволило Китаю достичь своей цели – стать экономикой, основанной на знаниях.

Вторая работа «Региональные инновационные системы (РИС) в Китае» построена на основе анализа регионов [12]. Три крупных экономических региона существуют в дельте реки Чжунцзян (PRD), дельте реки Янцзы (YRD) и Во Hai Rim (BHR) и имеют ряд важных и поразительных сходств. Они, по мнению Дж. Сигурдсона, состоят в следующем. Во-первых, центральное правительство решительно поддерживает регионы. Во-вторых, прямые иностранные инвестиции и всё более тесные промышленные и технологические связи с соседними странами придали мощный импульс региональному развитию благодаря передаче технологий, управленческим навыкам и широким связям с мировыми рынками. В-третьих, это система кластеров. Дж. Сигурдсон отмечает, что образование трёх регионов в Китае побудило провинции и города формировать новую среду для прорывных инноваций, ориентированных на будущее.

В 2005 году в Стокгольме вышла монография «Китай, становящийся технологической сверхдержавой» [14]. Её начало лирическое. Читатель видит, как на вручении Нобелевской премии в 2004 году присутствует министр науки и технологий Китая г-н Сюй Гуаньхуа. Его мысли в этот вечер, возможно, были ориентированы на будущее развитие науки и техники в Китае. Дж. Сигурдсон считает, что министр может подумать, как в скором будущем китайские учёные войдут на этот подиум и расскажут, как они смогли покорить научные вершины, которые могут быть представлены на этом форуме... Не случайно Дж. Сигурдсон в своих работах постоянно делает акцент на роли науки в региональных преобразованиях Китая. Отметим, что развитие потенциала китайского общества представлено им как закономерное следствие технологического развития регионов. Таким образом, цель данного исследования, анализ социальных факторов регионального развития Китая, представленного в работах Дж. Сигурдсона, даёт возможность определить следующее. Современная китайская политика модернизации перестраивает традиционную систему, в которой характер производства не влиял на социальные отношения. Сегодня, в Китае, как и в любой

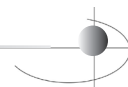
другой стране, с его чрезвычайными размерами и разнообразием, технологическая составляющая определяет в ряде его регионов развитие социальной системы.

Методология и методы исследования.

Теоретико-методологический анализ работ Дж. Сигурдсона имеет свои особенности, которые можно рассмотреть следующим образом. Во-первых, это использование метода интерпретации. Он даёт возможность определить позицию автора, его взгляд на проблемы, которые представлены в работах. Во-вторых, метод верификации позволяет установить соответствие между российской методологией исследования регионального развития Китая и западной. В-третьих, обращение к социально-философскому анализу объясняется поставленной целью исследования, которая предполагает интерпретацию взглядов Дж. Сигурдсона на социальные изменения, которые стали следствием анализа развития региональных инновационных систем в Китае. Обращение к индуктивному и дедуктивному методам даёт возможность проследить, как Дж. Сигурдсон выстраивает логику своих размышлений о технологическом развитии регионов и Китая в целом. Социокультурный подход позволил сделать анализ процесса становления социальной структуры экономически развитых регионов. Теоретическая база данного исследования построена на концептуальных позициях анализа развития современного Китая М. Л. Титаренко.

Результаты исследования и их обсуждение. Постепенное возрастающее развитие производственных фирм по всему Китаю повлекло за собой процесс их интеграции в географические кластеры. Как замечает Дж. Сигурдсон, кластеризация в высокотехнологических секторах может сформировать совершенно другую модель. Это объясняется тем, что помимо географической составляющей она должна включать отраслевые или функциональные характеристики. Однако в Китае распределение технологических возможностей в географическом пространстве создаёт неравномерное деление, придающее в этом случае не национальный, а региональный характер. Учитывая этот фактор, Дж. Сигурдсон определяет три типа региональной агломерации. К ним он относит:

- «традиционные кластеры», которые существуют в регионах, где есть сильная промышленная база, которая естественным образом обеспечивает хорошие условия;
- второму типу соответствуют регионы, в которых высокотехнологичная деятельность

поддерживается политикой пограничных исследований;

– к третьей категории относятся регионы, которые имеют слабую производственную и технологическую базу [12].

Типология кластеров Дж. Сигурдсона созвучна позиции М. Л. Титаренко, который отмечал, что в процессе создания кластеров «китайские партийные лидеры и экономисты активно учитывали и творчески переосмысливали экономический опыт, историю взлётов и падений экономик многих стран, включая опыт Японии и “азиатских тигров” – Тайваня, Сингапура и Гонконга, Южной Кореи, а также опыт НЭП в СССР» [6, с. 167].

М. Л. Титаренко концентрирует внимание на том, что в китайском обществе происходящие изменения были согласованы с чётко поставленной задачей и традиционной идеологией. Это позволяет определить «отличительную черту», смысл которой состоит в том, что была выработана стратегия и «долгосрочное поэтапное планирование в решении конкретных задач развития» [Там же, с. 166–167]. Обращение к последним российским исследованиям Д. А. Изотова [1], О. В. Корнейко и А. В. Пестеревой [2] даёт возможность отметить, что в них прослеживается концептуальное положение М. Л. Титаренко о сущности китайских кластеров. Необходимо отметить и то, что социальная природа кластеров представлена в исследованиях, например, В. С. Морозовой [3], которая определяет стратегию формирования социокультурных кластеров в китайско-российском приграничье.

Таким образом, мы отмечаем, что главная задача китайской стратегии по развитию кластеров заключалась в том, чтобы итоги отвечали не только экономическому развитию страны, но и подъёму социальной и культурной составляющих. По мнению Дж. Сигурдсона, в Китае преобладает вторая категория кластеров. Он объясняет это тем, что существует неотъемлемый конфликт между региональным или локализованным развитием и быстрой концентрацией производственной и технологической деятельности. Учёный замечает, что научно-технические парки неравномерно распределены в Китае, что фактически не позволяет распределить население по видам экономической деятельности. При этом Дж. Сигурдсон полагает, что политики во многих странах были очарованы идеей создания Силиконовой долины в Китае. Это объясняется тем, что кластеры были способны поддерживать не только технологическое развитие,

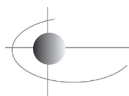
но и рост ВВП для создания новых рабочих мест [12, с. 6].

Анализируя социальный аспект в политике создания кластеров, Дж. Сигурдсон даёт характеристику процесса формирования инфраструктуры китайских городов. В современном развитии Китая он выделяет четыре типа городов. Первый тип характеризуется тем, что раннее коммерческое и промышленное развитие создало такие города, как Шанхай, Тяньцзинь, Ухань, Гуанчжоу, Циндао, где иностранные державы играли особую роль до 1949 года. Ко второму типу Дж. Сигурдсон относит города, которые или расположены внутри страны, или отдалены от крупных водных путей. Примером являются Сиань, Чэнду, Цзинань, Тайюань и т. д. Они менее динамичны в своём промышленном развитии. К третьему типу он относит развивающиеся промышленные и горнодобывающие города, например, Таншань, Дэтянь, Аньшань и т. д., которые были ориентированы на производство конкретной продукции.

Стоит заметить, что Дж. Сигурдсон большое внимание в своих работах уделяет четвёртому типу городов. Это города, которые возникли за счёт сочетания иностранных инвестиций, мощной местной поддержки и производственных и информационных инфраструктур. К ним он относит Шэньчжэнь и Дунгуань в Гуандуне, Уси и Сучжоу в Цзянсу, Яньтай и Вэйхай в Шаньдуне.

Пункты первой и четвёртой категории Дж. Сигурдсон рассматривает как города, которые находятся на переднем крае быстрого экономического развития, именно здесь и были разработаны кластеры [12, с. 8–9]. Он акцентирует внимание не только на городах, но и на их новых районах, которые возводятся в рамках региональной политики. Так, например учёный выделяет новый район Шанхая Пудун, который был определён в качестве особого случая в региональном развитии Китая как мощный промышленный фундамент и замечательная инфраструктура. Он рассматривает Пудун как яркий пример регионального развития в модернизации Китая [Там же, с. 12].

Дж. Сигурдсон делает акцент на том, что развитие промышленных инфраструктур стало возможным, потому что Китай стремится достичь своей цели: экономика должна быть основана на знаниях. Он отмечает, что в Китае университеты всё больше ориентированы на научные исследования и преподавание и менее вовлечены в создание предприятий [Там же, с. 13]. Это способствует тому, что ре-

зультаты исследований имеют потенциальную коммерческую ценность, после проверки в университетских центрах они внедряются в практику.

Вызывает интерес замечание Дж. Сигурдсона о том, что результативность внедрения научных достижений в практику будет возможна только тогда, когда Китай достигнет своей цели: оторвётся от узкой дисциплинарной ориентации, которая существовала в прежней университетской системе, расширит охват различных дисциплин, что будет способствовать возникновению междисциплинарного обучения и исследований [7, с. 15]. При этом он пишет, что дисциплинарная ориентация свойственна была модели образования в СССР.

Дж. Сигурдсон прослеживает развитие образования в университетах, подготовку кадров высшей квалификации и экономический потенциал Китая. Он акцентирует внимание на том, что университеты будут продолжать своё развитие в области инженерии и науки на приемлемом высоком уровне качества. Это, по его мнению, станет способствовать тому, что Китай будет всё чаще конкурировать в сфере умственного труда, а не в трудоёмкой продукции [Там же].

Вышесказанное позволяет учёному сделать вывод, что развитие университетов и науки позволит Китаю улучшить стратегию в области людских ресурсов, что станет основанием для того, чтобы создать систему, которая будет открытой и конкурентоспособной. Так, например, он отмечает, что парк высоких технологий, программного обеспечения и инкубатор биотехнологических генов внутри особой экономической зоны Шэньчжэнь в 2004 году насчитывал 80 000 сотрудников, среди которых более половины имеют университетское образование. Более 10 000 имеют степень магистра у более 1000 – докторская степень [12, с. 21].

По его мнению, акцент, который делает Китай на развитии знаний для экономики, способствует тому, что, например, Шэньчжэнь скоро будет иметь 7 млн чел. Он уже сегодня (в 2004 году, уточнение Д. Сухарева) является самым многокультурным городом в Китае, развиваясь с большой скоростью и гибкостью.

Дж. Сигурдсон не случайно уделяет большое внимание роли университетов в Китае. С одной стороны, он показывает, как идёт реализация цели – знания для экономики. С другой – при анализе факторов, которые способствуют региональному развитию,

он отмечает аспекты региональной концентрации населения, высшего образования, научно-исследовательской промышленности, малых и средних предприятий и диверсифицированных услуг. Таким образом, он делает вывод, что эти факторы не только изменят условия для традиционных отраслей, но и потребуют, чтобы университеты и другие учебные заведения играли новую роль [Там же, с. 37] в китайском обществе.

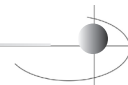
Для Китая знание – основа развития экономики. Таким образом, Дж. Сигурдсон отмечает, что потоки знаний и связи стали ключевыми элементами основанного на знаниях производства. Этому способствует то, что традиционные университеты и колледжи всё чаще дополняются научными центрами или научно-исследовательскими институтами, поскольку в корпоративных лабораториях генерируется всё большая доля новых знаний [Там же, с. 39]. Следовательно, знания становятся все более дифференцированными для удовлетворения различных потребностей и условий. И свой социальный анализ Дж. Сигурдсон завершает следующим заключением: ранний узкий секторальный подход был заменён поддержкой потоков знаний в широких производственных сетях.

Учёный рассматривает региональную инновационную систему не только как экономический организм, но и как социальный. Он исследует, как достижения в области высшего образования, развития людских ресурсов, доступа к технологиям используются для того, чтобы выйти Китаю в качестве передовой экономики знаний.

Возможно, поэтому свою книгу он завершает разделом “The 2020 Plan on Science and Technology” [14]. Эта глава посвящена анализу плана «Подготовки национального среднего и долгосрочного плана развития КНР и его прогресса».

В 2006 году была опубликована статья “China’s 15-year science and technology plan” [8]. Лейтмотив статьи был определён в самом начале: поскольку Китай реализует свой план по совершенствованию научных инноваций, ему необходимо будет решить такой политический и экономический вопрос, как найти правильный баланс между усилиями коренных народов и взаимодействием с мировым сообществом.

По этому поводу М. Л. Титаренко пишет: «Стратегия реформ неразрывно связана со стратегией подъёма науки и образования. КНР на деле пытается реализовать, что наука и техника являются первой производитель-

ной силой» [6, с. 172]. Тем самым, продолжает он, Китай формирует стратегию развития общества «экономики знаний».

Выводы. Данная статья посвящена анализу социального аспекта работ Дж. Сигурдсона “China becoming a technological superpower – a narrow window of opportunity” и “Regional innovation systems (RIS) in China”, что позволяет сделать определённые выводы.

Дж. Сигурдсон, занимаясь исследованием региональных инновационных систем, определяет модель кластера, которая развивается в Китае. Он отмечает, что она возможна только в тех регионах, которые характеризуются высокотехнологической деятельностью. Это заключение позволяет ему представить типы китайских городов, которые характеризуются быстрыми темпами экономического развития. При этом он отмечает, что экономический рост возможен при реализации китайской цели: экономика должна быть основана на знаниях. Достичь этого результата, по мнению учёного, можно одним путём, которым и

идет Китай. Это подготовка университетской базы, ориентированной на высоконаучные инновации, которые в последующем должны воплощаться в новых технологиях.

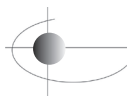
Необходимо заметить, что Дж. Сигурдсон, говоря о научных кадрах, отмечает следующее. Китай развивает свою базу по подготовке научных кадров, которые, придя на производство, создают там научные лаборатории, воплощают новые технологии в практику.

Следующий акцент Дж. Сигурдсон делает на том, что Китай стремится готовить специалистов междисциплинарного профиля, уходя от узкой специализации. Это можно объяснить инновационной политикой Китая.

Таким образом, Дж. Сигурдсон, будучи экономистом, осуществил в своих работах анализ социальных факторов региональных инновационных систем Китая. Он, не ссылаясь на западную концепцию «знание – сила», показал, что Китай определил концептуальное положение «знание – экономике».

Список литературы

1. Изотов Д. А. Специфика кластерных структур в китайской экономике // Регионалистика. 2015. Т. 2, № 3. С. 18–21.
2. Корнейко О. В. Опыт развития специальных экономических зон и промышленных кластеров в Китае // Вестник Удмуртского университета. Сер. Экономика и право. 2016. Т. 26, вып. 6. С. 34–40.
3. Морозова В. С. К вопросу о разработке концепции приграничного социокультурного кластера как механизма становления инновационного типа партнёрства в практике соразвития Дальнего Востока и Забайкальского края РФ и Северо-Востока КНР // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2014. № 15. С. 89–95.
4. Сухарев Д. В., Фомина М. Н., Борисенко О. А., Бернюкевич Т. В., Кондакова Н. С. Китайский регионализм как фактор модернизации. М.: Акад. Естественных наук, 2017. 82 с.
5. Сухарев Д. В. Содержание понятия «экономическая модернизация» в работах российских, западных и китайских учёных [Электронный ресурс] // Экономика и менеджмент инновационных технологий. Режим доступа: <http://www.ekonotika.snauka.ru/?p=10539> (дата обращения: 07.01.2018).
6. Титаренко М. Л. Россия и её азиатские партнёры в глобализирующемся мире. Стратегическое сотрудничество: проблемы и перспективы. М.: Форум, 2012. 544 с.
7. China becoming a technological superpower – a narrow window of opportunity [Электронный ресурс] / by J. Sigurdson // Working Paper. 2004. No. 194. June. Режим доступа: <https://www.core.ac.uk/download/pdf/7092081.pdf> (дата обращения: 12.02.2018).
8. China's 15-year science and technology plan / by C. Cao, R. P. Suttmeier, D. F. Siman [Электронный ресурс] // Physics Today. 2006. No. 59. December. Режим доступа: <http://www.china-us.uoregon.edu/pdf/final%20print%20version.pdf> (дата обращения: 12.01.2018).
9. Jessop B. Dynamics of Regionalism and Globalism: A Critical Political Economy Perspective [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.ritsumei.ac.jp/acd/re/k-rsc/hss/book/pdf/vol05_02.pdf (дата обращения: 11.01.2018).
10. Lijuan X. “Xinquyuzhuyi” yu duobian maoyi tizhide chongtu ji xietiao [Электронный ресурс] // Chinese Academy of Social Sciences. Режим доступа: <http://www.chinaacc.com/new> (дата обращения: 13.02.2018).
11. O'Neill D. C. One Belt, One Road, One Regime Type: The Limits of Chinese Influence in Developing States [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.web.isanet.org/Web/Conferences> (дата обращения: 25.01.2018).
12. Regional innovation systems (RIS) in China [Электронный ресурс] / by J. Sigurdson // Working Paper. 2004. No. 195. July. Pp. 6–39. Режим доступа: <http://www.swopec.hhs.se/eijswp/papers/eijswp0195.pdf> (дата обращения: 11.12.2017).
13. Swaine M. D. Chinese Views and Commentary on the “One Belt, One Road” Initiative [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/clm47ms.pdf> (дата обращения: 11.02.2018).

14. Tehnological Superpower China / by J. Sigurdson, J. Jiang, X. Kong, Y. Tang [Электронный ресурс]. 2005. November. P. 368. Режим доступа: <https://www.elgaronline.com/view/1845423763.00008.xm> (дата обращения: 10.02.2018).

15. Xizhong L. Cong quyuzhuoyi dao xinquyuzhuoyi: xetiao fazhan de modai yanbian [Электронный ресурс] // Nanjing shehui kexue. 2014. Vol. 5 Pp. 70–76. Режим доступа: <http://www.doc88.com/p-4804432594806.html> (дата обращения: 10.02.2018).

16. Xin quyuzhuoyilanchao yu Zhongguo zhanluye xuanjie [Электронный ресурс] // Economic Information Daily. Режим доступа: <http://www.news.sina.com.cn/o/2015-10-16/doc-ifxivsee8281705.shtml> (дата обращения: 15.02.2018).

Статья поступила в редакцию 02.03.2018; принята к публикации 27.03.2018

Библиографическое описание статьи

Сухарев Д. В. Философский анализ социального аспекта западноевропейских исследований региональных кластеров Китая (по работам Джона Сигурдсона) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 35–41.

Dmitry V. Sukharev,
Postgraduate Student,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: dmits04@mail.ru

**Philosophical Analysis of the Social Aspect of Western European Studies of
Regional Clusters of China (According to the Works by John Sigurdson)¹**

The article is devoted to the analysis of the social aspect of China's regional development in the works by the Swedish scientist John Sigurdson. In June 2004, he published a paper "China is becoming a technological superpower – a narrow window of opportunity" in Sweden. In July, he published the paper "Regional Innovation Systems (RIS) in China". J. Sigurdson, like many researchers, analyzes economic, political factors, technological innovations, and regional development programs of China. Our attention was drawn to the fact that he is one of the few Western researchers who analyze social problems. J. Sigurdson gives an analysis of Chinese society in the context of the development of technological systems. He notes that the creation of clusters, the use of new technologies contribute to the development of the social infrastructure of modern Chinese society. It is worth noting that his analysis is based on the historical information approach. In this case, we are not interested in ascertaining the facts presented by him, but in describing the role of innovation systems in the development of the social sphere of Chinese society. Thus, the relevance of this article is due to the need to analyze Western research on the social factor of regional changes in China. This is facilitated by the methodology of research (inductive and deductive methods, socio-cultural approach, method of interpretation, and others). As shown by the analysis of the work by J. Sigurdson, Western researchers at the beginning of the 21st century drew attention to the fact that the creation of clusters contributes to increasing of the competitiveness and innovation activity of the regions of China. This is facilitated by the implementation of China's strategy of "knowledge for the economy".

Keywords: regional development, regional innovation system, clusters, higher education, university, science, China

References

1. Izotov, D. V. Specificity of cluster structures in the Chinese economy. *Regionalistics*, v. 2, no. 3, pp. 18–21, 2015. (In Rus.)

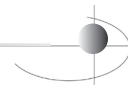
2. Korneiko, O. V. Experience in the development of special economic zones and industrial clusters in China. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seria "Ekonomika i pravo"*, pp. 34–40, 2016. (In Rus.)

3. Morozova, V. S. On the development of the concept of a cross-border socio-cultural cluster as a mechanism for the establishment of an innovative type of partnership in the practice of co-development of the Far East and the Transbaikal Region of the Russian Federation and the Northeast of the PRC. *Rossia i Kitai: problem strategicheskogo vzaimodeictvia: sbornik Vostochnogo centra*, no. 15, pp. 89–95, 2014. (In Rus.)

4. Sukharev, D. V. Chinese regionalism as a factor of modernization. Sukharev, D. V., Fomina, M. N., Borisenko, O. A., Bernyukevich, T. V., Kondakova, N. C. M: *Izdatelckii dom Akademii Estestvoznania*. 2017. (In Rus.)

5. Sukharev, D. V. The content of the concept of "economic modernization" in the works by Russian, Western and Chinese scientists. *Ekonomika i menegment innovacionnih tehnologii*. Web. 07.01.2018. <http://www.ekonomika.snauka.ru/?p=10539> (In Rus.)

¹ The article was financially supported by the Grant of the NIDU Council of Transbaikal State University. No. 3. 30.01.2018.

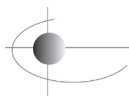

6. Titarenko, M. L. Russia and its Asian partners in a globalizing world. Strategic cooperation: problems and prospects. M: ID "FORUM". 2012. (In Rus.)
7. China is becoming a technological superpower – a narrow window of opportunity: by Jon Sigurdson Working Paper No 194 June 2004. Pages: 26. Web. 12.02.2018. <https://core.ac.uk/download/pdf/7092081.pdf> (In Engl.)
8. China's 15-year science and technology plan: by Cong Cao, Richard P. Suttmeier, and Denis Fred Siman. Physics Today 59(12) · December 2006. Web. 12.01.2018. <http://www.china-us.uoregon.edu/pdf/final%20print%20version.pdf> (In Engl.)
9. Jessop, B. Dynamics of Regionalism and Globalism: A Critical Political Economy Perspective. Web. 11.01.2018: http://www.ritsumei.ac.jp/acd/re/k-rsc/hss/book/pdf/vol05_02.pdf (In Engl.)
10. Lijuan, X. "Xinquyuzhuyi" yu duobian maoyi tizhide chongtu ji xietiao. Chinese Academy of Social Sciences. Web. 13.02.2018. http://www.chinaacc.com/new/287/296/2008/7/hu921305255112780022_3450-0.htm. [In Chin.]
11. O'Neill, D. C. One Belt, One Road, One Regime Type: The Limits of Chinese Influence in Developing States. Web. 25.01.2018. <http://www.web.isanet.org/Web/Conferences/HKU2017-s/Archive/0e71d222-d061-45a8-a87e-6970a6605d4c.pdf> (In Engl.)
12. Regional innovation systems (RIS) in China: by John Sigurdson Working Paper No, 195 July 2004. p. 47: Web. 11.12.2017. <https://www.swopec.hhs.se/eijswp/papers/eijswp0195.pdf> (In Engl.)
13. Swaine, M. D. Chinese Views and Commentary on the "One Belt, One Road" Initiative. Web. 11.02.2018. <https://www.hoover.org/sites/default/files/research/docs/clm47ms.pdf> (In Engl.)
14. Technological Superpower China: by Jon Sigurdson, Jiang Jiang, Xinxin Kong, Yongzhong and Yuli Tang. Monograph Book. Published in print. 25 Nov. 2005. Pages: 368. Web. 10.02.2018. <https://www.elgaronline.com/view/1845423763.00008.xml> (In Engl.)
15. Xizhong, L. Cong quyuzhuyi dao xinquyuzhuyi: xetiao fazhan de modai yanbian. Nanjing shehui kexue. 2014. V. 5 pp. 70–76. Web. 10.02.2018. <http://www.doc88.com/p-4804432594806.html>. [In Chin.]
16. Xin quyuzhuyilanchao yu Zhongguo zhanluye xuanjie. Economic Information Daily. 16.10.15. Web. 15.02.2018. <http://www.news.sina.com.cn/o/2015-10-16/doc-ixivsee8281705.shtml>. [In Chin.]

Received: March 2, 2018; accepted for publication March 27, 2018

Reference to the article

Sukharev D. V. Philosophical Analysis of the Social Aspect of Western European Studies of Regional Clusters of China (According to the Works by John Sigurdson) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 35–41.

УДК 16.167

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-42-49

Михаил Васильевич Фирсов¹,

доктор исторических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет
(129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр.1),
e-mail: mihail_firsov@mail.ru

Татьяна Николаевна Юдина²,

доктор социологических наук, профессор,
Российский государственный социальный университет
(129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр.1),
e-mail: ioudinatn@mail.ru

Анна Андреевна Черникова³,

аспирант,
Российский государственный социальный университет
(129226, Россия, г. Москва, ул. Вильгельма Пика, 4, стр.1),
e-mail: aannuy@yandex.ru

В поисках утраченной инкапсуляции: философия топологии уходящего времени

Предлагаемая работа реализует дальнейшие подходы к экологии современной культуры как среды обитания человека. С позиций «гигиены культуры», которые условно в научном отечественном и зарубежном сообществе определяют *направление экологии культуры*, осмысляются процессы взаимодействия между поколениями в современной среде обитания человека. Понимание данных процессов в одной из сложившихся научных парадигм не позволяет отразить всё многообразие явлений, характерных для современных областей познания. Именно поэтому авторы воспользовались методологией трансверсального подхода, позволяющего в «точках пересечения» с другими научными подходами обозначить основной контур современных образов культуры, мозаично складывающихся из паттернов модернизма и постмодернизма, реализма и «э-культуры», вступающих в диссонанс и противоречие, а с другой стороны, каждый по-своему объективно отражает области «неизвестного» реального мира. Авторы реализуют возможности методологии анализа ситуаций повседневности с позиций подходов культурной инкапсуляции, предложенной американским исследователем К. Ренном, что применяется в практике консультирования и терапии при понимании процессов социального функционирования этнических групп и сообществ. *Сложившийся подход*, как нам представляется, применим и в философском познании при анализе взаимодействия различных групп применительно к проблемам «гигиены культуры». В работе рассматриваются межпоколенческие отношения в контексте культурного взаимодействия в их противоречивости и преемственности, особенности и единичности, в контексте межвременных кросс-культурных парадоксов.

Ключевые слова: гигиена культуры, трансверсальность, инкапсуляция, э-культура, культурная инкапсуляция, идентичность, топология пути, парадигма, культура

Введение. Время, как известно, категория, выражающая длительность бытия и смену состояний материальных систем и процессов. Оно предопределяет все процессы изменения, «метит» определённым образом поколенческие когорты, формируя их историческое настоящее, качественные характеристики которых затем станут «достоянием прошлого», оформляет повседневные матрицы культурной инкапсуляции [6].

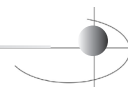
Матрицы того культурного кокона, согласно К. Ренну, который защищает человека или группу от давления инокультурной среды [13]. Инокультурная среда может иметь различные

образы и необязательно должна осмысляться как среда этносов, народностей со своими особыми механизмами формирования идентичности в измерениях инкультурации, ассимиляции или аномии. Её можно рассмотреть в контексте культуры, или её феноменов, «гигиены культуры», если обозначить, как полагал М. Фуко, «точки сцепления определённой систематизации» [7]. Такой системой «сцепления» и «систематизации» может быть трансверсальный подход в осмыслении феноменов, позволяющий посмотреть на традиционные проблемы с позиций других измерений.

¹ М. В. Фирсов разрабатывает концепцию статьи, систематизирует и анализирует исследовательский материал.

² Т. Н. Юдина систематизирует и анализирует исследовательский материал.

³ А. А. Черникова переводит и анализирует зарубежную литературу, собирает материал.

Методология и методы исследования.

Целью исследования являлось критическое исследование феномена преемственности в культуре, с позиций межпоколенческих противоречий. Деятели культуры «обусловлены» своим историческим временем, они определяют массовую колонизацию общественного сознания формами, средствами и методами, характерными для конкретной исторической эпохи. Однако в той же самой исторической среде зарождается новая «культурная инкапсуляция», которая начинает оформляться и существовать одновременно с традиционной культурой. Движущими силами этих процессов являются архетипы коллективного нарциссизма, воспроизводимые в контексте своего времени, осложнённые поколенческими социокультурными самопрезентациями. В том реализуется временной парадокс, обозначенный философом В. Вельшем как «одновременность разновременного» [14].

Сложность и многоаспектность выбранной темы, недостаточная её разработанность потребовали обращения к культурологическим, историко-философским, социально-философским, социально-психологическим и другим источникам. Исследователи исходили из анализа единства культурного, социально-философского, мировоззренческого оснований культурной инкапсуляции. В статье используется теоретический метод систематизации социокультурных феноменов и явлений на основе трансверсального подхода. Работа опирается на теории общества, проблематизирующие социокультурную реальность.

Впервые авторами обозначены подходы к смене парадигм на основе анализа моделей культурной инкапсуляции модернизма, с их обобщёнными характеристиками и оформляющимися тенденциями постмодернистской парадигмы «э-культуры».

В связи с тем, что предполагаемое исследование затрагивает различные сферы научного социального познания, был использован комплекс подходов, объединённых едиными целевыми установками и задачами:

- адаптации и социокультурной интеграции, на основе концептов дифференциации, сближения, эволюционного развития (Н. Бердяев, А. Макинтайр, Дж. Ролз, М. Сандель, Дж. Уодрон, Г. Таллока, Ч. Тейлор, А. Этциони и др.);

- проблемы творчества и бессознательного в разных аспектах (И. А. Бесковой, И. А. Герасимовой, А. С. Майдановым, Д. Деннета, Д. Фодора, Д. Серля, Т. Нагеля и др.);

- трансверсального подхода (Ж.-П. Сартра, Ф. Гваттари, М. Фуко, В. Вельша, М. Мардашвили).

Методология трансверсальной рефлексии даёт возможность анализировать многообразные «логики и иерархии», открывать связи между всевозможными уровнями [10], в данном случае инокультурных сред. Мы рассмотрим матрицы культурной инкапсуляции, которые характерны в межпоколенческих отношениях, воспроизводящиеся в процессе исторических трансформаций коллективные формы бессознательного.

Результаты исследования и их обсуждение. Историческая логика топологии культурной инкапсуляции. Матрица культурной инкапсуляции существует для каждого поколения в своих обретенных границах. Несмотря на то, что архетипы коллективной памяти, усилия правящих элит через систему воспроизводства традиций, потребительских и интеллектуальных ценностей, санкций пытаются подвести к «сознательному объединению» бессознательных процессов поколений, они формируются по своим траекториям развития.

Такую особенность миробытия сообщества немецкий учёный В. Вельш обозначил как «одновременность разновременного» [14]. Возможно, это один из парадоксов матрицы культурной инкапсуляции, когда каждое поколение в одном и том же историческом времени осуществляет поиск своей идентичности в системе общих культурных координат.

Историческая биография и место поколения сугубо индивидуальны, как и скелеты в их шкафу. Несмотря на общую анатомическую идентичность скелетов, каждое поколение имеет свои истории. Подобно принцу Гамлету по черепу они умеют определять только своих «бедных Йориков», причём только в окружении своих Горациев, оставляя «исторические тайны» последующим поколениям, которые в их время были всего лишь рудиментами повседневности.

Отцы и дети – «представители» разных временных парадоксов, находясь в системе «одновременности разновременного», по-своему систематизируют «ключья реальности». Объединённые местом и пространством, они воспроизводят и транслируют различные тексты поведения в целом историческом времени, формируют свои культурные коды и нарративы.

При этом можно наблюдать, как исторически происходит одна и та же смена циклов.

«Предшествующие-предки», временно доминируя и направляя «последующих-потомков» через инструменты власти, насильственно инкорпорируют свои модели культурной инкапсуляции, проявляя радикальную эмпатию к «младшему поколению», через «инновационные» методы социально-педагогического заблуждения, выражающегося в моделях исторического социального воспитания.

«Последующие» в силу социальной незрелости, не имея инструментов власти, через формы ирреального *со-подчинения* и *со-существования* в матрице старшего поколения втайне мечтают о крайностях. Пуститься во все тяжкие с криком «сарынь на кичку», либо уйти в мир дерзких грёз и мечтаний, «...когда же чёрт возьмёт тебя!», мистифицируя представляемые формы и грани «инкапсуляционной свободы».

Но со временем, когда их модель выйдет за границы культурного гетто предшествующего поколения, они будут транслировать в логике радикальной эмпатии последующему поколению свои тексты «вечной событийности». Став средством выражения текста своей матрицы инкапсуляции, они будут претендовать, как и их предшественники, на то, что культурные нарративы сложились в «каноническую модель» и что её воспроизводство и есть цель созидания того, что достигнуто другими поколениями.

Со временем их «понятийные галлюцинации» постепенно перейдут в «речевые и слуховые галлюцинации», а «каноническая модель», культурная матрица инкапсуляции их поколения, постепенно всё дальше будет отделяться от исторической топологии пути «подростающего поколения», творящего в своей культуросообразной логике творческого процесса.

И чем дальше во времени будет происходить разрыв между поколениями, то согласно Вольтеру, они всё больше будут представляться «скопищем заблудших людей», воспроизводя данную цикличность в последующих исторических перспективах.

Возможно в своих «неразъясненных заблуждениях» для грядущих поколений всё так же будет сокрыта философия топологии пути в контексте культуры, той истины, «существенно важной для человека, которую Бог утаил»¹.

Культура – это текст интуитивного таинства, который не имеет своего завершения, но каждому поколению дана возможность

осознавать и воспроизводить только свою часть неизвестного. При этом, когда начинает созидать новое поколение, оно будет творить в своей логике топологии жизненного пути, в контексте своей «гигиены культуры», на основе тех артефактов истории, «ключев реальности», из которых они и будут кроить свои культурные тексты, оставляя потомкам новые горизонты образов неизвестного.

В этих почти диалектических противоречиях, согласно философу М. Мамардашвили [4], в контексте «одновременности разновременного» постоянно воспроизводятся механизмы радикального сомнения, приводящие к *самоизменениям* матриц культурной инкапсуляции поколений.

Можно отметить, что воспроизводство «радикального сомнения» в матрицах культурной инкапсуляции происходит постоянно с нарушением «гигиенических правил» [Там же] межпоколенного культурного взаимодействия, в том числе и правил «гигиены культуры» в своём «историческом коконе».

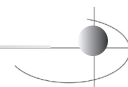
Известный афоризм Аристотеля “*Natura abhorret vacuum*” («Природа не терпит пустоты») с годами изменился в изречение «Природа не терпит повторений». Эту максиму поэт И. Бродский приложил применительно к искусству и литературе, находя их отличие от жизни, что оно (искусство) «всегда бежит повторения» [5]. Страх повторения предшествующих культурных паттернов толкает «молодых и смелых» мыслить и творить «иначе». Здесь кроются корни «культурного бунта» «детей» в историческом коконе, обречённых стать впоследствии отцами-мэтрами уходящей культуры.

«Неповторение» механизм и архетип культурного кода, движитель исторического поколения, в рамках логики радикального сомнения оно определяет новые границы будущей колонизации массового сознания в формах и дискурсах грядущей культурной инкапсуляции.

Философия и идеология колонизации сознания в контексте культурных дискурсов. Колонизация массового сознания, возможно, – это не только один из механизмов «гигиены культуры», но и своеобразная форма нарциссизма исторического поколения, бессознательно воспроизводимая субъектами доминирующей культуры, либо в отдельной стране, либо в отдельных видах искусств в обусловленный исторический период.

Термин «нарциссизм» был введён британским врачом и публицистом Х. Эллисом в конце XIX века, как феномен был описан

¹ Вольтер. Орлеанская девственница. Магомет. Философские повести. – М.: Худож. лит., 1971. – 720 с.

в начале XX века З. Фрейдом, и достаточно неожиданно в конце XX века был объяснён американским психологом Р. Меем, который в рамках современной культуры вводит понятие «нео-нарциссизм».

Нарцисс – трагический изъян человека в глазах Бога – не сможет никогда быть в союзе с другим человеком. Самовлюблённость Нарцисса – «продукт мести и возмездия», приводящая к форме одинокой любви, её «чистой форме». Она выражается в проявлениях самопопечения, самооценки, самоутверждения, самоуважения, что становится впоследствии расплатой в виде одиночества [12].

Культурное поколение – это продукт одиночества, оно расплачивается за свои грехи, по своим счетам за своё проявление общественного нарциссизма, за свои формы самоутверждения, самолюбования и «неповторимости». Культурное одиночество имеет свой исторический паттерн, стиль культуры, не похожий на другие культурные парадигмы времён и народов, в них также по «законам нарциссизма» направленность осуществляется только в своё пространство, на основе своих этических дилемм, форм самоуважения и самоутверждения.

Но если поколение может выбирать по отношению к себе формы «нарциссической» самовлюблённости, небрежно отпуская извинения перед другими, как говорил Франсуа Вийон: «Принц, у нас есть те любви, какие есть, извините меня за немногое» [11], – то формы колонизации массового сознания оно не выбирает. Это «инструмент возмездия», границы дискурса, определяющие «технические возможности» культурной инкапсуляции.

Историческое поколение не выбирает формы колонизации массового сознания: театр, мистерии, живопись, архитектуру, литературу, кино и т. д. – все они являются «подручными средствами» описания представлений неизвестной реальности.

Поколение – лишь механизм реализации форм культуры в границах отведённого времени теми средствами, которые им «достаются» в результате цивилизационного культурного развития и приумножение которых будет исторической задачей поколения.

Колонизация массового сознания как форма культурной экспансии – характерное явление для мировой истории. Как отмечает французский исследователь А. Голдхаммер, культура Франции «колонизировала сознание мира», став центром цивилизации в девятнадцатом столетии [Там же].

Возможности влияния на сознание населения различных видов искусств осознавали

как сами деятели искусств, так и правящие элиты, для которых «искусством» была технологическая система управления государством, однако в структуре политического управления само искусство являлось «инструментом управления душами населения».

И если в первом случае в XIX веке немецкий писатель Э. Гофман через сентенции кота Мурра только «раскрывал тайное влияние» опаснейшего союза поэтов и музыкантов, стремившихся вытеснить «зрителя из действительного мира» [1], то политические деятели, в том числе и в России в начале XX века, реализовывали эти механизмы в практике управления государством, осуществляя через колонизацию массового сознания политические идеологемы счастья и справедливости.

Правящие элиты воплощали в жизнь «законы сочетания интересов населения», они были озабочены вопросами не только «общественной гигиены» [8], но и «гигиены культуры» для своих сограждан. Культура для правящих элит являлась «механизмом интеграции», способом формирования идентичности, культурной, государственной, национальной, политической, классовой формой общественного нарциссизма.

Например, в Советской России в 20-е годы такие виды искусства, как кино и цирк, являлись «инструментом» управления массовым сознанием населения на территории, где никогда не заходит солнце. Их вожди писали: «Пока народ безграмотен, из всех искусств важнейшими для нас являются кино и цирк» [2].

Культурная экспансия, управление массовым сознанием с привнесением ценностей за пределы государственных границ было осуществлено в XX веке Голливудом [11], который с «приходом электричества» колонизировал массовое сознание населения всего земного шара, там, где когда-то веками при свечах доминировали национальные культуры и религии.

В начале XXI века колонизация сознания в глобальных масштабах, в масштабах цивилизационной коммуникации, принадлежит интернету, как новой форме культурной инкапсуляции. Интернет, захвативший всё мировое пространство, «осуществил» культурную экспансию во всех странах и на всех континентах, распространив своё влияние не только на нации и народности, но и на индивидов, проживающих в «отдельно взятых» квартирах, вивамах, шалашах и юртах. При этом он дал возможность человеку проявить

индивидуальные формы «искусства существования» [9], вне рамок институциональной реальности, реализуя индивидуальные субъективные модели культурной инкапсуляции.

Культура «детей без отцов» в контексте электронного кокона. В начале XXI века «э-культура детей» колонизировала массовое сознание современного общества через технологические формы информационных потоков, оставив «культуре отцов» плоские проекции статического мира картин, «ассоциативные нарративы объёмных художественных текстов», исторические танцевальные фигуры па-де-де, из давно ушедших в века элементов менуэта, мазурки и вальса.

В «э-культуре» XXI века ключья реальности более представляют в образах информации, чем «вещных предметах». И если Ф. Кафка на рубеже XIX–XX веков с ужасом констатировал, что «человек превращается в вещь, в предмет, перестаёт быть живым существом»¹, то субъектная сущность современного человека всё больше становится свойством информационных носителей, определяя новую сущность индивидуальной субъектности.

В XXI веке сотни миллионов «Дорианов Греев» не прячут своего истинного лица, что было характерно для культуры XIX века, а «демонстрируют его» в информационных потоках. Образы неизвестного создаются и рефлексированы вне контекста локальной культурной идентичности, захватывают глобальное географическое и этническое пространство.

В качестве критиков и поклонников невидимые субъекты инкапсуляционного информационного потока образуют глобальные виртуальные когорты, которые коммуницируют при помощи «лайков» и «подписки», выражая свои ценностные пристрастия и ориентации, для них информационный ритуализм виртуального пространства имеет большую ценность, чем вещная реальность пространства книги или картины.

Новые инструменты художественных возможностей, пространственных композиций, выходящих за границы двумерного пространства, позволяют моделировать и модулировать субъектам не только свой внешний и внутренний мир, но включать себя в пространство текста, не на основе ассоциативных иллюзий, а в границах виртуальной реальности.

¹ Кафка Ф. Замок: роман. Новеллы и притчи. Письмо к отцу. Письмо к Милене. – М.: Политиздат, 1991. – 576 с.

«Э-культура» ставит «поколение детей» перед выбором вести диалог «с суперкомпьютером, в течение нескольких секунд, выдающим миллионы бит информации», или следовать «500-страничному литературному тексту»². Столкновение культур детей и отцов создаёт культурную асимметрию виртуальных и реальных текстов.

Культурная асимметрия восприятия пространства текста осложняется не только пространственными технологиями, типа IMAX, они характеризуются языковыми особенностями, которые свойственны любой культурной инкапсуляции.

Т. Кун применительно к парадигмам науки заметил, что «языки по-разному расчленяют мир, и у нас нет нейтральных металингвистических средств для фиксации отчётов о наблюдениях» [3]. Языковое расчленение реальности не только технологическая, но и семантическая особенность культурной инкапсуляции.

Для когорты «э-культуры» XXI века «лагает (*logout*) комп» несёт больше семантической и эстетической информации, чем языковые культурные диссонансы декаданса рубежа XIX–XX веков, типа «закружились, зазвенели, стая лёгких времирей»³. Примером может стать российская городская культура середины XX века, песенные строки типа «канает мент насадкой ливеруя»⁴, такие близкие и знакомые для культуры их «отцов», воспитанных в «книжных традициях» объёмных нарративов.

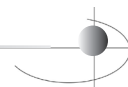
Пан-речевые культурные практики поколений по-своему «верстают» тексты повседневности. Металингвистические средства фиксации действительности когорт «э-культуры» основаны на моделировании реальности и виртуального пространства, это их континуум бытия, «повседневность разноразностного».

Конструирование повседневности в ситуации «одновременности разноразностного» позволяет им создавать индивидуальные композиции реальности, свои образы «искусства существования», свои информационные потоки «художественных нарративов», через них выражать «самость»

² Electronic culture [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.doclecture.net/1-15508.html> (дата обращения: 12.12.2017).

³ Хлебников В. Там, где жили свиристели. Русская поэзия начала XX века (дооктябрьский период) // Библиотека всемирной литературы. Сер. 3, т. 177. – 509 с.

⁴ Музыкальный фельетон-1 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.shanson-e.tk/forum/archive/index.php/t-31841.html> (дата обращения: 12.12.2017).

и творческую идентичность, самореализовываться, вызывая к жизни новые формы нарциссизма.

Для поколения «э-культуры» одновременное существование в виртуальном пространстве, общаясь с друзьями, параллельно слушать музыку, отмечать артефакты «загугленного текста», уточняя у «Сири» свою геолокацию, отвечая на вопрос: «Как пройти..?», не прерывая «поток бытия», пить кофе в пластиковом стаканчике, замечая особенности идущих или сидящих рядом, является не только осознанной нормой жизнедеятельности, но и художественной эстетической формой «искусства бытия». Электронный культурный кокон – пространство реализации нарциссических интенций когорты «э-культуры».

Для поколения детей гаджет – часть его тела, отсутствие его вызывает страх и дискомфорт, потерю координат повседневности. Наличие гаджета позволяет реализовывать различные формы индивидуальной экологии, процесс художественного бытия. Гаджет – это инструмент колонизации сознания, позволяющий окружающее сообщество «превращать в контекст» своего нарциссического бытия.

Мифы и трагедии современных нарциссов реализуются в нереализованной мечте иметь подписчиков, реагирующих на проявление его Эго в информационном пространстве в планетарных масштабах, а не в сотнях, тысячах и миллионах. Количество «лайков» в виртуальном пространстве определяет масштаб Эго, границы самолюбования, масштабы самовосхищения, эстетическую значимость его эго-бытия. В этом проявляется сущность «нео-нарциссизма» нового века.

Металингвистический нарциссизм «отцов» больше связан с понятиями и определениями. Они создают для них пространство виртуального, они ментальные проводники в повседневность, помогающие создавать новые тексты. В отличие от культурного пространства детей для них больше характерно бытие в «одновременности разновременного», чем пространственного.

Находясь в электронном коконе, «они механистические традиционалисты», «комп» – всего лишь «печатная машинка», позволяющая перемещаться по понятийному пространству, не «рассекая залов библиотек». «Комп» – посох, а не Вергилий, помогающий,

но не ведущий, потаённые круги ада выбираются самостоятельно...

Выводы. Современная «э-культура» всё больше становится ритуализмом, гигиенической процедурой массового пользователя информационных систем. Внутренние конфигурации и формы современной культуры уподобляются утилитарным ценностям для субъектов глобальной культурной инкапсуляции. Её предназначение столь же функционально, как и гигиена полости рта, или парик в XVII веке, или капюшон капюцина, предохраняющий его от дождя, или «содержание» ночных горшков горожан, выкидывающих из окон (Windows) на голову ночных прохожих всё то, что мешает их существованию. Исторические, культурные достопримечательности «культурного туризма» всё больше подменяется гастрономическим туризмом, и на всех континентах “In vino veritas”, пока звучит более убедительно, чем “Vita brevis, ars longa”.

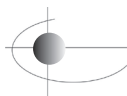
Всё идёт не по тем правилам. Именно нарушение «правил гигиены культуры» постоянно воспроизводит межпоколенные «вечные вопросы»: «Кто виноват?», «Что делать?», что характерно для российских моделей инкапсуляции. Причём каждый век только добавляет новые вечные вопросы, не снимая и не найдя ответы на вопросы предшествующих предшественников культурной инкапсуляции.

В XX веке с лёгкой руки русского писателя В. Ерофеева появился новый вечный вопрос, ставший актуальным в условиях современных мировых санкций в отношении России: «По какую сторону Пиренеев больше любят русского человека?»¹.

Дискурсы вечных вопросов позволяют обозначить и осмыслить в логике исторических заблуждений траектории множественности и единичности в контексте «правил гигиены культуры», переосмысляя субъектности культурной инкапсуляции на перекрётках истории, в парадоксах радикального сомнения.

Эта триада извечных вопросов, подобно «трём источникам и трём составным частям марксизма», определяет новые дискурсы культурной инкапсуляции в контексте «э-культуры» нового века, обозначая архитектуру новых полей битв современных отцов и детей, сквозь дискурсы созерцательной пассивности и радикального прощения.

¹ Ерофеев В. Москва – Петушки. – М.: Прометей, 1989. – 128 с.

Список литературы

1. Гофман Э. Т. А. Крейслериана. Житейские воззрения кота Мурра. Дневники. М.: Наука, 1972. 667 с.
2. Кузнецова С. Отделение цирка от государства [Электронный ресурс] // Коммерсантъ Власть 2006. № 30. С. 52. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/693880> (дата обращения: 12.12.2017).
3. Кун Т. После «Структуры научных революций» М.: СТС, 2014. 448 с.
4. Мамардашвили М. К. Полный курс лекций. Философия Европы. Психология топология пути. М.: Изд-во АСТ, 2016. 968 с.
5. Нобелевская речь Иосифа Бродского [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.introvertum.com/nobelevskaya-rech-iosifa> (дата обращения: 12.12.2017).
6. Фирсов М. В., Юдина Т. Н., Черникова А. А. Особенности процессов инкапсуляции в условиях многовекторных координат российского общества // Учёные записки Забайкальского государственного университета. Сер: Социологические науки. 2017. Т. 12, № 3. С. 30–40.
7. Фуко М. Археология знания. Изд. 2-е, испр. СПб.: Гуманитарная Академия, 2012. 416 с.
8. Фуко М. Безопасность, территория, население. Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. 544 с.
9. Foucault M. Essential works of Foucault, 1954–1984. Vol. 1. Ethics, subjectivity and truth. New York: The New Press, 1997.
10. Genosko G. Félix Guattari: towards a transdisciplinary metamethodology. Angelaki // Journal of the Theoretical Humanities. 2003. № 8. Pp. 129–140.
11. Goldhammer A. The future of French culture // French Politics, Culture & Society. 2010. Vol. 28, No. 3.
12. May R. Freedom and destiny. W. W. Norton & Company. New York; London, 1981. Pp. 146–147.
13. Ruben J. Echemendia Cultural encapsulation [Электронный ресурс] // Keywords in Multicultural Interventions A dictionary / ed. by J. S. Mio [et al.]. London: Greenwood press Westport: Connecticut, 1999. Pp. 67–68. Режим доступа: <http://www.daximeba.ru/xuga.pdf> (дата обращения: 07.12.2017).
14. Welsch W. Unsere postmoderne Moderne. Weinheim: VCH Acta Humaniora, 1991.

Статья поступила в редакцию 12.01.2018; принята к публикации 28.02.2018

Библиографическое описание статьи

Фирсов М. В., Юдина Т. Н., Черникова А. А. В поисках утраченной инкапсуляции: философия топологии уходящего времени // Гуманитарный вектор. 2018. Т.13, № 3. С. 42–49. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-42-49.

Mikhail V. Firsov¹,

Doctor of History, Professor,
Russian State Social University
(Building 1, 4 Wilhelm Pieck st., Moscow, 129226, Russia),
e-mail: mihail_firsov@mail.ru

Tatiana N. Yudina²,

Doctor of Sociology, Professor,
Russian State Social University
(Building 1, 4 Wilhelm Pieck st., Moscow, 129226, Russia),
e-mail: ioudinatn@mail.ru

Anna A. Chernikova³,

Postgraduate Student,
Russian State Social University
(Building 1, 4 Wilhelm Pieck st., Moscow, 129226, Russia),
e-mail: aanny@yandex.ru

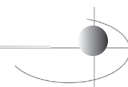
In Search of Lost Encapsulation: Philosophy of Topography's Outgoing Time

The submitted work implements further approaches to the ecology of modern culture as the human environment. The phenomenon of “hygiene of culture” figuratively determines the direction of the culture ecology and the processes of interaction between generations in the modern human environment which is described in the scientific domestic and foreign community. Nowadays, simple understanding of such processes in the established scientific

¹ M. V. Firsov develops the concept of the article, systematizes and analyzes the research material.

² T. N. Yudina systematizes and analyzes the research material.

³ A. A. Chernikova translates and analyzes foreign literature, collects material.

ic paradigms does not allow us to reflect the diversity of phenomena typical for the modern fields of knowledge. That is why the authors used the methodology of transversal approach in the “intersections” with other scientific approaches to identify the main contour images of modern culture, evolving mosaic of patterns of modernism and post-modernism, realism and “e-culture” coming into dissonance and contradiction, and on the other hand, reflects the region of the “unknown” of the real world. The authors described the methodology of the analysis of everyday situations with the view of cultural encapsulation approaches proposed by the American researcher K. Renne who used practice of counselling and therapy in understanding the processes of social functioning of ethnic groups and communities. The authors suppose the current is also applicable to the philosophical cognition via analyzing the interaction of various groups in relation to the problems of “hygiene of culture”. The paper also examines intergenerational relations in the context of cultural interactions in their inconsistency and continuity, singularity and oneness in the context of inter-temporal of cross-cultural paradoxes. The paper examines intergenerational relations in the context of cultural interactions in their inconsistency and continuity, singularity and oneness well as regarding inter-temporal cross-cultural paradoxes.

Keywords: hygiene of culture, transversality, encapsulation, e-culture, cultural encapsulation, identity, topology of the path, paradigm, culture

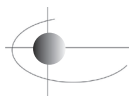
References

1. Gofman, E. T. A. “The Life and Opinions of the Tomcat Murr”. The Diaries. M: Nauka, 1972. (In Rus.)
2. Kuznetsova, S. “Branch of the circus from the state”. Zhurnal “Kommersant Vlast” 31.07.2006. no. 30, pp. 52. Web: 12.12.2017. <https://www.kommersant.ru/doc/693880> (In Rus.)
3. Kun, T. The structure of Scientific Revolutions. M: CTC, 2014. (In Rus.)
4. Mamardashvili, M. K. Full course of lectures. Philosophy of Europe. Psychology is the topology of the path. M: Izd-vo Ast, 2016. (In Rus.)
5. Nobel speech of Joseph Brodsky. Web: 12.12.2017. <http://introvertum.com/nobelevskaya-rech-iosifabrodskogo/#hcq=3SobKuq> (In Rus.)
6. Firsov, M. V., Yudina, T. N., Chernikova, A. A. Features of Encapsulation Process in Multidimensional Russian Society. Uchenye Zapiski Zabaikalskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Sociologicheskie Nauki, V. 12, no. 3, pp. 30–40, 2017. (In Rus.)
7. Fuko, M. Archeology of knowledge. SPB: Gumanitarnaya Akademiya, 2012. (In Rus.)
8. Fuko, M. Security, territory, population. The course of lectures delivered at the College de France in 1977–1978 academic year. SPB: Nauka, 2011. (In Rus.)
9. Foucault, M. Essential works of Foucault, 1954–1984, Volume 1: Ethics, subjectivity and truth. N-Y: The New Press. (In Engl.)
10. Genosko, G. Félix Guattari: towards a transdisciplinary metamethodology. Angelaki. Journal of the Theoretical Humanities, no. 8(1), pp. 129–140, 2003. (In Engl.)
11. Goldhammer, A. The future of French culture. French Politics, Culture & Society, vol. 28, no. 3, Winter 2010. (In Engl.)
12. May, R. Freedom and destiny. W. W. Norton & Company, N-Y, London, 1981: 146–147. (In Engl.)
13. Ruben, J. Echemendia cultural encapsulation. Keywords in Multicultural Interventions, a dictionary. ed. by J. S. Mio [et al.]. London: Greenwood press Westport, Connecticut, 1999, pp. 67–68. Web: 07.12.2017. <http://www.daximeba.ru/xyga.pdf> (In Engl.)
14. Welsch, W. Unsere postmoderne Moderne. Verlag: Weinheim. VCH, Acta Humaniora, 1987. (In Engl.)

Received: January 12, 2018; accepted for publication February 28, 2018

Reference to the article

Firsov M. V., Yudina T. N., Chernikova A. A. In Search of Lost Encapsulation: Philosophy of Topography’s Outgoing Time // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 42–49. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-42-49.

УДК 304.5

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-50-57

Дари Шойбоновна Цырендоржиева¹,
доктор философских наук, профессор,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а),
e-mail: dari145@mail.ru

Валентин Викторович Корягин²,
соискатель кафедры философии,
Бурятский государственный университет
(670000, Россия, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а),
e-mail: koryagin.v.v@mail.ru

Информационная реальность как фактор развития российского общества³

В статье рассматривается информационная реальность как фактор развития современного российского общества. Обозначается общая тенденция формирования постиндустриального общества, которое характеризуется неопределённостью, противоречивым характером, множеством отрицательных проявлений. Для возможности проведения плодотворного исследования обосновывается необходимость выделения западного и российского типов общества и исторически свойственных им исследовательских традиций (метафизической и диалектической). Выявляются отличия в представлении об информации и информационной реальности в зависимости от методологии исследования. Раскрывается информационная реальность в соответствии с диалектикой, как реальность, представленная явлениями и результатами отрицательного вклада в энтропию: системностью, организованностью, упорядоченностью, сложностью и т. д., – которые определены вследствие присущих им атрибутов, функций, количественных и качественных характеристик и т. д. Обосновывается актуальность диалектической теории информационной реальности для возможности успешного развития российского общества как части упорядоченного Космоса. Раскрываются способы противодействия явлениям социального хаоса (энтропии) посредством совершенствования науки и техники, всестороннего развития личности, становления слоя социальной аристократии, единства светской и духовной власти, патриотической идеологии и пр. Делается вывод о разрушительном характере западных метафизических реалистских (неореалистских) и номиналистских (неономиналистских) политических, экономических и социальных теорий для России.

Ключевые слова: информационная реальность, общество, информационное общество, антиэнтропийные процессы

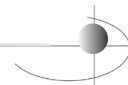
Введение. В связи с широким использованием информации и ростом её значения современное общество получило название «постиндустриального», «информационного». В 60–90-е годы XX века его исследованию посвятили своё творчество такие социологи и футурологи, как З. Бжезинский, Д. Белл, П. Дракер, Й. Масуда, Э. Тоффлер, А. Турен и др. По мнению учёных, развитие и накопление знаний, как информации, а также совершенствование вычислительной техники и технологий должны были стать основными факторами развития общества на новом этапе, послужить ключом решения важнейших экономических, технических, социальных и прочих проблем.

Сегодня можно отметить, что значительная часть ожиданий исследователей 60–90-х годов XX века не оправдалась. В частности, университет не заменил промышленную корпорацию в качестве базового института «нового общества»; наука, как и прежде, остаётся во многом подчинена процессу отстаивания коммерческих интересов капитала нередко в ущерб стабильности существования человека; развитие информационных технологий и информационной техники скорее удаляет нас от того информационного общества, о котором писали учёные второй половины XX века [11, с. 19–20]. Соответственно, многие вопросы о сущности постиндустриальной цивилизации, закономерностях и определяющих

¹ Д. Ш. Цырендоржиева руководит процессом исследования, обосновывает методологии, работает с источниками информации и текстом статьи.

² В. В. Корягин собирает информацию по теме исследования, проводит исследование в соответствии с диалектической методологией, оформляет статью.

³ Статья публикуется в рамках гранта БГУ «Гармония межкультурных отношений в Байкальском регионе как залог национальной безопасности».

факторах её развития сегодня остаются дискуссионными. В данной работе исследуются особенности развития современного российского общества, обосновывается адекватная ему теория информационной реальности.

Методология и методы исследования.

Изучая причины нереализованности ожидаемого информационного общества, ряд учёных (Г. Вейман, Е. В. Грязнова, Д. В. Иванов, А. Исаков, В. П. Емельянов, А. Б. Денисова, В. Г. Сенюшина, А. Кота, А. Кулибаба, В. А. Кульба, Е. Е. Рыбакова, У. Тафойа и др.) выделяют следующие основные факторы: широкое распространение в обществе симуляций и симулякров; создание виртуальных компьютерных миров; ведение информационных войн; информационный терроризм; дезинформация СМИ и маркетинговых компаний; смещение внимания человека в сторону материального потребления и др. [5; 10; 11; 22]. Другие учёные (А. И. Арнольдов, Ю. Давыдов, Г. Дебор, Ю. А. Ляшенко) отмечают общее ослабление социальных связей и контактов, отчуждение человека от культуры и морали, бегство человека от самого себя посредством создания виртуальной личности, погружение в компьютерную реальность. Как итог – упадок современной западной цивилизации, замещение её культуры, обострение экологических и прочих глобальных угроз [1; 8; 9; 14].

В свою очередь, мы можем отметить, что вопрос о развитии информационного общества во многом может быть связан с представлениями исследователей о сущности информационной реальности как организующего и управляющего фактора. При этом работы авторов Б. Барнса, Д. Блура, Н. А. Князева, А. А. Корниенко, Е. А. Мамчура, Т. В. Мельниковой, К. Р. Поппера, В. М. Свидерского, Н. М. Чуринова, С. Шейпина и другие свидетельствуют о том, что необходимо различать типы общества в зависимости от основных воспринятых исследовательских традиций: диалектической и метафизической. В этом случае каждому типу общества будут адекватны свои представления о природе информационной реальности [20].

Для западного общества и науки в центре внимания, как правило, находятся вопросы познания ценности того или иного явления, методологически значимыми выступают аксиологический, прагматический и другие исследовательские подходы, направленные в целом на рост индивидуального благосостояния человека, расширение его прав и свобод. Данные основные цели были выра-

ботаны исторически в результате естественного развития общества западной Европы и Америки. Свойственные Западной цивилизации исследовательские традиции формировались в философии античных софистов и юристов, средневековых схоластов, номиналистов и реалистов Нового и Новейшего времени (в работах Протагора, Гиппия, Горгия, Ф. Аквинского, И. С. Эриугены, Д. Скотта, Т. Гоббса, Д. Локка, И. Канта, Г. В. Ф. Гегеля, Ф. В. Й. Шеллинга, Л. А. Фейербаха и др.). В это время были сформулированы такие основные идеи и принципы общественного развития, как «человек – мера всех вещей», «человек человеку волк», идея «войны всех против всех», идея «общественного договора», идея непознаваемости «вещей в себе» и другие, в дальнейшем утвердившиеся как основные метафизические принципы субъективизма, антропоцентризма, агностицизма, плюрализма и т. д. В соответствии с данными принципами цели развития человека и общества могут достигаться любыми средствами, которые не запрещены законом. В том числе в качестве средств могут выступать методы подавления, уничтожения, введения в заблуждение, применения «двойных стандартов» и пр.

В свою очередь, для российского типа общества в центре внимания исследователя находится не только изучение богатств природы с целью использования, но также познание целостности и единства Мира с целью наилучшим образом встроиться в существующую систему природных и общественных закономерностей. Данный тип общества и философия его развития подобно западному обществу и западным способам построения научных теорий формировались исторически под влиянием объективных факторов (более сурового климата, большой площади территории страны, многонациональности и пр.).

На наш взгляд, философия российского общества развивалась по линии древнегреческих философов (Сократ, Платон, Аристотель); византийских и древнерусских религиозных мыслителей (С. Радонежский, Н. Сорский, И. Волоцкий и др.); в философии русского космизма (в трудах А. А. Богданова, В. И. Вернадского, И. А. Ефремова, И. А. Ильина, А. Ф. Лосева, А. А. Ухтомского, Н. Ф. Федорова, К. Э. Циолковского, А. Л. Чижевского и др.); а также в трудах диалектиков XX–XXI веков (Р. Ф. Абдеев, В. С. Готт, Д. И. Дубровский, А. Д. Урсул, Н. М. Чуринов и др.). Основным способом существования данного типа общества является противодействие процессам разрушения в экономи-

ческой, социальной, политической, духовной сферах, стремление к гармоничному взаимодействию с окружающей природой. В настоящее время эти процессы часто называют процессами внесения отрицательного вклада в энтропию. Соответственно в успешной реализации антиэнтропийных процессов видится основной залог процветания российского общества.

Таким образом, представления об информационной реальности, свойственные западному (индивидуалистическому) типу общества, не могут быть общими с представлениями об информационной реальности, свойственными российскому типу общества (иногда называемому коллективистским), поскольку в центре внимания исследователей в каждом случае лежат различные принципы научности и социальности.

Результаты исследования и их обсуждение. В отечественной философии идея информационной реальности была предложена в 1986 году Н. М. Чуриновым [18; 19]. При этом представленная теория объединила достижения диалектической философии в вопросе изучения сущности информации, в частности достижения атрибутивной концепции информации (Р. Ф. Абдеев, И. А. Акчурин, И. А. Аршавский, Б. В. Ахлибинский, Л. Б. Баженов, Б. В. Бирюков, В. С. Готт, Л. А. Етрусенко, А. Д. Урсул и др.) и функциональной концепции информации (Г. Г. Вдовиченко, В. В. Вержбицкий, И. И. Гришкин, Д. И. Дубровский, Н. И. Жуков, Н. Н. Моисеев, Э. П. Семенов, Г. И. Царегородцев и др.).

В своих исследованиях Н. М. Чуринов приходит к выводу, что природа информации должна раскрываться на пути изучения всеобщей связи явлений. Автор отмечает, что из содержания всеобщей связи явлений невозможно нечто взять и поместить за её пределы, а также невозможен и обратный процесс: ничего невозможно взять из-за пределов всеобщей связи явлений и поместить в содержание всеобщей связи явлений [20]. Всеобщая связь является совершенной и раскрывается в виде системности, организованности, упорядоченности, противоречивости, гармонии, красоты Мира. В свою очередь системность, организованность, упорядоченность и другие являются определёнными в силу присущих им свойств, атрибутов, качеств, функций и пр.

Значительное влияние на развитие диалектической теории информационной реальности оказали исследования явлений энтропии и антиэнтропийных процессов Л. Бриллюэна, Н. Винера, А. Н. Колмогоро-

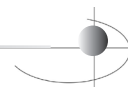
ва, Дж. фон Неймана, К. Шеннона, Э. Шредингера, У. Р. Эшби и др. Изучая взаимосвязь энтропии и информации, исследователи в итоге раскрывают феномен информации через явления «системности», «организованности», «упорядоченности», «разнообразия», «последовательности», «сложности» (символов, букв, слов, сообщений, сигналов, тезауруса и пр.).

Особый интерес для развития диалектической теории информационной реальности представил «негэнтропийный принцип информации» Л. Бриллюэна. Автор приходит к заключению, что информация «представляет собой отрицательный вклад в энтропию» [6, с. 34]. Данное положение в дальнейшем фактически позволило раскрыть «свойства», «качества», «функции», «атрибуты» и т. д., как формы отрицательного вклада в энтропию, соответственно, как явления информации. В свою очередь, обладающие ими «системы», «упорядоченности», «организации» и т. д. выступили как результаты реализации антиэнтропийных (информационных) процессов. В итоге формы отрицательного вклада в энтропию и их результаты, рассматриваемые в совокупности, позволили говорить о Мировой информационной реальности. Это также помогло пересмотреть роль отражения как основного диалектического принципа развития.

Необходимо отметить, что в современной науке при рассмотрении явлений и процессов как взаимосвязанных событий значительное внимание уделяется явлениям взаимовлияния и взаимозависимости. В связи с этим явления информации выступают эмерджентными, а сами результаты информационных процессов – неаддитивными, т. е. представляют собой целостности большие, чем суммы частей; части большие, чем целое; целостности меньшие, чем суммы частей [21].

Истоки изучения неаддитивных систем и их эмерджентных свойств можно найти во всеобщей организационной науке – тектологии А. А. Богданова. Учёный раскрывает проявление диалектики части и целого, изучая живые организмы, эффективность сотрудничества в трудовом коллективе, процессы взаимодействия во время военных конфликтов и др. [3]. В итоге, по А. А. Богданову, организованное целое оказывается фактически больше простой суммы своих частей, дезорганизованное целое – меньше суммы своих частей, т. е. целое выступает как неаддитивная система или организация, а его свойства являются эмерджентными.

Проект тектологии был недооценен современниками и отчасти забыт. Позже в ра-

ботах Л. Берталанфи, С. Д. Брода, Н. Винера, К. Денбаи, Е. Г. Мерсера, М. Полани, И. Р. Пригожина, Э. Скерри, Г. Хакена, П. В. Щербакова и других учёных получили развитие кибернетика, общая теория систем, неравновесная термодинамика, биофизика, теории хаоса, теория катастроф и др.

Таким образом, в диалектике информационной реальность не ограничивается областью бытия информационных технологий, техники, коммуникаций, виртуальной компьютерной реальности или реальности информационных сообщений СМИ, что свойственно дедуктивным и индуктивным метафизическим теориям номинализма (неономинализма) и реализма (неореализма) [17]. Для диалектики под информационной реальностью понимается упорядоченный Космос, представленный системностью, организованностью, сложностью, противоречивостью, гармонией, красотой, которые определены в силу присущих им эмерджентных свойств, атрибутов, функций, качеств и т. п. В этом случае технические объекты и технологии, которым уделяют основное внимание метафизические теории информации, отражают лишь ограниченный спектр явлений информационной реальности.

Применительно к обществу развитие информационной реальности в соответствии с диалектикой предполагает поддержание и совершенствование всех сфер общественной жизни (политической, экономической, социальной, духовной). При этом на передний план выходят задачи противодействия явлениям разрушения государственности, деградации личности, культуры и пр. Способы противодействия социальной энтропии отечественные учёные связывают не только с развитием науки и техники, но также с совершенствованием общественных отношений и всесторонним развитием человека. Значительная роль отводится исследователями сбалансированному развитию светской и духовной власти, их диалектическому единству – «симфонии» (Н. М. Чуринов), исключаяющему подавление одной власти другой, развитию идеологии служения Отечеству, а также формированию социального авангарда общества или аристократии (по Аристотелю), под которой понимаются «люди лучшие в своём роде деятельности», т. е. образованные, профессиональные, вместе с тем нравственные, способные в итоге стать «частью общества большей, чем целое» – представить активное творческое меньшинство, способное вести общество за собой.

Исследованию определяющей роли социальной аристократии посвятили свои работы Н. А. Бердяев, Н. Я. Данилевский, В. Д. Калашников, И. В. Кириевский, В. О. Ключевский, П. Новгородцев, И. Т. Посошков, Ф. Прокопович, В. Н. Татищев, Н. М. Чуринов, С. Л. Франк, И. Яхот и др. В своих трудах учёные отмечают значимость социального авангарда как важнейшей силы становления и процветания Российского государства [4; 12; 13; 23].

При исследовании диалектической теории информационной реальности как основы развития современного российского общества можно отметить, что сегодня данная теория во многом остаётся незамеченной и недооценённой. В западной философии и в современной российской, ориентированной на запад, достижения отечественной философии в целом расцениваются как несущественные. Диалектика часто воспринимается учёными как непонятный, туманный способ теоретизирования. Одни западные авторы относятся к диалектике критически, другие – откровенно враждебно, раскрывая её деструктивный характер для научной мысли, упрекают в отсутствии в ней логики как таковой [15, с. 118–138]. В то же время фактически российское общество на протяжении всей своей истории развивается именно в соответствии с логикой противодействия явлениям энтропии, т. е. в соответствии с диалектической логикой.

В данном случае необходимо отметить, что критика учёных, работающих в соответствии с метафизической исследовательской традицией, отчасти является обоснованной. Ведь для метафизического способа построения теорий диалектический способ неприемлем, т. к. идёт в разрез с признанными западными принципами (антропоцентризма, агностицизма, скептицизма и пр.). Диалектическая исследовательская традиция является угрозой для западного способа построения научных теорий, соответственно, потенциальным источником нестабильности для общества. В этой связи критика и отрицательные отзывы западных философов по отношению к диалектике являются оправданными.

В то же время современная диалектическая философия вобрала в себя прогрессивные научные достижения. На наш взгляд, западная наука также постоянно сталкивается с необходимостью признания всеобщей связи явлений и противодействия явлениям разрушения, что очевидно, однако признаёт это далеко не всегда, поскольку в этом случае

необходим отказ от исторически выработанных метафизических принципов, ограничение человеком своих прав и свобод, в конечном счёте, – отказ от западного образа жизни и от западного типа общества. Именно в этом видятся основные причины неприятия диалектической философии и в целом российского общества.

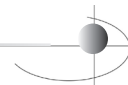
Вместе с тем диалектика не отвергает важность соблюдения прав и свобод человека, но сталкивается с их закономерными ограничениями. Так, Д. Е. Григоренко отмечает, что диалектика не отрицает свободу, заключённую в пределы необходимости. «Более того, именно разнообразие как проявление свободы в рамках необходимости является показателем высокого уровня антиэнтропийности системы, поскольку однообразие есть, напротив, индикатор энтропии. Такая постановка соотношения свободы и необходимости была высказана ещё в античной философии» [7, с. 35]. Так, свобода, «согласно Эпикуру, может быть найдена не вне необходимости и не помимо необходимости, а в тех самых реальных условиях, в которых проявляется необходимый порядок вещей» [2, с. 52]. Свобода вне необходимости – это главный причинный фактор актуализации хаоса, энтропии.

В настоящее время отечественная философия и наука оказываются перед необходимостью переосмысления связи и в то же время отличия от популярных западных методов построения научных теорий. Нужно отметить, что на сегодняшний день российскому обществу присущи все отрицательные особенности, свойственные западному обществу, поскольку российское общество и наука развиваются под большим влиянием западных номиналистских и реалистских метафизических теорий. Так, модель общества СССР во многом была реализована по метафизическим принципам реализма. В данном случае существует определённая путаница. Большинство учёных считают модель построения советского общества коллективистской. При этом исследователи отмечают многочисленные отрицательные черты советской политической системы, плановой экономики, подавления человека государством и пр. В связи с этим относительно понятия «коллективистский тип общества» закрепилось мнение как о типе общества, реализованного в соответствии с диалектической марксистско-ленинской философией и исторически себя не оправдавшего. Мы же отметим, что данная модель общества не может считать-

ся диалектической и подлинно российской, поскольку фактически была реализована по западной метафизической методологии реализма, которая предполагает формирование изначальной авторской идеальной модели (в данном случае модели коммунистического государства) и попыткой претворения её в жизнь. Аналогичными западными моделями ранее явились, также, например, социальные утопии Т. Мора, Т. Кампанеллы и их последователей. В этом случае именно недостатки, скрытые в самом методе построения дедуктивной научной теории, являются причинами её краха реализации на практике, поскольку подобная модель изначально выступает как навязанная обществу извне, а потому не учитывающая всех его особенностей. Реалистская модель никогда не может быть воплощена в полной мере, а не учтённые автором недостатки в дальнейшем служат источниками появления и развития противоречий, которые ведут к разрушению всей идеи. Таким образом, советское общество было построено по метафизическим принципам произвольного конструирования. Оно оказалось чуждым естественным закономерностям развития российского общества, формировавшегося веками по пути развития аристократического общества, а потому с течением времени в силу роста внутренних противоречий было разрушено.

Также чуждой для России явилась демократическая номиналистская метафизическая модель, пришедшая на смену реалистской модели тоталитарного государства. Она также привела к значительным социальным, политическим, экономическим, культурным потрясениям. Так, пытаясь оценить ущерб, нанесённый в 1990-е годы России в результате Перестройки, А. Плеханов приходит к выводу, что деятельность «эффективных менеджеров» нанесла сопоставимый либо превышающий ущерб в сравнении с ущербом, нанесённым СССР гитлеровской Германией [15].

На наш взгляд, в настоящее время происходит пересмотр и постепенный отказ от не оправдавших себя западных популярных моделей, поскольку, как показывает история, для России единственно правильным является путь развития, в котором движущей силой выступают «лучшие люди» (в аристотелевском смысле этого слова). В центре внимания современного российского общества объективно оказывается необходимость всестороннего совершенствования общественных отношений, развитие его организованности, упорядоченности, системности,

противодействие явлениям хаоса и упадка. Соответственно актуальной выступает логика развития информационной реальности и информационного общества в соответствии с диалектикой. В данном случае отмечается стремление к гармоничному существованию человека, общества и природы, создаётся возможность устойчивого развития и сокращения многих глобальных угроз.

Выводы и результаты исследования.

1. Диалектическая концепция информационной реальности объединила достижения функциональной и атрибутивной концепций информации, сформулированных в отечественной диалектической философии, а также результаты исследования явлений энтропии, негэнтропии, аддитивности, неаддитивности, эмерджентности, синергии. В итоге информационная реальность была раскрыта формами и результатами реализации антиэнтропийных процессов: системностью, организованностью, упорядоченностью, сложностью Мира, которые являются определёнными в силу присущих им эмерджентных функций, атрибутов, качеств, количественных характеристик и др.

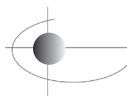
2. Диалектическая концепция информационной реальности выступила как адекватная задачам развития российского общества, первостепенное значение в котором имеют не вопросы прав и свобод человека

и удовлетворения его потребностей, а вопросы противодействия хаосу, укрепления государственности, которые реализуются через развитие науки с учётом диалектических принципов; совершенствование общественных отношений; единство светской и духовной власти; всестороннее развитие личности; развитие идеологии служения Отечеству; формирование слоя аристократии как подлинно лучшей части общества, – части «большой, чем целое», способной вести общество за собой.

3. Представления о сущности информационной реальности в соответствии со свойственной российскому типу общества диалектической исследовательской традицией имеют значительные отличия от представлений западного общества, опирающегося на метафизику, которое исследует информационную реальность как техногенную, компьютерную реальность, либо обосновывает идеальную сущность информационной реальности. В соответствии с диалектикой в развитии информационной реальности, как определяющей развитие различных сфер общественной жизни, совершенствование информационных технологий, техники, а также деятельность СМИ являются одним из многих других способов отрицательного вклада в социальную энтропию.

Список литературы

1. Арнольд А. И. Цивилизация грядущего столетия (культурологические размышления). М.: Грааль, 1997. 328 с.
2. Асмус В. Ф. Диалектика необходимости и свободы в философии истории Гегеля // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 52–69.
3. Богданов А. А. Очерки организационной науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.magister.msk.ru/library/revolt/bogda001.htm> (дата обращения: 06.12.2017).
4. Бердяев Н. А. Философия неравенства. Письма к недругам по социальной философии. Берлин: Обелиск, 1923. С. 114–115.
5. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (дата обращения: 21.12.2017).
6. Бриллюэн Л. Научная неопределённость и информация. М.: Мир, 1966. 272 с.
7. Григоренко Д. Е. Естествоповелительность и автономная свобода // Теория и история. 2014. № 1. С. 35–38.
8. Давыдов Ю. Бегство от свободы. Философское мифотворчество и литературный авангард. М.: Худож. лит., 1996. 365 с.
9. Дебор Г. Общество спектакля. М.: Логос, 2000. 182 с.
10. Денисова А. Б., Сенюшина В. Г. Влияние информационной реальности на человека [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. 2012. № 6. Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7792> (дата обращения: 23.12.2017).
11. Иванов Д. В. Виртуализация общества. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. 96 с.
12. Калашников В. Д. Субъективные факторы и объективные условия устойчивого развития общества: теория и история. Красноярск: СИБГАУ, 2003. 317 с.
13. Лонин А. В. Роль авангарда в развитии социальной сферы жизнедеятельности общества // Теория и история. 2013. № 2. С. 32–41.
14. Ляшенко Ю. А. Отчуждение человека в виртуальной реальности // Вестник НГУ. Сер. Философия. 2009. Т. 7, вып 3. С. 50–52.

15. Плеханов А. «Эффективные менеджеры» нанесли России больший урон, чем нашествие Гитлера [Электронный ресурс]. Режим доступа: [http://www.km.ru/v-rossii/2014/01/13/yurii-luzhkov/729580-effektivnye-menedzhery-nanesli-rossii-bolshii-uron-chem-nas](http://www.km.ru/v-rossii/2014/01/13/yurii-luzhkov/729580-effektivnye-menedzhery-nanesli-rossii-bolshii-uron-chem-nashestvie-gitlera) (дата обращения: 10.12.2017).
16. Поппер К. Р. Что такое диалектика? // Вопросы философии. 1995. № 1. С. 118–138.
17. Цырендоржиева Д. Ш., Корягин В. В. Информационная реальность как фактор развития западного индивидуалистического общества // Вестник БГУ. 2016. Вып. 6. С. 29–39.
18. Чуринов Н. М. Информационная реальность: основания и принципы построения теории: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.08. М., 1991. 32 с.
19. Чуринов Н. М. Информационная реальность как противоречие отношения и связи [Электронный ресурс] // Проблема диалектического противоречия (методологический аспект). Красноярск, 1987. Режим доступа: http://www.platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija (дата обращения: 12.12.2017).
20. Чуринов Н. М. Совершенство и свобода. 3-е изд., доп. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2006. 712 с.
21. Чуринов Н. М. Русский экономический проект [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rusk.ru/st.php?idar=155993&fpage=1> (дата обращения: 08.12.2017).
22. Яхот И. Подавление философии в СССР (20–30-е годы) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sbiblio.com/BIBLIO/archive/jahot_podavlenie/default.aspx (дата обращения: 02.12.2017).
23. Tafoya W. L. Cyber Terror [Электронный ресурс] // FBI Law Enforcement Bulletin, 2011. Режим доступа: <http://www.fbi.gov/stats-services/publications/law-enforcement-bulletin/november> (дата обращения: 27.12.2017).

Статья поступила в редакцию 12.01.2018; принята к публикации 27.02.2018

Библиографическое описание статьи

Цырендоржиева Д. Ш., Корягин В. В. Информационная реальность как фактор развития российского общества // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 50–57. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-50-57.

Dari Sh. Tsyrendorzhieva¹,
*Doctor of Philosophy, Professor,
Buryat State University
(24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia),
e-mail: dari145@mail.ru*

Valentin V. Koryagin²,
*Candidate of Sciences Degree Seeker,
Department of Philosophy,
Buryat State University
(24a Smolina st., Ulan-Ude, 670000, Russia),
e-mail: koryagin.v.v@mail.ru*

Information Reality as a Factor in the Development of Russian Society³

The article explores information reality, as a factor determining the development of modern Russian society. In the beginning of the study, we indicated a general tendency of development of a postindustrial society, which is characterized by uncertainty, contradictory form, and many negative phenomena. The research substantiates the need to identify Western individualistic and Russian types of society and their own research traditions (metaphysic and dialectic). The article reveals differences in the perception of information and information reality, depending on the methodology of the study. At the research, we reveal information reality in accordance with dialectics, as a reality represented by phenomena and the results of a negative contribution to the entropy. In this case, the information reality is characterized by systems, organizations, orderliness, complexity of the World, which are the results of attributes, qualities, properties. The article proves the relevance of the dialectical theory of information reality for the possibility of the successful existence of Russian society. The research reveals the ways to counter the phenomena of social chaos (entropy) through the development of science and technology, perfection of the person, formation of social aristocracy, development of a patriotic ideology, etc. At the end of the article, we summarize the results and make conclusion about the destructive nature of Western realistic and nominalistic political, economic and social theories for Russia.

Keywords: informational reality, society, information society, anti-entropy processes

¹ D. Sh. Tsyrendorzhieva – management of the research process, justification of the methodology, work with information sources and with the text of the article, editing, making summary and conclusions.

² V. V. Koryagin – search for information on the subject of research, realization of research in accordance with the dialectical methodology, making conclusions, writing the text of the article.

³ The article is published in the framework of the Buryat State University grant “Harmony of intercultural relations in the Baikal region as a guarantee of national security”.

References

1. Arnol'dov, A. I. Civilization of the coming century (Cultural reflections). M: Graal', 1997. (In Rus.)
2. Asmus, V. F. The dialectics of necessity and freedom in Hegel's philosophy of history. The questions of philosophy, no.1, pp. 52–69, 1995. (In Rus.)
3. Bogdanov, A. A. Essays of organizational science. Web: 06.12.2017. <http://www.magister.msk.ru/library/revolt/bogda001.htm> (In Rus.)
4. Berdyayev, N. A. The philosophy of inequality. Letters to foes on social philosophy. Berlin: Obelisk, 1923: 114–115.
5. Baudrillard, J. Simulacra and simulation. Web. 21.12.2017: http://www.lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (In Rus.)
6. Brillouin, L. Scientific uncertainty and information. M: Mir, 1966. (In Rus.)
7. Grigorenko, D. E. Autonomous freedom. Theory and history, no.1, pp. 35–38, 2014. (In Rus.)
8. Davydov, Yu. Escape from freedom. Philosophic myth-making and the literary avant-garde. M: Hudozh. lit-ra. (In Rus.)
9. Debord, G. Society of the spectacle. M: Logos, 2000. (In Rus.)
10. Denisova, A. B., Senyushina, V. G. The influence of informational reality per person. Contemporary problems of science and education, no. 6, 2012. Web. 23.12.2017. <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=7792>. (In Rus.)
11. Ivanov, D. V. Virtualization of society. SPb.: Peterburgskoe vostokoveden'e, 2000. (In Rus.)
12. Kalashnikov, V. D. Subjective factors and objective conditions of sustainable development of society. Theory and history. Krasnoyarsk: SIBGAU, 2003. (In Rus.)
13. Lonin, A. V. The role of the avant-garde in the development of social spheres of society. Theory and history, no. 2 (24), pp. 32–41, 2013. (In Rus.)
14. Lyashenko, Yu. A. The alienation of man in virtual reality. Vestnik NSU. Series: Philosophy, v. 7, issue. 3, pp. 50–52, 2009. (In Rus.)
15. Plekhanov, A. "Effective managers" inflicted more damage on Russia than the invasion of Hitler. Web.19.12.2017. <http://www.km.ru/v-rossii/2014/01/13/yurii-luzhkov/729580-effektivnye-menedzhery-nanesli-rossii-bolshii-uron-chem-nas> (In Rus.)
16. Popper, K. R. What is the dialectic? Questions of philosophy, no.1, pp. 118–138, 1995. (In Rus.)
17. Tsyrendorzhieva, D. Sh., Koryagin, V. V. Information reality as a factor in the development of the Western individualistic society. Vestnik BSU, vol. 6, pp. 29–39, 2016. (In Rus.)
18. Churinov, N. M. Information reality: the basis and principles of the theory. Dr. sci. diss. abstr. M: 1991 (In Rus.)
19. Churinov, N. M. Information reality as a contradiction of relationships and communication. The Problem of the dialectical contradiction (methodological aspect). Krasnojarsk, 1987. Web.19.12.2017. http://www.platona.net/load/knigi_po_filosofii/filosofija_poznaniya/problema_dialekticheskogo_protivorechija_metodologicheskij_aspekt/45-1-0-3871 (In Rus.)
20. Churinov, N. M. Perfection and freedom. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2006. (In Rus.)
21. Churinov, N. M. Russian economic project. Web. 08.12.2017: <http://rusk.ru/st.php?idar=155993&fpage=1> (In Rus.)
22. Yakhot, I. The suppression of philosophy in the USSR (20th – 30. Web. 02.12.2017: http://www.sbiblio.com/BIBLIO/archive/jahot_podavlenie/default.aspx (In Rus.).
23. Tafoya, W. L. Cyber Terror. FBI Law Enforcement Bulletin, 2011. Web. 27.12.2017: <http://www.fbi.gov/stats-services/publications/law-enforcement-bulletin/november-2011/cyber-terror> (In Engl.)

Received: January 12, 2018; accepted for publication February 27, 2018

Reference to the article

Tsyrendorzhieva D. Sh., Koryagin V. V. Information Reality as a Factor in the Development of Russian Society // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 50–57. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-50-57.

ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕКА

PHILOSOPHY OF MAN

УДК 130.2

Стелла Геннадьевна Гладышева,
кандидат философских наук,
Московский технологический университет
(119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 78),
e-mail: svglad@mail.ru

Концепция человека в неоплатонической философии Ренессанса и её интерпретация в искусстве

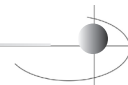
Статья посвящена неоплатонической философии Возрождения и её интерпретации в искусстве. Актуальность темы обусловлена остротой современной дихотомии природное/культурное и состоит в обращении к первой попытке оправдания природного начала в человеке на заре становления модерна. В работе использованы генетический и компаративистский методы. Методологическим ориентиром стал подход к ренессансной культуре, разработанный Л. М. Баткиным. Предметом анализа послужили специфика ренессансного неоплатонизма; изменения в антропологии и этике, отличающие его не только от христианства, но и от античного неоплатонизма, с которым христианство при радикальном различии имеет много общего. В результате исследования подтверждён тезис: диалог христианства и неоплатонизма постоянно имел место в ренессансной философии, но понимание характера соотношения учений претерпевало трансформацию, особенно продвигаясь из Италии за Альпы: от представления об их идентичности до указания на противоположность. Выявлены метафизические предпосылки изменений в понимании человека и нравственном идеале. Показано, что ренессансная интерпретация неоплатонической метафизики выступила моделью для антропологии. Новизну работы составляет синхронное описание фаз трансформации отношения к выражаемому неоплатонической философией идеалу человека в философской и художественной среде. Сделан вывод о том, что динамика отношения к неоплатонической переоценке ценностей от принятия всерьёз до самоиронии и возвращения к христианским нравственным ориентирам наблюдается как в философии, так и в искусстве.

Ключевые слова: Ренессанс, неоплатонизм, христианство, этика, антропология, ирония, искусство

Введение. Актуальность темы обусловлена неопределённостью концепта человеческого бытия в настоящее время, называемой пост-современностью. Для неё характерно стремление дистанцироваться от мировоззренческих ориентиров, заданных модерном. Выработанная вначале система взглядов и сейчас зачастую воспринимается как самоочевидность. Преодоление её оказывается возможным путём мысленного «прыжка» через модерн к тем временам, когда модернистское мировоззрение находилось в процессе становления, в полемическом диалоге со «старым» миропониманием. Ренессанс является именно переходным временем, и потому обращение к нему представляет возможность для современного переосмысления модерни-

стских концептов, в частности, понятия человеческой природы. Анализ ренессансного подхода к вопросу позволяет проследить, с одной стороны, движение к модернистскому отождествлению природности и материальности; к оправданию потребностей телесного естества и критике моральных запретов на чувственные наслаждения. С другой – обнаружить не только утверждение нового понимания, но и нарастающее со временем разочарование в нём самих его творцов, вплоть до отрицания. Как отмечает М. В. Силантьева, XVI в. – начало сомнений по поводу «оптимистического» антропоцентризма Ренессанса [20, с. 43].

Новизна данного исследования состоит в демонстрации синхронности процесса транс-

формации понимания человека в философии и в художественном творчестве.

Методология и методы исследования. В работе использованы генетический и компаративистский методы. Методология данного исследования обусловлена «логикой переходности», которая характеризует Возрождение как тип культуры. По мнению Л. М. Баткина, ренессансная мысль требует особого подхода, поскольку она кажется неоригинальной, не имеющей новаций: «Из неё чуть ли не всё может быть раздёргано на заимствования и предвосхищения» [1, с. 19]. Предлагается учёт её диалогичности и вариативности. Методологическим ориентиром выступают и рекомендации П. О. Кристеллера, который предлагает ориентироваться на весь ход мысли изучаемого автора, отмечая его отклонения от традиционного изложения учений; несообразности в изложении общеизвестного [17, с. 7–8]. Важно также высказанное В. С. Глаголевым положение о двойственности художника: с одной стороны, ощущающего сопричастность сфере сакрального, с другой – погружённость в историчность [3, с. 33].

Результаты исследования и их обсуждение. Ренессансный неоплатонизм, являясь доминирующим умонастроением эпохи, находился в непрерывном диалоге с христианством; представление о соотношении учений претерпело трансформацию: от представления о почти полной их идентичности до акцентирования различий. Указанная динамика представлена в живописи в движении от идиллии пасторали до её разоблачения у Босха.

Важнейшая философская идея Возрождения – диалог христианства и особым образом проинтерпретированного неоплатонизма. При этом в период расцвета, в XV веке, доминирует тенденция представлять то и другое как учения, сближающиеся до неразличимости. Общность действительно имеет место, она состоит в том, что человек в обоих случаях рассматривается как существо, имеющее целью преодолеть наличное состояние, уподобиться Первоначалу. Состояние богоподобия понимается как состояние достигнутой внутренней гармонии. Имея в виду эту общность, ренессансная мысль стремится игнорировать различия. Например, такое очевидное, как отсутствие в неоплатонизме представления о личном Боге, соответственно, о достижении внутренней гармонии как результате встречи с Богом-Личностью, как пребывании в общении с Ним.

Трансформируется понимание морали. Добродетель понимается Ренессансом, вообще, платоновской традицией, не как слышание Воли Бога и послушание ей, скорее, как результат деятельности разума по внесению меры в человеческое естество. Главным достоинством разума оказывается изначально присутствующая в нём интуиция красоты; возрастание в добродетели предстаёт естественным для того, кто обладает таковой. По мысли неоплатоников, как античных, так и ренессансных, христианство и платонизм сближает пафос восхождения к истинному бытию как безотчётное эротическое стремление.

В утверждении достаточности этого стремления также легко увидеть расхождение с христианством. Но дело в том, что ренессансный неоплатонизм существенно отличается не только от христианства, но и от линии Платона в её классическом понимании. В античном платонизме двойственности мира соответствует двойственность человека. Достижение абсолютной цельности, преодоление внутренней разорванности преподносится как результат очищения разумного начала в человеке; в преодолении им притяжения чувственного «низа». Кульминация «Пира» – описание иерархической лестницы от низшего, материально-телесного уровня бытия до высшего – духовного [9, с. 144–145]. «Федр» повествует о высшем состоянии очищенной души, созерцающей чистые формы [10, с. 187–189]. Путь нравственного совершенства предстаёт путём «умирания для мира». Если искать моменты созвучия неоплатонизма и христианства, то само по себе это утверждение – несомненно, одно из них.

Но в Ренессансном платонизме дело обстоит иначе. В нём очевидна тенденция не отграничить в человеке стремление к небесному от стремления к земному, но слить земной и небесный Эросы в один.

В классическом «треугольнике» неоплатонической метафизики, описывающей процесс самодвижения Единого: *нисхождение – пребывание – возвращение*, позитивное значение получает не только последний, но каждый момент. Акцентируется наличие именно цикла. Главе флорентийской платоновской академии М. Фичино принадлежит теория о «духовном круговороте» (*circuitus spiritualis*), в которой подчеркивается взаимосвязь и взаимопереход высшего и низшего миров. Движение вниз, погружение духа в материю предстаёт необходимым – как актуализация потенциалов божества, потому оказывается не менее важным, чем движение вверх. Это дви-

жение и являет, согласно Фичино, сущность любви. По замечанию исследователя культуры и искусства Ренессанса Э. Панофского, у Фичино любовь – это мотивирующая сила, которая заставляет Бога – или, скорее, которой Бог заставляет Себя изливаться свою сущность в мир, и которая заставляет Его творения искать нового единения с Ним [19, с. 141].

Результатом смены акцентов в ренессансной метафизике оказывается более благожелательное отношение к материальному миру как к миру воплощённых идей. Ренессансная мысль движется к сближению устремлённого к небу Платона с более «земным» Аристотелем; становится актуальным и по-новому интерпретируется синтез учений, произведённый ещё в Античности.

Если для Платона был наиболее важен Эрос, возводящий к небесам, то для Аристотеля имел положительное значение и обратный процесс воплощения формы в материю. Ему принадлежит термин «энергия» (ἐνέργεια), характеризующий форму не как неподвижную и самодостаточную, а в аспекте трансцендирования: «только Аристотель мог всю эту стихию выражения обозначить одним достаточно общим термином... только Аристотелю принадлежит учение о *потенции* и *энергии*, которое принципиально совмещает идеальное и материальное в одном неразложимом процессе смыслового становления, в одном едином процессе текучей сущности» [5, с. 92].

Это понимание сущности как «текучей», по всей видимости, и оказалось метафизической предпосылкой для ренессансной трансформации представлений о статусе человека в мироздании, соответственно, в этике. В последней идеал добродетельной жизни перестаёт однозначно совпадать с вектором духовной вертикали. Появился мотив оправдания чувственности, реабилитации радостей плоти.

Здесь стоит вспомнить характерные как для платонического, так и для аристотелевского мировосприятия ассоциации идеи (формы) и материи с мужским и женским началом. Причём, если Платон и Плотин, делая в онтологии акцент на противоположность «верха» и «низа», нелестно отзывались о материи, и о женском начале, то философия Ренессанса, очевидно, направлена к восхвалению женского начала, сливающемуся с восхвалением благодати первозданной природы.

С другой стороны, подчёркивается, что материальный «низ» не уничтожает дух, но преобразуется им; материя нуждается в

оформлении и, обретая форму, одухотворяется. Духовное же начало настолько сильно и самодостаточно, что способно удержать свою самотождественность, избежать порабощения при погружении в материю. Отсюда оказывается возможным возрождение эпикурейских мотивов в ренессансной этике: жизнь понимается как переход от одного аспекта наслаждения к другому.

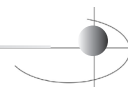
Пафос именно ренессансного неоплатонизма – не в утверждении возможности для человека освободиться от греха, а в утверждении свободы воплощений, выбора желательной в каждом конкретном случае формы. Человек способен превзойти себя, возвыситься над простыми смертными – как актёр и художник.

Ренессансная версия неоплатонизма, в лице, например, М. Фичино, утверждает, что он безо всякого ущерба для себя живёт жизнью растений и животных, но также и возносится выше ангелов [1, с. 33] «...поелику он составляет истинную связь вселенной, – когда переходит в одно, не покидает другого, но, обращаясь в отдельное, всегда сберегает целое» [Там же, с. 29]. Согласно другому флорентийскому неоплатонику Пико делла Мирандоле, человек представляется как существо, вовсе не имеющее определённого места в космической иерархии [11, с. 249]. Из этих формулировок следует, что человек в идеале – неуловимый Протей. Он именно потому таков, что его подлинное – божественное «я» – остаётся самотождественным при бесконечных перевоплощениях: и при погружении в плотские наслаждения, и при восхождении к духовным. Оно никогда не равно тому, что представлено человеком здесь и теперь, как маска не тождественна лицу актёра.

Человек, добродетельный в этом новом понимании, очень оправданно называется *uomo virtuoso* – доблестный. Слово «виртуоз» – более привычная характеристика гениального музыканта-исполнителя. Но идеал доблестного (протеистичного) человека Ренессанса, в абсолютном смысле владеющего собой, и вправду может быть уподоблен музыкальному гению, в совершенстве владеющему инструментом.

В ренессансной неоплатонической этике цель – духовное восхождение, вертикальное движение к Абсолюту, – хотя и сохраняется, но с уточнением в конечном итоге. Для неё актуален круг, т. е. не только возвращение, но нисхождение и пребывание.

Ренессансная этика акцентирует внимание не только и не столько на движении от

низшего вида блаженства к высшему, сколько на сочетании двух видов блаженства (высшего, происходящего от переживания тождественности божеству, и низшего, идущего от волнений плоти), склоняясь к утверждению их амбивалентности в смысле приближения к полноте бытия.

Ситуация человека предстаёт парадоксальной: не сопоставимой ни с античным её пониманием, в том числе, неоплатоническим, ни тем более с христианским. Поскольку рассматривается не как страдательная, взывающая избавления (спасения) существа, подверженного греху и смерти, а характеризуется как перманентное наслаждение. Дело идёт только об испытывании различных его аспектов.

Поэтому, в отличие от Платона, вовсе не торжество высшего Эроса, а гармония высшего и низшего Эротов предстаёт как лучший удел человека на Земле. Именно так Ренессансом трактуется учение об Эросе как о космической силе, устанавливающей и поддерживающей всеобщую взаимосвязь. Применительно к человеку данная «космическая» трактовка Эроса может быть конкретизирована следующим образом: высшей способностью человеческой души, разумеется, является разумная, духовная, – ведь именно с ней связано переживание максимума наслаждения: восприятие музыки небесной гармонии, созерцание красоты вечных идей. Но важнейший момент состоит в предположении о том, что самодержавие духовного начала, равенства его себе при всех превращениях и состояниях сохраняется при вовлечении в природу. Притягательность культуры Ренессанса – в зримом воплощении этой идиллии равновесия духовности и чувственности.

С резкой критикой данных представлений, находя их противоречащими христианству, выступали противники Ренессанса: в Италии – Савонарола, потом в северной Европе – протестанты.

Но имела место неуверенность и самих представителей философии и культуры Ренессанса в том, что этика, предполагающая оправдание чувственности, соответственно, её метафизическое обоснование, могут претендовать на истинность. Возникали сомнения в человеческой способности к полноте контроля и самоуправления; что духовный «верх», соприкасаясь со сферой «низа», всегда сумеет сохранить своё верховенство и независимость. А. Ф. Лосев отмечал, что «при всей своей стихийной мощи, ...при всём своём артистизме – такой субъект не мог не

ощущать... своё очень частое бессилие» [6, с. 612].

В конце концов это осознание вело ренессансную мысль от гармонической идиллии к драматизму барокко и к новому осмыслению собственной позиции в диалоге с христианством. Последний момент особенно характерен для Северного Возрождения, где влияние итальянского Ренессанса, распространившееся в XV–XVI веках за Альпы, встречалось с предреформационным движением.

В качестве примера ренессансной самоиронии по поводу собственного идеала человека и скрытого за ней трагизма показательна «Похвала Глупости» Эразма Роттердамского. Именно Глупость может быть рассмотрена как аналог «я» человека-художника: она так же, играя, примиряет противоречия, рассматривая их как различные обличия самой себя. «Похвала» являет серьёзное знакомство автора с неоплатонической метафизикой: в движении повествования от начала к концу вполне можно усмотреть путь восхождения человека от природного состояния к божественному. Но это именно ренессансный неоплатонизм, поскольку в результате вырисовывается всё же не вертикаль, а – круговорот. В каждой из трёх частей произведения обосновывается один и тот же тезис: глупец – поистине мудр и счастлив, тот же, кто почитается мудрым, на деле – глуп и обречён на страдания. По ходу развития Речи глупец и мудрец меняются местами. При приближении к её завершению возникает ощущение, что наконец, высказывается окончательная правда: провозглашается, что истинная мудрость – святое невежество во Христе. Однако «Похвала» не заканчивается на этой высокой ноте: в последних её строках Глупость сбрасывает богословское обличье, просит не принимать всё иначе, чем сказанное Глупостью и желает всем и дальше пить, гулять и веселиться [14, с. 156]. Кажется поэтому, что попытка дистилляции какого-то определённого смысла обречена на провал [16, с. 91].

Тем не менее, в «Похвале» можно выделить серединную позицию, которая, думается, выражает Эразмово понимание ренессансного идеала человека – актёра и художника, представителем которого он себя и считает. Это понимание мудрости как осознание собственной глупости (пребывание как бы во сне, в забвении истинного бытия) и наслаждения – как испытываемой в этом состоянии иллюзии гармоничного существования. Именно эта позиция находится в средней, второй части текста, между апологией чело-

веческой глупости как мудрости Природы и апологией глупости как мудрости во Христе. Глупость предстаёт именно глупостью, незнанием человеком своего действительного основания. Мудрость в этой ситуации состоит в признании себя узником платоновской пещеры, выход из которой труден, а то и невозможен [14, с. 93]. Мудр, кто не требует, чтобы комедия не была комедией, но веселится, вежливо заблуждаясь со всеми, помня закон пира: «либо – пей, либо – вон» [Там же, с. 65]. По сути, Эразм предлагает характеристику ренессансного гуманиста, который «один – умён, один – царь, один – всё, но лишь в своём воображении» [Там же]. Эта мораль середины части «Похвалы», разоблачающая ренессансный идеал как достижимый лишь в воображении, не является прерогативой Эразма. Ей родственно, например, заключение оракула Божественной бутылки, венчающее роман Рабле: «Тринк» [12, с. 705].

Проделанный ренессансной философией путь – от восприятия всерьёз образа земной идиллии до сомнений в его истинности и осуществимости – нашли выражение в искусстве.

Тройственная структура ренессансной неоплатонической метафизики «нисхождение – пребывание – возвращение», в которой подчеркнута именно цикличность, представлена в Раннем Ренессансе картиной «Весна» С. Боттичелли. В ней облик любви «отражает двойственность в неповторимости единого лика» [8, с. 46]. Правая сторона – отсылка к мифу о том, как Зефир преследует нимфу Хлорис и, сделав её супругой, превращает в цветущую богиню Флору. В левой стороне хоровод трёх граций: Целомудрия, Красоты, Наслаждения – символ *circuitus spiritualis*. Последняя из граций, в полном соответствии с теорией, стоит спиной к зрителю, обратив взгляд на Меркурия. Меркурий, в свою очередь, отвернулся от всего великолепия царства пробуждённой природы, устремив взор в небо. В центре композиции – фигура Венеры, соединяющая и разделяющая собой нисходящую и восходящую линии картины, убеждающая, что высокое метафизическое переживание вселенской гармонии не становится менее высоким при погружении духа в материю.

В картине, как и положено, духовное ассоциируется с мужским началом, а материальное – с женским. Но интерпретация этой ассоциации оказывается возможной уже на ренессансный манер. Подчёркивается, что «Земля», материя не так уж недуховна. Напротив, она – воплощение духа, и как раз по-

этому – «всё рождающая». Как и идея, она тоже – потенция, потому – требующая пробуждения.

Художественное выражение этих представлений – «Спящая Венера» Джорджоне – родоначальница всех последующих «возлезающих Венер».

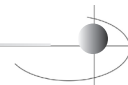
В скульптуре та же идея о пробуждении чувственности как пути к постижению высшей красоты проявляется в моде украшать сады фонтаном со спящей нимфой. Поскольку античная традиция связывает нимф с музами, то такой фонтан выступал аллегорией источника воды жизни и, одновременно – вдохновения [18, с. 362]. Согласно Э. Макдугалл, фонтан со спящей нимфой – символ возрождения академий и поэзии [Там же, с. 363].

Но идеал человека, созданный ренессансными неоплатониками, и в искусстве оказался довольно скоро сопряжён со скептицизмом. В живописи Возрождения можно обнаружить не только гимн человеку, но и его снижение, вызванное разочарованием в возможности земной жизни как перманентного райского наслаждения.

В ренессансной живописи можно выделить несколько фаз изменения отношения к философскому идеалу человека, мерой соединяющего небесное и земное блаженство: от восхваления до иронии, наконец, до разоблачения его как опасной лжи в сопоставлении с истиной христианства.

Первая фаза: представление о совершенной, при этом земной гармонии, о равновесии духовного и телесного начал – проявляется в жанре пасторали. Характерный её сюжет – невинные проявления нежных чувств пастухов и пастушек на фоне идеального пейзажа (возможны варианты: вместо пастухов и пастушек – обнажённые нимфы и парадно одетые аристократы). Символом одухотворённости чувств часто выступают музыкальные инструменты.

Показательный пример пасторали – произведение Тициана «Сельский концерт», известное и тем, что послужило первообразом для картины Э. Мане «Завтрак на траве». Четыре фигуры, изображённые на картине: две мужские и две женские – охватывают почти весь возможный спектр пасторальных персонажей: один из мужчин одет как аристократ, другой – как простолюдин; женское начало представляют две обнажённые нимфы. Все они предстают в гармоничном единении с окружающей природой. Мужчины и женщины объединены музыкой. Обнажённые женщины не возбуждают похоть, они, скорее, выступа-

ют в роли муз – источника творческого вдохновения для одетых мужчин. Мужчины, прислушивающиеся к звукам лютни и погружённые в беседу, даже не смотрят на них. Между тем, одна из нимф изображена пробудившейся к творческой жизни: она также причастна к музицированию, держит в руках флейту. У другой в руке – кувшин с водой, символизирующей земную жизнь; вода набрана из бассейна, похожего на саркофаг. Последняя деталь усиливает символизм картины, указывая на круговорот жизни и смерти, земного и небесного. Таким образом, пастораль натуралистична и мистична. Присутствие женщин придаёт ей чувственности, но не препятствует ощущению вечной закономерности мироздания.

Вторая фаза выражает приближающееся осознание двойственности и трагизма человеческой ситуации в мире. Ощущение невозможности действительной гармонии духовности и чувственности вызывает снижение возвышенности пасторали. В этом смысле показателен тот же Тициан: серия картин «Венера и музыкант». На каждой из них повторяется с вариациями один и тот же сюжет: музыкант (органист или лютнист), сидящий на краю ложа обнажённой Венеры. Сама по себе лежащая обнажённая Венера – не новость для ренессансной живописи и, конечно, для самого Тициана (взять хотя бы самую известную из его возлежащих Венер – Урбинскую). Не новость и парадно одетый музицирующий мужчина рядом. Новшество – ситуация алькова, неизбежно акцентирующая чувственную составляющую сюжета [4, с. 140]. В отношении двух картин с органистом ещё можно говорить о пасторальном балансе духовно-рационального и чувственного начал: любовование прекрасной обнажённой женщиной здесь может представиться не менее духовным занятием, чем игра на органе. Но на третьей картине музыкант предстаёт полностью побеждённым чувственной красотой женщины: он склоняется к ней настолько сильно, что вынужден оторвать руки от инструмента и прекратить играть [Там же, с. 151]. Ирония автора над неоплатоническим идеалом гармонии очевидна: под вопрос поставлена невозмутимость духа участников сцены. На создание иронического настроения «работает» и пейзаж: своей идиллической гармонией он подчёркивает напряжённость ситуации на переднем плане.

Третья фаза характеризуется тем, что неуверенность в правдоподобии и в правомерности нового идеала человека обращает

ренессансных творцов к сопоставлению его с христианским пониманием дела. Особенно это характерно для художников Северного Ренессанса. Здесь становится очевиден акцент на фиксации их различий и даже противоположности. Например, принимается во внимание, что следование чувственным желаниям в христианстве – не метафизическая закономерность, а искушение, опасность погружения в пучину неисчислимых бед. Пример соединения (столкновения) ренессансной и христианской позиций являет картина французского представителя Северного Возрождения Жана Кузена Старшего «Ева первая Пандора», где в виде возлежащей Венеры представлена библейская прародительница человечества. Сопоставление с Пандорой подразумевает негативное прочтение образа: тема готового к пробуждению «источника жизни», безусловно, присутствует в картине, но она находится в неразрывной связи с темой соблазна, запретного плода, грехопадения, разрушения общения Бога и человека.

При акценте на различия неизбежна постановка вопроса о том, что обе позиции – ренессансная и христианская – не могут быть одновременно истинными. Это понимание подводит мысль Северного Возрождения к следующему шагу: метафизическое обоснование и оправдание ренессансного идеала человека осознаётся и в философии, и в живописи как иллюзия, сон разума.

Выразителем третьей фазы в живописи представляется И. Босх. Его триптих «Сад земных наслаждений» может быть рассмотрен как диалог Ренессанса и христианства.

Первая часть триптиха изображает последний день творения. Христос подводит к Адаму Еву, благословляя брак. На лице Адама – потрясение, радостное изумление – догадка об открывающейся перспективе. Глаза Евы смущённо опущены. Люди и природа переживают начало земной жизни как состояние весны. В центре композиции – розовый затейливый фонтан, наполняющий пространство живительной влагой, что наводит на мысль о нём как об источнике божественной благодати. Однако такое отождествление небесспорно. Уже в первый момент предвосхищения главной земной радости плотоядность, присутствующая во взгляде Адама, откликается в природе поеданием одних животных другими.

В центральной части – композиция, изображающая апофеоз земного блаженства: источник-фонтан по-прежнему находится в центре, удерживая вертикаль. Правда, из

розового он становится синим, но пространство выглядит как Рай для огромного числа людей, пришедших в мир благодаря любви Адама и Евы. Идея представленной картины: любовь, понятая как взаимное притяжение полов – вот сила, движущая мир. Она ощущается при целостном охвате и при сосредоточенности на отдельных фрагментах. Тела, мужские и женские, изображены либо стремящимися к соединению, либо уже соединяющимися друг с другом. Силу взаимного притяжения аллегорически изображает сюжет в центре: расположенный в непосредственной близости от источника идеально круглый пруд наполнен особями женского пола. Вокруг него кольцом движется кавалькада мужчин, сидящих верхом на представителях фауны. Внешняя, движущаяся, и внутренняя, неподвижная, окружности, согласно одному удачному комментарию напоминают ротор и статор, продуцирующие поле напряжения [13]. Это энергия жизни, которая разлита повсюду и представлена в великом разнообразии проявлений.

Однако пристальный взгляд на эту полноту жизненного цветения выявляет, как и в первом сюжете, что блаженство здесь – далеко не всеобщий удел: есть и обманутые неудачники, вынужденные буквально тащить любовников на себе. Но, более того, в сюжетах земного рая есть намёк на потенциальную страдательность и тех, кто испытывает наслаждение. Влюблённые чаще всего заключены в оболочки. Соединение обнаруживается как заключение, интуиция, глобальная для Ренессанса в целом: сфера автономии индивида – его тюрьма. Земная любовь на поверку оказывается эгоизмом, лишённым света любви божественной, а значит, её противоположностью.

Центральная часть триптиха рождает догадку, что, по мысли Босха, изображаемая идиллия на самом деле – не идиллия; гармония разума и чувственности возможна разве что в человеческом воображении. И что на самом деле погружение в прекрасный сон – соблазн для разума. В этом ощущается близость позиций Босха и Эразма. Эта близость замечена многими и объясняется общим воспитанием и образованием [7, с. 322–324].

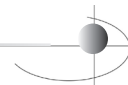
Но Босх, пожалуй, более склонен «договаривать до конца» мысль о действительном положении ренессансного «виртуоза». Н. Н. Никулин отмечает, что Босх в полной мере поставил в своей живописи проблему добра и зла, которой почти не касались художники XV века [Там же, с. 38].

Завершающая часть триптиха в полной мере проясняет зловещую интуицию второй: торжество земной любви, переживаемое как праздник – это именно впадение в сон, пробуждение от которого неизбежно и тяжело. Она условно называется «Музыкальный ад». Музыкальный – потому что здесь появляются музыкальные инструменты. Ад – потому что люди изображены распятыми на них. В триптихе музыкальные инструменты впервые появляются именно в Аду. Ренессансные «виртуозы» вовсе не уподобляются Босхом псалмопевцу Давиду, предстоящему перед Богом, потому вовсе не застрахованы от падения: их претензия на умение владеть страстями оказывается мнимой; она оборачивается тем, что страсти владеют ими. Вообще, истина о человеке, усматривающем благо в земном блаженстве, состоит, по Босху, в том, что, выбрав его, он разорвал связь с Богом. На самом деле он эгоист, думающий о себе. Ад Босха – царство телесного «низа», представленное без иллюзорной соединённости с «верхом», одновременно – замкнутое, лишённое выхода пространство, несмотря на наличие лестниц, ведущих в никуда.

Идеально круглой в заключительной части триптиха оказывается выгребная яма, над которой на троне в виде стульчака восседает птицеголовый сатана с котлом-коронай на голове, поедающий грешников и испражняющийся ими же, «упакованными» в оболочки. Окно, отражающееся на поверхности котла, по замечанию Х. Белтинга, превращает котёл в метафору комнаты, из которой нет выхода [15, с. 35].

На месте фонтана обнаруживается древообразное «меланхолическое чудовище», – по некоторым предположениям [Там же, с. 38] – автопортрет самого Босха, – чудовище с полуулыбкой разглядывает содержимое собственного чрева, представляющее собой таверну с пирующими. Возможно, Босх следует здесь Эразму, раскрывая позицию «свободного художника» как человека, добровольно усадившего себя на «Корабль дураков» и объявившего, что в этом и состоит истинная мудрость [16, с. 45].

Разумное «я» идеального человека Ренессанса разоблачается, таким образом, как спящее. Сад земных наслаждений оказывается лишь человеческим видением, созданным в воображении. Главный герой Ренессанса, – художник, актёр – тот, кто следует за собственными фантазиями и об этом знает. Он должен согласиться с тем, что его «я» – отнюдь не средоточие божественности, способ-

ное непринуждённо и, не прилагаясь к греху, «пробежать» весь спектр наслаждений, что его ирония не отменяет того обстоятельства, что поддавшийся искушению страстей пребывает в аду. Таким образом, Босх, сопоставляя ренессансную и христианскую позиции, в конце концов признаёт правоту последней. Средствами живописи он как бы подводит черту, прощаясь с ренессансным идеалом.

Выводы. Ренессансный неоплатонизм предстаёт философией, обеспечивающей переход от средневековой к новоевропейской трактовке человека, т. к. создаёт переходную антропологическую концепцию и сообразную ей этику. Данная концепция возникает в рамках специфически ренессансного истолкования неоплатонической метафизики.

Переходная трактовка человека формируется в результате переноса на разумное «я» индивида характеристик неоплатонического Единого, способного, сохраняя самождественность, «погружаться» в материю и возвращаться к себе.

Сообразная новой антропологии этика представляет человеческую жизнь как бесконечную череду наслаждений в результате гармоничного совмещения вечного и временного, природного и духовного его начал. В результате рефлексии над новым идеалом

нарастали скепсис и ирония; возникало представление о нём как о воображаемом, иллюзорном.

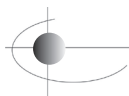
Последняя фаза наиболее органична для Северного Возрождения, специфика которого заключается в пересечении Ренессанса и Пререформации. Аналогичный процесс трансформации отношения к ренессансному идеалу: от серьёзного до скептического восприятия – прослежен в живописи.

Творчество Боттичелли представлено как дословное «прочтение» и визуальное выражение неоплатонического идеала. Выявлен двойственный характер творчества Тициана: некоторые его полотна являются серьёзным восприятием данного идеала, в то же время – очевидна ирония над ним. Отчётливо ироническое, разоблачительное отношение к предложенному новому идеалу человека и новой морали обнаружено у представителя Северного Ренессанса И. Босха.

В целом работа позволяет сделать вывод о непрочности, внутренней конфликтности нового идеала; а также о том, что именно такой идеал позволял сделать шаг от средневекового к новоевропейскому пониманию человека и соответственной этики. Важно и то, что существует возможность возвратного движения.

Список литературы

1. Баткин Л. М. Леонардо да Винчи и особенности ренессансного творческого мышления. М.: Искусство, 1990. 415 с.
2. Боттичелли: альбом / авт.-сост. И. Е. Данилова М.: Изобразительное искусство, 1989. 56 с.
3. Глаголев В. С. Религиозно-эстетические феномены культуры в контексте творческих поисков истины // Что есть истина?: тез. докл. Всерос. науч.-практ. конф. Махачкала: Изд-во ДГУ, 2013. С. 32–36.
4. Демидова М. Серия картин Тициана «Венера и музыкант»: единство темы, многообразие смыслов // Искусствознание. 2016. № 3. С. 136–170.
5. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: Искусство, 1975. 776 с.
6. Лосев А. Ф. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
7. Никулин Н. Н. Золотой век нидерландской живописи. XV век. М.: Изобразительное искусство, 1981. 400 с.
8. Петручек О. К. Сандро Боттичелли. М.: Искусство, 1984. 224 с.
9. Платон. Пир // Платон. Сочинения в четырёх томах. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: Изд-во Олега Абышко, 2007. 626 с. С. 97–160.
10. Платон. Федр // Платон. Сочинения в четырёх томах. Т. 2. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та: Изд-во Олега Абышко, 2007. С. 161–228.
11. Пико делла Мирандола. Речь о достоинстве человека // Эстетика Ренессанса: Антология: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С. 248–265.
12. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. М.: Худож. лит., 1973. 783 с.
13. Рылёв К. Философия вертикали и горизонтали [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.peremenu.ru/book/vh/441> (дата обращения: 15.01.2018).
14. Эразм Роттердамский. Похвала Глупости. М.: Советская Россия, 1991. 464 с.
15. Belting H. Hieronymus Bosch: Garden of Earthly Delights. Munich; London; New York: Prestel, 2016. 126 p.
16. Kaizer W. Praisers of folly. Erasmus, Rableas, Shakespeare. Cambridge: Harvard University Press, 1963. 318 p.
17. Kristeller P. O. The Philosophy of Marsilio Ficino. New York: Columbia University Press, 1943. 441 p.
18. MacDougal E. B. The Sleeping Nymph: Origins of a Humanist Fountain Type // The Art Bulletin. 1975. No. 57. Pp. 357–365.

19. Panofsky E. Studies in iconology. Humanistic themes in the art of the Renaissance. York and Evanston: Harper Torchbooks, 1962. 266 p.

20. Silantieva M. V. Archaic Mythology Motives in Art of "Modern Period" and "New Time": "Snow" Paintings by Lucas Van Valckenborch and contemporary Serbian Primitives // Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives: 1st International symposium. Vienna, 2013. Pp. 42–50.

Статья поступила в редакцию 22.01.2018; принята к публикации 25.02.2018

Библиографическое описание статьи

Гладышева С. Г. Концепция человека в неоплатонической философии Ренессанса и её интерпретация в искусстве // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 58–67.

Stella G. Gladysheva,

Candidate of Philosophy,

Moscow Technological University

(78 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russia),

e-mail: svglad@mail.ru

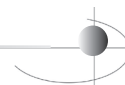
The Concept of Man in Neoplatonic Renaissance Philosophy and its Interpretation in Art

The article is devoted to the Neoplatonic philosophy of the Renaissance and its interpretation in art. The relevance of the topic is determined by the acuteness of the modern dichotomy: natural – cultural. It is addressed to the first attempt of justification of the natural principle in man at the dawn of modernity. Genetic and comparative methods are used in the work. L. M. Batkin's concept of the Renaissance culture has had a significant methodological impact. The subject of analysis was the specificity of Renaissance Neoplatonism, those changes in its anthropology and ethics that distinguish it not only from Christianity but also from the ancient Neoplatonism. As a result of the study, the thesis was confirmed that the dialogue of Christianity and Neoplatonism always took place in the Renaissance philosophy. However, the understanding of the character of relationship between the teachings underwent a transformation, moving from Italy to the Alps. It changed from the stressing their identity to pointing out their opposites. Metaphysical preconditions for changes in the understanding of man and the moral ideal are revealed. The novelty of the work is a synchronous description of the phases of the transformation in philosophers' and artists' attitude to the ideal of man, expressed in Neoplatonic philosophy. It is concluded that the same dynamics of the attitude toward the Neoplatonic reevaluation of values is observed both in philosophy and in art: from taking it seriously to self-irony and returning to Christian moral values.

Keywords: Renaissance, Neoplatonism, Christianity, ethics, anthropology, irony, art

References

1. Batkin, L. M. Leonardo da Vinci and features of Renaissance creative thinking. M: Iskusstvo, 1990. (In Rus.)
2. Botichelli: Album. I. E., Danilova, author. M: Iskusstvo, 1989. (In Rus.)
3. Glagolev, V. S. Religious and aesthetic culture phenomena in the context of the creative search for truth. What is the truth? Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. 2013: 32–36. (In Rus.)
4. Demidova, M. A series of paintings by Titian "Venus and the Musician": the unity of the theme, the diversity of meanings. Journal of Art History, 2016, no. 3, pp. 136–170. (In Rus.)
5. Losev, A. F. The History of Ancient Aesthetics. Aristotle and the late classics M: Iskusstvo, 1975. (In Rus.)
6. Losev, A. F. Aesthetics of Renaissance. M: Mysl', 1978. (In Rus.)
7. Nikulin, N. N. Golden century of Dutch paintings of the XVth century. M: Izobrazitel'noe iskusstvo, 1981. (In Rus.)
8. Petrochuk, O. K. Sandro Boticelli. M: Iskusstvo, 1984. (In Rus.)
9. Platon. Feast. Collected works. In 4 volumes. V.2. SPb: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta: "Izd- vo Olega Abyshko", 2007: 97–160. (In Rus.)
10. Platon. Fedr. In 4 volumes. V.2. SPb: Izd-vo S.-Peterb. Un-ta: "Izd-vo Olega Abyshko", 2007: 161–228. (In Rus.)
11. Piko della Mirandola. Speech about the dignity of man. Aesthetics of Renaissance. In 2 volumes. V. 1. M: Iskusstvo, 1981: 248–265. (In Rus.)
12. Rable, F. Gargantua and Pantagruel. M: Khudozhestvennaya Literatura, 1973. (In Rus.)
13. Rylev, K. Blog-Book philosophy of vertical and horizontal. Web. 15.01.2018. <http://www.peremeny.ru/book/vh/441> (In Rus.)
14. Jerazm Rotterdamskii. The Praise of Folly. M: Sovetskaya Rossiya, 1991. (In Rus.)
15. Belting, H. Hieronymus Bosch: Garden of Earthly Delights. Prestel. (In Engl.)

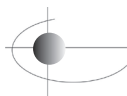

16. Kaizer, W. Praisers of folly. Erasmus, Rableas, Shakespeare. Harvard Univ. Press. Cambr. 1963. (In Engl.)
17. Kristeller, P. O. The Philosophy of Marsilio Ficino. N. Y. Columbia University Press, 1943. (In Engl.)
18. MacDougal, E. B. The Sleeping Nymph: Origins of a Humanist Fountain Type. The Art Bulletin, no. 57, pp. 357–365, 1975. (In Engl.)
19. Panofsky, E. Studies in iconology. Humanistic themes in the art of the Renaissance. New York and Evanston: Harper Torchbooks, 1962. (In Engl.)
20. Silantieva, M. V. Archaic Mythology Motives in Art of “Modern Period” and the “New Time”: “Snow” Paintings by Lucas Van Valckenborch and contemporary Serbian Primitives. Humanities and Social Sciences in Europe: Achievements and Perspectives, 1st International symposium 2013. pp 42–50. (In Engl.)

Received: January 22, 2018; accepted for publication February 25, 2018

Reference to the article

Gladysheva S. G. The Concept of Man in Neoplatonic Renaissance Philosophy and its Interpretation in Art // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 58–67.

УДК 130.121

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-3-68-74

Татьяна Алексеевна Золотарева,
кандидат философских наук, доцент,
Северо-Кавказский федеральный университет
(355009, Россия, г. Ставрополь, ул. Пушкина, 1),
e-mail: tatjazolotareva@yandex.ru

Экзистенциальные концепты ориентиров личности в современном социуме

Человек непрерывно сталкивается с постоянно меняющейся действительностью, акцентирует своё внимание на группе экзистенциальных ценностей. Подверженная частым изменениям реальность формирует смыслы, которые значимы для всех и во все времена, она заставляет постоянно задумываться, рефлексировать о смысле жизни человека, непреходящих ценностях, таких как добро и зло, истина и заблуждение, красота и уродство, свобода и зависимость, жизнь и смерть, смысл и цель жизни и т. д. Происходящие события в окружающей действительности оказывают влияние на внутренний мир человека, и центральным моментом здесь выступает переживание человеком самого себя с соответствующими личностными характеристиками и душевными состояниями. От человека требуется огромная внутренняя работа по пересмотру и преобразованию собственной личности, своих жизненных целей, смыслов, стратегий, ценностей. Тем самым индивид вырабатывает общезначимые и непреходящие смыслы в этой реальности, целомудренно транслируя их будущим поколениям. Экзистенциальные ценности образуют мировоззренческую природу личности. Сегодня этот процесс приобретает новые контуры в силу динамично меняющихся социальных детерминант, что обуславливает особую значимость исследования процессов, происходящих в ценностном сознании общества. Автор проводит философско-исторический анализ экзистенциальных исследований таких выдающихся мыслителей, как К. Ясперс, М. Хайдеггер, Ж. П. Сартр, В. Франкл, И. Д. Ялом, Ф. М. Достоевский, сопоставляя с экзистенциальным анализом ориентиров и смысложизненных принципов человека в современном обществе, что может вызвать научный интерес исследователей экзистенциальной философии.

Ключевые слова: экзистенциализм, свобода, изоляция, выбор, проблема смерти, смысл жизни

Введение. Для XXI века характерны кумулятивные процессы глобализации, которые овладели всем миром и всеми сторонами жизни общества (политической, экономической, социальной). Происходящие на современном этапе многообразные трансформации в обществе, науке, развитие новых технологий приводят к риску разрушения казавшихся незыблемыми моральных норм, а также некоторых социальных и культурных ценностей. В условиях протекающих глобализационных процессов происходит индивидуализация и демассификация не только социума, но и личности. В данной обстановке возникает опасность самоизоляции. Всё это говорит о том, что проблематизируются не только границы индивидуальности, но и её устойчивость.

«Мы – люди XX века, и нам не уйти от глобальности его проблем. А это есть прежде всего проблема современного варварства, одичания. Это угроза “вечного покоя”, т. е. возможность вечного пребывания в состоянии ни добра, ни зла, ни бытия, ни небытия. Просто ничего» [4, с. 31].

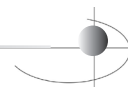
Методология и методы исследования. При рассмотрении специфики экзистенциаль-

ных проблем, происходящих в ценностном сознании общества, используются философско-исторические методологические подходы, применяется диалектическая методология. С целью проведения анализа рефлексии экзистенциальных проблем в современном социуме использованы методы философской компаративистики.

Результаты исследования и их об- суждение. Экзистенциализм – это познания и экспансивные переживания о существовании, состоянии человека, о его уникальности и неповторимости, о его выборе.

Рефлексия по поводу жизненных трудностей подводит человека к конечным данностям бытия, сформулированным в четырёх проблемах, которые сумел обобщить американский учёный Ирвин Дэвид Ялом: смерть, свобода, изоляция, бессмысленность [9, с. 12]:

1. Проблема смерти наиболее очевидно может быть соотнесена с экзистенциальным конфликтом между пониманием неизбежной смерти и жадой продолжения жизненного пути; сейчас мы существуем, но наступит день, когда мы перестанем существовать. Эта страшная правда наполняет человека ужасом, сковывает разум, парализует волю.

Вспоминая слова Спинозы, «всё сущее стремится продолжать своё существование»; конфронтация между пониманием неизбежности смерти и желанием продолжения жизни – это центральный экзистенциальный конфликт.

Смерть как философская проблема поднимается задолго до становления экзистенциализма как направления в философии. Философия же позволяет нам осознать это явление как взаимодействие сугубо человеческих, исторических и культурных факторов и влияний.

По утверждению Ясперса, смерть – это отсутствие осознания себя, соответственно в сознании человека смерти нет. Говорить о смерти как об определённом «переживании» нельзя. Переживания могут быть только у живых людей.

Отношение Хайдеггера к смерти определяется его философией. По его мнению, в жизни человека есть *Dasein* (здесь и сейчас), и есть все прочие состояния, определяемые бытием (экзистенциалы). В то же время экзистенциалы не есть отдельные составляющие *Dasein*, они составляют бытие, познать которое можно через феномен страха, он поворачивает *Dasein* лицом к смерти, помогая осознать смерть как возможность быть самостью [13].

Виктор Франкл считал, что смерть не является фундаментом экзистенции, но однозначно играет огромную роль, участвуя в «трагическом триединстве человеческого существования» (страдание, вина и смерть) [7, с. 81]. При этом смерть, или возможность смерти – это шанс для постижения настоящего смысла жизни: «смысл жизни может быть найден не только через восприятие благ, но также через само страдание. Вот почему жизнь не теряет смысла до самого последнего момента» [Там же].

Ирвин Ялом на основе философии создал экзистенциальную психотерапию. В своих трудах Ялом исходит из двух основных тезисов о смерти: «1. Жизнь и смерть взаимозависимы; они существуют одновременно, а не последовательно; смерть, непрерывно проникая в пределы жизни, оказывает огромное воздействие на наш опыт и поведение. 2. Смерть – первичный источник тревоги, и тем самым, имеет фундаментальное значение как причина психопатологии» [9, с. 35].

По мнению Ялома, вытесненный в бессознательное ужас смерти настолько силен и всеобъемлющ, что для того, чтобы спрятать от человеческого сознания смерть, тра-

тится весьма значительная часть жизненной энергии.

Таким образом, экзистенциалисты указывали на то, что смерть исчезает из бытия. Человек знает, что он обязательно умрёт. Всё его существование устремлено к смерти. В то же время смерть – это не переход в иное бытие, она конец всякого бытия человека, которого невозможно избежать. Известный афоризм «Ничто не вечно под Луной» гласит, что всё преходяще, всё в мире имеет конец, для живых существ – это смерть.

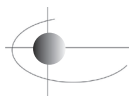
2. Проблема свободы – это, с точки зрения экзистенциализма, отсутствие внешней структуры. Согласно И. Ялomu, свобода как первичный принцип порождает ужас. В повседневной жизни человек верит в тешащую его иллюзию, что приходит он в упорядоченную вселенную, в которой всё соответствует некоему плану, и покидает он столь же упорядоченную вселенную. На самом деле человек сам является творцом собственной вселенной. Исходя из этого «свобода подразумевает ужасающую вещь: мы не опираемся ни на какую «почву», вокруг нас – бездна, у которой нет ни конца, ни края. И осознание мысли об отсутствии структуры вступает в противоречие с нашей потребностью в упорядоченности и фундаменте.

К ценностям человеческого существования относится *свобода*, которая определяется как возможность человека осуществлять свою деятельность в соответствии с собственными целями и интересами. Деятельность характеризуется некоторого рода свободой: человек может выбирать свой способ достижения цели, орудия для этого, желаемые результаты [3, с. 80].

У большинства простых людей свобода часто ассоциируется с жизнью по принципам: я так желаю, я так хочу, я так делаю. Однако в реальности такой абсолютной свободы просто не существует.

В экзистенциальной философии рассматривается индивидуалистский подход, который выражен формулой экзистенциализма – человек «приговорён» к свободе. Свобода – основание бытия и не имеет другой цели, кроме самой себя. Люди обречены быть свободными и по этой причине ответственны за свой выбор. В этом подходе осуществление свободы связано с самой личностью. Индивидуалистическая свобода – это возможность человека самому определять свои жизненные цели и нести личную ответственность за результаты своей деятельности.

В современном социуме вопросы свободы человека имеют большое значение. В её

достижении важная роль отводится проблеме свободного выбора человека (то есть возможности осуществлять самостоятельный выбор, соответствующий его субъективности) и свободы воли как сознательного стремления к осуществлению поставленных целей. Большое значение имеет исследование нравственной оценки выбора, критерием которой является объективное содержание положительных или отрицательных ценностей, составляющих основу этого выбора. Рассмотрение свободы невозможно без анализа категории «ответственность». Именно ответственность требует от человека отвечать за последствия свободного выбора.

По Ясперсу, экзистенция проистекает из свободы, которая в свою очередь оказывается связанной с трансценденцией. Ясперс разработал вариант религиозного экзистенциализма. Человек обретает свою сущность, свободу, познаёт объекты внешнего мира в «пограничных условиях»: перед смертью, страдая, испытывая чувство вины, в борьбе, т. е. тогда, когда человек оказывается на рубеже между бытием и небытием. Очутившись в «пограничной ситуации», человек становится свободен от главных ценностей, норм, правил. И это освобождение, «очищение "Я"» приносит ему возможность осознать себя как экзистенцию.

По Хайдеггеру, выбор своего «Я» заключается в том, чтобы поставить себя не грань смерти, при этом человек становится свободным от власти материального и социального мира и оказывается пред лицом бытия, которое суть ничто.

Философия экзистенциализма Сартра зиждется на противопоставлении и взаимоисключении понятий: «объективность» и «субъективность», «необходимость» и «свобода». По его мнению, свобода индивида как носителя нестабильной субъективности может быть разве что «разжатием бытия», образованием в нём «трещины», «дыры». Человека в современном обществе Сартр видит как отчуждённый объект, возводя это его состояние в метафизический статус всего человеческого существования.

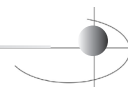
Ж. П. Сартр утверждает, что человек сам лепит из себя то, чем является: честного или подлеца, героя или труса. Он свободен в своём выборе, но отвечает за него целиком и полностью. Причём отвечает не перед человечеством, не перед высшими силами, которых нет, а только перед самим собой. И человек должен осознавать, что каждый поступок имеет свою цену, и за каждое деяние обязательно наступит расплата.

По И. Ялому, свобода есть не явно очевидная последняя действительность, представляемая человеку несомненно позитивным феноменом, который в то же время пробуждает ужас. Человек, являясь творцом своего мира, на самом деле несёт полную ответственность за свои деяния. С точки зрения учёного, «свобода» раскрывает в себе ужасающую правду о том, что у нас нет никакой основы, под нами пустое пространство, бездна. Возникает конфликт между наличием этой пустоты и нашей насущной потребностью в почве и структуре [9, с. 142–146]. Люди, населяющие некачественно сформированную и недостаточно структурированную Вселенную, «обречены на свободу». Нет твёрдого и надёжного базиса, который поддерживал бы существование. А существующий недостаток высокий уровень структурированности и «отсутствие твёрдой земли под ногами» вызывают у человека тревогу и страх. Свобода принуждает людей нести ответственность не только за свою жизнь, за свои поступки, будь они положительные или отрицательные, но и за придание миру значения (смысла). Возникает ещё один экзистенциальный конфликт – это конфронтация людей с отсутствием опоры и свободой и тяготение к обретению основы и структуры.

По В. Франклу, свобода человека заключена в его духовном мире, так как именно духовная личность сомневается, ищет пути решения проблем и всегда может возразить. «Проще говоря..., я не обязан всё время терпеть самого себя. Я могу отмежеваться от того, что есть во мне, причём не только от нормальных психических явлений, но и в определённых границах от психической патологии во мне... Моё личностное бытие и означает свободу – свободу стать личностью. Это свобода от своей фактичности, свобода своей экзистенциальности. Это свобода стать иным» [7, с. 112].

Таким образом, экзистенциальный смысл свободы предстаёт перед человеком как тяжкий груз, который он должен нести, потому что он личность. Конечно же, можно отречься от своей свободы, но тогда человек делается «как все», перестаёт быть самим собой, перестаёт быть личностью.

3. Проблема изоляции носит глобальный характер и заключается в обособленности от мира вообще. Это не одиночество и отсутствие связи с социумом, не духовная изоляция от своей собственной личности. Как бы мы ни были близки друг к другу, между нами всегда появляется последняя непреодолимая

бездна: всякий из нас в одиночестве рождается в мире и в одиночестве его оставляет.

И. Ялом выделяет межличностную, внутриличностную и экзистенциальную изоляции, которые тесно переплетаются, могут восприниматься одинаково и маскироваться друг под друга, иными словами, субъективно схожи.

Межличностная изоляция – это одиночество человека, его изоляция от других представителей социума. Факторами межличностной изоляции могут быть и географические условия, и дефицит личных социальных навыков, и внутриличностный конфликт, и культурные факторы. Кризис таких социальных институтов как большая семья, стабильное социальное окружение, приводит к усиливающемуся межличностному отчуждению.

Внутриличностная изоляция представляет собой состояние, когда человек отделяет друг от друга части самого себя, когда человек заставляет себя сдерживать собственные стремления или чувства, принимает «нужно», не доверяет своему собственному мнению, подавляет свой собственный потенциал, становится зависим от того, что думают другие. Возникает почти полная сепарация от собственного автономного организма, зарождается состояние сильнейшего одиночества.

Экзистенциальная изоляция, по И. Ялму, имеет ещё более фундаментальный характер и заключается в разъединённости между человеком и миром, представляет собой пропасть между индивидом и другими людьми, через которую нет мостов.

Выход или неудовлетворительное бытие в социуме приводят к тому, что человек не готов к автономному существованию, к своей изоляции. Страх экзистенциальной изоляции подталкивает на многочисленные межличностные отношения. Таким образом, человек стремится поддерживать отношения с другими, в то же время он должен научиться, будучи в отношениях с другими, не делать из них средство, орудие защиты от изоляции.

Стержневая задача человека в межличностных отношениях заключается в том, чтобы быть одновременно «частью» и «целым». Межличностная и экзистенциальная изоляция могут представлять этапы взаимного перехода друг для друга. Для того чтобы прочувствовать, ощутить изоляцию, человеку необходимо отсоединить себя от другого, тем самым испытав одиночество. Это в конечном итоге позволяет человеку осмыслить свою включённость в другого.

4. Проблема смысла вытекает из динамического конфликта по поводу смысла су-

щества, рождённого без его согласия в бессмысленном универсуме. Сами строя и структурируя свою жизнь, рождаясь одиночками в безразличном мире, мы должны умереть. Так какой же тогда смысл в нашем существовании, зачем и как нам жить?

Сартр видит смысл в абсурдности мира, тем самым объявив его бессмысленным: «Абсурдно, что мы были рождены, абсурдно, что мы умрём; с другой стороны, этот абсурд представляется как постоянное отчуждение моей возможности-бытия, которая не является больше *моей* возможностью, но возможностью другого» [6]. В своём учении Сартр, рассматривая свободу, смысл, не уделяет внимание этическим ориентирам при установлении поведения, в то же время он признаёт ценность определения смысла. Пути искания смысла Сартр видит прежде всего во включённости в мир, а также в определении своего дома и друзей в мире, в своих действиях, свободе, служении другим, в просвещении, самореализации [Там же, с. 551].

Ещё одним источником жизненного смысла, по мнению К. Ясперса, может служить преданность делу: «Человек становится тем, что он есть, благодаря делу, которое он делает своим» [10]. Смыслом жизни он видит ту возможность создания чего-то большего, чем мы сами, ради которой нужно трудиться и телом и душой, единым целым. Самым очевидным вариантом видится семья, то, что дано природой любому индивиду. Но это может быть и любая другая общность, которая может пробудить в душе всё благородство и станет для человека тем делом, которое будет неподвластно даже самой смерти. Верность мотиву и служение другим людям, конечно, привносят в жизнь ощущение смысла, но в то же время, творчество, создание чего-то нового – это тоже источник смысла, и оно не требует оправданий своему наличию, просто игнорируя вопрос «зачем?». Творчество – это естественно и правильно для любого человека. Стремление же человека к самореализации заложенного в нём потенциала – ещё один источник жизненного смысла.

В. Франкл в своих работах рассматривает несколько взглядов на смысл жизни. По его мнению, жизнь человека обязательно имеет смысл, но его нельзя просто дать человеку, смысл нужно обрести самому. Нахождение смысла не может стать неким конструированием, скорее, этот процесс будет связан с личным выбором и ответственностью человека. И процесс поиска смысла является для человека нормой.

В то же время Франкл полагает, что смысл нельзя обнаружить внутри бытия, он может заключаться только в вере в Бога. И. Ялом считает, что, говоря о смысле жизни, подразумевают некий космический смысл, заключающийся в осмыслении существования некоей общей модели всей жизни. В то же время есть и некий земной смысл – смысл жизни отдельного человека. Он может включать в себя некие задачи или функции, которые человек ставит перед собой.

Космический смысл нельзя рассматривать в отрыве от некоего внешнего надличностного плана, который обязательно связан с магическим или духовным переустройством мира. Земной смысл может и не нести никаких следов глобальных замыслов, он вполне может придавать некий личностный оттенок, заключаясь в личном ощущении смысла.

Когда человек владеет чувством космического смысла, чаще всего он обладает и чувством земного смысла, которое будет заключаться в претворении в жизнь космического смысла, в гармонии с ним. Хотя не всегда человеку дано найти свою нишу в неких глобальных замыслах.

Среди русских мыслителей проблему смысла жизни довольно глубоко раскрыл Ф. М. Достоевский. В своих произведениях он развивал мысль о том, что человек является феноменом не только сложным, но и противоречивым, далеко не познанным. Человек обязан постигнуть себя и понять своё назначение в мире, то есть, по его мнению, быть личностью. Каждый должен оставить в обществе пусть небольшой, но след, отпечаток своей личности. Сущность смысла жизни, по Достоевскому – быть нравственным. Человек обязан быть не просто личностью – его жизнь должна быть идейно насыщенной. По произведениям Достоевского мы изучаем сложную, противоречивую, многогранную природу человека. Достоевский обращается к глубинным основам сознания. Движение мыслей постоянно, оно не прекращается ни на секунду, пока продолжается жизнь. В XIX веке профессиональное владение знаниями особенностей обыденного сознания великим русским писателем сделало его лучшим в мире знатоком человеческой души [1, с. 21].

В современном обществе, в котором все вопросы и проблемы приобретают глобальный характер, сложилось особенное отношение к поискам смысла жизни, более острое, чем ранее. Философская мысль при этом разделяется на несколько направлений. Члены одного из них видят в смысле жизни стра-

дания, негатив, члены второго – наоборот, видят в поисках смысла в основном позитивные моменты, третьи же вовсе отрицают его существование [9, с. 276–295].

На рубеже XX–XXI веков сильно изменилась система ценностей, отношение к науке. Ныне она утратила некогда ведущие позиции в вопросах разрешения проблем человечества, в обществе зреют антинаучные настроения, в науке видят не столько двигатель прогресса, сколько угрозу для человечества, и человек оказывается одинок перед лицом осознания бренности жизни, своей абсолютной незащитности от им же самим созданной мощи.

В наше время жизнь человека более подходит на череду заранее запланированных работ по поддержанию машины в рабочем состоянии. Экзистенциализм поддерживает точку зрения, согласно которой человеку нужно, оставаясь частью современного мира, все же уметь осознавать свою сущность.

Заключение. Опираясь на результаты исследования, можно сделать следующие выводы. Основными экзистенциальными вопросами современности следует считать:

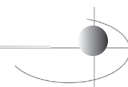
- отчуждение человека. Глобальные проблемы современного общества поднимают на новый уровень вопросы свободы, смысла жизни, борьбы с безысходностью, обретением своего «Я»;

- сущность человека. Человека невозможно рассматривать в отрыве от его бытия, его основные качества, сущность проявляются в нём;

- свободу. Мышление, сознание человека – суть свобода. Она есть у каждого человека в виде способности к достижению поставленной цели, но не в виде разрешения на любые действия;

- выбор. Он неразрывно связан со свободой, пользоваться свободой намного сложнее, чем не иметь её вовсе, т. к. свобода предполагает как выбор, так и ответственность за него;

- смысл жизни. Самый неоднозначный из вопросов, имеющий несколько слоёв, каждый из которых нужно рассматривать во взаимодействии с другими: нравственные установки, преодоление социальных, природных и других трудностей, удовлетворение от самой жизни человека. Рассмотрение его невозможно в отрыве от идеалов, целей, самой сущности человека, содержания его жизни. Одним из основных концептов смысла жизни является деятельность человека. Будучи важнейшей стороной сущности человека,

деятельность выступает исключительно его преимуществом [2, с. 21].

Огромные изменения в социуме и философской мысли современности оказали влияние и на развитие экзистенциализма. Современный человек и человечество в целом находятся в пограничной ситуации, которая заставляет рефлексировать над экзистенциальными проблемами. По мнению М. К. Мамардашвили, «экзистенциализм – это <...> способ фиксации определённых настроений, достаточно широко распространённых в обществе. Категории

экзистенциализма суть категории самовыражения, имеющие в виду определённый душевный склад, эмоциональный комплекс личности» [5, с. 251].

Осознание действительности достигается с помощью глубокого самоанализа, который чаще всего сопряжён с приобретаемым личным опытом. Созревание личности человека предопределено структурой выбора, который он совершает. И в то же время нежелание нести ответственность за свой выбор, нежелание рассмотрения альтернатив могут привести к пагубному развитию человека.

Список литературы

1. Баранов С. Т., Золотарева Т. А. «Живая жизнь» Ф. М. Достоевского и «Жизненный мир» Э. Гуссерля в плоскости дискурса повседневного сознания // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. 1. 2017. № 10. С. 21–24.
2. Золотарева Т. А. Деятельность как социальный детерминант модификации природы человека // Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук: сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. Омск, 2017. С. 20–23.
3. Золотарева Т. А. Творческие возможности личности в процессе деятельности человека // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 3 ч. Ч. 1. 2016. № 12. С. 79–82.
4. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Введение в философию. М.: Лабиринт, 1996. 432 с.
5. Мамардашвили М. К. Как я понимаю философию. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
6. Сартр Ж. П. Бытие и ничто: опыт феноменологической онтологии: пер. с фр. / предисл., примеч. В. И. Колядко. М.: Республика, 2000. 639 с.
7. Франкл В. Психотерапия и экзистенциализм. М.: ИОИ, 2015. 192 с.
8. Франкл В. Человек в поисках смысла: пер. с англ. и нем. / общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева; вступ. ст. Д. А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. 368 с.
9. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия. М.: Класс, 2005. 576 с.
10. Ясперс К. Философия. Кн. 2. Просветление экзистенции / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+: Реабилитация, 2012. 448 с.
11. Frank J. Dostoevsky: A Writer in His Time. Princeton: Princeton University Press, 2009. 984 p.
12. Frankl V. Psychotherapy and existentialism. New York: Simon and Schuster, 1967. 246 p.
13. Heidegger M. Zollikon Seminars. Protocols-Conversations-Letters / ed. by Medard Boss, translated from the German and with notes and afterwords by Franz Mayr and Richard Askay. Evanston, IL: Northwestern University Press, 2001. 360 p.
14. Yalom I. Love's executioner and other tales of psychotherapy. London: Penguin books, 1989. 270 p.

Статья поступила в редакцию 15.01.2018; принята к публикации 28.02.2018

Библиографическое описание статьи

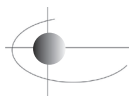
Золотарева Т. А. Экзистенциальные концепты жизненных ориентиров личности в современном социуме // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 68–74. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-3-68-74.

Tatiana A. Zolotareva,

*Candidate of Philosophy, Associate Professor,
North-Caucasian Federal University
(1 Pushkina st., Stavropol, 355009, Russia),
e-mail: tatjazolotareva@yandex.ru*

Existential Concepts of Individual Guidelines in Modern Socium

A person is constantly confronted with constantly changing reality, emphasizes his attention to a group of existential values. The reality which is subjected to frequent changes shapes the meanings that are meaningful for all and at all times, it makes us constantly reflect, muse about the meaning of human life, enduring values such as good and evil, truth and error, beauty and ugliness, freedom and dependence, life and death, the meaning and

purpose of life, etc. Occurring events affect the inner world of a man in the surrounding reality, and the central moment here is the experience of the person himself with the appropriate personal characteristics and mental states. A person needs a huge inner work to revise and transform his own personality, his life goals, meanings, strategies, values. In this way, the individual develops universally valid and lasting meanings in this reality, chastely broadcasting them to future generations. Existential values form the worldview nature of the individual. Today, this process acquires new contours due to the dynamically changing social determinants, which cause the special significance of studying the processes taking place in the value consciousness of society. The author conducts a philosophical and historical analysis of the existential studies of such outstanding thinkers as K. Jaspers, M. Heidegger, J. P. Sartre, V. Frankl, I. D. Yalom, F. M. Dostoevsky, comparing with the existential analysis of the landmarks and meaningful principles of man in modern society, which can arouse the scientific interest of researchers of existential philosophy.

Keywords: existentialism, freedom, isolation, choice, problem of death, meaning of life

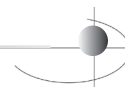
References

1. Baranov, S. T., Zolotareva, T. A. "Live the life" by F. Dostoevsky and "life-world" by E. Husserl in the plane of the discourse of everyday consciousness. Historical, philosophical, political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice. Tambov: Gramota, no. 10(84): in 2 parts. Part 1, pp. 21–24, 2017. (In Rus.)
2. Zolotareva, T. A. Activity as a social determinant of the modification of human nature. Collection of proceedings on the results of an international scientific and practical conference. Actual issues and prospects for the development of social sciences, Omsk, no. 4, pp. 20–23, 2017. (In Rus.)
3. Zolotareva, T. A. The creative possibilities of the individual in the process of human activity. Historical, philosophical, political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice, no. 12(74): in 3 parts. Part 1, pp. 79–82, 2016. (In Rus.)
4. Mamardashvili, M. K. Necessity of self. Introduction to Philosophy. M: Labirint, 1996. (In Rus.)
5. Mamardashvili, M. K. How I understand philosophy. M: Progress, 1990. (In Rus.)
6. Sartr, Zh. P. Being and nothingness: The experience of phenomenological ontology. M: Respublika, 2000. (In Rus.)
7. Frankl, V. Psychotherapy and Existentialism. M: IOI, 2015. (In Rus.)
8. Frankl, V. Man in search of meaning. M: Progress, 1990. (In Rus.)
9. Jalom, I. Existential psychotherapy. M: Klass, 2005. (In Rus.)
10. Jaspers, K. The second book. Enlightenment of Existence. M: «Kanon+» ROOI «reabilitacija», 2012. (In Rus.)
11. Frank, J. Dostoevsky: A Writer in His Time. Princeton University Press. 2009. (In Engl.)
12. Frankl, V. Psychotherapy and existentialism. New York: Simon and Schuster, 1967. (In Engl.)
13. Heidegger, Martin. 2001. Zollikon Seminars. Protocols-Conversations-Letters. Medard Boss edited by, translated from the German and with notes and afterwords by Franz Mayr and Richard Askay. Evanston, IL: Northwestern University Press. Northwestern University Press, 2001 (In Engl.)
14. Yalom, I. Love's executioner and other tales of psychotherapy. London etc. Penguin books, 1989. X. (In Engl.)

Received: January 15, 2018; accepted for publication February 28, 2018

Reference to the article

Zolotareva T. A. Existential Concepts of Individual Guidelines in Modern Socium // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 68–74. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-3-68-74.

УДК 130.2

Мария Алановна Хасиева,*кандидат философских наук,**Национальный исследовательский**Московский государственный**строительный университет**(129337, Россия, г. Москва, Ярославское шоссе, 26),**e-mail: HasievaMA@mgsu.ru***Концепция постмодернизма в философии метаболизма К. Курокавы**

Актуальность темы обусловлена значимостью направления метаболизма в архитектуре и градостроительстве XX века, а также её влиянием на современную философию урбанизма. Движение метаболизма стало одним из наиболее влиятельных направлений в архитектуре XX века, получивших международную известность. Определяющей особенностью этого направления является наличие в его основе своеобразной философии, не исчерпываемой противостоянием функционалистскому подходу в архитектуре, открывающей новые перспективы современной урбанистики. Смыслообразующей идеей в движении метаболистов является размежевание эпох модернизма и постмодернизма в культуре, при этом в своих проектах представители метаболизма воплощали интенции постмодернистской архитектуры, определяя дальнейший путь её развития. Предметом исследования в данной статье является интерпретация концепции постмодернизма в работах одного из основных представителей движения метаболизма К. Курокавы. Используемые методы включают в себя описательную характеристику основных работ К. Курокавы, герменевтический и системный анализ данных текстов, изучение исследовательской литературы, посвящённой рассматриваемой теме. Основные результаты и выводы статьи касаются взаимосвязи традиций японской культуры и концепции метаболизма, проблемы рецепции и трансформации основных понятий философии постмодернизма в трудах метаболистов, а также выявления семиотических параллелей культуры европейского модернизма и японской культуры эпохи Эдо, выделяемых К. Курокавой в работе «Философия симбиоза».

Ключевые слова: К. Курокава, философия симбиоза, архитектура метаболизма, постмодернизм в архитектуре, эпоха Эдо, «эпоха принципа машин»

Введение. Актуальность рассматриваемой темы определяется значимостью концепции метаболизма в архитектуре и градостроительстве XX века, а также её влиянием на современную философию урбанизма. Сформировавшееся в конце 50-х – начале 60-х годов XX века в Японии движение метаболистов, во многом апеллировавшее к национальной культурной традиции, воплощает в себе в то же время универсальные интенции в архитектуре и дизайне, свойственные той эпохе и проявившиеся также в европейской и советской культуре. Сходные концепции, являющиеся альтернативой архитектурному подходу функционализма, зарождались и развивались на протяжении всей второй половины XX – начала XXI века, однако именно японское движение метаболизма обрело мировую известность и нашло реализацию в многочисленных зарубежных архитектурных проектах. Причины этого феномена кроются в социокультурном контексте развития архитектуры метаболизма в Японии: религиозно-философские установки и этнокультурные традиции определили особенности формирования и возможности распространения идей метаболизма в япон-

ской архитектуре. Важнейшим аспектом самоопределения метаболистов явилось разделение и противопоставление эпох модернизма и постмодернизма в архитектуре и культуре в целом. Определяя предпосылки своего творчества в эпохе постмодернизма, представители данного направления рассматривают основные характеристики и отличительные черты, свойственные данным эпохам. Целью данного исследования является определение сущности концепции постмодернизма в культуре в философии метаболизма на материале работ одного из основных представителей движения – К. Курокавы. В рамках постановки данной цели можно определить следующие задачи:

– в статье рассматривается позиция К. Курокавы в вопросе об этнокультурных предпосылках концепции метаболизма;

– выявляются основные пункты противопоставления модернистской и постмодернистской культуры в философской концепции метаболизма;

– рассматривается проблема рецепции и трансформации основных понятий философии постмодернизма в философских работах метаболистов;

– характеризуются основные семиотические параллели культуры европейского модернизма и японской культуры эпохи Эдо, выделяемые К. Курокавой в работе «Философия симбиоза».

Новизна данной темы обусловлена немногочисленностью системных исследований, рассматривающих роль движения метаболизма в контексте формирования постмодернистской концепции архитектуры, на русском языке. Среди работ, посвящённых метаболической концепции Курокавы, стоит отметить диссертационное исследование В. М. Бадлуевой «Интеграция японской национальной архитектуры в современное зодчество: на примере творчества К. Курокавы», в котором раскрывается преимущественно аспект воплощения национальной традиционной культуры в концепции метаболизма, а также статьи И. А. Добрицыной и А. Я. Зенкевича, характеризующие учение о симбиозе К. Курокавы в целом.

По теме исследования опубликованы также некоторые статьи на английском языке, в основном исследующие проблему с позиций теории архитектуры и урбанистики и лишь в незначительной степени затрагивающие проблематику философии города. В данной статье философский аспект концепции метаболизма исследуется на материале работ «Философия симбиоза», «Метаболизм в архитектуре» К. Курокавы.

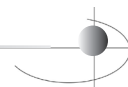
Основной понятийно-терминологический аппарат, используемый в статье, определяется программным содержанием концепции метаболизма. Ключевые понятия, которые выделяют представители направления – метаболизм, метаморфоза, симбиоз – описывают закономерности и механизмы существования биосферы и осознанно заимствуются авторами из сферы биологии. Само понятие метаболизма в японском языке эквивалентно слову *shinchintaisha*, предполагающему не только значение превращения и изменения с целью поддержания энергетического баланса живой органической структуры, т. е. сохранения *status quo*, но и значение обновления, восстановления. При этом обновление в данном случае не подразумевает полного уничтожения старого и возведения нового с самого основания, а скорее, постепенную и интегрированную замену старого новым, соотносимую с процессами развития и роста в живой природе. Здание и город рассматриваются метаболистами как живой организм, что подразумевало выделение стационарных и мобильных частей системы. Другим, не ме-

нее важным аспектом архитектурной концепции метаболизма является форма репрезентации технических элементов в здании при проектировании. В проектах метаболистов техническая инфраструктура здания – трубопроводы, воздуховоды – часто не скрывается в монолите конструкции и не маскируется декоративными элементами, что соответствует концепции «гуманизации техники», которая будет рассмотрена далее. Будучи автономными и подвижными, отдельные элементы конструкции при этом органично взаимосвязаны друг с другом, а всё здание в целом рецептивно по отношению к внешней среде.

В то время как понятие метаболизма было предложено ещё в 50-е годы XX века и стало нарицательным и смыслообразующим для общей концепции движения, термин «симбиоз» был сформулирован в более поздние годы в работах К. Курокавы. Сам Курокава отделял собственно метаболистский период в своём творчестве от момента рождения концепции симбиоза. Концепция симбиоза основывается, таким образом, на фундаментальных принципах метаболизма, но в некоторых аспектах выходит за пределы метаболистской философии, по-новому раскрывая и дополняя её. К подобным дополняющим чертам можно отнести отрицание симметричной структурированности за счёт признания ценности децентрализованных плюралистических моделей организации мира, стилистическую гибридизацию, целенаправленное смешение разнородных элементов в одном объекте. При этом и метаболизму, и концепции симбиоза одинаково чуждо стремление к монолитности и статичной перманентности здания.

Курокава неоднократно подчёркивал, что симбиоз подразумевает не только гармонию и согласованность, но и оппозицию, а также соперничество. Это понятие характеризует меняющуюся, но в то же время демонстрирующую устойчивость к факторам внешней среды систему сосуществования живых организмов.

Термин «метаморфоза» также появляется в работах Курокавы и описывает особенности восприятия человеком городского пространства: попадая в здание извне, человек проходит через переходное пространство атриума, фойе, подъезда, сеней, что можно соотнести с промежуточной стадией формирования законченного живого организма – личинкой, куколкой или яйцом. Периодизация мировой истории, представленная в «Философии симбиоза», предполагает про-

тивопоставление двух временных этапов: «эпохи машин» и «эпохи принципа жизни». Курокава говорит о периоде модернизма как о стадии индустриального общества, называя его «эпохой машин». Понятия «модернизм» и «постмодернизм» при этом трактуются им максимально широко, включая в себя как временную эпоху, так и определённые стадии – индустриальную и постиндустриальную – развития общества, совокупность черт материальной культуры и определённые типы коллективной ментальности, присущие этим периодам.

В целом европейская культура наделяется в его работах такими чертами, как антропоцентризм и иерархичность мышления, что противопоставляется фундаментальным установкам, на которых покоится философия метаболизма. Аристотеля, Канта и Декарта он называет основателями рационалистской, метафизической и дуалистической европейской философии. Своей задачей он видит опровержение данных установок. Характеризуя западную культуру как руководствующуюся в процессе осмысления мира принципами дуализма, рационализма и пуризма, Курокава заключает, что любые не поддающиеся классификации, структурированию многозначные элементы элиминируются в рамках данного подхода как иррациональные и ненаучные [11, с. 42]. Формулируя идею перехода от «эпохи машин» к «эпохе принципа жизни», Курокава ищет в западноевропейской философии концепции, опровергающие принципы традиционного рационализма, дуалистического параллелизма души и тела. В качестве таких свидетельств в творчестве представителей западной философии Курокава выделяет феноменологическую концепцию М. Мерло-Понти, понятие полилога в философии Ю. Кристевой, концепцию деконструкции и критику логоцентризма Ж. Деррида, понятие деструкции у М. Хайдеггера. Особый интерес он проявляет к номадологической концепции Делёза и Гваттари, выделяя три наиболее важных для собственной системы воззрений понятия: «ризома», «множественность» и «желающая машина» [Там же, с. 45].

В этом контексте весьма важной для определения сущности модернизма в философии метаболизма является культура Эдо. Курокава рассматривает японскую культуру данного периода в целом, а также исследует историю развития города, давшего название всей эпохе в целом. Обращаясь к наследию традиционной национальной японской культуры, он пытается определить его влияние и

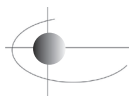
трансформацию в культуре Эдо. Устанавливая коннотации между культурой эпохи Эдо и модернистской культурой, Курокава переходит затем к проблемам современной культуры, исследуя понятие постмодернизма и формулируя его основные характеристики. В рамках решения задач исследования в статье затрагиваются ключевые темы, рассматриваемые в работах К. Курокавы во взаимосвязи с проблематикой постмодернизма: «Человек и техника», «Человек и природа», «Характерные черты европейской и японской культурной идентичности», «Историко-культурные предпосылки формирования постмодернистского дискурса в архитектуре».

Методология и методы исследования.

В статье используется комплексный методологический подход. Методика исследования включает в себя как описательную характеристику философской концепции К. Курокавы, так и элементы герменевтического анализа некоторых понятий, встречающихся в его работах, сравнительное изучение текстов работ представителей метаболизма. Написание статьи предваряло также ознакомление с исследовательской литературой, посвящённой данной проблематике.

Основная гипотеза исследования касается осмысления культурфилософской основы архитектуры метаболизма. Гипотеза исследования заключается в том, что коннотации между понятием постмодернизма и концепцией симбиоза, выстраиваемые в работах К. Курокавы, определяются стремлением автора найти решение проблем взаимодействия человека и техники, возникших в культурном дискурсе европейского модернизма, в области национальной японской культуры. При том, что концепция К. Курокавы построена на противопоставлении традиционных национальных японской и европейской культур, он признаёт, что современный архитектурный дискурс обнаруживает явные тенденции к стилевой унификации на международном уровне, т. е. сглаживанию внутри одного архитектурного стиля специфических национальных черт. Это, очевидно, связано с процессами культурной глобализации. Концепция метаболической архитектуры развивалась изначально как интернациональный стиль архитектуры будущего. В этой связи представляется важным определить наличие и характер этнокультурных предпосылок постмодернистской архитектуры в трактовке метаболистов.

Стереотипность оценки европейской и японской культур, предлагаемой К. Курока-

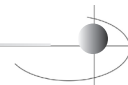
вой, даёт основания говорить о некоторой этноцентричности его концепции, в особенности это касается его рассуждений о связи между буддийским религиозным учением и концепцией симбиоза: понятие антропоцентризма, характеризующего европейскую культуру, он определяет через индивидуализм и персоналистичность, закрепляя тем самым оппозицию между европейской и японской культурами, японскую же культуру характеризует через понятие гуманистичности.

Концепция симбиоза рождается в творчестве Курокавы в русле профетических размышлений о развитии современной культуры и воплощает, по его замыслу, интенции архитектуры будущего. Постмодернизм Курокава склонен характеризовать как период решения проблем, появившихся и тяготевших над человечеством в «эпоху машин». При этом весьма показательной чертой его концепции является то, что центральная движущая сила, инициирующая изменения материальной культуры, рождение новых стилей в архитектуре и искусстве, соотносится в большей степени со сферой мировоззренческих ориентаций, чем с факторами природной среды, такими, как географическое расположение, климатические условия и т. д. Признавая их роль в этом процессе, Курокава, тем не менее, склонен уделять больше внимания проблемам реализации в материальной культуре моделей человеческого сознания. Курокава усматривает неразрывную взаимосвязь между развитием сознания индивида и культуры в целом. Ссылаясь на высказывание Рене Жирара, определившего сущность общества и культуры как структуру, закрывающую саму себя, Курокава переносит эти механизмы на процесс взросления индивидуального человеческого сознания: после вхождения во взрослую жизнь защитные инстинкты заставляют человека избирательно принимать информацию, отвергая то, что представляется ему неприемлемым, неудобным или опасным. При этом процесс взросления обретает парадоксальную двойственность: по мере взросления человек всё в большей степени становится склонным избегать гетерогенности и амбивалентности в мышлении, однако столкновение с неоднородностью и изменчивой хаотичностью реальной жизни, по сути, является необходимым для достижения подлинной зрелости в психической жизни [11, с. 68].

Развитие культуры определяется, таким образом, неразрывной взаимосвязью трёх факторов: социально-экономического раз-

вития общества, исторически сложившегося этнокультурного контекста, и, наконец, сферы индивидуального сознания. При этом Курокава уделяет очень много внимания определению способов взаимодействия человека с природой в различных культурах. Природа не является абсолютизированной реальностью, предустановливающей определённым образом сознание человека. Человек сам выбирает способы её восприятия и коммуникации с ней. Так, рассматривая проблему пространства в европейской и японской культурах, Курокава заключает, что японское сознание склонно характеризовать пространство свойством протяжённости, в то время как в западном мире пространство наделяется в большей степени свойством дискретности. Стереотипная характеристика западной архитектуры как противостоящей природе и японской архитектуры как гармонично сочетающейся с ней обретает здесь особый смысл: материалы, исконно используемые в японской архитектуре – древесина, тростник, рисовая солома, – более естественны и гораздо менее долговечны, чем каменное строительство в европейских странах. В японской архитектуре выражено стремление к интеграции внешнего и внутреннего пространства, а стена не воспринимается как монолитный и непроницаемый барьер, ограждающий человека от внешнего мира. В архитектурных проектах представителей метаболизма находят явное выражение такие черты, как незавершенность, разомкнутость и открытость внешнему миру. Это, по мысли Курокавы, определяется наследием традиционной национальной японской культуры.

Результаты исследования и их обсуждение. В «Философии симбиоза» Курокава выстраивает две смысловые параллели: отношения человека и природы и отношения человека и техники, через них характеризуя эпохи модернизма и постмодернизма в культуре. Постоянно сопоставляя общество эпохи Эдо и современное общество «эпохи машин», Курокава отмечает такие закономерные процессы, как стандартизацию, гомогенизацию социальной среды, а также взаимное отчуждение её индивидов. Тем не менее, он также указывает на то, что сегодня человеческая природа оказывается как никогда ранее близкой сфере техники. Техника в западной культуре изначально развивалась в служении прихотям человечества, удовлетворении его appetitов, всё более возрастающих с развитием материальной цивилизации. При этом процесс бесконечного удовлетворения запро-

сов, неизбежно способствующий порождению всё новых потребностей и желаний, не несёт в себе подлинного решения проблем человечества и оборачивается против него самого. Таким образом, техника обращается против своего создателя. В этом размышлении обнаруживаются явные коннотации с понятием «машина желаний Делёза».

В понятие «ризома» в данном случае вкладывается не только характеристика беспорядочно переплетённой, не разделённой на определённые части структуры – корневище как антитезис дерева – но и живой, подвижной изменчивости. «Машина желаний» определяет саму суть его оценки модернистского этапа культуры и в большей степени относится к европейской цивилизации. С одной стороны, развитие техники способствовало культивации витального антропоцентризма, с другой – привело к отчуждению человека от собственной природы.

Вспоминая руссоистский призыв возврата к природе, отделения от цивилизации, развращающей изначально добрую природу человека, Курокава заключает, что европейскому миропониманию свойственно представление о дуалистическом выборе между научно-техническим развитием и сохранением первозданной сущности человеческой природы [11, с. 86]. Традиционная трактовка человеческого естества, расположенного на стыке природного и культурного, тесно связана с оппозицией телесного и духовного, характерной для европейской ментальности. Курокава видит альтернативный путь восприятия этой в философии «гуманизации технологии». Эта концепция воплощается в его собственных архитектурных проектах и находит отражение в слогане «чайная комната в космическом шаттле» [Там же, с. 156]. Сохранение древних народных традиций и сочетание их с инновационными технологиями и достижениями в научно-технической сфере обеспечивает снятие извечной антиномии европейской культуры.

Подобный модус отношений человека и техники свойственен именно периоду модернизма, или «эпохе машин». Характеризуя модернистскую культуру, Курокава обращается к культуре Эдо. Он выделяет основные принципы организации городской среды Эдо, сопоставляя их с особенностями культуры европейского модернизма: чрезвычайно высокая плотность населения, его смешанный и разнородный состав, неуклонно возрастающая численность, составлявшая в XVIII веке более миллиона жителей, и явственно выра-

женная урбанизация – определяют, по мнению философа, средневековый Токио как одно из первых мест, где рождается массовая культура, трансформировавшаяся в рамках урбанизированного пространства и отделённая от исконно фольклорных истоков. Особый статус в этом контексте обретает понятие вымысла. Тесное переплетение реалистического и вымышленного сближает японское искусство периода Эдо с европейским искусством эпохи модернизма. Другим аспектом, объединяющим, по мнению Курокавы, культуру эпохи Эдо с современной массовой культурой, является создание идеала, лишённого специфических черт феминного или маскулинного облика. В культуре Эдо рождается новый тип эстетического сознания, где человек занимает лабильное и трансгрессивное положение по отношению к своим социальным и гендерным ролям.

Важной особенностью культуры Эдо является смешение и комбинирование технического и человеческого содержания жизни городского пространства. В отличие от западной цивилизации, противопоставляющей сущность техники человеческой природе, в японской культуре эти элементы не антиномичны, а, напротив, тесно переплетаются и представляют собой органичный синтез.

Исторически в Японии технологии, по мнению Курокавы, являются не противоположностью человеческой сущности, а её продолжением. Этот специфический модус отношения к технике Курокава подробно рассматривает на примере механических кукол каракури. В эпоху Эдо принцип, лежащий в основе конструирования кукол, активно использовался также при создании автоматического механизма для смены декораций в театре кабуки. Курокава подчёркивает, что главная особенность конструкции каракури заключалась в том, что внутренние механизмы, обеспечивающие движения куклы, были тщательно спрятаны от глаз наблюдателя, что создавало эффект чуда и загадки, сама же кукла весьма искусно имитировала человеческий облик. По мнению Курокавы, очеловечивание техники делает её более привлекательной, в сравнении с неприукрашенным и открытым способом её репрезентации в западной культуре. В то же время техника в таком понимании априори лишена негативных коннотаций, а значит, нет нужды ограждать её и отделять от пространства человеческой повседневности.

Архитектура эпохи Эдо эклектична по своей природе. Курокава связывает эту «ги-

бридность» стилистического облика архитектуры и искусства Эдо с сущностью самой японской культуры, которая изначально зародилась как синтез разнородных культур. Эта гибридизация, по его мнению, достигла своего пика в эпоху Эдо. Позднее, с распространением прозападных ориентаций, в японской культуре эта эклектичность осознанно воссоздавалась архитекторами-японцами как комбинирование исконных этнокультурных ценностей и прогрессивных западных привнесений. Архитектурная концепция «восточно-западных гибридов» была популярна в Японии долгое время. Идея стилевой гибридизации, не как комбинирования разнородных элементов, а как непосредственного их слияния, означавшего упразднение какого бы то ни было архитектурного ордера или канона, присуща также концепции симбиоза.

Курокава констатирует тенденции к принятию в японской культуре европоцентристских ориентаций, одновременно заявляя о необходимости обращения к собственной этнокультурной самобытности. «Эпоха машин», таким образом, в интерпретации Курокавы становится в человеческой истории периодом засилья европоцентристских установок миропонимания. Термин «модернизация», неоднократно используемый в работах Курокавы, преимущественно обозначает процессы, связанные с вестернизацией.

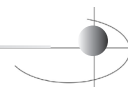
Курокава подробно разбирает понятие «постмодерн» у Ж. Ф. Лиотара, рассматривает основные принципы постмодернистской архитектуры, сформулированные Чарльзом Дженксом: семиотическую многослойность (мультивалентность) архитектурного ландшафта, стилистическую гибридизацию, появление специфического «языка архитектуры», тенденцию к метафорической репрезентации и аккумуляции в себе смыслов, намеренную «шизофреничность» городской архитектуры, воплощение в урбанистическом пространстве ценностного плюрализма [11, с. 435].

Задачей ведущих архитекторов-модернистов – Ле Корбюзье, ван дер Роэ – он видит активное отрицание, бунт против устоявшихся канонов историзма в архитектуре, направленного на воспроизведение и переработку стилей предыдущих эпох. Функционализм в этом смысле явился революционным отрицанием прежнего подхода в архитектуре. Период постмодернизма же с этой точки зрения является временем созидания новых подходов, поиска нового пути развития в архитектуре, взамен отвергнутого модернистским бунтом.

Курокава выделяет разрыв между модернизмом и постмодернизмом не только в архитектуре, но и в культуре в целом: он касается процессов, протекающих в науке, литературе, искусстве и, что ещё более важно, рассматривает тип коллективной ментальности, свойственный данному периоду. При этом архитектуру модернизма он склонен рассматривать как результат и естественное продолжение стилевой традиции прошлых эпох. Ренессансный антропоцентризм определял архитектуру как воплощение апофеоза человеческого могущества. Однако подобная абсолютизация человеческой роли в мире приводит к воссозданию обезличенного и идеального, абстрактного образа человечности в западной архитектуре. Пространство европейских общественных зданий – холлы и фойе – потрясает своими масштабами, однако это действует на индивидуальное сознание подавляюще. Стремление учитывать индивидуальность и приватность жизни людей, по мнению Курокавы, проявляется в постмодернистской архитектуре. Подобное восприятие европейской архитектуры, впрочем, представляется нам чересчур односторонним: в европейской культуре также можно проследить тенденции культивации сферы личного, приватного. В дизайне, живописи и архитектуре примером тому может служить стиль бидермейер.

Семиотическая мультивалентность, многослойность городского пространства в постмодернизме дополняются стиранием границ между сакральным и профанным, децентрализацией в проектировании городов. Понятия части и целого интерпретируются в постмодернистской культуре совершенно иначе. Оптимально сбалансированное сочетание тенденций централизации и децентрализации, по мнению Курокавы, воплощается в модели холона, предложенной А. Кёстлером. Осознание холархического принципа организации мира, в том числе систем человеческого организма, непрерывно меняющегося, являющегося собой симбиоз старения – умирания – регенерации, взаимного перехода жизни и смерти – побуждает человечество искать новые способы взаимодействия с окружающей средой и восприятия человеческой природы.

Заключение. Прибегая к рассмотрению понятий модернизма и постмодернизма, индустриального и информационного общества, К. Курокава определяет предпосылки возникновения концепции симбиоза. На основании анализа текстов произведений К. Ку-

рокавы можно сформулировать следующие характеристики философии симбиоза:

– Подробно рассматривая японскую культуру с одной стороны, как прошедшую в своём развитии сходные с европейской культурой стадии, а с другой – как более гармоничную в решении вопроса о взаимоотношениях человека, природы и техники, Курокава утверждает уместность определения японской культурной традиции как основы концепции симбиоза.

– Основным смысл противопоставления культуры модернизма и постмодернизма заключается в представлении постмодернистского периода как более зрелого этапа развития коллективной ментальности, на котором и формируются предпосылки концепции симбиоза. Являясь дополняющей и наследующей по отношению к направлению метаболизма, концепция симбиоза устремлена в будущее, черпая свои основы в постмодернистском культурном дискурсе.

– Обращение к эпохе Эдо как к своего рода «золотому веку» японской культуры имеет большое значение для определения концепции симбиоза: основные принципы философии симбиоза – эклектичность, специфическая трактовка взаимоотношений человека и природы, ризоматическое отрицание иерархической и симметричной структурной организации мира – находят своё начало в национальной японской культуре и религиозной традиции. Эпоха Эдо в представлении

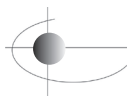
К. Курокавы выступает своего рода периодом аккумуляции и переосмысления национальной культурной самобытности, одновременно воплощая в себе многие характерные черты европейского модернизма.

– Постмодернизм в понимании Курокавы выступает периодом переосмысления ценностей западной культуры, когда вектор развития европейской цивилизации меняется. При этом в условиях культурной и социально-экономической глобализации проблема определения пути дальнейшего развития становится общечеловеческой и может предполагать единое решение. Концепция симбиоза, таким образом, представляет собой любопытный сплав разнородных идей, с одной стороны находя своё обоснование в буддийском вероучении, с другой – восходя к базовым понятиям постмодернистской европейской философии.

Несмотря на некоторые стереотипность и безапелляционность сравнительной характеристики европейской и японской культур, рассмотренные работы К. Курокавы открывают весьма важные для современной культурологии и философии урбанизма вопросы, представляющие интерес для дальнейших исследований: влияние этнокультурных особенностей стран и регионов на выбор стратегии развития современных городов, значение концепции метаболизма для формирования органического стиля в архитектуре и закладывания принципов экоархитектуры.

Список литературы

1. Бадлуева В. М. Интеграция японской национальной архитектуры в современное зодчество: на примере творчества Курокава Кисё: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. М., 2009. 204 с.
2. Буддизм в Японии / отв. ред. Т. П. Григорьева М.: Наука, 1993. 704 с.
3. Введение в буддизм / под ред. В. И. Рудого. СПб.: Лань, 1999. 384 с.
4. Гудкова Т. В. Черты модернизма, японского традиционализма и современной японской архитектуры (50–70-х гг.) и их проявление в архитектуре минимализма // Ползуновский вестник. 2013. № 4. С. 62–65.
5. От постмодернизма – к нелинейной архитектуре: архитектура в контексте современной философии / сост. И. А. Добрицына. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 416 с.
6. Зенкевич А. Я. Традиции и современность в творчестве Кисё Курокавы // Архитектура Запада. Т. 4. Модернизм и постмодернизм, критика концепций. М.: Стройиздат, 1987. С. 124–134.
7. Курокава К. Архитектура симбиоза // Архитектура СССР. М.: Стройиздат, 1984. № 5. С. 109–113.
8. Курокава К. Философия симбиоза – переход от эпохи машин к принципу жизни // К архитектуре XXI века: сб. науч. ст. РААСН / под ред. В. С. Егерева. М.: РААСН, 2002. С. 34–39.
9. Лазарев Г. З. Из истории японского жилища // Советская этнография. 1972. № 1. С. 73–84.
10. Kurokawa K. Metabolism in architecture. London: Studio Vista, 1977. 208 p.
11. Kurokawa K. Each One a Hero: The Philosophy of Symbiosis / transl. from Jap. Tokyo: Kodansha International Ltd., 1997. 543 p.
12. Kurokawa K., Kikutake K. Metabolism: The Proposals for New Urbanism. Tokyo, 1960. 44 p.
13. Mulligan M. Kiyonori Kikutake: Structuring the Future [Электронный ресурс] // Places Journal. 2015. November. Режим доступа: <https://www.doi.org/10.22269/151102> (дата обращения: 20.01.2018).
14. Tomoko Tamari. Metabolism: Utopian Urbanism and the Japanese Modern Architecture Movement // Theory, Culture and Society. 2014. Vol. 31, is: 7–8, Pp. 201–225.

15. Wendelken C. Putting metabolism back in place: the making of a radically decontextualized architecture in Japan. *Anxious modernisms: experimentation in postwar architectural culture* / ed. by Sarah Williams Goldhagen and Réjean Legault. Cambridge, Mass: MIT Press, 2000. 335 p.

Статья поступила в редакцию 25.02.2018; принята к публикации 20.03.2018

Библиографическое описание статьи

Хасиева М. А. Концепция постмодернизма в философии метаболизма К. Курокавы // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 75–83.

Maria A. Khasieva,

Candidate of Philosophy,

*National Research University Moscow State University
of Civil Engineering, Department of History and Philosophy*

(26 Yaroslavskoye sh., Moscow, 129337, Russia),

e-mail: HasievaMA@mgsu.ru

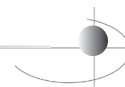
The Concept of Postmodernism in K. Kurokawa's Philosophy of Metabolism

The topicality of this theme is determined by the importance of the Metabolism concept for architecture and urban planning of the 20th century, as well as its influence on the modern philosophy of urbanism. The distinctive feature of The Metabolist movement is that it is based on the original philosophical concept, which is not just the opposite of the functionalism in architecture. The essential idea of the Metabolism movement is the contradistinction of the epochs of modernism and postmodernism in culture, and the metabolism architecture embodied the post-modernistic tendencies. The subject of consideration in this article is the essence of the postmodernism in the philosophy of metabolism. The methods of the research include a descriptive overview of Kurokawa's works, the analysis of the texts in K. Kurokawa's works, the review of the research literature devoted to this topic. The main conclusions of the article concern the correspondence between the traditional Japanese culture and the concept of metabolism, the reception and transformation of the basic notions of the postmodernistic European philosophy in the works of metabolists, the comparison of the European modernistic culture and the Japanese culture of the Edo period in K. Kurokawa's works.

Keywords: K. Kurokawa, philosophy of symbiosis, architecture of metabolism, postmodernism in architecture, the Edo epoch, the epoch of the Machine principle

References

1. Badlueva, V. M. Integration of Japanese national architecture into modern architecture: the example of creativity of Kurokawa K. Cand. sci. diss. Moscow, 2009. (In Rus.)
2. Buddhism in Japan. Ed. by Grigoryeva, T. P. Moscow: Nauka, 1993. (In Rus.)
3. Introduction to Buddhism. Ed. by Rudoy V. I. St. Petersburg: Lan, 1999. (In Rus.)
4. Gudkova, T. V. Features of modernism, Japanese traditionalism and modern Japanese architecture (the 50s-70s) and their manifestation in the architecture of minimalism. *Polzunovsky Vestnik*, no. 4–1, pp. 62–65, 2013. (In Rus.)
5. Dobritsyna, I. A. From Postmodernism to Nonlinear Architecture: Architecture in the Context of Modern Philosophy. Moscow: Progress-Tradicia, 2004. (In Rus.)
6. Zenkevich, A. Ya. Traditions and modernity in the works by Kisho Kurokawa. *Architecture of the West*. T. 4. Modernism and postmodernism, criticism of concepts. M: Stroiizdat, 1987: 124–134. (In Rus.)
7. Kurokawa, K. Architecture of symbiosis. *Architecture of the USSR*. M: Stroiizdat, no. 5, pp. 109–113, 1984. (In Rus.)
8. Kurokawa, K. Philosophy of symbiosis – the transition from the era of machines to the principle of life. Towards the architecture of the XXI century: *Sat. scientific articles RAASN*. Ed. B. C. Egereva. M: RAASN, 2002:34–39. (In Rus.)
9. Lazarev, G. Z. From the history of the Japanese dwelling. *Soviet ethnography*, no.1, pp. 73–84, 1972. (In Rus.)
10. Kurokawa, K. *Metabolism in architecture*. London: Studio Vista, 1977. (In Engl.)
11. Kurokawa, K. *Each of the Hero: The Philosophy of Symbiosis*. Transl. from Jap. Tokyo: Kodansha International Ltd., 1997. (In Engl.)
12. Kurokawa, K., Kikutake, K. *Metabolism: The Proposals for New Urbanism*. Tokyo, 1960. (In Engl.)
13. Mulligan, M. Kiyonori Kikutake: Structuring the Future. *Places Journal*, nov. 2015. Web. 20.01.2018. <https://doi.org/10.22269/151102> (In Engl.)

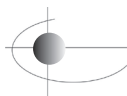
14. Tomoko Tamari. Metabolism: Utopian Urbanism and the Japanese Modern Architecture Movement. Theory, Culture and Society. London, Sept., vol. 31, issue: 7–8, pp. 201–225, 2014. (In Engl.)

15. Wendelken, C. Putting metabolism back in place: the making of a radically decontextualized architecture in Japan. Anxious modernisms: experimentation in postwar architectural culture. ed. by Sarah Williams Goldhagen and Réjean Legault. Cambridge, Mass: MIT Press, 2000. (In Engl.)

Received: February 25, 2018; accepted for publication March 20, 2018

Reference to the article

Khasieva M. A. The Concept of Postmodernism in K. Kurokawa's Philosophy of Metabolism // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 75–83.

УДК 101.1:316

Ирина Владимировна Швец,

аспирант,

Иркутский государственный университет

(664003, Россия, г. Иркутск, ул. Чкалова, 2),

e-mail: shvetsirina@gmail.com

Синергичная антропология: социально-праксеологический аспект

Актуальность темы статьи связана с необходимостью осмысления методологического сдвига от универсализирующего дискурса сущностей (свойственного для естественнонаучного познания в рамках классической парадигмы) к характерному сегодня для социальной философии поиску способов совмещения строгости научного подхода и специфики становящейся, открытой, множественной социальной реальности; с возможностью дальнейшей разработки концептуальных, технических и организационных форм для эффективного функционирования индивидуальных и коллективных субъектов в ситуации динамизирующейся социальности. Цель статьи – охарактеризовать специфику методологических ресурсов синергичной антропологии. Синергичная антропология в ряду близких ей концепций (социальной гетерологии, дифференциальной концепции субъекта) переописывает социальную реальность на неклассических принципах понимания бытия и субъекта как становления, используя в качестве материала аскетико-монашеские традиции христианства (и других религий) как особого рода духовные пространства, где создавались особые антропологические модели и соответствующие им способы существования. Спецификой рассмотренного подхода становится анализ религиозных практик как генетических условий религиозного опыта, что позволяет совместить феноменологическую строгость и исследовательскую вовлечённость.

Ключевые слова: субъект, синергичная антропология, социальная гетерология, религиозные практики, антропологическая граница, методология социально-гуманитарного знания

Введение. Синергичная антропология – проект, разрабатываемый С. С. Хоружим на материале изучения религиозных традиций как особого рода духовных пространств, где создавались специфические антропологические модели и соответствующие им способы существования. Одной из концептуальных несущих конструкций синергичной антропологии является понятие практик себя, понимаемых в качестве практик самотрансформации индивида. Именно по этой причине в заглавии статьи сделан акцент на практической, деятельной стороне рассматриваемой концепции. Её методологическая прагматика такова: практики в ней замещают классическое понятие сущности. Практики, как и сущность, конститутивны для социального субъекта, но в отличие от сущности они принципиально операциональны, множественны и подвижны. Соответственно субъект в такой ситуации может быть представлен в качестве открытого, становящегося, несамотождественного.

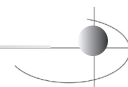
Актуальность этой темы связана, во-первых, с необходимостью перехода, методологического сдвига от универсализирующего дискурса сущностей (свойственного для естественнонаучного познания в рамках классической парадигмы) к характерному сегодня для социальной философии поиску способов совмещения строгости научного подхода и специфики становящейся, открытой, множе-

ственной социальной реальности; во-вторых, с возможностью дальнейшей разработки концептуальных, технических и организационных форм для эффективного функционирования индивидуальных и коллективных субъектов в ситуации динамизирующейся социальности.

Цель статьи – охарактеризовать специфику методологических ресурсов синергичной антропологии.

Методология и методы исследования.

Синергичная антропология – одно из направлений, в которых социальная реальность переописывается на неклассических основаниях. Как и близкие этому направлению социальная гетерология, развиваемая в рамках Уральской школы социальной философии Т. Х. Керимовым, и дифференциальная концепция субъекта, представленная в монографии А. Е. Смирнова «Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты», синергичная антропология исходит из неклассического понимания сложной, неоднородной структуры субъекта [2; 6]. Уникальным материалом для исследования такого субъекта автор проекта синергичной антропологии С. Хоружий считает аскетико-монашеские традиции христианства (и других религий), которые он видит как «лаборатории, – где создавались, выверялись, хранились христианские модели человека, Я, самости, христианские практики себя» [9, с. 119].

Как известно, неклассическая исследовательская позиция в социально-гуманитарном знании связана с пониманием бытия как различия и становления, субъекта – как открытого, становящегося, несамотождественного [13, с. 91–102; 14, с. 90, 97; 15, с. 89, 90]. Эти методологические основания ведут к замене эссенциального социально-антропологического дискурса деятельностным, «энергичным», глагольным дискурсом размыкания, получившим впервые наиболее развёрнутое обоснование в экзистенциальной аналитике М. Хайдеггера.

Результаты исследования и их обсуждение. Из такого понимания социального существования исходят в переосмыслении социальной реальности социальная гетерология и дифференциальная концепция субъекта. В этом их отличие от онтологии основания, характерной для классической европейской рациональности. Социальная гетерология находит для описания становящейся социальной реальности решение, которое связано с трансформацией субъекта познания: субъект, как и постигаемая им реальность, динамизируется, лишается самотождественности, оказывается становящимся. Такой становящийся субъект в социальной гетерологии концептуализируется при помощи термина «социема». Социальная гетерология при этом осмысливает познание не как отражение, а истину – как соответствие, познание здесь есть акт утверждения внешнего мира, взаимного трансформативного воздействия, становления (утверждения) исследователя и изучаемого объекта [2, с. 145–149].

Следуя гетерологии, пытающейся работать без опоры на основание, дифференциальная концепция совмещает два подхода в понимании субъекта: субъект классической концепции, отождествляемый с сознанием, и гетерологический субъект как становящееся существование: «Самотождественный субъект-субстанция есть лишь конечный результат процесса» [5, с. 192]. Такой субъект создаётся и воспроизводится комплексом социокультурных практик. При этом субъективное действие не может быть осмыслено от начала до конца; знание, на которое опирается сознательная деятельность, фрагментарно и временно, поскольку сам процесс деятельности субъекта приводит к появлению нового опыта. Взаимная неполная определённости субъекта и объекта социального действия, в частности практик субъективации, ведёт к тому, что результат целенаправленной деятельности оказывается всегда другим, не

полностью совпадает с проектом, планом. Эта специфическая избыточность социального действия описывается в дифференциальной концепции понятиями виртуального (А. Бергсон, Ж. Делёз) и его актуализации как дифференциации [6, с. 213–222].

В этом контексте синергичная антропология рассматривает трансформации, происходящие с субъектом в поле религиозной практики: от начальной стадии обращения до завершающей стадии, в которой происходит изменение перцепций, дающее возможность восприятия религиозного опыта. Практики, меняющие индивида, включают и субъективную деятельность по усвоению «традиционных смыслов сакральных текстов», и «объективные повторяющиеся процедуры физического воздействия на тело ...молитвенные и медитативные техники, системы диет, постов, различные способы психосоматической регуляции. ...Тело, подвергающееся длительному воздействию телесных практик, в обход сознания формирует соответствующий им субъектный профиль или такую организацию телесности, которая служит неосознаваемым условием возможности восприятия религиозного опыта» [4, с. 251, 254].

Автор концепции синергичной антропологии декларирует её неклассичность именно в связи с отказом от понятия сущности в осмыслении феномена человека в пользу открытости, разомкнутости субъекта. С. Хоружий вводит понятие антропологической границы и её трёх топосов как «мест» соприкосновения-взаимодействия субъекта с миром, к которым направляются все энергии субъекта в процессе (само-) преобразования. В зависимости от того, в каком топосе субъект пересекает собственную границу, для него возможны онтологическое, онтическое или виртуальное размыкание и соответствующие конституции.

Религиозный опыт восточного христианства предполагает онтологическое размыкание или трансцендирование, о котором нельзя говорить в смысле достижения каких-то сущностей (в «эссенциальном дискурсе»), но можно говорить в «дискурсе энергии» как об устремлённости всех человеческих энергий к размыканию. Проект С. Хоружего как одна из характерных версий неклассического дискурса о практиках соединяет феноменологически точное описание религиозного опыта исихазма (и строгое соответствие опыта порождающим его духовным практикам) с «участными» стратегиями, имманентными способу существования исследуемого объекта.

С. Хоружий понимает религиозную или духовную практику как «методически выстроенный процесс аутотрансформации сознания и всего существа человека, направляемый к антропологической границе»¹. Поскольку неклассичность его концепции обнаруживается в том, что человек здесь определяется не понятием сущности как некоего неизменного ядра, а своей границей, содержанием внутренней жизни оказываются не сущности и предметы, а действия, побуждения и импульсы, «человек дан себе лишь в своих проявлениях, деятельности, динамике» [11, с. 196].

С. Хоружий соотносит свой метод с неклассической версией исследования практик, представленной в курсе лекций Мишеля Фуко «Герменевтика субъекта». Внутренние характеристики античных практик себя, рассматриваемые у М. Фуко, применимы и к религиозным практикам, наиболее важны из них следующие:

1. Телеологичность – направленность к обретению некоторого финального состояния в практике, обеспечивающего условие возможности достижения истины традиции, – характерна для становящегося субъекта религиозной традиции (каким он предстаёт у М. Фуко и С. Хоружего). Пластичность, трансформативность этого субъекта явно отличает его от абсолютного статичного субъекта классической гносеологии. «Соответствующие духовные упражнения и телесные техники генерируют различные типы субъектности, а в духовном смысле – различные антропологические типы» [8, с. 56].

2. Холистичность – «вовлечённость в практику всех уровней человеческого существа»; здесь также можно видеть полемику с идеей классического рационализма, утверждение недостаточности только логических операций для успеха познания, необходимость аффективной, телесной составляющей этого процесса.

3. Участие Другого – указывает на необходимость в религиозном познании-преобразовании трансперсонального измерения. Другой – «специалист по переустройству индивида, по формированию из него субъекта» [10, с. 150] – необходим, чтобы практика достигла цели. Его наличие – универсальная черта всех практик себя.

4. Обращение на себя – раскрывает общий тип практик как некоего «процесса дви-

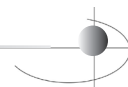
жения», совершаемого индивидом [9, с. 86]. Фуко выделяет два типа такого обращения: античное (*epistrophe*) и христианское (*metanoia*), определяя их соответственно как автосубъективацию – долгий непрерывный процесс возврата к подлинному себе, отношение к себе как к цели – и транссубъективацию как процесс разрыва и изменения внутри собственного «Я».

Перечисленные характеристики обобщены в другой, даваемой С. Хоружим, дефиниции религиозной практики как «холистической практики самопреобразования человека, носящей целенаправленный характер и связанной с предельным опытом» [Там же, с. 525].

Неклассический метод С. Хоружего соотносит данные внутреннего органа (практико-теоретического канона) традиции (его феноменологии и герменевтики, внутренней интерпретации опыта), создаваемого участниками, с данными внешнего – подобного по структуре первому – «участного» органа исследования, выстраиваемого внешне-внутренним наблюдателем/исследователем, рассматривающим себя как «участника при установлении смысла» [1, с. 32]. Это соотношение у С. Хоружего – способ преодоления субъект-объектной схемы познания, в которой другой всегда редуцирован. Разомкнутость как традиции, так и исследователя в «участной» парадигме лишает их самотождественной абсолютной формы, динамизирует познание, трансформирующее обе стороны процесса. Цель отмеченного соотношения – продуктивное понимание религиозной традиции как механизма придания смысла человеческому существованию. Здесь можно обнаружить корреляцию с модальной методологией, концепцией философской дополнительности Д. Зильбермана, также сопоставляющей типы рационализации «локальных истин», имманентных определённым культурам, философским системам, с иной культурной возможностью интерпретации тех же феноменов.

«Участная» стратегия создаёт возможность стереоскопического объёмного видения [3, с. 193]. Такое включённое исследование воздействует на наблюдателя; поэтому в подобном исследовании нет абсолютного субъекта и объекта, обладателя абсолютного научного или религиозного знания. Но при этом в такого рода исследовании делается шаг по пути понимания того, как могут сосуществовать в одном социальном пространстве носители разных культур, ценностей, происходит развитие, проработка, детализа-

¹ Хоружий С. С. Антропология христианская // Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 1. – М.: Мысль: Ин-т философии РАН, 2010. – С. 137.

ция концептуальной позиции философской дополнителности.

Исихастский органон (теория и практика христианской мистико-аскетической традиции) изучает динамические феномены, процессы становления, которые синергичная антропология уподобляет процессам самоорганизации в открытых сложных системах. В этом можно видеть соответствия в ходе мыслей С. Хоружего и Ж. Делёза, создающего концепцию дифференциальных отношений, актуализации как различия.

С аналогиями самоорганизации связан такой элемент концепции синергичной антропологии, как подчёркивание конститутивного значения ступенчатого характера практики, соотносимого с идеей предельного её характера: специфика конституции субъекта практики на каждом этапе задаётся «расстоянием» до границы (предела) – цели практики. Ступени религиозной практики поэтапно трансформируют структуру субъективности адепта религиозной традиции. Этап обращения, события, происходящего с открытой системой-человеком в состоянии «сильной неравновесности», мировоззренческого, экзистенциального кризиса, имеет специфическую, ярко выраженную аффективную составляющую, требует «метаноии», перемены ума. Это необходимо, поскольку телос практики не находится в горизонте эмпирического бытия человека, трансцендентен ему. На втором этапе создаётся структура, свидетельствующая об изменении в системе и обеспечивающая поддержание выбранного направления к онтологической границе, нарастающую динамику процесса. Эту структуру С. Хоружий именует Онтодвижителем, в исихазме это – пара «молитва – внимание». Третий этап, Блок Телоса, – развитие второго, формирование новых перцепций, «умных чувств», обеспечивающих выход за пределы повседневного эмпирического горизонта к опыту традиции.

Метод, разрабатываемый С. Хоружим на материале письменных источников исихаз-

ма, может быть дополнен в отношении восточно-христианской традиции аналогичным рассмотрением евхаристической экклезиологии, другой её существенной составляющей, социального коррелята индивидуальной практики исихазма. Также метод постепенно включает в свою орбиту духовные практики мировых религий.

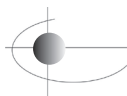
Заключение. Принципиальным представляется вывод автора концепции синергичной антропологии об уникальных методологических ресурсах дискурса практик, возможности его превращения в антропологическую эпистему социально-гуманитарного знания [9, с. 238]. Этот вывод указывает перспективу неклассического понимания человека, субъекта как совокупности практик, активностей, не отделимого от способов выведения его в присутствие [7, с. 665–667].

Итак, следует констатировать, что синергичная антропология в поисках решения методологических проблем социально-гуманитарного познания исходит из неклассических положений о бытии и субъекте как становлении, процессе. Спецификой рассмотренного подхода становится анализ религиозных практик как условий трансформативности субъекта, генетических условий религиозного опыта, совмещение феноменологической точности и «участности». Ещё одна важная особенность синергичной антропологии в ряду названных праксеологических концепций – разработка понятия антропологической границы (поверхности соприкосновения, взаимодействия субъекта и мира) и трёх её топосов-участков: онтологического, онтического и виртуального с соответствующими им практиками, способами достижения и преодоления границы; подчёркивается точное соответствие между практиками и опытом.

Важно, что рассмотренная концепция развивает неклассическое видение социальной реальности и способов её познания, связанных с неклассическим осмыслением понятия практик.

Список литературы

1. Бахтин М. М. К философии поступка // Человек в мире слова / М. М. Бахтин. М.: Изд-во РОУ, 1995. 140 с.
2. Керимов Т. Х. Социальная гетерология: методология и теория исследования: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Екатеринбург, 1999. 256 с.
3. Митрофанова А. Модальная философия и теория коммунизма Давида Зильбермана // Зильберман Давид. Православная этика и материя коммунизма / пер. с англ. Е. Гурко; под ред. С. А. Семенова. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2014. 256 с.
4. Смирнов А. Е. О содержании религиозной традиции и средствах трансляции религиозного опыта // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 8. С. 248–255.

5. Смирнов А. Е. Религиозное обращение и проблема онтологии субъекта // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение. 2014. Т. 11, ч. 2. С. 190–201.
6. Смирнов А. Е. Процессы субъективации: теоретико-методологические аспекты. Иркутск: НЦРВХ СО РАМН, 2011. 306 с.
7. Смирнов А. Е. Субъективация // Современный философский словарь / под общ. ред. В. Е. Кемерова, Т. Х. Керимова. 4-е изд., испр. и доп. М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2015. 823 с.
8. Смирнов А. Е., Аграфонов М. Ю. Христианская аскеза и герменевтика субъекта // Вестник Бурятского государственного университета. 2009. № 6. С. 55–57.
9. Фонарь Диогена. Проект синергичной антропологии в современном гуманитарном контексте / отв. ред. С. С. Хоружий. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 928 с.
10. Фуко М. Герменевтика субъекта. Курс лекций, прочитанный в Коллеж де Франс в 1981–1982 учебном году / пер. с фр. А. Г. Погоняйло. СПб.: Наука, 2007. 677 с.
11. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. 352 с.
12. Badiou A. Second Manifesto for Philosophy. Polity Press, 2011. 164 p.
13. Žižec S. Event. London: Penguin Books, 2014. 212 p.
14. Ranciere J. Dissensus: on Politics and Aesthetics. London; New York: Bloomsbury Publishing Plc., 2014. 230 p.
15. Who comes after the Subject? / ed. by E. Cavada, P. Connor, J.-L. Nancy. London: Routledge, 1991. 258 p.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018; принята к публикации 27.03.2018

Библиографическое описание статьи

Швец И. А. Синергичная антропология: социально-праксеологический аспект // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 84–89.

Irina V. Shvets,
Postgraduate Student,
Irkutsk State University
(2 Chkalova st., Irkutsk, 664003, Russia),
e-mail: shvetsirina@gmail.com

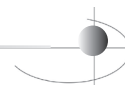
Synergetic Anthropology: Social-Praxeological Aspect

The article theme actuality deals with the necessity of understanding the methodological shift from universalizing discourse of essences (inherent for scientific knowledge within the framework of the classical paradigm) to searching the ways of combining the rigor of scientific approach and the specifics of social reality becoming open and diversified, typical for social philosophy nowadays; further development of conceptual, technical and organizational forms for the effective functioning of individual and collective subjects in a situation sociality in dynamic. The purpose of this article is to describe the specific methodological resources of synergetic anthropology. Synergetic anthropology in a number of similar concepts (social heterology, differential conception of the subject) re-describes social reality using non-classical principles of being and subject understanding as becoming, using as material ascetic-monastic tradition of Christianity (and other religions) as a special kind of spiritual space where the particular anthropological models and the corresponding methods of existence have been created. The specificity of the considered approach is the analysis of religious practices as genetic conditions of religious experience that allows us to combine phenomenological rigor and research involvement.

Keywords: subject, synergetic anthropology, social heterology, spiritual practices, anthropological border, methodology of the humanitarian science

References

1. Bakhtin, M. Person in the Realm of Words. M., 1995. (In Rus.)
2. Kerimov, T. H. Social Heterology: Methodology and Theory of Research: Dr. sci. diss. Yekaterinburg, 1999. (In Rus.)
3. Mitrofanova, A. David Zilberman's Modal Philosophy and Theory of Communism. Zilberman David. Orthodox Ethics and the Matter of Communism. SPb: Izdatelstvo Ivana Limbakha, 2014. (In Rus.)
4. Smirnov, A. E. On the Content of Religious Tradition and Ways of Religious Experience Reproduction. Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedeniye, t. 8, pp. 248–255, 2014. (In Rus.)
5. Smirnov, A. E. Religious Conversion and the Problem of Ontology of a Subject. Part 1. Izvestiya Irkutskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya Politologiya. Religiovedeniye, v. 11, pp. 190–201, 2014. (In Rus.)

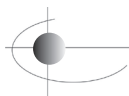

6. Smirnov, A. E. Processes of Subjectivation: theoretical and methodological aspects. Irkutsk: NTSRVKH SO RAMN, 2011. (In Rus.)
7. Smirnov, A. E. Subjectivation. *Sovremenniy filosofskiy slovar*. M: Akademicheskii proekt; Yekaterinburg: Delovaya kniga, 2015. (In Rus.)
8. Smirnov, A. E., Agrafonov M. Yu. Christian Ascesis and Hermeneutics of Subject. *Vestnik Buryatskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, no.6, pp. 55–57, 2009. (In Rus.)
9. Diogenes Lantern. Project of synergetic anthropology in modern humanitarian context. M: Progress-Traditsiya, 2010. (In Rus.)
10. Fuko, M. Hermeneutics of Subject. The course of lectures delivered at the Collège de France in 1981–1982 academic year. SPb: Nauka, 2007. (In Rus.)
11. Khoruzhiy, S. S. To the phenomenology of ascesis. M: Izd-vo gumanitarnoy literaturi, 1998. (In Rus.)
12. Badiou, A. *Second Manifesto for Philosophy*. Polity Press, 2011. (In Engl.)
13. Žižec, S. *Event*. Penguin Books, 2014. (In Engl.)
14. Ranciere, J. *Dissensus: on Politics and Aesthetics*. London, New York : Bloomsbury Publishing Plc., 2014. (In Engl.)
15. *Who comes after the Subject?* Ed. by Cavada, E., Connor, P., Nancy, J.-L. London, Routledge, 1991. (In Engl.)

Received: March 2, 2018; accepted for publication March 27, 2018

Reference to the article

Shvets I. V. Synergetic Anthropology: Social-Praxeological Aspect // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 84–89.

УДК 330.567.2.4

DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-3-90-95

Эрдэни Тумурович Эрдэнэев,
старший преподаватель,
Забайкальский аграрный институт
(672023, Россия, г. Чита, ул. Юбилейная, 4),
e-mail: erdeneev@mail.ru

Концепция трансгуманизма Ника Бострома

На современном этапе развития человечества возникают новые технологии совершенствования человека, связанные с преодолением старения и смерти. Отрицать перспективы совершенствования человека уже бессмысленно, необходима объективная оценка влияния на человека различных технологических воздействий. Во второй половине XX века в науке возникло новое философско-футурологическое учение – трансгуманизм, в основе которого – улучшение жизни человека. Цель данного исследования – проанализировать трансгуманизм в понимании Н. Бострома. Методологическую основу работы составили принципы системного, структурно-функционального, сравнительно-исторического подходов. Н. Бостром рассматривает трансгуманизм как философско-культурологическое учение, которое направлено на изменение положения человека, что предполагает остановку процесса его старения, увеличение умственных, физических и психологических возможностей человека путём использования современных технологий, обеспечения достойного качества жизни. В отличие от многих учёных, рассматривающих искусственный интеллект только как механизм повышения качества жизни, Н. Бостром обращает внимание на то, что такой интеллект проявит себя как реальное явление, со своими потребностями, целями, задачами, среди которых не будет задачи сохранения человечества. Искусственный интеллект, с одной стороны, может стать причиной исчезновения человечества, с другой – при создании дружественного интеллекта – установить контроль над использованием технологий, что возможно, поможет предотвратить риски уничтожения человечества.

Ключевые слова: трансгуманизм, постчеловек, сверхразум, Н. Бостром, качество жизни

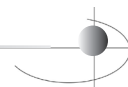
Введение. В 80-х годах XX столетия на арене научной жизни появилось новое философско-футурологическое учение – трансгуманизм [12–15]. Становление нового направления было объективно обусловлено развитием общества, появлением различного рода экологических угроз и катастроф, неумением человека управлять созданной им техникой, что привело к ухудшению здоровья человека, его генофонда. Вследствие активного воздействия человека на окружающую среду оказались под угрозой сами основы бытия человека.

Позиции учёных в вопросе о роли техники в будущем развитии общества неоднозначны [9]. Одни из них, сторонники концепции постиндустриализма, стоящие на позициях оптимистического направления (Р. Арон, Ж. Белл, Дж. Гэлбрейт, П. Дракер, Э. Тоффлер, Ж. Фурастье), связывали будущее человечества с заменой человеческого труда техникой, считали, что техника, научно-техническая революция будут способствовать улучшению качества жизни, условий жизнедеятельности как отдельного человека, так и человечества в целом [5]. Представители пессимистического направления в рамках концепции постиндустриализма доказывали, что техника приведёт к ухудшению качества

жизни, истощению природных ресурсов, снижению уровня социального благосостояния (Т. Адорно, Г. Маркузе, Э. Мишан, Л. Мэмфорд, Ф. Розак, Б. Скиннер, Ю. Хабермас, члены Римского клуба, Э. Фромм и др.). Развитие техники, её активное внедрение во все сферы жизнедеятельности общества и личности привели, по мнению ряда учёных (У. Бек, И. В. Бестужев-Лада, В. И. Данилова-Данильян, Г. Г. Дилигенский, Н. Н. Моисеев, А. Гидденс, Н. Луман, Н. Н. Моисеев, А. И. Субетто и др.), к появлению общества риска. С одной стороны, в этом обществе существует высокоразвитое производство, современный уровень развития науки, научно-технический прогресс. С другой – оно порождает риски, опасные для человека, меняет его мировоззрение, ценности, традиции [11].

Согласно идеям трансгуманизма только техника может внести фундаментальные изменения в жизнь человека, создать условия для эволюции вида *Homo Sapiens* в постчеловека. Как считают отдельные представители этого учения, сделать это просто необходимо, иначе современное общество погибнет¹. В настоящее время учёные обращают внимание

¹ Трансгуманизм в России [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.transhumanism-russia.ru/content/view/10/8> (дата обращения: 11.12.2017).

на то, что в отличие от рисков, порожденных самой природой, которыми можно управлять, современные риски неуправляемы [3], что ещё в большей степени актуализирует проблемы, связанные с сохранением человека.

Методологическую основу исследования составляют принципы системного, структурно-функционального, сравнительно-исторического подходов. Системный подход позволил выявить структурные компоненты концепции трансгуманизма, взаимосвязь между ними. Структурно-функциональный подход был использован в процессе исследования нанотехнологий, их функций, видов и форм. Использование структурно-функционального и системного подходов дало возможность выделить основные элементы концепции трансгуманизма, раскрыть взаимосвязь между ними, дать характеристику технологиям улучшения качества жизни, обобщить роль реинжиниринга в управлении качеством жизни. Сравнительно-исторический подход был использован в процессе при выделении факторов и условий становления и развития трансгуманизма. Сравнительно-исторический подход позволил осуществить сравнение различных подходов, научных концепций, ставящих задачу обеспечения достойного качества жизни.

Методы исследования: анализ, синтез, индукция, дедукция.

Результаты исследования и их обсуждение. В документе «Эволюция 2045» отмечается, что преобразование человека «означает изменения его сознания, формирование новых смыслов, ценностей и целей жизнедеятельности, которые раздвинут горизонты разума, ограниченного биологическим и земным способом существования, откроют небывалые перспективы возвышения человечности, познания, творчества и силы духа»¹. Все эти процессы привели к появлению различных философских, психологических, футурологических, социологических концепций, стремящихся определить пути развития человечества. Одной из таких концепций является трансгуманизм, который считает, что основным механизмом, детерминирующим процесс эволюции человека, может стать искусственный интеллект. Проблемы создания искусственного интеллекта давно находятся в центре внимания учёных. В своё время О. Этциони, директор Института искусственного интеллекта, крупнейший специалист в

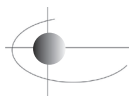
области изучения компьютерных технологий, опубликовал результаты опроса, проведённого с целью выяснения мнения учёных относительно будущего искусственного интеллекта. Респондентами в данном исследовании были учёные, занимающиеся проблемами искусственного интеллекта (около 200 чел.).

По результатам опроса «двадцать из опрошенных уверены, что искусственного интеллекта не удастся никак достичь. Около десятка специалистов посчитали, что искусственный интеллект догонит человеческий в ближайшем будущем, а остальные верят в достижение суперинтеллекта, но в далёком будущем. Опрос был анонимным, но открыто высказали своё мнение полсотни участников, среди которых были умнейшие люди современности» [6]. Полученные данные позволяют сделать вывод о том, что среди учёных нет единого мнения о роли и месте искусственного интеллекта в формировании будущего человечества.

В то же время многие учёные, соглашаясь с тем, что создание искусственного интеллекта – дело далёкого будущего и понимая необходимость преобразования человека, формирования технологий управления техникой, пишут о необходимости создания симбиотического интеллекта. Впервые о симбиозе человека и машины заговорили предшественники механистического материализма (Р. Декарт, Ж. О. Ламетри и др.), что нашло отражение в произведении Ж. О. Ламетри «Человек-машина». Симбиотический интеллект трактуется современными учёными «как совокупность естественных и искусственных систем, как продукт технологических и биологических составляющих, которые представляют собой отражение современных тенденций социума...» [4, с. 40]. По мнению учёных, будущее человечества связано с этим видом интеллекта, поскольку именно в нём происходит взаимодействие составляющих современного социума: человека и техники в социально-технологически организованной среде.

Таким образом, обсуждая вопросы сохранения человечества, учёные предлагают различные технологии: клонирование, искусственный интеллект, симбиотический интеллект, нанотехнологии, моделируемая реальность, реконструкция мозга. Ф. Фукуяма называет следующие: «технологии манипулирования с мозгом человека; нейрофармакологические воздействия, т. е. применение лекарственных препаратов, позволяющих модифицировать эмоции и поведение человека; разнообразные технологии, направленные

¹ Эволюция 2045 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.skachatreferat.ru/join.php?redirectUrl=%2Freferaty%2F> (дата обращения: 28.02.2018).

на существенное продление жизни человека; технологии генной инженерии, с помощью которых может осуществляться самая радикальная переделка человека» [10, с. 13–14].

Среди выделенных технологий особое место принадлежит искусственному интеллекту. Большинство учёных, занимающихся данной проблематикой, о чём речь шла выше, уверены, что только искусственный интеллект сохранит человеческий социум. В отличие от данной точки зрения Н. Бостром, основатель Всемирной ассоциации трансгуманистов, доказывает, что искусственный интеллект может уничтожить человечество. Идеи трансгуманизма получили реализацию в созданном учёным Институте этики и новых технологий, Институте будущего человечества, Центре стратегических инициатив. Основные положения концепции трансгуманизма Н. Бострома изложены в работе «Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии» [2, с. 206]. В центре внимания учёного – вопросы динамического развития искусственного интеллекта, варианты стратегического выбора, которыми он будет обладать в сравнении с человеческим разумом и которые могут стать приоритетными и решить судьбу человека. В своих работах Н. Бостром обращается к истории становления и развития трансгуманизма.

Трансгуманизм в понимании учёного – это философско-культурологическое учение, которое направлено на изменение положения человека, что предполагает остановку процесса его старения, увеличение умственных, физических и психологических возможностей человека, путём использования современных технологий, обеспечения достойного качества жизни. Ник Бостром трактует качество жизни «как личную свободу, как умение человека осознанно изменять себя и свою жизнь в соответствии со своими информированными желаниями», причём всё это базируется на использовании личностью нанотехнологий. Качество жизни – субъективная оценка человеком собственного благополучия, которая детерминируется группой внутренних и внешних факторов [1].

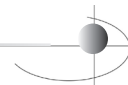
Результат эволюции социума – появление «постчеловека» (потомок человека, модифицированный до такой степени, что уже не является человеком). Постчеловек, согласно Н. Бострому, обладает следующими чертами: огромные физические и умственные возможности, совершенная память, красота, отсутствие усталости, скуки [Там же]. Следствием развития нанотехнологий будет появление

сверхразума, который может стать последним изобретением человека. Сверхразум сам самостоятельно будет определять тенденции и технологии научно-технического прогресса. Н. Бостром обращает внимание на то, что результаты развития сверхразума могут иметь позитивные и негативные последствия. К позитивным моментам использования трансгуманистических технологий учёный относит повышение уровня жизни, увеличение продолжительности здоровой жизни, повышение эффективности общения, более рациональное управление, уменьшение воздействия техники на природу, улучшение положения бедных, рост количества продуктов питания.

Исследователь согласен с тем, что использование современных технологий приведёт к перенаселению планеты, истощению природных ресурсов, ухудшению качества жизни. Н. Бостром, обращаясь к этой проблеме, приводит множество фактов, свидетельствующих о том, что применение нанотехнологий как в обыденной жизни людей, так и в профессиональной способствует напротив улучшению качества жизни. Сегодня для сохранения природы невозможен возврат к прошлому, доиндустриальным методам производства, невозможно ограничить численность населения, как в своё время предлагал один из представителей Римского клуба Дж. Форрестер в работе «Мировая динамика». «Растущее население вызывает рост индустриализации, рост потребности в продуктах питания и распространение населения по всё большей территории. Но рост производства продуктов питания, промышленных товаров и занимаемой территории способствует не только поддержанию, но и увеличению количества населения. Рост населения с сопровождающими его индустриализацией и загрязнением является следствием циклических процессов, в которых каждый сектор способствует росту других секторов и обеспечивает своё развитие за счёт других. Но со временем рост наталкивается на пределы, налагаемые природой. Почва и природные ресурсы истощаются» [7, с. 14].

Учёный в своей концепции трансгуманизма предлагает иной путь решения экологических проблем – создание высокотехнологичной промышленности, которая не оказывает отрицательного воздействия на окружающую среду, а главной причиной экологического кризиса считает неэффективные промежуточные технологии.

Соглашаясь с тем, что рост населения может по-прежнему быть проблемой, Ник Бо-

стром пишет о том, что этот процесс необходимо контролировать, поскольку население может расти экспоненциально, а объём природных ресурсов – полиномиально.

По мнению исследователя, использование отдельных технологий, созданных современными учёными, может иметь негативные последствия и может привести к исчезновению человечества. В своей концепции Н. Бостром приводит модели будущего человечества, которые могут быть, если сверхразум будет враждебен человечеству:

– «серая топь – самовопроизводящиеся наномашинки случайно выходят из под контроля и пожирают всю биосферу, превращая её в серую топь;

– чёрная топь – умышленно изготовленные разрушительные наномашинки;

– сверхразум – плохо запрограммированный сверхразум может захотеть истребить всех людей или даже уничтожить всю разумную жизнь, включая себя.Сверхразум умственно будет столь чуждым нам и столь превосходящим человеческий разум, что для нас будет очень сложно предвидеть или регулировать его мотивацию и невозможно контролировать его против его воли;

- ядерное и биологическое оружие продолжают оставаться угрозами. Сегодняшних запасов оружия недостаточно, чтобы полностью уничтожить наш вид. Однако вполне возможно, что в будущем с помощью геной инженерии будут созданы ещё более смертельные биологические агенты, чем мы имеем сегодня» [1].

В то же время исследователь уверен, что есть технологии, с помощью которых можно предотвратить гибель человечества. Н. Бостром в своей концепции останавливается на характеристиках нанотехнологий, использование которых оказывает сегодня и окажет в будущем влияние на эволюцию человека. Нанотехнология понимается как производственная технология будущего, обеспечивающая недорогие средства для полного контроля над структурой вещества [Там же]. К числу таких технологий Н. Бостром относит такие, как виртуальную реальность, реконструкцию сознания, сингулярность, молекулярную нанотехнологию геной инженерию, лекарства для изменения настроения, терапию против старения, нейроинтерфейс, программы для управления информацией, лекарства для улучшения памяти, носимые компьютеры, экономические изобретения (такие как фьючерсы на идеи, совместная

обработка информации, и т. д.) и когнитивные технологии [Там же].

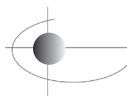
Н. Бостром среди нанотехнологий выделяет создание сверхразума, который понимается им как любой разум, значительно превосходящий лучшие умы человечества практически во всех областях, включая научные исследования, житейскую мудрость и социальные навыки [Там же].

Однако позиция учёного относительно роли сверхразума в эволюции человека отличается от позиций большинства учёных, считающих искусственный интеллект панацеей от всех современных проблем. Н. Бостром ставит вопрос о двоякой роли искусственного интеллекта: либо уничтожение человечества, либо его эволюция в постчеловека. В данном случае выбор должно сделать само общество.

Заключение. В отличие от многих учёных, рассматривающих искусственный интеллект только как механизм повышения качества жизни, Н. Бостром обращает внимание на то, что искусственный интеллект может стать реальным явлением, со своими потребностями, целями, задачами, среди которых не будет задачи сохранения человечества. Человечество может быть уничтожено искусственным интеллектом как препятствие на его пути. Создавая концепцию развития будущего, Н. Бостром, пишет о том, что человек есть последний ресурс, существование и развитие которого детерминировано группой других ресурсов. Но искусственный интеллект тоже нуждается в определённых ресурсах, результатом использования которых может стать исчезновение человечества. Возникнет новое высокотехнологичное общество, где не будет человека.

В то же время учёный не исключает возможности создания дружественного интеллекта, установления контроля над использованием технологий, что возможно благодаря нанотехнологиям, которые помогут предотвратить, уменьшить риски, в частности риск уничтожения человечества. По мнению Н. Бострома, сегодня необходимо решить вопрос о контроле над интеллектуальным взрывом, о возможных мерах детонации, что позволит сохранить человечество. Учёный отмечает, что проблемами контроля занимается незначительное число учёных, в то время как создателей искусственного интеллекта десятки, сотни тысяч.

В условиях современного развития техники и технологий необходимы новые механизмы контроля над интеллектуальным взрывом.

Список литературы

1. Бостром Н. FAQ по трансгуманизму [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.transhumanism.org/translations/russian/faq.html> (дата обращения: 24.02.2018).
2. Бостром Н. Искусственный интеллект. Этапы. Угрозы. Стратегии / пер. с англ. С. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2016. 496 с.
3. Захарова Е. Ю. Соционатурэкосистема: содержание и механизмы регулирования // Учёные записки. 2012. № 4. С. 205–211.
4. Ицков Д. И. Создание симбиотического интеллекта в контексте социальной политики развития социума // Вестник ЗабГУ. 2017. Т. 23, № 11. С. 38–41.
5. Лига М. Б., Щеткина И. А. Качество жизни: организационно-управленческий аспект. Новосибирск: Наука, 2011. 227 с.
6. Печен А. Возможно ли восстание машин. Учёные обсуждают опасности [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vegchel.ru/index.php?newsid=28644> (дата обращения: 23.02.2018).
7. Форрестер Дж. Мировая динамика. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 379 с.
8. Фролов И. Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. Изд. 4-е. М.: URSS, 2013. 304 с.
9. Юдин Б. Г. О человеке, его природе и его будущем // Вопросы философии. 2004. № 2. С. 16–28.
10. Юдин Б. Г. Трансгуманизм: сверхгуманизм или антигуманизм // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. М.: ИФРАН, 2013. Вып. 7. 245 с.
11. Berry B. J. L. Land Use, Urban Form and Environmental Quality. Chicago: The University of Chicago, 1974. № 155. 440 p.
12. Fukuyama F. Transhumanism // Foreign Policy. 2009. October .
13. Huxley J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus, 1957.
14. More M. Transhumanism: Towards a Futurist Philosophy [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.maxmore.com/transhum.htm> (дата обращения: 03.02.2018).
15. Sandberg A. Definitions of Transhumanism [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.aleph.se/Trans/Intro/definitions.html> (дата обращения: 02.02.2018).

Статья поступила в редакцию 28.02.2018; принята к публикации 25.03.2018

Библиографическое описание статьи

Эрдэнэев Э. Т. Концепция трансгуманизма Ника Бострома // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 90–95. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-3-90-95.

Erdeni T. Erdeneev,
Senior Teacher,
Transbaikal Agrarian Institute
(4 Yubileynaya st., Chita, 672023, Russia),
e-mail: erdeneev@mail.ru

Concept of Transhumanity of Nick Bostrom

At the present stage of development of humanity, there are new technologies of improvement of the person connected with overcoming aging and death. It is already senseless to deny the prospects of improvement of the person, objective assessment of influence on the person of various technological influences is necessary. In the second half of the XXth century, there was a new philosophical and futurological doctrine in science, i. e. transhumanity which purpose was an improvement of human life. An objective of this research is to analyze transhumanity in N. Bostrom's understanding. The principles of system, structurally functional, comparative-historical approaches were a methodological basis of the research. N. Bostrom considers transhumanity as the philosophical and futurological doctrine, which is directed to change of position of the person that assumes a stop of process of its aging, increase in intellectual, physical and psychological capacities of the person, by use of modern technologies, ensuring worthy quality of life. Unlike many scientists considering artificial intelligence only as the mechanism of improvement of quality of life, N. Bostrom pays attention to the fact that the artificial intelligence can become the real phenomenon, with the requirements, the purposes, tasks among which there will be no problem of preservation of mankind. The artificial intelligence, on the one hand, can become the reason of disappearance of mankind, on the other hand, with the creation of friendly intelligence, establishment of control over use of technologies that probably will help to prevent risks of extermination of mankind.

Keywords: transhumanity, post-person, superreason, N. Bostrom, quality of life

References

1. Bostrom, N. The FAQ on transhumanity. Web. 24.02.2018. <http://www.transhumanism.org/translations/russian/faq.html>. (In Rus.)
2. Bostrom, N. Artificial intelligence. Stages. Threats. Strategy / translated from English by S. Filin. M: Mann. Ivanov i Ferber. 2016. (In Rus.)
3. Zakharova, E. Yu. Socionatural ecosystem: contents and mechanisms of regulation. Uchenyie zapiski, no. 4 (45), pp. 205–211, 2012. (In Rus.)
4. Itskov, D. I. Creation of symbiotic intelligence in the context of social policy of development of society. Vestnik of ZabGU, v. 23, no. 11, pp. 38–41, 2017. (In Rus.)
5. Liga, M. B., Shchetkina, I. A. Quality of life: organizational and administrative aspect. Novosibirsk: Nauka. 2011. (In Rus.)
6. Pechen, A. Is the revolt of machines possible? Scientists discuss dangers. Web. 23.02.2018. <http://www.vegchel.ru/index.php?newsid=28644>. (In Rus.)
7. Forrester, J. World dynamics. M: OOO "Izdatelstvo ACT"; SPb: Terra Fantastica. 2003. (In Rus.)
8. Frolov, I. T. Prospects of the person: Experience of complex statement of a problem, discussion, generalization. Izd. 4. M: URSS. 2013. (In Rus.)
9. Yudin, B. G. About the person, his nature and his future // Voprosy filosofii, no. 2, pp. 16–28, 2004. (In Rus.)
10. Yudin B. G. Transhumanity: superhumanity or anti-humanity. Bioetika i gumanitarnaya ekspertiza. Issue 7. M: IFRAN. 2013. (In Rus.)
11. Berry, B. J. L. Land Use, Urban Form and Environmental Quality. Chicago: The Univ. Of Chicago. no. 155. 1974. (In Engl.)
12. Fukuyama, F. Transhumanism. Foreign Policy. 2004. (In Engl.)
13. Huxley, J. New Bottles for New Wine. London: Chatto & Windus. 1957. (In Engl.)
14. More, M. Transhumanism: Towards a Futurist Philosophy. Web. 03.02.2018. <http://www.maxmore.com/transhum.htm>. (In Engl.)
15. Sandberg, A. Definitions of Transhumanism. Web. 02.02.2018: <http://www.aleph.se/Trans/Intro/definitions.html>. (In Engl.)

Received: February 28, 2018; accepted for publication March 25, 2018

Reference to the article

Erdeneev E. T. Concept of Transhumanity of Nick Bostrom // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 90–95. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-3-90-95.

ФИЛОСОФИЯ МЫШЛЕНИЯ И ПОЗНАНИЯ

PHILOSOPHY OF THINKING AND COGNITION

УДК 141.201

Игорь Константинович Лисеев,
доктор философских наук, профессор,
Институт философии РАН
(109240, Россия, г. Москва, ул. Гончарная, 12, корп. 1),
e-mail: lik6841@mail.ru

Об эпистемологической роли познавательного конструкта «глобальная экология»

Методологической основой статьи является высказанная И. Кантом идея о необходимости разграничения конститутивных и регулятивных принципов познания. Конститутивные принципы ориентированы на онтологические допущения. Они отражают конкретные типы предметности, фиксируют значения эмпиричности, содержательности научного знания. Регулятивные принципы задают возможные методологические ориентации будущего развития, инновационно направляя познание на отыскание новых глубинных связей и закономерностей фундаментальных оснований бытия. Анализ подобного разграничения ложится в основу исследования и осмысления такого фундаментального цивилизационного процесса, каким является процесс экологизации науки и практики. Стремительное расширение предмета современной экологической науки привело к возникновению целого веера дисциплин, понимаемых как экологические, из разных сфер бытия, выстраиваемых на основании онтологических конструктивных допущений. В работе показано, что этот ряд может быть осознан и упорядочен только при применении к нему методологических регулятивных познавательных установок. Анализ наиболее ярких метанаук, возникших в XX веке, свидетельствует о том, что ныне такой же процесс формирования общей теории, на этот раз организационной, происходит и в области экологизации. Ею становится глобальная экология, фиксирующая общность взаимодействия объектов и сред их обитания безотносительно к составляющим субстратам. Это способствует осознанию и фиксации общих познавательных процессов и организационных характеристик различных направлений в современной Большой экологии, ведёт к пониманию инновационных порождающих механизмов подобной новой организационной структуры мира.

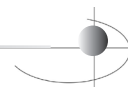
Ключевые слова: эпистемология, онтология, методология, познавательный конструкт, конститутивные и регулятивные принципы, экологизация, глобальная экология

Введение. Эпистемология понимается в современной философии как один из её важнейших разделов, в котором анализируется природа и возможности знания, его границы и условия достоверности.

Среди проблем, исследующихся современной эпистемологией, стоит и проблема анализа различных познавательных конструктов, возникающих на том или ином этапе научного и цивилизационного развития. Подобный конструкт выполняет в познании различные функции: исходных начал, условий синтеза, сборки разнородных представ-

лений (В. М. Розин). Но общим для него является то, что он всегда выступает как продукт человеческой познавательной деятельности, результат реализации регулятивного познавательного принципа.

В данном сообщении в качестве такого познавательного конструкта рассматривается глобальная экология. Это несколько неожиданный взгляд, поскольку экология и её различные подразделения воспринимались, как правило, в качестве предметных областей знания в контексте применения конститутивного принципа познания.

Методология и методы исследования. Методологической основой работы является высказанная И. Кантом идея о разграничении конститутивных и регулятивных принципов познания.

Результаты исследования и их обсуждение. *Конститутивные принципы* (от лат. *constitutivus* – «определяющий») по Канту формируют конкретные типы предметности, онтологические допущения, отражающие законосообразные формы сущего. Они фиксируют значения эмпиричности, содержательности знания.

Регулятивные принципы (от лат. *regulare* – «направляющий») задают исходные регулятивы и схемы, которым учёные следуют в своих научных исследованиях. Эти регулятивные принципы выполняют роль философско-теоретической стратегии, воплощающейся в научно-исследовательских программах. Они направляют познание на отыскание глубинных связей природных законов, выполняя тем самым инновационную функцию в познании.

Говоря о соотношении конститутивных и регулятивных принципов у Канта, А. Н. Круглов отмечает, что Кант отвергает конститутивный принцип в применении к трансцендентальным идеям, но он является решительным сторонником применения к ним регулятивного принципа, наделяя его важной функцией в человеческом познании. «Поскольку Кант исходит из иерархического отношения разума и рассудка, – пишет А. Н. Круглов, – задачу разума он усматривает в том, чтобы подготовить “рассудку поле его деятельности” и сделать систематическим единство всех возможных эмпирических действий рассудка» [8, с. 394, 397]. Эту задачу разум выполняет благодаря регулятивному применению трансцендентальных идей, в результате которого рассудку даётся направление для синтеза познания, а сам он побуждается в стремлении к систематическому и согласованному построению знаний [10].

Подобные эпистемологические размышления Канта при их перенесении на современный уровень развития науки и общественной практики послужили основанием для формирования нового взгляда на такую остро актуальную и широко дискутирующуюся проблему, как проблема экологизации, которая представляет собой один из наиболее значимых и обсуждаемых процессов современного цивилизационного развития. Экологизация становится ныне одним из основных моментов формирования новых

цивилизационных установок подобного развития общества. Но как это произошло и каковы перспективы? По этим вопросам идут многочисленные дискуссии.

Расширение предмета экологии. Дискуссии. Со второй половины XX века традиционная биологическая наука экология начала стремительно расширять предмет своего исследования. Возникли и стали широко обсуждаться проблемы экологии человека, социальной экологии, экологии культуры, экологии духа, экологии мышления, экологии творчества и др.

За каждым из этих направлений стояли многочисленные проблемы, требующие своего рассмотрения в рамках уже новых формирующихся на этой базе наук. Конечно, не все из названных направлений приобрели к настоящему времени статус новых наук, но тенденции и интенции каждого из них в этом плане очевидны. Характерно при этом другое: все эти направления развивались не как взаимодополнительные подходы, а наоборот, отстаивая статус собственной самостоятельности и самоисключительности. Так, специалисты биологической экологии долгое время не могли смириться с появлением экологии социальной. Они называли это очередным проявлением идеологизации и политизации науки, сравнивали эти процессы с известными фактами идеологической критики кибернетики, генетики и т. д. В свою очередь представители социальной экологии отрицали самостоятельное существование экологии человека, полагая, что её проблематика целиком вписывается в социальную экологию. Социальную же экологию при этом нередко сводили к социологии.

Такие противостояния и недоразумения продолжались довольно долго, до тех пор, пока не началось осознание и формирование представлений так называемой глобальной экологии.

Рассмотрим некоторые из основных направлений этой новой Большой экологии.

Экология как биологическая наука. Термин «экология» (от греч. *oikos* – «дом, жилище») впервые был предложен немецким биологом Эрнстом Геккелем более ста лет назад. В своих книгах «Всеобщая морфология организмов» (1866), «Естественная история происхождения» (1868) и других он ввёл термин «экология» для обозначения науки, изучающей отношения между всеми видами живых существ и окружающей их органической и неорганической средой. В результате длительного исторического развития и со-

вершенствования исследований в биологии сложилось деление экологии на аутэкологию, синэкологию и биогеоценологию. Аутэкология (от греч. *autos* – «сам») изучает индивидуальные организмы в их взаимоотношениях и способах приспособления к среде. Синэкология (от греч. *syn* – «вместе») изучает группы, множества организмов, составляющих определённые единства, в их связях со средой обитания. Наконец, биогеоценология выступает как учение об экосистемах: биоценозах, геоценозах в их единстве и взаимоотношениях. В сферу влияния экологии как биологической науки подпадают все типы связей организмов между собой и средой обитания: структурные, функциональные, энергетические.

Таким образом, в разделах экологии как биологической дисциплины, назовём их биоэкологией, вычленяется стройная, сбалансированная картина равновесных взаимосвязей и взаимодействий живых организмов между собой и средой обитания, создававшаяся на протяжении многих тысяч лет в ходе действия естественного отбора и других факторов эволюции. Однако в реальной действительности эта картина оказывается не такой уж целостной и непротиворечивой. Дело в том, что в природных процессах, кроме названных закономерностей, большую и всё возрастающую роль играет человек, общество в целом. Без учёта антропогенных, социальных факторов осмыслить закономерности функционирования природных систем невозможно. Существование человека и его активная природо-преобразующая деятельность являются онтологическим фактом, только с учётом которого можно создать адекватную теорию развития природных процессов. Устранение человека из природных связей и отношений, придание ему статуса лишь внешнего наблюдателя за этими объективно, как бы помимо его воли и желания развивающимися процессами, – это всё та же дань концепции классической рациональности, элиминирующей субъекта,рывающей субъект-объектные отношения.

Показано, например, что именно человек является частым виновником внезапного усиления патогенности в живом мире, широкого распространения инфекционных заболеваний животных и растений (эпизоотий и эпифитотий), ибо своей деятельностью он (умышленно или неумышленно) нарушает естественное равновесие в экосистемах в слишком больших масштабах и настолько быстро, что системы оказываются не в состоянии восстановиться. Антропогенные изменения экосистем ведут к ускоренному видообразова-

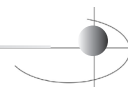
нию небольшого числа избранных человеком видов (для целей сельскохозяйственной или иной человеческой деятельности) и к гибели многих других видов, оказавшихся в данный момент на периферии человеческих интересов. Подобные примеры можно умножать до бесконечности. Однако сегодня совершенно ясно и другое: пока что подобные антропогенно привносимые в систему природных закономерностей противоречия почти не изучены. И до тех пор, пока биоэкология будет изучать природные связи и отношения вне зависимости от человека, она будет, по сути дела, их искажать.

Экология человека. В контексте этих различий *под экологией человека понимается наука о взаимодействии человека и природной среды его обитания.* Здесь возникают как минимум две группы комплексных и взаимосвязанных проблем. С одной стороны – охрана природной среды обитания человека, с другой – охрана самого человека. Как отмечает Н. Ф. Реймерс, эволюция человека пошла по пути межэкосистемного отбора вплоть до освоения всей биосферы. Поэтому исторический процесс с точки зрения биологии – сплошная цепь массовых размножений людских популяций. Превентивных механизмов сохранения среды человечество не выработало, что с превращением его в глобальную силу грозит ему самоуничтожением [12, с. 83]. Необходимы поиск и разработка теоретических основ и конкретных механизмов снятия нарастающего антропогенного воздействия человека на природную среду. Экология человека, изучая отношение человека к его природной среде, должна учитывать деятельность человека и возможности природных систем, т. е. взаимное влияние человека и природных факторов.

В то же время экология человека включает и другую группу важнейших для человеческого бытия проблем: изучение влияния природной среды на человека и адаптацию человека к различным средовым факторам: ландшафту, климату и т. д., а также проблемы стабильности человеческих популяций.

«Настало время, – отмечает Ю. Одум, – когда человек должен управлять своей собственной популяцией так же, как ресурсами, от которых он зависит, потому что впервые за всю свою недолгую историю он столкнулся с предельными, а не просто с локальными ограничениями» [11].

Анализируя органическое единство человека и окружающей его природной среды, постоянно идущий процесс коэволюции, коадаптации человека и природы, *экология*

человека в центр внимания ставит всё же не природу, а именно человека, сохранение и укрепление его здоровья, совершенствование вида *Homo sapiens* в постоянно меняющихся условиях внешней среды. В. П. Казначеев определяет экологию человека как науку, которая изучает закономерности взаимодействия людей с окружающей средой, вопросы развития народонаселения, сохранения и развития здоровья, совершенствования физических и технических возможностей человечества.

Правомерность такого подхода представляется весьма убедительной. Ведь признание факта коэволюции взаимодействующих систем не означает утверждения их равнозначности, их ценностной, аксиологической соразмерности. Представления о балансе косной и живой природы и человека получили своё развитие в трудах многих учёных нашего времени. Однако представление о наличии активного, ведущего начала в этих взаимодействиях, революционизирующее общие сложившиеся взгляды о гомеостазе реального бытия, выводящего на новый уровень, было впервые выдвинуто в трудах В. Н. Сукачева, создателя теории биогеоценологии, и В. И. Вернадского, осознавшего научную мысль как геологическое явление.

В понимании В. Н. Сукачева, из двух основных составляющих биогеоценоза – живой и косной – активным началом является именно живая компонента. В условиях сформировавшихся животво-растительных сообществ они становятся силой, которая сама определяет основные характеристики неживой среды. В определённом смысле живое само для себя создаёт условия жизни. Лес, полноценно существующий, больше влияет на климат, чем климат на лес. Но это осуществляется только в условиях сложившихся, нормально функционирующих биогеоценозов. В случае нарушения нормального функционирования биогеоценозов эта закономерность исчезает, живое становится пассивным следствием среды, в которой оно находится. Таким образом, *нарушая структуру живых сообществ, мы неизбежно нарушаем среду обитания человека на Земле.*

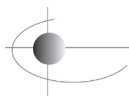
По аналогичной схеме развивается и мысль В. И. Вернадского. Глубоко и всесторонне обосновав тезис о единстве человека и природы, о необходимости их целостного, комплексного исследования во всём богатстве взаимосвязей, выдающийся учёный подчёркивал, что доминирующую роль в этом процессе играет научная мысль человечества, ставшая геологической силой. Ноосфе-

ра Вернадского – это биосфера, переработанная научной мыслью.

Таким образом, становится достаточно ясным, что современная экология человека – это комплексное междисциплинарное научное направление, исследующее самые разнообразные закономерности коэволюционного взаимодействия людей с окружающей их природной средой. Среди основных направлений исследований экологии человека – изучение экологической адаптации человека к условиям среды, воздействие на человека специфических климатических, температурных, высотных, атмосферных и прочих природных факторов и обратный процесс различных реакций человека на эти факторы в зависимости от генетических, психологических и культурных особенностей личности. В работах академика В. П. Казначеева и его школы собран обширный материал, свидетельствующий о различных реакциях людей, с разным типом нервной системы на одинаковые климатические характеристики. И одновременно выявлено наличие общих закономерностей воздействия окружающей природной среды на состояние здоровья человека, проявляющихся в феномене так называемого антропоэкологического утомления и напряжения [7].

Среди исследований экологии человека – популяционная экология человека, экология питания, изучение зависимости характера пищи от среды обитания, физические различия людей в связи с питанием, экологическая медицина, т. е. изучение характера болезней в корреляции с реальными условиями среды существования. В исследованиях адаптации, здоровья и болезней с точки зрения экологии человек предстаёт как органичное, целостное, неразрывное единство как в своих природных, так и социальных характеристиках.

Социальная экология – это наука о взаимоотношениях общества и окружающей его среды, о законах совместимости, коэволюции общества и природы. Это – отрасль экологии, исследующая отношения между человеческими сообществами и окружающей их биологической, географической, геологической, социальной и культурной средой. В социальной экологии изучается прямое и побочное влияние производственной деятельности человека на состав и свойства окружающей природной, антропогенной и техногенной среды. Само возникновение социальной экологии во многом определяется углублением глобального экологического кризиса, нара-

тающим неблагополучием в отношениях общества, идущего по пути техногенного развития, и изменяемой им природы. Одной из основных особенностей социальной экологии в отличие от биоэкологии и экологии человека является то, что в сферу её внимания попадает не только природная, но и искусственно созданная человеком среда: города, заводы, вся инфраструктура производственной деятельности людей. В этой «второй» природе всё менее благополучно живет современный человек. Эта «вторая» природа, создаваемая независимо и во многом вопреки естественной среде обитания человека, оказывает на неё возрастающее негативное воздействие. Если в исследованиях по биологической экологии роль человека зачастую незаметна и её надо находить и вычленять, то социальная экология имеет дело уже с противоположной тенденцией: здесь под массивированным воздействием технико-производственной деятельности человека во многом неявной оказывается созидающая коэволюционная роль живой природы. Слабая и подавленная, погибающая на наших глазах природа становится заложницей и жертвой научно-технического прогресса. Возникает вопрос: почему же так получилось? Является ли ситуация экологического кризиса неизменным спутником научно-технического развития? Это тоже одна из проблем, стоящих перед современными социально-экологическими исследованиями.

Человечество давно уже открыло для себя многие законы природы. Выявлены и используются обществом и законы социального развития. Однако проблема вычленения основных закономерностей взаимодействия общества и природы поставлена в повестку дня только недавно, в условиях обострившегося экологического кризиса. Раскрытие этих коэволюционных закономерностей развития индустриального общества и изменяемой природы – одна из основных задач социальной экологии. Незнание подобных законов – одна из причин роковых просчётов человечества в его современной природообразующей деятельности. Антропогенно преобразованная природа, потерявшая возможность самовосстановления и самоорганизации, начинает жестоко мстить людям: катастрофически ухудшается среда обитания человека, появляются новые болезни, нарастает генетический груз в человеческой популяции, исчерпываются ресурсы и т. д. Все эти факты ныне достаточно широко известны.

Хуже обстоит дело с поиском принципов и законов, которые могли бы открыть путь к

гармонизации отношений общества и природы на современном этапе. Некоторые попытки в этом направлении делаются. Но нет ещё достаточно полного осознания того, что одной из важнейших методологических особенностей социальной экологии как науки оказывается то, что весь процесс её формирования и функционирования детерминирован необходимостью создания общей теории взаимодействия общества и природы.

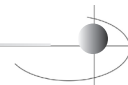
По мнению академика С. С. Шварца, одного из пионеров создания этой области науки, главная трудность в её развитии определяется отсутствием развёрнутой теории, описывающей более общие закономерности взаимоотношений природы и общества (именно общества, как определённой социально-экономической системы, а не отдельного человека) [16].

Идёт поиск и обоснование таких ведущих методологических закономерностей. Э. В. Гирусов называет среди них принцип оптимального соответствия общества и природной среды, принцип необходимости поддержания естественного равновесия биосферы, принцип компенсации соответственно значениям меры производимых у природы изъятий, принцип экологической чистоты человеческой деятельности, принцип комплексности и экологической обоснованности принимаемых решений. Законы саморегуляции биосферы, по Гирусову, предполагают: учёт круговорота в использовании вещества планеты, возобновляемость в получении энергии, системность в использовании информации [5, с. 89].

Н. Ф. Реймерс формулирует следующие законы социальной экологии:

– Правило социально-экологического равновесия. Общество развивается до тех пор и постольку, поскольку сохраняет равновесие между своим давлением на среду и восстановлением этой среды – природно-естественным и искусственным. Эпоха «независимого» от природы, экстенсивно-экспансивного развития человечества окончилась.

– Принцип культурного управления развитием. Современный этап социально-экологического развития характеризуется наложением жёстких лимитов на любую экспансию. Экономическое развитие может быть успешным лишь в рамках экологических ограничений. Закон культурного управления развитием есть отражение глубоких взаимодействий между обществом и природой – с одной стороны, и обществом и человеком, социальными группами – с другой. Конкурентные отношения обществ на фоне меняющейся среды

их обитания трансформируют макроисторические процессы, ведущие к политико-экономической эволюции и самих обществ.

– Правило социально-экологического замещения. Потребности человека социально-экологически заменимы. Способы такого замещения могут быть различны и удовлетворяются разными путями: собирательством, промыслом, скотоводством, земледелием и т. д. Все эти формы хозяйства различно воздействуют на природу и определены условиями. Доминирующая культура способна менять сам тип хозяйства.

– Закон исторической (социально-экологической) необратимости. Процесс развития человечества как целого не может идти от более поздних фаз к начальным, то есть общественно-экономические формации, определённым образом взаимодействующие с природной средой и естественными ресурсами, не могут сменяться в обратном порядке.

– Закон ноосферы В. И. Вернадского. Биосфера неизбежно превратится в ноосферу, т. е. в сферу, где разум человека будет играть доминирующую роль в развитии системы человек – природа. Хаотичное саморазвитие, основанное на процессах естественной саморегуляции, будет заменено разумной стратегией, базирующейся на прогнозно-плановых началах, регулировании процессов естественного развития. Это управление, безусловно, может быть только «мягким». В нём можно только следовать законам природы и развития общества. Управлять люди будут не природой, а прежде всего собой [12].

Можно привести и другие примеры поиска всеобщих закономерностей во взаимоотношениях совместно развивающихся общества и природы, но, вероятно, и сказанного достаточно, чтобы отметить: работы в этом направлении ещё непочтатый край. Необходимо не только выстроить систему названных принципов, но и добиться целостного, всестороннего охвата ими всей совокупности элементов взаимодействия природы, общества и человека.

Поиск всеобщих законов и закономерностей названной системы выводит экологические исследования на следующий, принципиально новый уровень анализа – глобальную экологию.

Результаты исследования и их обсуждение. Глобальная экология понимается не как ещё одна область из сферы расширяющегося предмета экологии как науки. Она выступает как определённый методологический регулятив, дающий общий взгляд на законо-

мерности взаимодействия объекта и среды его обитания, абстрагирующихся от реальных субстратов, их составляющих.

Задача усмотрения не различий во вновь возникающих направлениях современной экологической науки, а наоборот – того общего, что характерно для всех них, отчётливо осознаётся как подобный регулятив.

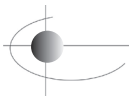
Появление интегрирующих метанаук – отличительная особенность XX века. Создатель кибернетики Норберт Винер видел её как науку об общих закономерностях получения, хранения и передачи информации в сложных управляющих системах, безотносительно к их виду [4].

Творец синергетики Герман Хакен понимал эту науку как междисциплинарное направление изучения природных явлений и процессов на основе принципов самоорганизации, независимо от их видовой специфики. По Хакену, синергетика призвана играть роль метанауки, изучающей общий характер тех закономерностей, которые частные науки считали своими. Она извлекает представляющие для неё интерес системы из предметной области частных наук и исследует эти системы своими специфическими средствами [14].

Создатель «Общей теории систем» Людвиг фон Берталанфи основной задачей этой теории считал формулирование общих принципов и законов существования систем, независимо от их специального вида, природы составляющих элементов и отношений между ними [17].

Отечественный учёный С. В. Мейен сформулировал представления об ещё одной обобщающей концепции, названной «Диатропикой». В ней показано, что законы многообразия также носят универсальный характер, не зависящий прямо от материальной природы объектов, составляющих то или иное множество [9].

Сходные процессы осуществлялись и в поисках единой теории организации в биологии и экологии. Как уже отмечалось, в 1866 году классик биологической науки Э. Геккель в рамках разработки проблем конструктивной морфологии публикует свой труд «Всеобщая морфология организмов», в котором предлагает термин «экология» для обозначения науки, изучающей отношения между живыми существами и окружающей их средой. Кроме того, он вводит и понятие «тектология» как учение о структуре организмов. Эта работа стала одной из первых попыток поиска интегративных закономерностей в мире живого [18]. А. Г. Гурвичу принадлежит

заслуга введения в биологию теории «биологического поля». На её основе он впервые дал объяснение поведению компонентов развивающегося целого в процессе его становления [6].

В концепции В. Н. Беклемишева понятие организации вообще стало основным в определении жизни. Специфика живого в том, утверждал он, что оно обладает внутренней организацией, т. е. динамическим морфопроцессом. Это стало основанием для развития в трудах В. Н. Беклемишева учения об общих принципах организации биологических объектов, названного им «Геомеридой» [1].

Однако самым выдающимся трудом тех лет по теории организации, безусловно, стала работа А. А. Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука» [2]. Исходной посылкой для автора явилось осознание того, что законы организации систем едины для любых объектов, независимо от составляющих их субстратов. Отсюда следовал вывод: подобные законы можно изучать в обобщённой форме. И это обстоятельство придаёт общей теории организации не только объяснительные, но и предсказательные возможности.

Процессы, разворачивающиеся в становлении и развитии современной Большой экологии, находятся в этом же контексте. Дифференциация и стремительное расширение современного экологического знания требуют введения определённого интегративного начала для их целостного понимания. Такое начало многие видят именно в глобальной экологии.

Первой отечественной монографией под таким названием стала работа, вышедшая в свет в 1997 году. М. И. Будыко – видный советский биолог-эколог пишет в ней, что исследованиями в области глобальной экологии он начал заниматься с конца 40-х годов XX века. Интерес к ним значительно возрос в последние годы в результате быстрого развития антропогенных изменений окружающей среды. В своей монографии ученый дает развернутую картину этих изменений, обсуждает экологические механизмы эволюции живых организмов и человека, будущее биосферы [3].

Философы и методологи науки тоже давно обратили внимание на этот процесс расширения предмета экологии как науки, идущий в наши дни. Н. М. Солодухо называет его процессом формирования всеобщей экологии. На общенаучном уровне познания под всеобщей экологией, с его точки зрения, понимается система знаний о выделен-

ном центральном объекте, чей характер не имеет принципиального значения в среде его местопребывания. Это может иметь как природно-материальное, так и социокультурно-духовное идеальное содержание. Такая всеобщая экология, считает Н. М. Солодухо, обобщает и синтезирует все эти направления развития экологической мысли [13].

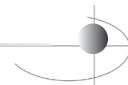
С. С. Хоружий подобный процесс называет интегральной экологией, дополняющей обычную экологию окружающей среды установками на охрану и защиту общества, культуры и человека. Формирование интегральной экологии обосновывается им принципами восточнохристианской духовной традиции, использующей древнюю святоотеческую парадигму космической литургии в качестве идейной основы современной экологической стратегии [15].

Предлагаемая в статье позиция оценки роли и значения глобальной экологии отличается от всех ранее упомянутых. Хотя при этом отнюдь не отрицается их значимость в становлении современной теории организации. Суть предлагаемой позиции в том, что в наши дни идёт формирование нового взгляда на глобальную экологию как на философско-методологический регулятив, фиксирующий общность взаимодействия объектов и сред их обитания безотносительно к субстратам, их составляющим. Согласно этому, основной функцией глобальной экологии как методологического регулятива становится задача осознания и выделения общих познавательных процессов и организационных характеристик различных направлений современной Большой экологии, проведение анализа возникновения и развития в ней инновационных порождающих механизмов новой организационной структуры мира.

Конечно, на сегодняшнем этапе своего развития глобальная экология не полностью отвечает этим требованиям. Но очень важно ныне осознать эти её ведущие функции и ориентироваться на их решение.

Выводы. В заключении статьи обратимся опять к И. Канту: «Гипотетическое применение разума из идей, положенных в основу в качестве проблематических понятий, – писал он, собственно не имеет конститутивного характера... Это [применение разума обладает] только регулятивным характером, имея целью вносить, насколько возможно, единство в частные знания и таким образом приближать правила всеобщности» [8, с. 499].

Развитие научного знания демонстрирует глубокую верность этого гениального про-

видения философа. На первых этапах своего исторического становления научное знание в понимании целостности мира ориентировалось на аналогии мира с какой-нибудь простой регулятивной *познавательной моделью* (термин, введённый А. П. Огурцовым). Для античности это была модель организма, на основе которой утверждалось единство микро- и макрокосмоса. Для средневековья – модель книги, шифра, который надо расшифровать. Для Нового времени – модель часов, механизма, изучение которого становится основой для понимания мира.

Затем на смену этим простым познавательным регулятивам приходят более усложнённые варианты рефлексивности: *познавательные ориентации*. За ними стоят уже не просто познавательные модели, а определённые методологические построения,

принципы, формирующие новый инновационный взгляд на мир с их позиций. Это такие методологические конструкты, как принципы целостности, системности, развития, организации. Применение каждого из них ведёт к новому видению реальности, к новым прорывам в конкретно-научных и социальных исследованиях.

Утверждая регулятивное значение роли философского знания в развитии науки и культуры на основе идей целостности, системности и развития, учёные сформировали обобщающие концепции новых междисциплинарных направлений. Подобный же процесс происходит и с развитием идеи организации. Становление концепции глобальной экологии как методологического конструкта формирования общей теории организации – яркое тому подтверждение.

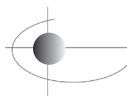
Список литературы

1. Беклемишев В. Н. Методология систематики. М.: KMK Scientific Press Ltd., 1994. 250 с.
2. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука: в 2 кн. М.: Экономика, 1989. Кн. 1. 304 с.; кн. 2. 351 с.
3. Будыко М. И. Глобальная экология. М.: Мысль, 1977. 327 с.
4. Винер Н. Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине. М.: Советское радио, 1958. 344 с.
5. Гирусов Э. В. Идеи В. И. Вернадского в условиях современной экологической реальности – путь к новой картине мира // Науки о жизни в формировании современной картины мира. М.: Технетика, 2015. 222 с.
6. Гурвич А. Г. Теория биологического поля. М.: Советская наука, 1944. 156 с.
7. Казначеев В. П. Очерки теории и практики экологии человека. М.: Наука, 1983. 260 с.
8. Кант И. Критика чистого разума. М.: Наука, 1998. 655 с.
9. Карпинская Р. С. Зачем методолог биологу? // Методология биологии: новые идеи (синергетика, семиотика, коэволюция). М.: Эдиториал УРСС, 2001. 264 с.
10. Круглов А. Н. Конститутивные и регулятивные принципы // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+, 2009. 1248 с.
11. Одум Ю. Основы экологии. М.: МИР, 1975. 740 с.
12. Реймерс Н. Ф. Надежды на выживание человечества. Концептуальная экология. М.: Россия молодая, 1992. 367 с.
13. Солодухо Н. М. Актуальные вопросы всеобщей экологии. Казань: КГТУ, 2007. 240 с.
14. Хакен Г. Синергетика. М.: Мир, 1980. 406 с.
15. Хоружий С. С. Социум и синергия: колонизация интерфейса. Казань: Казанский инновационный университет, 2016. 451 с.
16. Шварц С. С. Проблемы экологии человека // Вопросы философии. 1974. № 9. С. 102–110.
17. Bertalanffy L. von. General System Theory. Foundations, Development, Application. New York, 1969. 289 p.
18. Haeckel E. Generelle Morphologie der Organismen. Berlin, 1866. 574 p.

Статья поступила в редакцию 12.01.2018; принята к публикации 27.02.2018

Библиографическое описание статьи

Лисеев И. К. Об эпистемологической роли познавательного конструкта «глобальная экология» // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 96–104.

Igor K. Liseev,
Doctor of Philosophy, Professor,
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
(12 Goncharnaya st., Building 1, Moscow, 109240, Russia),
e-mail: lik6841@mail.ru

On the Epistemological Role of the Cognitive Construct “Global Ecology”

The methodological basis of the article is the idea expressed by I. Kant on the need to distinguish between the constitutive and regulative principles of cognition. The constitutional principles are oriented toward ontological assumptions. They reflect specific types of objectivity. The values of empiricity and the content of scientific knowledge are fixed. Regulatory principles also set possible methodological orientations for future development, innovatively directing knowledge to find new deep connections and regularities of the fundamental foundations of being. An analysis of this distinction lies at the basis of research and understanding of such a fundamental civilizational process as the process of ecologizing science and practice. The rapid expansion of the subject of modern environmental science has led to the emergence of a whole fan of disciplines, understood as ecological, from different spheres of life, built on the basis of ontological constructive assumptions. It is shown in the paper that this series can be realized and regulated only by applying to it methodological regulative cognitive attitudes. Analysis of the most striking metascience that emerged in the 20th century shows that today the same process of forming a general theory, this time organizational, is also taking place in the field of ecologization. It is becoming a global ecology, fixing the generality of the interaction of objects and their habitats, regardless of the constituent substrates. This contributes to the awareness and fixation of common cognitive processes and organizational characteristics of various directions in the modern Great Ecology, leading to an understanding of the innovative generative mechanisms of such a new organizational structure of the world.

Keywords: epistemology, ontology, methodology, cognitive construct, constitutive and regulative principles, ecologization, global ecology

Reference

1. Beklemishev, V. N. Methodology of systematics. M: KMK Scientific Press Ltd. 1994. (In Rus.)
2. Bogdanov, A. A. Tectology: General Organizational Science. V 2-kh knigakh. M: “Ekonomika”, 1989. (In Rus.)
3. Budyko, M. I. Global ecology. M: Mysl', 1977. (In Rus.)
4. Viner, N. Cybernetics, or Control and Communication in Animal and Machine. M: Sovetskoe radio, 1958. (In Rus.)
5. Girusov, E. V. Idei V. I. Ideas of V. Vernadsky in the conditions of modern ecological reality - the way to a new picture of the world. Life Sciences in the formation of a modern picture of the world. M: Tekhnika, 2015. (In Rus.)
6. Gurvich, A. G. Theory of the biological field. M: Sovetskaya nauka, 1944. (In Rus.)
7. Kaznacheev, V. P. Essays on the theory and practice of human ecology. M: Nauka, 1983. (In Rus.)
8. Kant, I. Critique of Pure Reason. M: Nauka. 1998. (In Rus.)
9. Karpinskaya, R. S. Why do you need a methodology for a biologist? Methodology of biology: New ideas (synergetics, semiotics, co-evolution). M: Editorial URSS, 2001. (In Rus.)
10. Kruglov, A. N. Constitutional and Regulatory Principles // Encyclopedia of Epistemology and Philosophy of Science. M: Kanon+, 2009. (In Rus.)
11. Odum, Yu. Fundamentals of Ecology. M: MIR, 1975. (In Rus.)
12. Reimers, N. F. Hopes for the survival of mankind. Conceptual ecology. M: “ROSSIYA MOLODAYA”, 1992. (In Rus.)
13. Solodukho, N. M. Topical issues of the general ecology. Kazan, KGTY, 2007. (In Rus.)
14. Khaken, G. Synergetics. M: Mir, 1980. (In Rus.)
15. Khoruzhii, S. S. Social and synergy: colonization of the interface. Kazan: Kazanskii innovatsionnyi universitet, 2016. (In Rus.)
16. Shvarts, S.S. Problems of human ecology. Issues of Philosophy, no. 9, pp. 102-110, cxxx..1974. (In Rus.)
17. Bertalanffy L. von. General System Theory. Foundations, Development, Application. New York, 1969. (In Engl.)
18. Haeckel, E. Generelle Morphologie der Organismen. Berlin, 1866. (German)

Received: January 12, 2018; accepted for publication February 27, 2018

Reference to the article

Liseev I. K. On the Epistemological Role of the Cognitive Construct “Global Ecology”// Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 96–104.

Ильдар Сафиуллович Мавляутдинов,
кандидат социологических наук, доцент,
Казанский (Приволжский) федеральный университет
(420008, Россия, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18),
e-mail:ildarmav@yandex.ru

Рациональный агуманизм: опыт соотнесения разума и веры

Важнейшей культурной ценностью является рациональность как основополагающая характеристика всей деятельности человека. Обладая одновременно свойствами методологии и аксиологии, понятие «рациональность» плохо поддаётся критериальному осмыслению, ни в абсолютном выражении, ни в релятивистском понимании. Однако это не значит, что рациональность не может быть исследована методологически. Наоборот, это понятие получает своё значение только тогда, когда интерпретируется как система принятых регламентирующих норм. Парадоксальность рационального осмысления проявляется в том, что, приняв однажды некую оценочную категориальную систему, человек теряет критическое осмысление этой системы и способность выйти за её рамки. Когда же этот субъект решается пересмотреть всю систему, пытается её улучшить или заменить принципиально иной, то в этот момент он действует иррационально, однако именно эта иррациональность как раз и является разумным поведением. Из-за превращения средневекового идеалистического агуманизма в идеалистический агуманизм буржуазных товарно-денежных отношений, явившийся, по своей сути, тем же самым агуманизмом, вывернутым наизнанку, европейская культура оказалась в логической западне. Однако противоположность заблуждения не является непременно истиной, а лишь другим заблуждением, чем оно и оказалось на деле. Как результат гуманистической реформации, произошедшая в эпоху Возрождения, произвела лишь замену одного агуманизма другим, а различие проявилось лишь в подмене источника и аттрактора веры.

Ключевые слова: рациональность, агуманизм, вера, разум

Введение. Важнейшей философской проблемой современной культуры явилась смыслополагающая проблема рациональности. Актуальность этой проблемы обусловлена самим подходом к рациональности, представляющим особый тип отношения человека к миру, благодаря которому реализуется возможность решения разнообразных задач в человеческой жизнедеятельности. Кроме того, по мере решения этих задач формируется осмысленная мировоззренческая позиция ориентации человека в мире, а в этом случае рациональность выступает уже как культурная ценность, фиксируемая нормативными актами человеческого поведения. Здесь необходимо перейти от простой декларации значимости проблемы рациональности к её содержательному анализу, который должен располагаться в критико-рефлексивной проекции [17].

Методология и методы исследования. Методология, которой придерживался автор в своём исследовании, включает в себя типологический, культурологический и компаративный анализ, предполагающий выделение наиболее существенных проблем в каждом из изучаемых явлений – вере и разуме, рассмотрение их во взаимосвязи друг с другом, сопоставление полученных моделей, философское осмысление как результат процесса их взаимодействия. Обращение преимущественно к качественным методам изучения, обусловленное объектом изучения, тем не менее, предполагает динамический подход к описанию предмета. И не только потому, что вопрос соотношения веры и разума интересу-

ет мыслителей на протяжении многих столетий, но и потому, что вопрос о роли и значении веры и разума имеет внутреннюю динамику развития, иногда поддержанную заочной дискуссией мыслителей, но чаще представляющую собой развёртывание самостоятельных поисков каждого мыслителя-философа. Тем более интересно сопоставить результаты, к которым пришёл каждый из них, будучи относительно независим от этого «заочного диалога».

Анализ самой рационалистической концепции, как общей идеи разумности действий человека, сталкивается, прежде всего, с семантико-терминологическими трудностями, в том смысле, что в разных исторических условиях актуализировались и разные представления о разумном действии. Возникли следующие вопросы: какие метаморфозы претерпевает семантика латинского слова “ratio” в историческом процессе его философской концептуализации, насколько вообще можно говорить о единстве смыслового содержания этого термина применительно к разным культурам?

Результаты исследования и их обсуждение. В работе К. В. Рутманиса семантический анализ понятия «рациональность» проводится путём определения смысловых

соответствий между греческим словом «логос» и латинским словом «рацио», при этом автор раскрывает наличие последовательной взаимосвязи между формированием представлений о рациональном в древнегреческой философской мысли и их последующей трансформацией в латинскую, а далее и западноевропейскую [14].

Однако К. В. Рутманис отмечает наличие чётких смысловых сдвигов, которые сопровождали эту трансформацию и привели в дальнейшем развитии западноевропейской философской мысли к представлениям о рациональности, как об эгоцентрической шкале размерности самого соизмерения бытия и человека, самодостаточной и абсолютно не требующей для своего существования раскрываемого человеку бытия, как это происходило ранее [22].

Перипатетики понимали разумность не только того, как «обладать разумом», но и как прислушиваться, воспринимать и подчиняться логосу в самом широком смысле. В этой позиции предназначение человека разумного выступает как сосуд разумности, его хранение и сохранение, в котором субъект реализует смысл своего существования [16].

К аналогичным выводам приходит и Е. Ю. Леонтьева, которая подчёркивает, что семантический анализ латинских слов с корнем «ratio», как и исследование соответствующих греческих источников, доказывает нетождественность понятий «рациональное» и «разумное» [6]. Она отмечает, что важнейшим значением слова «ratio» – является расчёт, мера, в то время как значение слова «разумный» предполагает и целиком охватывает всю последовательность действий от расчёта к рассуждению. Иначе говоря, по мнению Е. Ю. Леонтьевой, «рациональное» представляется свойством, качеством «разумного».

В латинском языке «рацио» объединяет в себе оба смысла – «считать» и «размышление». При этом подразумевается такое размышление, такой разум, который сводится к размеренному, последовательному и в то же время дискретному мышлению, управляемому логикой абстрактной арифметической проекции. Вместе с этим изучение греческих корней представлений о «рациональности» указывает на то, что оно исходит от слова «соизмерять» и определяется исключительно через него. «Соизмеримость» выступает здесь как некая заданная изначально характеристика мира – пропорциональное соотношение объектов мира между собой. В этом смысле понятие «рациональный» означает

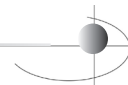
не что иное, как оценку соразмерности, то есть соотношения чего-либо с чем-либо в познании и управляется логикой образной геометрической проекции.

На этом основании в философской мысли можно выделить две традиции в понимании рациональности. Первая, гносеологическая традиция, нашла своё отражение в логико-методологических исследованиях европейских мыслителей (Аристотель, Декарт, Бэкон, Гегель) и проявилась в понимании рациональности как разумности. Вторая – онтологическая традиция – берёт начало с исследований русских философов (Киреевский, Соловьёв, Юркевич, Франк) и выражает неприятие ими тождества разума и рациональности вследствие её исключительной онтологической обусловленности.

В философском плане сутью рациональности является поиск гармонии человека и бытия – гармонии, чётко осознаваемой. В этом осознании и проявляется понятие рационального действия, которое М. Вебер формулировал как ценностно-рациональное. Однако неправильно понимать рациональное начало лишь как целесообразность, так как оно настолько тесно переплетается с контекстом человеческой деятельности, что формирует вместе с ней саму её смысловую сферу.

В связи с этим возникает принципиальный вопрос – насколько однозначно рациональное действие оценивается его эффективностью, ведь импульсивный, непродуманный поступок часто оказывается не менее результативным, что, казалось бы, позволяет отнести и его к рациональному [19]? На наш взгляд, рациональную деятельность следует связывать не с результатом деятельности, не с её эффективностью, а с её мотивирующими механизмами, обеспечивающими само основание этой деятельности, формирующими некий её идеал, план.

Представление о разуме как об исключительно логическом рассуждении, лишённом интуитивной спонтанности, не является конструктивным, так интуиция непременно и постоянно присутствует в разумной деятельности. Более того, переход от устоявшегося, систематизированного знания к новому осознанию и принципиальному способу осмысления действительности, от сложившегося канона к новому упорядочиванию происходит в результате озарений, ломающих привычные основы рациональности и порождающих новые смыслы, которые по мере развития также заменяются.

Динамика разума неуловима в том смысле, что он существует между понятийно выражаемым и находящимся в области рассудка, но ещё неведомым, на текущий момент, казалось бы, иррациональным [20].

Современные исследователи проблем рациональности, фиксируя различные её типы: закрытую, открытую, универсальную, специальную, мягкую, сверхрациональность и прочие, – склоняются к многозначности понятия «рациональность», смысл которого может быть сведён к принципу упорядоченности природы, отражаемой в разуме, а также к тем или иным способам и подходам понимания этой упорядоченности, со свойственной каждому из них совокупностью методов исследования.

Термин «рациональность» М. Вебер использует исключительно для выделения такого типа деятельности, который реализует определенные интересы и соответствует определённой мотивации [1]. Вебер понимает под рациональностью именно деятельность людей и не использует этот термин в качестве синонима собственно целесообразности [11]. Для него рациональность – это расчёт средств для достижения той или иной цели. Л. Витгенштейн рассматривает рациональность в качестве максимально адекватной приспособленности к действительности [13]; С. Тулмин – в качестве логически подкреплённого набора правил¹ [11]. У. Дрей увязывает в рациональности убеждение, мотив и поступок, называя рациональным только одномоментное присутствие всех этих составляющих [10].

Перед современной философией, таким образом, встаёт задача осмысления проблемы рациональности для достижения концептуальной ясности её понимания. На самом деле, ведь культурная система может позволить себе любые трактовки действительности с многомерными значениями характеризующих её символов. Сложность этих трактовок многократно возросла после того, как различные культуры стали осуществлять взаимопроникновение и активно взаимодействовать. Различное сочетание символов, принадлежащих разным культурам и зачастую не поддающихся переходу из одного смыслового восприятия в другой, настолько расширило варианты интерпретации смыслов и углуби-

¹ См. также: Сивоконь П. Е. От неопозитивизма к постпозитивизму: эволюция философского эволюционизма С. Тулмина (Вступительная статья) // Человеческое понимание / С. Тулмин. – М.: Прогресс, 1984. – С. 5–22; Андрианова Т. В., Ракитов А. И. Философия науки С. Тулмина // Критика современных немарксистских концепций философии науки. – М.: Прогресс, 1987. – С. 109–134.

ло их подтексты, что если каждую характеристику их смыслов признавать исключительно связанной с контекстом, то эти смыслы окажутся, в принципе, неопределимы.

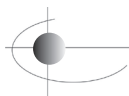
С другой стороны, оценивать рациональное в категориях представлений об истинности, это отмечал ещё Т. Кун [5], – значит получить в корне противоречивые и ложные выводы. В соответствии с критерием истинности следовало бы заключить, что все научные теории, некогда принятые за основу научной деятельности, а впоследствии оказавшиеся неточными и отброшенные опытом, вся научная деятельность по их формированию и применению были нерациональными [18]. Способность разума заблуждаться («блуждать») является неотделимым его качеством, поэтому истина сама по себе, – отнюдь не синоним разумности [21].

В определении рациональности, предложенном А. И. Ракитовым, она понимается как система норм и правил, неких эталонов, которые принимаются всеми участниками социума для достижения общих целей [12, с. 69]. Однако если разные социумы используют разные наборы эталонов, но преследуют при этом одну и ту же цель, то они будут выглядеть в глазах друг друга иррациональными.

Это противоречие разрешается только верой в ту или иную принимаемую рациональность. А. Л. Никифоров характеризует это обстоятельство следующим образом: «Бороться следует за ту теорию, в истинность которой вы верите, – это единственное рациональное поведение с точки зрения науки... Пусть, защищая отброшенную теорию, в истинности которой вы убеждены, вы будете выглядеть иррационалистом в глазах сторонников победившей теории, в глазах всего научного сообщества, принявшего эту теорию. В своих собственных глазах вы рационалист. И когда дальнейшее развитие познания приведёт к новой переоценке ценностей, вас могут назвать единственным рационалистом в период господства иррационализма» [7, с. 271].

При этом А. Л. Никифоров особо указывает, что рациональность обладает тройственностью восприятия: она может восприниматься и как соответствие некоей логике, и как «целесообразность» в конкретных условиях бытия, и как абсолютная самодостаточная цель научного познания.

Анализ принципов научной деятельности отмечает двойственность самого субъекта этой деятельности. С одной стороны, это учёный, стремящийся максимально аб-

страгироваться от личной субъективности с целью познания объективной реальности, но в то же время этот же человек является личностью со своим интеллектом и этикой, несущей индивидуальную, персональную ответственность, от которой невозможно абстрагироваться [8]. Эта двойственность неразделима. Её простое механическое разделение создаёт две примитивные абстрактные модели рациональности, обозначающие лишь слабый контур, намёк на само явление [4, с. 40].

«Рациональность всякой деятельности, – пишет И. Т. Касавин, – состоит в её способности наиболее эффективно и с наименьшей затратой сил удовлетворять некоторую социальную потребность, а некоторая потребность является рациональной, если её удовлетворение способствует социальному прогрессу, нерациональной – если она не имеет к нему реального отношения, и иррациональной – если она противоречит ему» [3].

Рассматривать понятие рациональности с позиций «прогрессивности» вызывает ещё большую условность его содержания, поскольку любые оценочные критерии прогресса – чрезвычайно относительные и настолько неопределённые указания, что само их представление сомнительно. Абсолютизм не может объяснить историческую изменчивость рациональности. Релятивизм, наоборот, оце-

нивает только относительное движение, за которым не в состоянии оценить то, что постоянно изменяется [9]. Поэтому рациональность объявляется чем-то неуловимым, настолько динамичным и текучим, что готовые на историческом отрезке формы и границы тут же распадаются, так как рациональность выражает не свойства окружающей действительности, а лишь неизбежно меняющееся отношение к ней [2].

Выводы. Из-за превращения средневекового идеалистического агуманизма в идеалистический агуманизм буржуазных товарно-денежных отношений, явившийся, по своей сути, тем же самым агуманизмом, вывернутым наизнанку, европейская культура оказалась в логической западне. Однако противоположность заблуждения не является непременно истиной, а лишь другим заблуждением, чем оно и оказалось на деле. Как результат гуманистическая реформация, произошедшая в эпоху Возрождения, произвела лишь замену одного агуманизма, другим, а различие проявилось лишь в подмене источника и аттрактора веры.

Список литературы

1. Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. 731 с.
2. Евдокимов В. С., Сатдинова Н. Х. Проблема рациональности в познании и деятельности // *Философские науки*. 1988. № 1. С. 114.
3. Касавин И. Т. О социальном содержании понятия «рациональность» // *Философские науки*. 1985. № 6. С. 64–65.
4. Косарева Л. М. Социокультурный генезис науки Нового Времени. Философский аспект проблемы. М.: Наука, 1989. 160 с.
5. Кун Т. Структура научных революций / пер. с англ. И. З. Налетова. М.: Прогресс, 1975. 300 с.
6. Леонтьева Е. Ю. Рациональность и её типы: Генезис и эволюция: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.01. Волгоград, 2003. 300 с.
7. Никифоров А. Л. Научная рациональность и цель науки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.studfiles.net/preview/1175695/> (дата обращения: 20.12.2017).
8. Порус В. Н. Парадоксы научной рациональности и этики // *Исторические типы рациональности*. М.: РАН ИФ, 1995. Т. 1. С. 299–316.
9. Порус В. Н. Эпистемология: некоторые тенденции // *Вопросы философии*. 1997. № 2. С. 93–110.
10. Порус В. Н. Ч. Пирс и современная «философия науки» // *Вопросы философии*. 1982. № 3. С. 137–144.
11. Порус В. Н., Черткова Е. Л. «Эволюционно-биологическая» модель науки С. Тулмина // *В поисках теории развития науки (очерки западноевропейских и американских концепций XX века)*. М.: Прогресс, 1982. С. 260–277.
12. Ракитов А. И. Рациональность и теоретическое познание // *Вопросы философии*. 1982. № 11. С. 68–81.
13. Руднев В. П. Витгенштейн как личность // *Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель*. М.: Прогресс, 1993. С. 332–348.
14. Рутманис К. В. Генезис идей рациональности в философии // *Рациональность как предмет философского исследования*. М.: РАН ИФ, 1995. С. 10–22.
15. Трубников Н. Н. Кризис европейского научного разума. Философия науки и философия жизни // *Рациональность как предмет философского исследования*. М.: РАН ИФ, 1995. С. 143–170.

16. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Историко-философский ежегодник. М.: Наука, 1986. С. 255–275.
17. Швырев В. С. Рациональность как философская проблема // Рациональность как предмет философского исследования. М.: РАН ИФ, 1995. С. 23–27.
18. Bartley W. W. Theories of Demarcation between Science and Metaphysics. Problems in the philosophy of science // Problems in the philosophy of science. Amsterdam, 1968. P. 43.
19. Mortimore G. W. Rational action. Rationality and the social sciences. London, 1976. P. 106.
20. Nagel T. Mortal questions. Cambridge, 1979. P. 208.
21. Putnam H. Three kinds of scientific realism // Philos. Quart. 1982. Vol. 32, No. 128. P. 198.
22. West M. L. Early Greek philosophy and the Orient. Oxford, 1971. P. 124.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018; принята к публикации 27.03.2018

Библиографическое описание статьи

Мавляутдинов И. С. Рациональный агуманизм: опыт соотнесения разума и веры // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 105–110. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-105-110.

Ildar S. Mavlyautdinov,
Candidate of Sociology, Associate Professor,
Kazan Federal University
(18 Kremlevskaya st., Kazan, 420008, Russia),
e-mail: ildarmav@yandex.ru

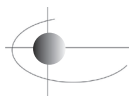
Rational Ahumanism: the Experience of the Correlation of Reason and Faith

The most important cultural value is rationality, as the fundamental characteristic of all human activities. Possessing simultaneously the properties of methodology and axiology, the concept of “rationality” is poorly susceptible to criterial comprehension, either in absolute terms or in a relativistic understanding. However, this does not mean that rationality cannot be studied methodologically. On the contrary, this notion gets its meaning only when it is interpreted as a system of adopted regulatory norms. The paradox of rational thinking is manifested in the fact that once a certain categorical evaluation system is adopted, a person loses critical thinking about this system and the ability to go beyond it. When this subject decides to revise the whole system, tries to improve it or replace it fundamentally different, then at this moment it acts irrationally, but this irrationality is just a rational behavior. The transformation of medieval idealistic ahumanism into the idealistic ahumanism of bourgeois commodity-money relations, which, in essence, was the same ahumanism turned inside out, introduced European culture into a logical trap. However, the opposite of delusion is not necessarily the truth, but only another error, which it turned out to be in practice. As a result, the humanistic reformation that took place during the Renaissance made only a substitution of one ahumanism for others, and the difference was manifested only in the substitution of the source and attractor of faith.

Keywords: rationality, ahumanism, faith, reason

References

1. Weber, M. Selected works. M: Progress, 1990. (In Rus.)
2. Evdokimov, V. S., Satdanova, N. H. The Problem of rationality in cognition and activity. Philosophical sciences, no. 1, p. 114, 1988. (In Rus.)
3. Kasavin I. T. On the social content of the concept “rationality”. Philosophical Sciences, no. 6, pp. 64–65, 1985. (In Rus.)
4. Kosareva, L. M. Socio-Cultural Genesis of modern science. Philosophical aspect of the problem. M: Nauka, 1989. (In Rus.)
5. Kuhn, T. The Structure of scientific revolutions. M: Progress, 1975. (In Rus.)
6. Leont'eva, E. Yu. Rationality and its types: Genesis and evolution. Dr. sci. diss. Volgograd, 2003. (In Rus.)
7. Nikiforov, A. L. Scientific rationality and the purpose of science. Web: 20.12.2017. <https://www.Oh.studfiles.net/preview/1175695>. (In Rus.)
8. Porus, V. N. Paradoxes of scientific rationality and ethics. In: Historical types of rationality. Vol.1. M: IF RAN, 1995: 299–316. (In Rus.)
9. Porus, V. N. Epistemology: some trends. Questions of philosophy, no. 2, pp. 93–110, 1997. (In Rus.)
10. Porus, V. N. C. Pierce and the modern “philosophy of science”. Questions of philosophy, no. 3, pp. 137–144, 1982. (In Rus.)
11. Porus, V. N., Chertkova, E. L. “Evolutionary-biological” model of science by S. Toulmin. In search of the theory of science development (Essays of Western European and American concepts of the XX century). M: Progress, 1982: 260–277. (In Rus.)

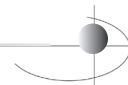

12. Rakitov, A. I. Rationality and theoretical knowledge. Questions of philosophy, no. 11, pp. 68–81, 1982. (In Rus.)
13. Rudnev, V. P. Wittgenstein as a person. Ludwig Wittgenstein: a man and a thinker. M: Progress, 1993: 332–348. (In Rus.)
14. Rutmanis, K. V. Genesis of ideas of rationality in philosophy. In: Rationality as a subject of philosophical research. M: IF RAN, 1995: 10–22. (In Rus.)
15. Trubnikov, N. H. Crisis of the European scientific mind. Philosophy of science and philosophy of life. In: Rationality as a subject of philosophical research. M: IF RAN, 1995: 143–170. (In Rus.)
16. Heidegger, M. The Doctrine of Plato about the truth. In: History of philosophy Yearbook. M: Nauka, 1986: 255–275. (In Rus.)
17. Shvyrev, V. S. Rationality as a philosophical problem. In: Rationality as a subject of philosophical research. M: IF RAN, 1995: 23–27. (In Rus.)
18. Bartley, W. W. Theories of Demarcation between Science and Metaphysics. Problems in the philosophy of science. Amsterdam, 1968:43. (In Rus.)
19. Mortimore, G. W. Rational action. Rationality and the social sciences. L. etc., 1976: 106. (In Engl.)
20. Nagel, T. Mortal questions. Cambridge, 1979:208. (In Engl.)
21. Putnam, H. Three kinds of scientific realism // Philos. Quart. 1982. Vol. 32, 128:198. (In Engl.)
22. West, M. L. Early Greek philosophy and the Orient. Oxford, 1971: 124. (In Engl.)

Received: March 2, 2018; accepted for publication March 27, 2018

Reference to the article

Mavlyautdinov I. S. Rational Ahumanism: the Experience of the Correlation of Reason and Faith // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 105–110. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-105-110.

УДК 1

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-111-118

Александр Юрьевич Нестеров,
доктор философских наук, доцент,
Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С. П. Королева
(443086, Россия, г. Самара, Московское шоссе, 34),
e-mail: phil@ssau.ru

«Исполнение» в семиотике техники

Семиотика техники – это направление в философии техники, снимающее противопоставление платонистского и конструктивистского подходов к пониманию изобретения. В статье конкретизируется понятие «исполнение» применительно к акту художественной деятельности и к техническому изобретению. Рассматриваются три определения исполнения по количеству учитываемых слоёв семиозиса. Слои семиозиса берутся в рамках традиции трансцендентализма и включают трихотомию чувственного восприятия, рассудка и разума. Показывается, что под «исполнением» в каждом случае понимается семантическое правило. Анализируется понятие потребности в виде рефлексивно фиксируемой неполноты, вызывающей к жизни собственно технический семиозис. Учитывается трихотомия физических, интеллектуальных и духовных потребностей. Излагается концепция техники как «четвёртого царства» Ф. Дессауэра. Показывается, что синтаксис технического семиозиса является исторически обусловленным, то есть случайным, что позволяет интерпретировать «четвёртое царство» в виде набора прагматических (не синтаксических и не семантических) правил. Технический объект как удовлетворяющий конкретную потребность человека артефакт характеризуется как наименее определённый на фоне логики и литературного творчества, что приводит к постановке вопроса о соотношении мыслимого и возможного на фоне немислимого и невозможного в истории и актуальной практике технической деятельности.

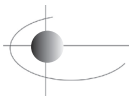
Ключевые слова: философия техники, семиотические основания техники, «четвёртое царство», исполнение, техническая реализация

Введение. Фундаментальной проблемой философии техники является вопрос о природе изобретения. Когда человек изобретает, как возникает новое, то, чего не существовало до того, как оно оказалось изобретено? Проблема «нового» существенно шире, нежели вопрос об изобретении, однако относительно техники она может быть поставлена предельно конкретно. В рамках платонистского представления о мире изобретение – это процесс перевода потенциального в актуальное, сокрытого в открытое [11]. В рамках конструктивистского представления о мире изобретение – это извлечение человеком нового из самого себя, порождение существующего [19].

Взятые сами по себе платонизм и конструктивизм – это довольно уязвимые позиции. С одной стороны, изобретение имеет дело с объективными законами природы, с не зависящим от индивида синтаксисом естественного языка или математики, с общезначимыми процедурами работы сознания; с другой стороны, изобретение – продукт индивидуального ума, вызываемый к жизни сочетанием переживаний, потребностей и возможностей конкретного человека. Контрверза платонизма и конструктивизма преодоле-

вается в трансцендентально-семиотической картине мира. Здесь реальность – это правила и иерархии правил, употребление которых позволяет субъекту выстроить ту или иную действительность. Сам субъект представлен в виде способа взаимодействия «миров» в смысле К. Р. Поппера или сред осуществления семиозиса в виде восприятия, рассудка и разума [18]. Субъект способен к рецептивному и проективному семиозису и ограничен горизонтами познаваемого и возможного.

Техника в трансцендентально-семиотической картине мира понимается как проективный семиозис (то есть как «выражение») определённого типа с конкретным набором прагматических, синтаксических и семантических правил. В основе семиотического представления о технике лежит аналогия между художественной и технической деятельностью человека как формами рефлексии. Если акт художественного выражения связывает фантазию и воображение (сферу рефлексивного инобытия человека) с комбинаторикой естественных языков, позволяя реализоваться новым формам выражения, новым художественным языкам, стилям и т. п., то акт технического выражения связыв-

вает фантазию и воображение не только с естественным языком, но и с чувственно воспринимаемой действительностью. Техника на фоне художественного выражения оказывается более сложной формой рефлексии, которая вовлекает в человеческую деятельность мир физических объектов, слой чувственного восприятия, трансформируя его подобно тому, как поэтическая деятельность трансформирует естественные языки.

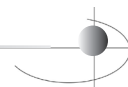
Изобретение в рамках трансцендентально-семиотической картины мира – это удовлетворение потребностей за счёт сдвига субъектом границ невысказанного и невозможного. Изобретение представляет собой проективный семиозис, который осуществляется сначала средствами фантазии (то есть разума, воображения или рефлексии), затем средствами рассудка (то есть естественных и математических языков), затем средствами физического мира (то есть чувственного восприятия и материи в той мере, в какой человек имеет дело с материей в восприятии и его приборных расширениях). Изобрести, создать новое – значит исполнить потребность, желание или цель на всех трёх уровнях, довести исполнение до артефакта, исполняющего конкретную задачу. Ключевым термином описания изобретения оказывается «реализация» или «исполнение», с одной стороны, и «проблема», «потребность», «желание» – с другой.

Методология и методы исследования.

Понятие исполнения. В логике понятие исполнения (*Erfüllung*) используется А. Тарским [21] для конкретизации корреспондентского определения истины, связывающего выражение в метаязыке и языке-объекте. Под «исполнением» понимается исполнение переменной предикативной функции некоторым именем высказывания. Под предикативными функциями Тарский понимает высказывания метаязыка, содержащие переменные, например, «*x* бел» или «*x* любит *y*»; под именами – слова или термины языка-объекта, например, «снег», «Ромео», «Джульетта». Соответственно процедура исполнения описывается как интерпретация, то есть реализация семантического правила семиозиса: «*x*» интерпретируется как «снег», «Ромео» и т. д. В логике такого рода понимание исполнения является общепризнанным, однако оно показывает процедуру исполнения лишь как внутриязыковую перекодировку, то есть как отношение, не выходящее за пределы языка как формы организации рассудочных категорий [13; 17, с. 571].

О более широком понятии исполнения речь идёт у Р. Ингардена в контексте теории литературы [14]. Он вводит понятие «конкретизации» (из которого впоследствии выросла рецептивная эстетика), описывающее взаимодействие текста и читателя. «Невозможно с помощью конечного числа слов или предложений однозначным и исчерпывающим образом установить бесконечное многообразие свойств индивидуальных, изображённых в произведении предметов, какие-то свойства должны отсутствовать» [15, с. 50]. Процедура, в рамках которой доопределяются отсутствующие в описании свойства предметов, – это и есть конкретизация: «"конкретизацией" изображённых предметов я называю дополняющее определение» [Там же, с. 52]. Например, высказывание «он держал в руках кусок дерева» конкретизируется в зависимости от контекста на представлениях, варьирующихся от обрезка сосны в руках плотника до образа Буратино. Исполнение, подразумеваемое «конкретизацией», – это интерпретация, выходящая за пределы внутриязыковых перекодировок и связывающая в рамках семантического правила некоторое индивидуальное переживание или образ со словом или предложением в языке. Если в модели А. Тарского переменные принадлежат метаязыку и исполняются в объектном языке, то в модели Р. Ингардена каждое слово и каждое предложение объектного языка оказывается переменной, исполняемой в зависимости от контекста в субъективных представлениях чувственного восприятия и рефлексивного самопознания.

В классическом представлении о художественной деятельности, сформулированном В. Дильтеем, поэт – это человек особой силы переживания, способный облечь переживание в рассудочный язык [3]. Художественное выражение, осуществляемое в поэтическом творчестве, – это исполнение переживания в художественной форме того или иного языка искусства. Сложность художественного высказывания, исторически обусловленная эволюцией формы выражения, определяется тем, что для поэта оно исполняется на невыразимом иначе переживании, для читателя служит руководством, ключом, кодом или нитью Ариадны для воссоздания переживания поэта. И для поэта, и для читателя исполнение, как выражение и как понимание соответственно, – это осуществление семантического правила относительно действительного набора денотатов, где язык в проективном или рецептивном режиме обозначает

те или иные конфигурации рефлектирующего сознания. Содержание понятия исполнения в терминах теории литературы подразумевает интерпретацию языка как формы организации рассудка на фоне неязыковой структуры переживающего, действующего сознания.

В философии техники понятие исполнения обладает существенно большим объёмом, допуская сравнение форм исполнения потребностей человека в литературе и технике. Например, Ф. Дессауэр, демонстрируя антропологические следствия платонистского понимания техники, пишет: «...В сказках исполнения ложны, а желания, стремления к золоту, силе, благоденствию, роскоши и владычеству подлинны» [2, с. 222]. Сама техника есть исполнение, выходящее за пределы сугубо фантазии или рассудка, то есть такая интерпретация, которая создаёт новые формы в субстрате физической действительности. Техническое изобретение – это удовлетворение потребностей, исполнение желаний посредством создаваемых человеком артефактов; соответственно, исполняемые переменные принадлежат сфере желаний или потребностей, а областью исполнения является сфера мыслимого и возможного.

«Исполнение» – термин, фиксирующий 1) внутриязыковые перекодировки, 2) интерпретации форм языка на неязыковых элементах рефлектирующего сознания, 3) осуществление потребностей в доступной человеку действительности. Исполнение – это осуществление семантического правила, требующее в каждом конкретном случае учёта прагматического и синтаксического правил, включая вопрос о материальном субстрате семиозиса.

Проблемы и потребности. Сфера потребностей является частью потенциального, то есть ненаблюдаемого и логически неизвлекаемого космоса, доступ к которому открывается человеку в соответствии с его образованием, воспитанием, уровнем социализации и т. п. Техника исполняет потребности с точки зрения действительного мира, то есть с точки зрения законов физической реальности и логики; техническое исполнение потребности противопоставляется сказочному, фикциональному или литературному исполнению потребностей.

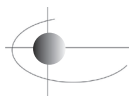
Фундаментальной проблемой философской рефлексии является определение понятия «потребности» или «желания». Техническое действие заключается в создании нового, того, что не существовало до акта его изобретения, некоторым образом испол-

няющего цель человека. Цель – это образ действительности, создаваемый человеком в акте самопознания и подразумевающий снятие ощущаемой им неполноты того или иного рода. Сфера потребностей, удовлетворяемых техникой и нетехническими формами деятельности, порождается целеполаганием и выражается в фиксируемой рефлексией неполноте действительного на фоне мыслимого и возможного.

Понятие «потребность» может быть определено через представление о неполноте или неопределённости в логике и теории познания. «Потребность» – это вербальное имя логической переменной, где само понятие переменной фиксирует «знание о незнании» в эпистемологическом смысле или «возможность» в онтологическом смысле. Зафиксировать некоторую потребность – значит сравнить или сопоставить в акте рефлексии две и более системы или состояния одной и той же системы в разные периоды времени, например, состояния сытости и голода. При наложении этих систем возникает фиксируемая бытовым словом «потребность» неполнота, требующая дополнительной – рефлексивной и технической – деятельности, трансформации наличной действительности.

Типы потребностей определяются структурой человеческого сознания и деятельности. Семиотика техники в нашем случае использует классическое трансценденталистское трёхкомпонентное представление о сознании, противопоставляющее чувственное восприятие, рассудок и разум. Таким образом, наличие неполноты и неопределённости констатируется относительно физической реальности (физические потребности), относительно рассудка (интеллектуальные потребности) и относительно разума (духовные потребности). Это базисные типы индивидуальных человеческих потребностей. Физические потребности – это необходимость в пище, сне, размножении и т. п. Интеллектуальная потребность – это необходимость познания и коммуникации. Духовная потребность – это требование удовлетворения эстетического и религиозного чувства. Наиболее ясно духовные потребности сформулировал П. К. Энгельмейер [7], определив их в виде стремлений к истине, красоте, благу и пользе.

К удовлетворению потребностей человек стремится, изобретая формы мысли, художественные средства, технические приёмы и артефакты. Исполнение, осуществление, реализация, воплощение – это термины, фиксирующие процесс технического изобретения

и включения его в структуры деятельности. Собственно техническое исполнение заключается в том, что форма проективной рефлексии, то есть способ решения проблемы или удовлетворения базовой потребности, подразумевает не только невербализуемые образы фантазии, не только предметы языка, но и искусственные артефакты, новые объекты, занятые исполнением задач в сферах чувственного восприятия, рассудка и разума.

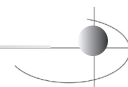
Можно представить себе условного архаического человека, перед которым в рефлексии возникают два образа: мифологический образ пирующего бога и сказочный образ скатерти-самобранки. Возможность собственно технического действия у него, как было продемонстрировано Э. Кассирером, появится после пересмотра оснований рефлексии [9]: на место синкретического магического понимания себя и мира должен будет прийти рациональный анализ оснований и условий возможности как самой потребности, так и форм её удовлетворения. Можно утверждать, что техника как форма рефлексии подразумевает свою специфическую онтологию, допускающую собственно техническое исполнение. С точки зрения онтологии техники утверждение о существовании – это утверждение о технической исполнимости, утверждение о сущности – это утверждение о знании законов природы, обеспечивающих техническое исполнение.

Результаты исследования и их осуждение. Четвёртое царство техники. В рамках трансцендентально-семиотической картины мира онтология – это набор правил, по которым нечто существует, будучи либо воспринимаемым, либо переменной корректно построенной функции, либо учитываемым фантазией или вымыслом. Каждый конкретный слой семиозиса, как бы его ни определяли разные авторы, от чувственного восприятия (или мира физических объектов) до рассудка (мира логических и грамматических форм, мира языка) и разума (мира рефлексии, свободы, нравственности), представляет собой в первую очередь набор объективно существующих синтаксических правил, которые некоторым образом применяются и формируют системы значений в этом применении [4]. Ф. Дессауэр в «Философии техники» отталкивается от троякого деления мира на три «царства» в смысле И. Канта, включающего «царство опытного познания», «царство воли и нравственного закона», «царство эстетического и целесообразного [des Zweckmaessigen]» [10, с. 50].

Он показывает, что необходимо подвергнуть анализу проективное взаимодействие этих царств, осуществляющееся в технике: «Тройного деления мира по Канту недостаточно. В четвёртом царстве мы вступаем в новый мир, заключающийся в технике» [Там же, с. 56]. Техника – это проективный семиозис в той его части, которая касается объективного осуществления рассудочных структур в субстрате чувственного восприятия.

Сформулированные Ф. Дессауэром тезисы о «четвёртом царстве» показывают, что это область между человеческими потребностями и порядком природы, в которой формируется собственно «изобретение» [2, с. 105–109]. Существенный вопрос заключается в том, какой тип правил подразумевается в «четвёртом царстве»: это набор правил образования и преобразования знаков (синтаксис), применения знаков человеком (прагматика) или отношения знаков к объектам (семантика)? Платон, формулируя реалистскую доктрину мира идей, открыл правила синтаксиса. Для плюралистической онтологии будет верным утверждение о том, что всякий слой семиозиса обладает своим собственным набором синтаксических правил, который может быть извлечён процедурой аксиоматизации. Однако любого рода интерпретация, как рецептивная, так и проективная, представляет собой отображение одного набора синтаксических правил на другом – это классический вопрос теории познания. В «четвёртом царстве» техники, как и в проективном семиозисе в целом, речь идёт об обнаружении новых соответствий между структурой вымысла, языка и физических законов, то есть о прагматических правилах «учитывания».

Тезис, формулируемый в данной статье, заключается в том, что объективные законы технического формообразования, сформулированные Ф. Дессауэром в виде самостоятельного «царства», подразумевают прагматическое правило употребления форм вымысла и форм языка для порождения новой семантики в сфере физической действительности. Техника как таковая, если следовать определению Ф. Дессауэра, является узкой областью проективного материального осуществления форм рассудка в субстрате физического мира, доступного чувственному восприятию. Эту область можно обозначить как область технического семиозиса, где синтаксические правила фиксируют способы преобразования рассудочных схем в объекты и процедуры физического мира, прагматические правила показывают применение опре-

делённого синтаксиса в рамках доступного конкретному субъекту запаса знаний, навыков и умений, семантические правила показывают воплощённые в физическом мире технические объекты как значения и технические среды – как системы значений. Развёртывание этой модели – задача семиотически определённой философии техники [5].

Недоопределённость референции.

Техническое действие берёт начало в фантазии, продолжается в мышлении и завершается построением объекта в чувственном восприятии. Каждая из этих трёх сред семиозиса обладает собственным набором синтаксических, прагматических и семантических правил. Объективность и иерархическая сложность этих правил – это открытие платонизма; приведение правил разных сред в состояние проективного взаимодействия, способного изменить среду; реальность – это открытие конструктивизма. Представление о техническом исполнении как о референции, то есть о последовательном отображении фантазии на рассудочных структурах, а рассудочных структур – на чувственном восприятии – это тезис, формулируемый в рамках семиотики.

Техническое исполнение как последовательное осуществление семантического правила в проективной интерпретации от фантастического образа к языковому выражению и далее к соответствующему законам физического мира артефакту может быть описано как трансформация и финалистское упорядочивание референции: логически корректные смыслы создают истинностные значения как новые объекты, соответствующие законам природы.

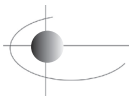
Вместе с тем техническое исполнение, понимаемое в качестве референции, оказывается подвержено всем проблемам, которые характеризуют семантическое правило. Наиболее значимая проблема, требующая внимания и анализа, заключается в принципиальной недоопределённости семантики.

Даже в тривиальных случаях внутриязыкового дуализма метаязыка и языка-объекта, формулируемых А. Тарским, нет возможности найти основания для исполнения «х бел» высказыванием «снег бел» вместо, например, «уголь бел»: конечным основанием служит принятая в рамках обучения и взросления индивида конвенция называть волну одной длины «белым», а другой длины – «чёрным». В случае технического исполнения эта проблема многократно усугубляется: удовлетворяемая конкретным техническим объектом потребность индивида сама по себе есть

продукт рефлексии, а её исполнение опирается на прагматические навыки, заданные и сформированные конкретной, исторически определённой парадигмой научного знания.

Иными словами, изобретение как квинтэссенция технического имеет дело с сочетанием исторически заданных горизонтов мыслимого и возможного на фоне немислимого и невозможного.

«Немыслимое» – это термин рефлексии, фиксирующий предельные границы самопознания человека. Мыслимыми являются те или иные абберрации чувственного восприятия (например, фантастические существа, объекты или способности в беллетристике); мыслимыми являются нарушения рассудочных структур (логики, грамматики, в целом те или иные соотношения рассудка и восприятия), однако нарушения структуры рефлексии (с позиции любого семиотического правила) являются немислимыми. Рефлексия, фиксируя некоторое наличное положение дел в восприятии (действительное) и способы его трансформации рассудком (возможное), сама по себе, то есть в смысле оппозиции действительного и возможного, природного и исторического, остаётся неизменной. Тезисы элейской школы о немислимости небытия, о боге как о «едином», развёрнутые Античностью в виде онтологической и логической системы, реалистская концепция бога Ансельма как того, «выше чего ничто не может быть помыслено», фигуры «добротого бога» Д. Беркли, «предустановленной гармонии» Г. Лейбница, «природы» и «материи» в новейшей истории показывают не только тот очевидный факт, что мыслимое нуждается в немислимом в качестве фона и условия возможности, но и то, что немислиемое фиксируется через порядок рефлексии: могут нарушаться причинно-следственные связи, ход времени и развёртывание пространства, неизменной остаётся лишь метафора онтологического или герменевтического круга, описывающего и структурирующего иерархию многого и единого. Именно эта метафора является основанием для утверждения о самоидентичности человеческого субъекта в истории, то есть для тех случаев, когда исследователь задаётся вопросом о том, каковы основания для трансляции исторического предания, что делает возможным понимание древних текстов. Немислим, следовательно, иной порядок рефлексии, нежели тот, что культивируется человеком от индуизма до современного трансгуманизма, немислиемое – это предел понимания.

Неизменность рефлексии, выраженная в метафоре круга, позволяет понять историческое развитие техники как разотождествление немислимости и невозможности. Рост самосознания человека заключается в обнаружении самостоятельности и независимости от структуры рефлексии как таковой, правил физического мира, логики и грамматики, фиксируемых восприятием и рассудком. Если античные, средневековые и новоевропейские мыслители вплоть до Х. Вольфа отождествляли мыслимое и реальное (соответственно, немислимое оказывалось нереальным, невозможным), так что структура рефлексии совпадала со структурой универсума (очевидно, последним мыслителем, всерьёз отождествлявшим логику и онтологию, был Гегель), то в философии с конца XVIII века, а в науке и технике – после Ф. Бэкона, Г. Галилея, Р. Декарта, И. Ньютона и других – мыслимое оказывается способом учёта реального (немислимое, соответственно, не совпадает с невозможным, структура рефлексии описывает человеческое «сознание», но не универсум как таковой). Если система категорий Аристотеля описывает набор предельных понятий, фиксирующих границы любого возможного мира, то система категорий И. Канта описывает уже только набор трансцендентальных форм рассудка в их границах, грамматические же категории языка, приходящие в «новой логике» Венского кружка на смену универсальным логическим формам, описывают лишь границы применения некоторого конкретного алфавита в рамках заданных синтаксических правил, не претендуя ни на фиксацию полной картины человеческого рассудка, ни тем более на фиксацию универсума; аналогичные процессы развития в языкознании и литературоведении XX века показывают зависимость как логического анализа, так и способов выражения рефлексии от форм языка (гипотеза Сепира – Уорфа).

Невозможное – это, в отличие от немислимого, предел деятельности. Несовпадение пределов понимания и пределов деятельности представимо в виде вполне конкретной эпистемологической схемы для любого рода вопроса: всякий вопрос или конкретная проблема возникают и решаются как 1) нечто мыслимое и одновременно возможное; 2) нечто мыслимое, но невозможное; 3) нечто немислимое, но возможное; 4) нечто немислимое и одновременно невозможное.

Процесс формулирования проблем показывает границу мыслимого и немислимого в виде перечня потребностей. Пионерские изобретения

сдвигают границы невозможного, расширяя горизонты мышления и технического действия, что в свою очередь приводит к формулированию новых проблем и новых потребностей. Недоопределённость семантики пионерского технического действия выражается в самом общем виде в том, что конкретные потребности удовлетворяются исторически меняющимися артефактами, а сам характер этого исторического развития обусловлен лишь настойчивыми попытками человека использовать технику для удовлетворения не только физических, но интеллектуальных и духовных потребностей. Удивительным здесь является то, что само историческое развитие техники оказывается подчинено вполне прозрачной логике превращения естественной среды в искусственную среду первого, второго и т. д. порядка [6].

Заключение. «Новое», возникающее благодаря техническому изобретению, может быть описано в виде осуществления семантического правила проективного семиозиса. Это правило исполняет ту или иную потребность человека, то есть снимает неопределённость и неполноту в физическом, интеллектуальном или духовном пространстве. Сама процедура технического исполнения становится возможной благодаря навыку интерпретации или отображения замещающих неполноту фантастических образов на синтаксисе естественного языка, математики и законах физического мира.

Техника, с точки зрения исполнения потребностей, – это особое прагматическое правило в том же смысле, в каком особым прагматическим правилом является эстетическое или религиозное переживание. Уже П. К. Энгельмейер подчёркивал, что техника – это источник материальной культуры, следовательно, любые обусловленные объективной культурой формы человеческой деятельности задаются и определяются прагматикой технического исполнения желаний [7].

Вместе с тем технические объекты изменяются, конкретные формы осуществления семантического правила имеют исторический характер, подвержены прогрессу и регрессу, что свидетельствует о неопределённости семантического правила, равно как и о том, что синтаксис самой технической деятельности выстраивается лишь относительно исторически обусловленной парадигмы научного знания.

В целом семиотический подход к технике, анализ техники в контексте трансцендентально-семиотической картины мира позволяет

довольно успешно обобщить определения техники, сформулированные в разнородных подходах, показать механизмы соотношения философской деятельности, как она практикуется в университетской среде, с насущными задачами инженерного поиска, с вопросами самосознания инженера как субъекта проективного технического семиозиса. В онтологическом плане возникает задача синтеза в выявлении оснований собственно технической деятельности, и она должна быть решена в целях обоснования прогнозов и проектов технического преобразования человека и социума. В эпистемоло-

логическом плане представление о техническом исполнении как референции ставит вопрос о конкретных формах взаимодействия «миров» как сред семиозиса в технической деятельности, о границах отображения одного мира на другом, о развитии как преодолении немыслимого и невозможного и т. п. В этическом плане открывается проблема корректной формулировки исполняемых в технической рефлексии потребностей, так что содержание технической деятельности оказывается ответом на фундаментальный вопрос философской антропологии «что есть человек?».

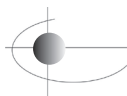
Список литературы

1. Аристотель. Метафизика // Сочинения в четырёх томах. Т. 1. М.: Мысль, 1976. 550 с.
2. Дессаур Ф. Спор о технике / пер. с нем. А. Ю. Нестерова. Самара: Изд-во Самар. гум. акад., 2017. 266 с.
3. Дильтей В. Воображение поэта. Элементы поэтики // Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 263–421.
4. Нестеров А. Ю. Существование и значение: проблема субстрата знаковой функции // Вестник Томского государственного университета. Сер. Философия, социология, политология. 2014. № 4. С. 56–63.
5. Нестеров А. Ю. Вопрос о сущности техники в рамках семиотического подхода // Вестник Самарского государственного аэрокосмического университета. 2015. Т. 14, № 1. С. 235–246.
6. Нестеров А. Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара: Изд-во Самар. гум. акад., 2017. 155 с.
7. Энгельмейер П. К. Философия техники. СПб.: Лань, 2013. 96 с.
8. Berkley G. A treatise concerning the principles of human knowledge. Oxford, 1998. 248 p.
9. Cassirer E. Form und Technik // Symbol, Technik, Sprache. Hamburg: Meiner, 1985. S. 39–91.
10. Dessauer F. Philosophie der Technik. Das Problem der Realisierung. Bonn, 1928.
11. Dessauer F. Streit um die Technik. Frankfurt am Main, 1958.
12. Dessauer F. Streit um die Technik. Freiburg in Breisgau, 1959.
13. Gloy K. Wahrheitstheorien. Tübingen, 2004.
14. Ingarden R. Das literarische Kunstwerk. Tübingen, 1960.
15. Ingarden R. Vom Erkennen des literarischen Kunstwerks. Tübingen, 1968.
16. Leibniz G. W. Monadologie und andere metaphysische Schriften. Hamburg, 2002.
17. Mittelstraß J. Enzyklopädie Philosophie und Wissenschaftstheorie. Stuttgart: Weimar, 2004. Bd.1.
18. Popper K. R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford, 1995.
19. Ropohl G. Allgemeine Technologie. Eine Systemtheorie der Technik. Karlsruhe, 2009.
20. Schleiermacher F. D. E. Die allgemeine Hermeneutik // Internationaler Schleiermacher-Kongress. Berlin; New York, 1985. Pp. 1271–1311.
21. Tarski A. Die semantische Konzeption der Wahrheit und die Grundlagen der Semantik // Wahrheitstheorien / G. Skirbekk. Frankfurt am Main, 1977. Pp.140–188.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018; принята к публикации 27.03.2018

Библиографическое описание статьи

Нестеров А. Ю. «Исполнение» в семиотике техники // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 111–118. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-111-118.

Alexandr Yu. Nesterov,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Samara National Research University
(34 Moskovskoye ave., Samara, 443086, Russia),
e-mail: phil@ssau.ru

Execution in the Semiotics of Technology

Semiotics of technology is a direction in the philosophy of technology, removing the opposition of the Platonist and constructivist approaches to understanding the invention. The article concretizes the concept of execution as applied to the act of artistic activity and to the technical invention. Three definitions of “execution” are proposed for the number of layers of semiosis considered. The layers of semiosis are taken within the framework of the tradition of transcendentalism and include the trichotomy of sensory perception, reason and mind. It is shown that a semantic rule is meant by “execution” in each case. The concept of need is analyzed in the form of a reflexively fixed incompleteness, which provokes the actual technical semiosis. The trichotomy of physical, intellectual and spiritual needs is taken into account. The concept of technology as the “fourth kingdom” of F. Dessauer is expounded. It is shown that the syntax of technical semiosis is historically conditioned, that is, random, which allows us to interpret the “fourth kingdom” in the form of a set of pragmatic (not syntactic and not semantic) rules. The technical object as an artifact satisfying a particular human need is characterized as the least defined against the background of logic and literary creativity, which leads to the formulation of the question of the ratio of the conceivable and possible on the background of unthinkable and impossible in the history and actual practice of technical activity.

Keywords: Philosophy of technology, the semiotic foundations of technology, the “fourth kingdom”, execution, technical implementation

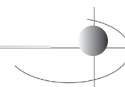
References

1. Aristotel. “Metaphysics”. Collected works. In 4 v. V. 1. M: Mysl', 1976. (In Rus.)
2. Dessauer F. Controversy over technology. Samara, 2017. (In Rus.)
3. Diltey V. Imagination of the poet. Elements of poetics. Collected works. In 6 v. V. 4. M.: Dom intellektual'noj knigi, 2001. pp. 263–421. (In Rus.)
4. Nesterov A.Yu. Existence and meaning: the problem of the substratum of a sign function. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya, sotsiologiya, politologiya, no 4 (28), pp. 56–63, 2014. (In Rus.)
5. Nesterov A. Yu. The essence of technical consciousness within the frame of the semiotic approach. Vestnik SGAU, Vol. 14, no. 1, pp. 235–246, 2015. (In Rus.)
6. Nesterov A. Yu. Semiotic foundations of technology and technical consciousness. Samara: Izd-vo samarskoy gumanitarnoy akademii, 2017. (In Rus.)
7. Engel'meyer P. K. Philosophy of technology. St. Petersburg, 2013. (In Rus.)
8. Berkley G. A treatise concerning the principles of human knowledge. Oxford, 1998. (In Engl.)
9. Cassirer E. Form and technology. // Symbol, Technik, Sprache. Hamburg: Meiner, 1985. pp. 39–91. (In Germ.)
10. Dessauer F. Philosophy of technology. The problem of realization. Bonn, 1928. (In Germ.)
11. Dessauer F. Controversy over technology. F. a. M., 1958. (In Germ.)
12. Dessauer F. Controversy over technology. Freiburg in Breisgau, 1959. (In Germ.)
13. Gloy K. Theories of truth. Tübingen, 2004. (In Germ.)
14. Ingarden R. The literary work of art. Tübingen, 1960. (In Germ.)
15. Ingarden R. From the recognition of the literary work of art. Tübingen, 1968. (In Germ.)
16. Leibniz G. W. Monadology and other metaphysical writings. Hamburg, 2002. (In Germ.)
17. Mittelstraß J. (Hrsg.) Encyclopaedia of Philosophy and Science Theory. Stuttgart. Weimar, 2004. Bd.1. (In Germ.)
18. Popper K. R. Objective Knowledge: An Evolutionary Approach. Oxford, 1995.
19. Ropohl G. General technology. A system theory of technology. Karlsruhe, 2009. (In Germ.)
20. Schleiermacher F. D. E. The general hermeneutics. In Internationaler Schleiermacher-Kongress Berlin 1984. Berlin, New York, 1985: pp. 1271–1311. (In Germ.)
21. Tarski A. The semantic conception of truth and the foundations of semantics. In Skirbekk G. (Hrsg.) Wahrheitstheorien. F. a. M., 1977: pp. 140–188. (In Germ.)

Received: March 2, 2018; accepted for publication March 27, 2018.

Reference to the article

Nesterov A. Yu. Execution in the Semiotics of Technology // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 111–118. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-111-118.

УДК 122

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-119-123

Дмитрий Валентинович Сергеев,*доктор философских наук, доцент,**Забайкальский государственный университет**(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),**dvsergeev@inbox.ru*

Проблема реконструкции смысла категории «лектон» в философии ранних стоиков

В статье анализируются проблемы реконструкции смысла категории «лектон» в доксографической литературе ранних стоиков. Доказывается, что значение данной категории определяется консенсусом среди авторов, вовлечённых в изучение этой античной школы. Делается вывод, что смысл категории выступает результатом договорённости философов об объёме его понятия. Важной процедурой верификации достоверности результатов реконструкции выступает непротиворечивость смысла категории основным, фундаментальным положениям философской системы, а также их соотносённость в целом с системой категорий. Среди основных проблем, осложняющих процедуру реконструкции, отмечаются отсутствие достоверных первоисточников ранних стоиков, изменение стоической философии на протяжении многих веков, переосмысление основных положений сторонниками и оппонентами. Это обусловило постоянное изменение понимания, что есть лектон: внутренняя речь, идея, мысль, звук. Выдвижение логики стоиков в качестве ядра их учения позволило исследователям найти параллели между категорией «лектон» и современной терминологией аналитической философии, логики и философии языка. Использование современными философами античной категории «лектон» также объясняется их желанием упрочить научную позицию, поскольку процедура научного познания и научные традиции легитимируют поиск схожих терминов для обоснования собственной научной позиции.

Ключевые слова: лектон, ранние стоики, семантическая реконструкция, смысл, доксографическая литература

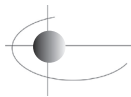
Введение. Философия, в особенности классическая западноевропейская традиция, обладает методологическими возможностями предельного обобщения научного знания и концептуального теоретизирования. Философские поиски приводят к формированию систем категорий, отражающих представление о мире и отношении человека к нему на определённом этапе общественного развития. Категория, как и понятие, не является точной семантической копией познаваемого объекта. Категоризация смысла находится в прямой зависимости от философской принадлежности мыслителя. Кроме собственно философских и теоретических принципов обобщения её содержание находится под влиянием определённых культурных традиций, что опять же влияет на способы и, следовательно, результаты концептуализации.

Указать на самые первые опыты обобщения смысла довольно сложно. В частности, трудность доказательства утверждения, что с момента появления философии смысл эксплицитно и имплицитно становится средством размышлений и категоризации явлений, обусловлена различием и неоднозначностью философского понятийного аппарата. Одно явление называется по-разному в философских системах, которые также различ-

но интерпретируют одну и ту же категорию, наполняя её иногда противоположными значениями. Философам приходится приводить убедительные и весомые доказательства того, что, скажем, в античной философии содержание понятия «смысл» идентично содержанию понятия «лектон» у стоиков или «эйдос» у Платона [8].

Кроме того, философское наследие многократно подвергалось анализу и переосмыслению. Нельзя быть уверенным, что изложение философской системы конкретного периода является до конца объективным и точно воспроизводит изначальную мысль философа, так как историк философии сам принадлежит к определённой школе и направлению. Это оправдывает периодическое возвращение к философскому наследию и его переосмыслению в новых исторических условиях. По этой причине очевидна эвристическая ценность обобщения обобщений, что собственно соответствует назначению и возможностям философии.

Процедура реконструкции смысла категории «лектон». Продемонстрируем данный способ на основе реконструкции значения понятия «лектон» у ранних стоиков. Предлагаемые выводы построены на основе анализа доксографических фрагментов

фон Арнима в переводе А. А. Столярова (см. ссылки к соответствующим цитатам и фрагментам). Одновременно, исследуя принципы формирования значения категории «лектон» на материале доксографии стоиков, мы пытаемся выявить универсальные закономерности формирования смысла как такового.

Особенностью философских текстов ранних стоиков является их реконструкция на основе разрозненных и утративших единство частей, либо свидетельств современников, которые могут быть как последователями учения, так и его критиками. А. А. Столяров указывает на характер реконструкции философского учения стоиков: «Реконструкция же склонна “выносить за скобки” различия между отдельными стоиками: для более или менее связного изложения приходится сразу же “выстраивать” школьное учение как нечто целое и законченное, а вклад различных его представителей оговаривать там, где возможно» [6, с. XIV]. Эта особенность присуща любым научным реконструкциям и обнаруживается как у теории в целом, так и у отдельных категорий в частности. Компиляция отдельных фрагментов, зачастую взятых у разных авторов, выстраивается на основе систематизации понятия «смысл» и его обобщения до уровня философской категории. Поскольку доксография часто является единственным источником сведений о древнейших философских системах, то реконструируемые понятия и категории изначально отличаются высоким уровнем обобщения и анонимностью. Кроме того, А. А. Столяров, комментируя раздел «Четыре категории», объясняет особенность использования отдельных категорий «составом источников»: поздние комментаторы и мыслители «навязывали» стоикам свою собственную терминологию» [10, с. 198].

Понимание лектона как чистого смысла базируется в основном на материале, приводимом в сборнике Арнима в разделе «Логика» во фрагментах 166–171, где собраны свидетельства Секста Эмпирика (160–210 гг.); Амония Гермия (между 435/445 – между 517/526 гг.); Плутарха (ок. 45–127 гг.); а также анонимные схолии к «Элиаде» [Там же, с. 82–84]. Во фрагментах 181–192 развиваются идеи о классификации лектонов и их типах на основе свидетельств – кроме уже указанных философов – Диогена Лаэртия (предположительно конец II – начало III в.); Филона Александрийского (ок. 25 г. до н. э. – ок. 50 г. н. э.); Симпликия (ок. 490–560 гг.); Александра Афродисийского (конец II – начало III в.); а также схолии к «Теогонии» Гесиода [Там же,

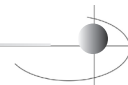
с. 96–103]. Кроме того, рассуждения Амония Гермия о лектоне стоиков встречаются во фрагменте 236 [Там же, с. 134]. Таким образом, содержание категории стоиков воссоздается на философском материале, охватывающем чуть более пятисот лет. Среди мыслителей мы обнаруживаем как тех, кто разделяет учение стоиков, так и тех, кто пытается им оппонировать.

При реконструкции содержания данной категории важно учесть, что философия стоиков, как и любое другое учение, находилась в процессе постоянного развития. При этом отдельные её части изменялись неодинаково. Достаточно сильные изменения, сопоставимые с эволюцией платонизма, претерпела школьная философия Стои, в отличие от моралистики [7, с. 7].

Считается, что лектон стоиков семантически соотносится с внутренней речью, которая рассматривается как совокупность смыслов и свойственна разумным существам [10, с. 74]. По утверждению Секста Эмпирика (фрагмент 187), лектон существует сам по себе, до существования чего-либо истинного или ложного, что сближает лектон с платоновской идеей [Там же, с. 102]. Это согласуется с анализом современных исследователей. В комментариях к фрагменту 65 А. А. Столяров указывает, что «стоики... всё же не могли полностью освободиться от платонических и особенно перипатетических парадигм» [9, с. 38].

В то же время последующая рецепция этого термина указывает на его неоднозначное понимание и, как следствие, семантическую трансформацию: Аммоний трактует лектон как нечто среднее между мыслью и вещью, Симпликий – как мысль, Иоанн Филон – как звук [10, с. 74].

В подобных условиях, когда понятие «лектон» оказывается собранным из множества разновременных и относительно разнотипных фрагментов, напрашивается вопрос: возможно ли вообще сформулировать определение лектона аутентичное воззрениям стоиков? Безусловно, существуют процедуры верификации реконструируемых понятий. Прежде всего, они должны отвечать положениям изучаемой философской системы, не противоречить её фундаментальным утверждениям (во всяком случае тем, которые позволяют идентифицировать и отличать её от других) и органично вписываться в её категориальный аппарат. Это означает, что категория «лектон» не должна вступать в противоречие с основными философскими

воззрениями стоиков, её отдельными частями или конкретными категориями. На основе приведённых рассуждений можно сделать вывод, что значение категории – результат договорённости философов об объёме понятия, соответствующем их представлениям о конкретной философской системе. Не удивительно, что наиболее удачные определения лектона (и его соотносённость с понятием «смысл») можно найти не в тексте стоиков или доксографических фрагментах, а в комментариях (см., например, определения А. А. Столярова [9, с. 73, 74, 104, 105, 198, 199]). Не удивительно также, что историкам философии приходится очень осторожно подходить к изложению философского учения, заранее оговаривая принципы, на которых оно или его части воспроизводятся [7, с. 9–10].

Одновременно возможно объяснить востребованность отдельных категорий современными философами. Поскольку понимание лектона опирается не на тексты стоиков, а на реконструкцию из разрозненных пересказов более поздних философов, то эта категория отличается большей свободой в коннотациях, чем строго зафиксированное понятие.

Лектон является важнейшим понятием диалектики стоиков, которая представляет собой раздел философии о правильном суждении. Он является одновременно средством логического, онтологического и диалектического теоретизирования. К тому же основным систематизатором философии стоиков считается Хрисипп, который фактически сделал центром философствования логику, а не знаменитую стоическую этику [4, с. 275]. По этой причине понятие «лектон» было актуализировано в современных логико-лингвистических построениях. Речь идёт как о уже классических в философии работах А. Ф. Лосева [1] и теории языка Ю. С. Степанова [5], так и более современных исследованиях [3; 8; 11–15].

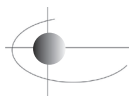
Работа Ю. С. Степанова появилась раньше, чем системное изложение философии стоиков в переводе А. А. Столярова, что, возможно, оправдывает отсутствие ссылок на доксографическую и комментаторскую литературу. Учёный опирается на определение лектона, сформулированное А. Ф. Лосевым [1, с. 174, 180]. Используя пробелы в философии стоиков, лингвист осмысливает отношения между четырьмя категориями стоиков (субстрат/подлежащие, качество, состояние, отношение в интерпретации самого Ю. С. Степанова) не семантически, а синтаксически [5,

с. 143]. Философию стоиков, обозначенную им как «философия предиката», исследователь размещает в разделе, посвящённом синтаксической парадигме языка. Развивая эту идею и опираясь на высказанные ранее замечания А. Ф. Лосева, учёный считает, что лектон лучше трактовать как «смысл речи» и «прообраз современного понятия интенционала»: «Подобно интенционалу предложения в современном понимании, лектон стоит над истиной и ложью – является более общим, чем истина или ложь, тем, что стоики называли “безразличным”» [Там же, с. 145]. Одновременно он проводит параллель между лектоном и понятием «знание – джнанани» в древнеиндийской логике школы навья-ньяя.

Сопряжение термина «интенционал», введённого в научный оборот К. И. Льюисом, и понятия «лектон» весьма условное, поскольку Льюис не отсылает к логической традиции стоиков. В тексте упоминаемой Ю. С. Степановым статьи есть отсылка к лейбницевской и кантовской традициям, которые являются основной для логических и этических построений американского философа.

По сути, сближение понятий «лектон» и «интенционал» реализовано на основе сходства ряда допущений в философии стоиков и логике К. И. Льюиса. В частности, американский логик считал, что «значения слова не являются первичными: они появляются ещё до их представления в языковом выражении» [2, с. 227]. Данный тезис совпадает с доксографическими утверждениями о понимании лектона стоиками. Но это ни в коей мере не означает, что совпадающие значения понятий двух разных теорий основываются на тождественных допущениях и постулатах. Это сближение основывается на смысловых пересечениях двух понятий, которые в силу определённых обстоятельств совпали. Важно также несовпадение понимания природы самого смысла у стоиков и К. И. Льюиса. Для стоиков смысл проистекает из самой реальности, американский логик указывает на его конвенциональную природу. Но более важны исторические и научно-парадигматические условия возникновения теорий и их познавательное назначение.

С этими выводами явно не согласятся логики. Так, А. В. Нехаев утверждает, что логико-семиотическое учение стоиков о знаке является философским фундаментом для становления аналитической философии и философии языка в XX веке [3]. Он уверен, что положения логицизма XX века являются приемником стоических изысканий в этой

сфере, поскольку у них выявлена схожесть процедур логических обоснований.

Попытка сопряжения стоической терминологии с категориями современной философии, особенно логики, не является единственным случаем. А. А. Столяров указывает на опыт Бенсона Мейтса, который, выполнив реконструкцию положений стоической логики, обнаружил сходство с лингвистическими теориями Фреге и Карнапа [7, с. 24].

Выводы. В целом можно прийти к заключению, что значение не только современных терминов определяется достижением консенсуса авторов, вовлечённых в дискуссию по конкретной проблематике, но терминов, реконструируемых в рамках древних философий. Доказательством тому может служить периодическое возвращение исследователей к переосмыслению значения той или иной категории. Значение категории, в нашем случае это категория «лектон» в философии стоиков, выступает в значительной мере результатом договорённости философов об объёме понятия. Важной процедурой верификации достоверности результатов реконструкции выступает непротиворечивость смысла кате-

гории или понятия основным, фундаментальным положениям философской системы, а также их соотносённость в целом с системой категорий.

Отсутствие достоверных первоисточников ранних стоиков, изменение стоической философии на протяжении многих веков, переосмысление основных положений сторонниками и оппонентами обусловили разнообразие трактовок данного понятия: внутренняя речь, идея, мысль, звук. Выдвижение логики стоиков в качестве ядра их учения позволило исследователям найти параллели между категорией «лектон» и современной логической терминологией (интенционал).

Обращение к наследию древних и авторитетных философов также объясняется желанием мыслителей упрочить собственную научную позицию. Процедура научного познания и научные традиции легитимируют поиск схожих терминов для упрочнения авторской научной позиции среди коллег. Особенно это эффективный способ в исследовании сущностей, не имеющих материальное воплощение.

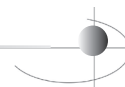
Список литературы

1. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 480 с.
2. Льюис К. И. Модусы значения // Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. М.: Акад. Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. С. 227–241.
3. Нехаев А. В. Логико-семиотические аспекты учения стоиков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер. Философия. Социология. Право. 2011. № 14. С. 180–187.
4. Рассел Б. М. История западной философии: в 2 кн. Кн. 1. М.: Миф, 1993. 512 с.
5. Степанов Ю. С. В трёхмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 336 с.
6. Столяров А. А. Предисловие. Раннестойческий корпус текстов: принципы формирования и основные издания // Фрагменты ранних стоиков. Т. 1. Зенон и его ученики / пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. С. IX–XXI.
7. Столяров А. А. Стоя и стоицизм. М.: Ками Групп, 1995. 448 с.
8. Суровцев В. А. О соотношении категорий *to lekton* в философии стоиков и *sinn* в семантической теории г. Фреге: вопрос об их онтологическом статусе // *Scholia*. Философское антиковедение и классическая традиция. 2016. № 2. С. 452–470.
9. Фрагменты ранних стоиков. Т. 1. Зенон и его ученики / пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1998. 234 с.
10. Фрагменты ранних стоиков. Т. 2. Хрисипп из Сол. Ч. 1. Логические и физические фрагменты / пер. и коммент. А. А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1999. 280 с.
11. Bakalis N. Handbook of Greek Philosophy: From Thales to the Stoics. Analysis and Fragments. Victoria: Trafford Publishing, 2005. 260 p.
12. Becker C. L. A New Stoicism. Princeton: Princeton University Press, 2017. 272 p.
13. Brennan N. The Stoic Life: Emotions, Duties, and Fate. Oxford: Oxford University Press, 2005. 352 p.
14. Lachs J. Stoic Pragmatism. Bloomington: Indiana University Press, 2012. 204 p.
15. Robertson D. The Philosophy of Cognitive-Behavioral Therapy: Stoicism as Rational and Cognitive Psychotherapy. London: Karnac, 2010. 288 p.

Статья поступила в редакцию 25.01.2018; принята к публикации 10.03.2018

Библиографическое описание статьи

Сергеев Д. В. Проблема реконструкции смысла категории «лектон» в философии ранних стоиков // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 119–123. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-119-123.

Dmitry V. Sergeev,
Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: dvsergeev@inbox.ru

Problem of Semantic Reconstruction of “Lekton” Category in the Early Stoics’ Philosophy

The article deals with the problem of semantic reconstruction of the notion “lekton” in early stoics’ doxographical works. The author argues that the meaning of this notion is determined by the consensus among authors involved in the study of that Ancient Greek School. The argument is advanced that the meaning of the notion is a result of philosophers’ agreement on its denotation. The important procedure of gained results verification is semantic non-contradiction of the notion to principal and fundamental statements within the philosophical system as well as the correlation with the whole system of other notions. Among the foremost challenges aggravating the reconstruction procedure there are the lack of authentic early stoics’ works, transformations of stoic philosophy during many centuries, rethinking of main statements by both followers and antagonists. These factors determined the semantic changes of the notion “lekton”: inner speech, idea, thought, sound. The stoics’ logic advancement as a core of their philosophy urges researchers to find out similarities between the “lekton” notion and contemporary terms in analytical philosophy, logic and philosophy of the language. The use of the antique notion “lekton” by contemporary philosopher can be also explained by their desire to buttress scientific position because procedure and tradition of scientific knowledge legitimize search for the similar notion in order to prove own theoretical view.

Keywords: lekton, early stoics, semantic reconstruction, meaning, doxographical literature

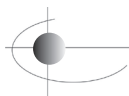
References

1. Losev, A. F. Sign. Symbol. Myth. M: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. (In Rus.)
2. L'yuis, K. I. The modes of meaning. Semiotika: Antologiya. Sost., Stepanov, Yu. S. M: Akademicheskij proekt; Ekaterinburg: Delovaya kniga, 2001: 227–241. (In Rus.)
3. Nekhaev, A. V. Logic-semiotics aspects of stoic’s doctrine. Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Pravo, no. 14 (109), pp. 180–187, 2011. (In Rus.)
4. Rassel, B. M. A History of Western Philosophy. In 2 books. Book 1. M: Mif, 1993. (In Rus.)
5. Stepanov, Yu. S. In the Three Dimensions of the Language (the Semiotic Researchers of Linguistics, Philosophy, Art). M: Nauka, 1985. (In Rus.)
6. Stolyarov, A. A. Background. Corpus of Early Stoics’ Texts: Formation Principles and Main Editions. Early Stoics’ Fragments. Vol. 1. Zeno and his Followers. M: Greko-latinskij kabinet Yu. A. Shichalina, 1998: IX – XXI. (In Rus.)
7. Stolyarov, A. A. The Stoa and Stoicism. M: AO Kami Grup, 1995. (In Rus.)
8. Surovtsev, V. A. *To lekton* in Stoic Philosophy and *Sinn* in G. Frege’s Semantic Theory: the question of their relationship: the question of their ontological status. Schole. Ancient Philosophy and the Classical Tradition, no. 2 (10), pp. 452 – 470, 2016. (In Rus.)
9. Early Stoics’ Fragments. Vol. 1. Zeno and his Followers / Translated and commented by A. A. Stolyarova. M: Greko-latinskij kabinet Yu. A. Shichalina, 1998. (In Rus.)
10. Early Stoics’ Fragments. Tom II. Chrysippus of Soli. Part 1. Logical and Physical Fragments. Translated and commented by A. A. Stolyarova. M: Greko-latinskij kabinet Yu. A. Shichalina, 1999. (In Rus.)
11. Bakalis, N. Handbook of Greek Philosophy: From Thales to the Stoics. Analysis and Fragments. Victoria: Trafford Publishing, 2005. (In Eng.)
12. Becker, C. L. A New Stoicism. Princeton: Princeton University Press, 2017. (In Eng.)
13. Brennan, N. The Stoic Life: Emotions, Duties, and Fate. Oxford: Oxford University Press, 2005. (In Eng.)
14. Lachs, J. Stoic Pragmatism. Bloomington: Indiana University Press, 2012. (In Eng.)
15. Robertson, D. The Philosophy of Cognitive-Behavioral Therapy: Stoicism as Rational and Cognitive Psychotherapy. London: Karnac, 2010. (In Eng.)

Received: January 25, 2018; accepted for publication March 10, 2018

Reference to the article

Sergeev D. V. Problem of Semantic Reconstruction of “Lekton” Category in the Early Stoics’ Philosophy // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 119–123. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-119-123.

УДК 130.2

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-124-131

Юрий Павлович Симонов,
кандидат исторических наук,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России
(119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76),
e-mail: kfmgimo@gmail.com

Антропологическое измерение концептуализации языков познания в современной культуре

Актуальность темы определяется необходимостью систематизации «языков познания» современной культуры. К числу таких языков относятся наука, искусство, религия и философия – «экраны» сознания, обращённого к пониманию и/или интерпретации человеком мира и самого себя. При этом логическое и эмоциональное содержание сознания оказывается в сложном динамическом взаимодействии в рамках познавательной деятельности. В работе используются *методы* герменевтики и категориального анализа. Антропологический подход способствует концентрации внимания на проблеме «демонстрация аналогии» в познании. Аксиологический подход стимулирует дополнительное внимание к теме специфики познания в зависимости от «культурных констант» – исторически сложившихся интерпретаций символического содержания культуры. Новизна данного исследования составляет вывод о философии как «принципиально незавершённом проекте», направленном на поиск личного синтеза познания на новом уровне, позволяющем сложить мозаику понятия (средство и результат научного познания), парадокса (средство и результат познания в искусстве) и парагона, «подражания» (средство и результат религиозного познания). Каждый из «языков познания» имеет самостоятельную ценность. Оставаясь в рамках деятельности сознания, «языки познания» не могут быть редуцированы к психосоциальным проекциям или быть сведены к простому подражательному усвоению способов деятельности. В целом уяснение возможностей и границ антропологического измерения существующих в современной культуре версий познания как самопознания может пролить свет на решение насущной задачи – комплексного изучения культуры сквозь призму философской рефлексии.

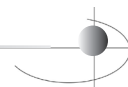
Ключевые слова: философия, культура, языки познания, религия и искусство, понятие, парадокс, парагон

Актуальность темы данного исследования определяется важностью изучения существенных характеристик культуры для уточнения закономерностей динамики её развития. Познание – одна из составляющих культурной деятельности. Именно поэтому его изучение в контексте рефлексии современной культуры о самой себе представляется значимым с точки зрения философии, задающей вопрос о «смысловой аксиоматике» социокультурной действительности [21].

Различие основополагающих путей познания, утвердившихся в современной культуре, является, с одной стороны, следствием исторического развития познавательной деятельности. С другой – антропологически специфика познания связана с фундаментальным отличием человеческого способа быть, который заставляет «развернуть» «базовое любопытство» (свойственное как минимум всем приматам) на самого себя. Созданная в результате этой сверхпрагматичной деятельности «Вавилонская башня» культуры может быть рассмотрена, например, как

способ человечества «устроиться» в мире, закрепив «техническую» возможность самовоспроизводства. Культура предстаёт прежде всего как символическая деятельность [24] и «способ смыслополагания» [18, с. 5–7] – то есть выступает подчёркнуто *необязательной* по отношению к витальному уровню существования. С другой – подобная «над-витальность» свидетельствует о качественно ином уровне, свойственном социокультурной деятельности с точки зрения её символического содержания.

Исследование самостоятельного значения символического содержания культуры с точки зрения уточнения специфики «языков познания» (науки, искусства, религии и философии) и их роли в раскрытии культурных универсалий [2, с. 25; 4, с. 146–148] требует поиска релевантной методологии, позволяющей рассмотреть и описать социокультурную реальность с точки зрения её смыслового и ценностного содержания, при этом не искажая и не навязывая это содержание [8]. Методологический круг, заключённый в данном

требовании, предполагает как минимум корректное описание существующих парадоксов, а также определение возможностей и границ коммуникации, относящейся по преимуществу к тем или иным «языкам познания».

Методология предпринятого исследования опирается на принципы *объективности* и *динамизма*, позволяющие реализовать *комплексный подход* к изучаемому предмету – специфике путей познания с точки зрения их принадлежности к символическому содержанию культуры.

Антропологический подход способствует более детальному изучению специфики знания в контексте познания человеком самого себя в качестве активного элемента в системе всеобщих взаимосвязей.

Аксиологический подход концентрирует исследовательское внимание на ценностных проекциях культурных констант, раскрывая антропологическое измерение познания в социальной практике, а также на уровне групповых и межличностных отношений.

Применение *герменевтического метода* и *метода категориального анализа* позволило систематизировать данные отдельных наук, предлагающих результаты работы своих «научных экранов», и создать целостную модель взаимодействия науки, искусства, религии и философии как различных видов познавательной деятельности в контексте современного культурного процесса.

Результаты исследования и их обсуждение. Исторические типы обществ в противоположность внеисторическим (архаическим) наглядно демонстрируют тенденцию к диверсификации путей познания, приходящую на смену исходному синкретизму. Вместе с тем имеет место требование синтеза познания нового типа, учитывающего разнородность «языков познания» науки, искусства и религии.

Важность их «разведения» оказывается исходным пунктом, с которого начинается строгость и самостоятельная ценность каждого из путей. Однако поиск целостности знания, сформулированный на заре исторического типа культуры с рождением философии, предполагает специфическое интеллектуально-духовное усилие, ставшее основой формирования того, что позднее получило название «личность», и явно не сводится лишь к интериоризации индивидом способов социально детерминированной деятельности.

Принципиальная открытость и незавершённость философии опираются на открытость и незавершённость личного синтеза

как поиска ракурсов, создающих взаимное дополнение истины, правды и преодоления экзистенциальной конечности, свойственных языкам познания науки, искусства и религии. При этом роль «разведения» этих путей познания в современной культуре остаётся по-прежнему существенной.

Как известно, в процессе формирования современного типа европейской культуры произошло разложение исходного синкретизма доисторического (архаического) периода, что способствовало возникновению прототипов искусства, науки и религии в современном смысле этих понятий (а это значит, в рамках синкретизма говорить о «единстве» данных феноменов невозможно) [22]. Вследствие чего сформировался новый, не синкретический, но изначально целостный путь познания – философия, создавшая уникальный образ мышления и соответствовавший ему образ культуры [1]. Философия диалектически вбирала в себя три разновидности познания – научное, художественное и религиозное.

Итак, есть познание **научное**, есть познание **художественное**, есть познание **религиозное**. Стоит подчеркнуть, что в последнем случае речь идёт не о религии в целом; религия имеется в виду исключительно в когнитивном плане. То же самое – наука и искусство. Разумеется, религия, наука и искусство – это многоэтажные здания, объединяющие соответствующие практики, имеющие соответствующие институты и т. д. Но и с когнитивной точки зрения эти феномены различны: они имеют разные цели, разный язык и как виды познавательной деятельности дают разные результаты. Вместе с тем, в определённом смысле дополняют друг друга, развёртывая «культуру как способ смыслополагания» в объёмное логическое и эмоциональное содержание, выводящее человека за границы его обыденного мышления [9; 18].

Начнём с очевидного. Наука, если рассматривать её с антрополого-аксиологической точки зрения, экстравертна, то есть, направлена от человека на внешнюю среду. Даже когда она исследует человека, ей намного удобнее «вынести» его во внешнюю среду, потому что во внешней среде можно лучше исследовать, взвешивать, измерять, чем внутри себя.

Искусство, наоборот, интровертно, то есть направлено на исследование человеком самого себя изнутри своего существования. Познание в искусстве по преимуществу интересуется тем, чтобы как можно глубже про-

никнуть в суть человеческого и понять, что он есть такое.

Религия – третий путь познания. Здесь, казалось бы, возникает логическая ловушка: ведь есть внешняя среда, есть внутренняя среда, а какая ещё может быть отдельная среда для религии? Ответ на этот вопрос заставляет ввести такое понятие, как *хроноверсия*. Всякая религия хроноверсивна, то есть нацелена на преодоление времени.

Каковы цели каждого из перечисленных путей познания?

Наука ищет истину – искусство ищет правду, здесь истина не может не быть эмоционально проработанной [5; 16; 17]. Причём, если следовать рассуждению Л. Н. Толстого, истина и правда – почти одно и то же. Но правда – это истина «не холодная», а истина эмоциональная. Если в искусстве нет эмоции, то это не искусство. Там «холодная» истина никому не нужна. Эмоции же могут быть какие угодно: может быть и любовь, может быть и ненависть, и целая гамма других чувств.

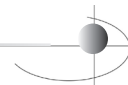
Религия, в свою очередь, ищет тайну. Для сравнения приведём такой пример. Если обратиться к воспоминаниям известнейших учёных, почти у всех у них можно обнаружить с той или иной детализацией ощущение, что по мере приближения к истине эта истина сама к тебе приближалась и становилась понятнее, проще. Иногда даже учёный бил себя рукой в грудь или в лоб, говоря: «Господи, как же это я раньше не понял, это же так просто, так очевидно». Религиозная истина – это тайна. Если мы будем читать и христианских богословов, причём не важно, западных или восточных, и суфийских поэтов, которые принадлежат к исламу, и буддистских, то мы увидим одно и то же описание: по мере того, как я приближаюсь к той или иной религиозной истине, она становится всё более таинственной, она всё больше от меня отодвигается, становится шире, необъятнее, восхитительнее [12]. Антропологическое измерение религиозного познания, таким образом, – это несубстанциальная процессуальность, свойственное человеку трансцендирование, реализуемое в типе «исторической культуры» – то есть культуры, противостоящей «мифолого-синкретическому» архаико-традиционному типу доисторической культуры.

У трёх путей познания разные языки. Наука говорит языком формальной логики. Язык искусства раскрывает потенциал логоса с помощью поэтики, своеобразно работающей с логикой чувств и мыслей [3; 10]. Религия говорит на языке тайны, мистики, апофатики;

стремится к «постижению Слова в молчании». Таинственное (и вместе с тем строгое) продвижение человека как целостного существа по пути религиозного познания вообще с трудом может быть вербализовано, здесь речь идёт о диалектике антиномий [14; 15]. Примером может служить митрополит Питирим, который жил в Ленинграде в самом начале Перестройки. У него был учитель, который жил в другом конце Ленинграда, и он два часа шёл к нему пешком, потому что ему обязательно хотелось прийти к учителю именно пешком, а не ехать на общественном транспорте. Он приходил к нему, они вместе молились. Потом они сидели друг напротив друга и молчали. Питирим получал это молчаливое наставление, а после этого опять пешком, потому что он должен был всё это осмыслить, шёл два часа с одного конца Ленинграда на другой.

Следующее отличие: наука объективна. Если знание не объективно, то это не очень хорошая наука. Искусство всегда субъективно. Потому что если оно не субъективно, то становится совершенно не интересным. Когда замечательная учительница литературы говорит девятикласснику: «Пиши в тетрадку: “Образом Чичикова Гоголь хотел показать...”», невольно возникает вопрос – а откуда она знает, что Гоголь хотел показать образом Чичикова, разве он ей об этом рассказывал? Но даже если бы он ей рассказал, что он имел в виду под образом Чичикова следующее: верить ему ни в коем случае было бы нельзя, потому что так устроены эти писатели: они хотят показать одно, а показывают совсем другое. Достоевский, чтобы написать роман о положительно прекрасном человеке, прочёл образцы, как он считал, лучшего положительно прекрасного в литературе: он прочёл «Дон Кихота» М. Сервантеса и «Пиквикский клуб» А. Диккенса. И в результате написал свой роман о положительно прекрасном человеке, который двух женщин любил: одну зарезал Рогожин, другая приняла католичество. А в системе координат Достоевского это духовная смерть. И ещё к тому же вышла замуж за поляка, а это смерть телесная, потому что Достоевский очень не любил и эту нацию.

Пушкин сказал: «Вы представляете, что выкинула моя Татьяна? Она вышла замуж за генерала». Ту же самую фразу повторяет потом Толстой: «Вы представляете, что выкинула моя Наташа? Она вышла замуж за Пьера Безухова». То есть художник хочет одно, а получается другое. Поэтому их спрашивать об этом не надо. И вообще не надо, потому что

в принципе и Наташа Ростова, и Чичиков – это персонажи, которых вы должны пустить в себя. Это и есть поэтика, это и есть взаимодействие [19]. У каждого человека своя Наташа Ростова, свой Андрей Болконский. Причём в 9-м классе – один, а в студенческие годы может возникнуть уже совсем другой Андрей. И в зависимости от настроения они могут быть разными. Наташа может быть почти божеством, а может быть существом, о котором только нецензурно можно выражаться, особенно вспоминая, как она предала Болконского и бежала с Курагиным.

С религией ситуация ещё сложнее. Потому что чем глубже мы уходим в религиозное познание, тем сложнее становится со словами. В этом плане наиболее показательны дзен-буддисты: они стремятся отучить своего ученика от вербализации окружающего мира, нельзя словами рассказать, кто такой Будда. Как ни называй, всё это будет пустое. Нужно озарение, а это озарение невербальное, происходящее на мистическом языке, которое и описать невозможно. И Фрейд это не удастся, не выведешь это из *Vorbewusste* (предсознание) и *Bewusstsein* (сознание), потому что это *unbewusst* (бессознательно) и невыводимо.

В то же время религия личностна, это попытка объединить объективное и субъективное. Нет ничего более объективного, чем Господь для христианина. Но верующий очень хочет, чтобы он был ещё и субъективным, чтобы он его помиловал.

Для науки основной элемент – это понятие. В искусстве – это образ, а точнее – метафора. В переводе с древнегреческого это обозначает «перенос», «переносу». Глядя на сцену, вы должны ощущать, что вы хоть чуть-чуть Гамлет, который сейчас мечется и страдает на сцене. Поэтика, таким образом, работает через метафору, раскрывающую себе в коммуникации – то есть реальном процессе осмысленного человеческого взаимодействия [8, с. 12–15]. Потому что если нет этого общения, то нет исследования тебя, нет искусства, нет поэтики. Можно, конечно, смотреть на сцену и с чисто научным интересом: какой ещё эксперимент допустит на сцену своего замечательного театра Олег Павлович Табаков? Но это, разумеется, познание другого рода.

Религия – это чудесная, авторитетная, таинственная связь живого и неживого, прошлого, настоящего и будущего, человека и божественного, сакрального. В религии основной элемент языка – это символ. Между людьми очень часто возникает недопонима-

ние, потому что они не осознают, что у этих путей познания разные языки, и они к тому же накладываются на разные лингвокультурные матрицы [13; 23]. И они научный язык пытаются прикладывать к искусству. Но это не работает, – по крайней мере, напрямую. Можно конечно вспомнить, что Леонардо да Винчи, который интересовался красками и химией красок, написал «Джоконду» с помощью открытий (по сути) в области химии. Правда, не всегда они шли на благо искусству. Так, в Милане он масляными красками написал фреску: ему не хотелось писать эту фреску, но поскольку его заставляли, он решил поставить такой вот эксперимент, написать масляными красками фреску. От неё сейчас уже практически ничего и не осталось, потому что фрески не пишутся маслом.

Но по отношению к религии такой подход, стремящийся разложить на объективные составляющие «сверхъестественный объект», не работает. Во-первых, потому что сверхъестественное – это не объект в прямом смысле. Объективация сверхъестественного – это его редукция, и тогда начинается даже не бой с тенью, а бой с самим собой, с собственным отражением в зеркале. Таким образом, учёт специфики антропологического содержания языка религии вовсе не означает сведения религии к антропологии, равно как не означает и сведения познания к познанию собственных «стабильных состояний». Как раз изучение языка религиозного познания наиболее выпукло показывает, что познание как самопознание для человека – это динамический процесс, который позволяет человеку констатировать те или иные «общие закономерности» окружающего мира и фиксировать тем самым своё место в нём или выявлять неизменные структуры своей собственной организации [7]. Речь идёт о сложном и неоднозначном взаимодействии этих структур между собой и тем неизвестным, которое несводимо к полностью прозрачным для разума схемам. Выявление «другого» в использовании языков познания, какими выступают понятие в науке, образ-метафора в искусстве и символ в религии, позволяет открыть сознанию тот зазор, который имеет место между ним и «вещью самой по себе». А это, в свою очередь, позволяет максимально возможным образом дистанцироваться от «работы с тенями» – изучения своих представлений о себе, мире и т. п. вместо изучения себя, мира и т. п. [11].

Самое интересное – это, конечно, результат. Результат научного познания – пара-

метр. Если это хорошее научное исследование, то всегда можно этот параметр употребить, продолжить эти исследования или применить в другой области, измерить, оценить, взвесить [6].

Для искусства это – парадокс. Самая парадоксальная картина – это «Джоконда», самая парадоксальная пьеса и самое парадоксальное художественное сочинение – это «Гамлет». С самого начала ясно, что там одни парадоксы, начиная с того, что призрак является в первой части и призывает мстить за гнусное убийство. Гамлет на протяжении пяти актов делает что угодно, но не мстит, а только в конце, когда узнаёт, что ему осталось жить 20 минут, он убивает короля. В отношениях с Офелией опять же ничего не понятно. Знаменитый монолог заканчивается: “The fair Ophelia! – Nymph, in thy orisons Be all my sins remembered” – «В твоих молитвах, нимфа, все, чем я грешен, помяни». Что же имеет в виду Гамлет? Их отношения достаточно сложные, непонятные. Посмотрим, что значит “nymph” в специальном шекспировском словаре: первое – это существо чистое, божественное, прекрасное; второе – это как у Высоцкого, «в заколдованных болотах там кикиморы живут». Куколка стрекозы, кстати, тоже называется «нимфа». Жуткий хищник, который живёт под водой, страшнее этой нимфы, судя по всему, вообще ничего нет в природе. И третье значение: по-английски – это “whore” (блудница). Тут я очень заинтересовался. Гамлет говорит: «Я Вас любил когда-то». И тут же говорит: «Я не любил Вас никогда». Так всё-таки – любил или не любил? Смотрим дальше. Гамлет говорит Офелии: «Иди в монастырь». Шекспиру не доверяем и сразу обращаемся к словарю. В словаре первое значение – это реальный монастырь, где монахи; второе значение – “brothel” (публичный дом). Далее Офелия сходит с ума, поёт странную песенку. Там есть такие слова: «Ты девушкой войдёшь к нему, но девушкой не выйдешь». С чего это сумасшедшая Офелия поёт такую странную песенку? И дело здесь не в новейшем театральном тренде. Дело в том, что давным-давно этим же вопросом увлёкся великий Гёте. Он эту песенку вставил в «Фауста». И когда его обвиняли, зачем ты взял у Шекспира, неужели сам не мог сочинить, он говорил: «Конечно, мог. Но ведь эта песенка существует, почему же мне её не использовать?» Обратите внимание, что Гретхен после встречи с Фаустом родила девочку, которую в пруду утопила. То есть Гёте увидел эти парадоксы, и они пошли жить

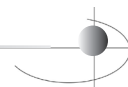
дальше благодаря «Фаусту». Таким образом, парадокс одного великого мастера был подхвачен другим, встраиваясь в метанарратив культуры.

Что касается религии, то здесь уместно использовать слово “paragon”, что на русский язык переводится как «пример». Результат всякой религиозной деятельности – это «будь как», то есть «следуй примеру». На этом построены мировые религии. Например, христианство: будь, старайся по возможности вести себя так, как вёл себя Иисус Христос, и Царство Небесное к тебе приблизится. То же самое видим в исламе: веди себя так, как учит вести себя великий пророк Мохаммед, тогда будешь на правильном пути. А в буддизме вообще говорят: делай, как Будда, чтобы стать Буддой.

Философия, если следовать предложенной выше логике диверсификации путей познания, – это не просто целостное знание, а великая человеческая попытка всё-таки соединить вместе эти три различных пути познания, чтобы получить цельного человека [20; 21]. Антропологический смысл поиска нового синтеза в данном случае очевиден. Он состоит в стремлении обрести новые подходы к тем смысловым доминантам, которые обозначаются в ходе самореализации человека в культурной деятельности, удержать импульс своего трансцендирования как собственно человеческого – то есть находящийся в сложном отношении к смыслополаганию и вместе с тем не сводимый к нему.

Выводы. 1. Философская рефлексия концептуализации языков познания (науки, искусства и религии) в современной культуре позволяет выявить антропологическое значение этого процесса, которое состоит в диверсификации путей познания, позволяющей достичь большей степени его дистанцирования от представлений – антропологически заданных самопроекции, работающих по принципу аналогии и заслоняющих собой действительность.

2. Разница между изучаемыми языками познания может быть прослежена на уровне целей и результирующих средств – способов познания. Цель научного познания – истина, познания средствами искусства – правда, религиозного познания – хроноверсия. Результирующий способ научного познания – понятие, познания в искусстве – метафора, религиозного познания – пример для подражания. Антропологически каждая из целей связана со стремлением к максимально возможной точности и строгости познания; каждое из ре-

зультирующих средств – с релевантным образом «укладки» полученного знания.

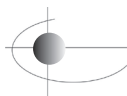
3. Антропологическая основа, позволяющая реализовать в познании «борьбу с тенями» и преодолеть излишний субъективизм – трансцендирование, свойственное человеку и реализуемое именно в познании. При этом познание выступает и как самопознание. Последнее, составляя характерную черту новоевропейской культуры, вместе с тем связывает её с культурой «исторического общества», – в противовес обществу «доисторическому», основанному на другом типе отношения к знанию.

4. Философия выступает в данном случае специфическим способом систематизации уровней познания, рефлексивно обра-

батывающей данные логики, поэтики и мистики. Свойственный ей тип систематизации отличается как от архаического синкретизма, так и от спонтанного переплетения разных видов познания, характерных для здравого смысла. Философская рефлексия направлена на достижение целостности личности, связанной с осуществлением ею синтеза знаний, полученных с помощью разных путей познания, с сохранением их особенностей, что создаёт особые трудности логического характера. С этой точки зрения философия – принципиально незавершённый проект, позволяющий человеку реализовывать свойственное ему трансцендирование в «смыслополагании культуры» оптимальным образом.

Список литературы

1. Аверинцев С. С. Античная риторика и судьбы античного рационализма // Образ античности. М.: Азбука-Классика, 2004. 480 с.
2. Бернюкевич Т. В. О некоторых дискуссионных вопросах концептуализации и типологического сравнения культурных универсалий в современной отечественной философии // Учёные записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Сер. Философия, культурология, социальная работа. 2009. № 4. С. 6–25.
3. Биbihин В. В. Грамматика поэзии. СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2009. 592 с.
4. Веденина Л. Г. Концепт «человек» в языковых картинах мира // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения: IV Межвуз. семинар по лингвострановедению: сб. ст.: в 2 ч. / отв. ред. Л. Г. Веденина. М.: МГИМО-Университет, 2007. С. 146–256.
5. Вяземский Ю. П. От Леонардо да Винчи до Нильса Бора. Искусство и наука в вопросах и ответах. М.: АСТ, 2015. 320 с.
6. Глаголев В. С. Вербально-понятийные аспекты методологического дискурса VII Конвента РАМИ // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 216–219.
7. Глаголев В. С. Культурологические аспекты художественно-эстетической проблематики в современном религиоведении // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 1 / отв. ред. Д. Л. Спивак. СПб.: Алетейя, 2008. С. 5–15.
8. Глаголев В. С. Реализм анализа – исходное условие научной перспективности (содоклад) // Право и управление. XXI век. 2011. № 4. С. 12–18.
9. Доброхотов А. Л. Проблема Я как культурологический сюжет: коллизии позднего Просвещения и контрпросвещения // Философия и культура. 2011. № 8. С. 82–91.
10. Кизима М. П. Трещина мира в сердце поэта: литература как предчувствие // Первая мировая война и судьбы европейской цивилизации / под ред. Л. С. Белоусова, А. С. Манькина. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 2014. С. 105–121.
11. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 962 с.
12. Орнатская Л. А., Тульпе И. А. Исламское искусство: культурологический аспект исследования // Studia Culturae. 2016. Т. 3, № 29. С. 29–40.
13. Силантьева М. В. «Другой» в горизонте свободы (попытка диалога сквозь тусклое стекло стереотипов) // Ricerche slavistiche. 2015. № 13. С. 153–170.
14. Силантьева М. В. Философия культуры Н. А. Бердяева и актуальные проблемы современности. М.: ГАСК, 2005. 220 с.
15. Силантьева М. В. Экзистенциальная диалектика Н. Бердяева как метод современной философии. М.: Инженер, 2004. 227 с.
16. Симонов П. В. Лекции о работе головного мозга. Потребностно-информационная теория высшей нервной деятельности. М.: Ин-т психологии РАН, 1998. 98 с.
17. Симонов П. В., Ершов П. М. Темперамент. Характер. Личность. М.: Наука, 1984. 161 с.
18. Смирнов А. В. Пропозиция и предикация // Философский журнал. 2016. Т. 9, № 1. С. 5–24.
19. Тарасов Б. Н. «Всемирная отзывчивость» Пушкина и место «Подражаний Корану» в его творческой эволюции // Литература в школе. 2006. № 1. С. 13–14.
20. Тарасов Б. Н. Значение гуманитарного знания в современном образовательном процессе // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 4. С. 28–31.
21. Торкунов А. В. По дороге в будущее-2. М.: Аспект Пресс, 2015. 550 с.
22. Тульпе И. А. Мифология. Искусство. Религия. СПб.: Наука, 2012. 320 с.

23. Шестопал А. В., Силантьева М. В. Межкультурная коммуникация в свете современных модернизационных процессов // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика: материалы VII Конвента РАМИ / под ред. А. В. Шестопала, М. В. Силантьевой; отв. ред. А. В. Мальгин. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 10–16.

24. Cassirer E. Philosophie der symbolischen Formen 3 Bde. Neuausgabe / bearbeitet von Claus Rosenkranz in Ernst Cassirer // Gesammelte Werke, Hamburg: Meiner, 2001–2002. Bd. 11–13. 412 p.

Статья поступила в редакцию 28.02.2018; принята к публикации 27.03.2018

Библиографическое описание статьи

Симонов Ю. П. Антропологическое измерение концептуализации языков познания в современной культуре // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 124–131. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-124-131.

Yury P. Simonov,

Candidate of History,

Moscow State Institute of International Relations (University)

the Ministry of Foreign Affairs, Russia

(76 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russia),

e-mail: kfmgimo@gmail.com

Conceptualizing the Anthropological Dimension of the Languages of Knowing in Modern Culture

The urgency of the research is defined by the need of data classification on the differences between the ways of knowing in culture, as well as new processes related to the balance between science, art and religion in the modern world, the changing role of philosophy and the need to clarify all ways mentioned above as the “languages of knowing” in anthropological and axiological dimensions. The methods of hermeneutics and categorical analysis used in the research are based on the principles of objectivity and dynamism. Anthropological approach is also employed, promoting concentration on the problem of “analogy dismantling” in cognition. The novelty of the research consists in the conclusion that philosophy is a “core unfinished project” aimed at searching for a personal synthesis of knowing at a new level. In this case each of the “languages of knowing” has its inherent value, is not reducible to the other ones. Staying within the framework of thinking, the “languages of knowing” cannot be reduced either to psycho-social projections or to imitative modes of activity acquisition. On the whole, understanding the ways of knowing possibilities and limitations through the anthropological dimension elucidates the vital task – cultural comprehensive study through the prism of philosophical reflection.

Keywords: philosophy, culture, languages of knowing, religion and art, concept, paradox, paragon

References

1. Averintsev, S. S. Ancient rhetoric and the fate of the ancient rationalism. Image of antiquity. M: Azbuka-Klassika, 2004. (In Rus.)
2. Bernyukevich, T. V. Some discussion issues of conceptualization and typological comparison of cultural universals in contemporary Russian philosophy. Scholarly Notes of Chernyshevsky Transbaikal State Humanitarian-Pedagogical University. Series: Philosophy, cultural studies, social work, no. 4 (27), pp. 6–11, 2009. (In Rus.)
3. Bibikhin, V. V. Grammar of poetry. SPb: Izdatel'stvo Ivana Limbaha, 2009. (In Rus.)
4. Vedenina, L. G. The Concept of a “person” in the language picture of the world. // Linguistics: methods of analysis, education technology. Fourth inter-University seminar on linguistics: collection of articles in 2 parts. M: MGIMO–Universitet, 2007: 146–256. (In Rus.)
5. Vyazemskiy, Yu. P. From Leonardo da Vinci to Niels Bohr. Art and science in questions and answers. M: AST, 2015. (In Rus.)
6. Glagolev, V. S. Verbal and conceptual aspects of the methodological discourse, VII convent RAMI. Vestnik MGIMO–University, no. 6 (27), pp. 216–219, 2012. (In Rus.)
7. Glagolev, V. S. Cultural aspects of art and aesthetic issues in contemporary religious studies. Fundamental problems of cultural studies, 4 volumes: vol. 1. SPb: Izdatel'stvo Altejjja, 2008: 5–15. (In Rus.)
8. Glagolev, V. S. Realism of analysis – the initial condition of scientific prospects (co-report). Right and management. XXI century, no. 4, pp. 12–18, 2011. (In Rus.)
9. Dobrokhotoy, A. L. I The Problem as a cultural story: conflict of the late Enlightenment and counter enlightenment // Philosophy and culture, no. 8, pp. 82–91, 2011. (In Rus.)
10. Kizima, M. P. Crack peace in the heart of a poet: literature as a feeling // The First World War and the fate of the European civilization. Edited by Belousova, L. S., Manykin, A. S. M: MGU, 2014: 105–121. (In Rus.)

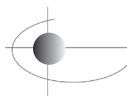

11. Losev, A. F. Essays on ancient symbolism and mythology. M: Mysl', 1993. (In Rus.)
12. Ornatskaya, L. A., Tul'pe, I. A. Islamic art: cultural aspects of research. *Studia Culturae*, v. 3, no. 29 (2016), pp. 29–40, 2016. (In Rus.)
13. Silant'eva, M. V. "Another" in the horizon of freedom (an attempt of dialogue through the dim glass of stereotypes). *Ricerche slavistiche*, no. 13 (59), pp. 153–170, 2015. (In Rus.)
14. Silant'eva, M. V. Philosophy of culture of N. A. Berdyaev and actual problems of our time. M: GASK, 2005. (In Rus.)
15. Silant'eva, M. V. Existential dialectic of N. Berdyaev as a method of modern philosophy. M: Inzhener, 2004. (In Rus.)
16. Simonov, P. V. Lectures on the work of the brain. Need-information theory of higher nervous activity. M: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1998. (In Rus.)
17. Simonov, P. V., Ershov, P. M. Temperament. Character. Personality. M: Nauka, 1984. (In Rus.)
18. Smirnov, A. V. Proposition and predication. *Philosophical journal*, v. 9, no. 1, pp. 5–24, 2016. (In Rus.)
19. Tarasov, B. N. Pushkin's "World responsiveness" and the place of "Imitations of the Koran" in his creative evolution. *Literature at school*, no. 1, pp. 13–14, 2006. (In Rus.)
20. Tarasov, B. N. The importance of humanitarian knowledge in the modern educational process. *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 4, pp. 28–31, 2007. (In Rus.)
21. Torkunov, A. V. On the way to the future-2. M: Aspekt Press, 2015. (In Rus.)
22. Tul'pe, I. A. Mythology. Art. Religion. SPb: Nauka, 2012. (In Rus.)
23. Shestopal, A. V., Silant'eva, M. V. Intercultural communication in the light of contemporary modernization processes. In *Intercultural communication: contemporary theory and practice: materials of VIII RISA Convention*. M: Aspekt Press, 2013: 10–16. (In Rus.)
24. Cassirer, E. Philosophie der symbolischen Formen 3 Bde. Neuauflage (bearbeitet von Claus Rosenkranz) in Ernst Cassirer. *Gesammelte Werke*, Bd. 11–13. Hamburg: Meiner, 2001–2002. (In Germ.)

Received: February 28, 2018; accepted for publication March 27, 2018

Reference to the article

Simonov Yu. I. Conceptualizing the Anthropological Dimension of the Languages of Knowing in Modern Culture // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 124–131. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-124-131.

УДК 102.1:316

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-132-141

Надежда Дмитриевна Субботина,

*доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: dialectica@yandex.ru*

Трудности реализации принципов практического гуманизма (к 50-летию публикации статьи Гаррета Хардина «Трагедия ресурсов общего пользования»)

Автор статьи обращается к проблеме, поставленной ещё 50 лет назад американским учёным Гарретом Хардином, который утверждал, что трагедия ресурсов общего пользования возникает потому, что каждый человек стремится максимизировать свою выгоду, нанося тем самым ущерб всему человечеству. Хардин считал, что для сохранения Земли требуются законодательные меры по ограничению рождаемости. Автор предлагает своё объяснение тому, почему идеи Хардина не смогли реализоваться. В противовес ряду высказываний автор статьи считает, что гуманизм соотнесён с человеческой природой, хотя в природе человека есть и предпосылки, препятствующие гуманному поведению. В статье анализируется возможность реализации принципа приоритета общих интересов над частными. По мнению автора, сложность реализации принципов гуманизма обусловлена тем, что в самой идее гуманизма не учтены противоречия между общечеловеческими, частными и личностными интересами и ценностями. Для человечества в целом сокращение рождаемости – способ самосохранения и защита истощаемых ресурсов Земли. Для большинства государств, в том числе России, оно грозит ослаблением, а для малых этносов – гибелью. Что касается отдельного человека, то ему остаётся решать, какие интересы ставить на первое место: общечеловеческие, групповые (государственные, этнические и др.) или свои, личные.

Ключевые слова: гуманизм, принципы гуманизма, Г. Хардин, ресурсы общего пользования, проблема ограничения рождаемости

Введение. В декабре 1968 года в журнале “Science” Гаррет Хардин (1915–2003), американский биолог, философ и эколог, опубликовал статью “The Tragedy of the Commons” [19]. Статья ставила сложные и не слишком приятные вопросы, философские, психологические, экономические, политические. В статье использована даже математика. Хардин пытался ответить на вопросы: почему люди не берегут общественные ресурсы, возможно ли сохранить Землю для будущих поколений и при этом не нарушить демократические права людей на рождение детей, на потребление существующих ресурсов? Статья вызвала бурную дискуссию, ссылки на неё делались и в Советском Союзе. Хардин не просто поставил проблему, но и предложил конкретные методы для её решения. Однако полвека спустя решить проблему не удалось.

В статье автор пытается понять, почему это произошло, какие принципы гуманных отношений можно назвать определяющими и почему так сложно их реализовать.

Методология и методы исследования. В статье используется диалектический метод, исторический анализ, логический анализ, собственные методологические подходы: принцип исследования соотношения социального с внешним естественным и с

внутренним естественным и анализ развития общества на основе естественных и социальных предпосылок [13].

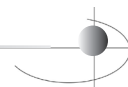
Обсуждение проблемы.

1. О принципах гуманизма.

Прежде чем приступить к анализу статьи Хардина, остановимся на проблеме принципов гуманизма.

В. А. Лекторский в статье «Имеет ли гуманизм смысл сегодня?» обращает внимание на то, что идеал гуманизма «оказался в наши дни перед лицом серьёзного вызова» [5, с. 24]. Другой автор, П. С. Гуревич, отмечает в качестве одного из парадоксов гуманизма несовпадение понятий «абстрактного» и «конкретного» гуманизма: «Если возвышенные идеалы не становятся жизненно-практическими ориентациями людей, стало быть, гуманизм в чём-то ущербен: не соотнесён с человеческой природой, с реальными ресурсами человечества...» [3, с. 143].

С. Л. Франк, свидетель жестокости первой трети XX века, считал, что гуманизм, как идея, способная организовать людей для построения «земного рая», потерпел крушение ещё в начале прошлого века [14]. Учёный, несомненно, прав в том, что представления гуманистов до XX века были несколько наивны – «земной рай» построить просто с помо-

щью гуманистической пропаганды непросто. В то же время можно смело сказать, что гуманизм «соотнесён с человеческой природой», так как обладает не только естественной агрессивностью, но и естественной эмпатией, создающей основу для альтруистического поведения. Просто его поведение зависит и от генетической предрасположенности к доброте или агрессивности, и от воспитания, и от конкретной ситуации [10–12].

Поэтому, несмотря на предсказания Франка относительно гуманизма, он не только не исчез из поля общественного сознания, но набирает всё большее количество своих поклонников. В то же время стали ясны и некоторые значительные противоречия этой теории.

В. А. Лекторский делает анализ некоторых из них. Выявленная ограниченность возможностей творческой самореализации из-за разности способностей для большинства людей противоречит гуманистическому требованию равных возможностей для всех. Это противоречие не имеет решения в рамках традиционных гуманистических принципов: если люди, обладающие творческими способностями, будут ими жертвовать в угоду большинству, это нарушит их собственные права на самореализацию. Если же общество решит создать «расу сверхлюдей», то это приведёт к выходу за пределы *Homo sapiens*, что чревато неизвестными последствиями и явно будет нарушать потребности и права большинства: «...деятельность по превращению человека в “постчеловека” равнозначна убийству человека и созданию условий для бессмертия какого-то совсем иного существа» [5, с. 27]. Однако Лекторский предлагает иную трактовку принципа равенства: он говорит о необходимости признания равного достоинства и равного права на уважение и свободное развитие, о сострадании к тем, кто попал в тяжёлые жизненные условия. И такой гуманизм, подчёркивает он, воплощён в Декларации прав человека ООН в 1949 году.

Не только каждый человек, но и каждая культура имеет право на уважение и защиту. И здесь Лекторский вновь обнаруживает противоречия, так как право на «свободное передвижение может вступать в противоречие с правом той или иной культуры на защиту – это обстоятельство, в частности, породило серьёзные проблемы в современной Европе» [Там же, с. 29]. Опять же, идеалы классического гуманизма не дают вариантов решения данного противоречия.

Следующее противоречие, выявленное Лекторским и связанное с мигрантами, состоит в том, что их представления о гуманизме и правах человека зачастую «весьма отличны от общепризнанных в странах их нынешнего проживания» [Там же]. Если руководствоваться гуманистическим принципом толерантности, то эти, порой далеко не гуманистические, представления мигрантов надо уважать [Там же, с. 30].

Предлагая современную трактовку принципов гуманизма, философ, в первую очередь, обращает внимание на то, что «исторически культ индивидуальности как неотъемлемая черта гуманистического идеала нередко трактовался в духе автономии и “самозамкнутости” индивида» [Там же]. Такое понимание Лекторский называет ущербным и подчёркивает, что надо учитывать не только права индивида, но и его обязанности перед обществом.

Продолжает тему В. М. Межуев: «Практически все крупнейшие мыслители современности сходятся в признании “кризиса гуманизма” в нынешнем обществе» [7, с. 42], хотя причины кризиса и перспективы гуманизма понимаются по-разному. Основной проблемой становится вопрос: может ли гуманизм быть идеей, способной объединить всё человечество? Межуев отмечает, что широкая дискуссия пришла к выводу, что «гуманизму нет места ни в современном, ни в другом обществе, что любое общество антигуманно по своей сути. <...> Любая попытка мыслить гуманизм в качестве социального переустройства общества чревата утопизмом и даже тоталитаризмом» [Там же, с. 44].

Однако Межуев не согласен с такой постановкой вопроса. Он прежде всего задаёт вопрос своим оппонентам: «Разве существующие в нём [современном мире – Н. С.] разного рода общественные движения, отстаивающие демократические порядки и права человека, выступающие против загрязнения окружающей среды, борющиеся с бедностью и социальной несправедливостью, не преисполнены гуманистического смысла и содержания?» [Там же]. Он утверждает, что гуманизм оправдан в качестве цели человеческой истории. Обязательно добавим – не только цели, но и средства достижения этой цели.

Несомненным авторитетом в вопросе, касающемся принципов практического гуманизма, является академик И. Т. Фролов, который в своём выступлении в 1997 году на I Всероссийском философском конгрессе отмечал, что гуманизм – это «система духов-

ных ценностей, в которой приоритет человека является определяющим» [17, с. 9]. Обратим внимание читателя на словосочетание «приоритет человека», к которому подойдём немного позднее.

В своей речи Фролов предлагает конкретные меры для того, чтобы гуманизм действительно стал реальным. В их числе он называет «развитие гуманистических идей, ценностей и норм, определяющих гуманистическую ориентацию людей, причастных к решению национальных и глобальных проблем, на всех этапах – от их осознания и постановки до практического решения». Необходимым он считает «формирование системы принципов поведения в глобальном масштабе на основе общечеловеческих ценностей». По мнению учёного, необходимо подготовить и принять декларацию, содержащую «принципы глобальной этики» и принять её «различным международным организациям, причастным к решению глобальных проблем» [17].

С. Н. Корсаков замечает, что «И. Т. Фролов в период перестройки провозгласил принцип приоритета общечеловеческих ценностей над частными» [4, с. 9]. С. А. Пастушный соглашается: «В концепции перестройки общества, которую разработал И. Т. Фролов, важнейшим стал принцип приоритета общечеловеческих интересов над всякими частными интересами (прежде всего – интересами прибыли)» [8].

Но здесь необходимо уточнение. Да, Фролов подчёркивал, что современную эпоху «уже невозможно понять вне связи с процессами интернационализации, глобализации мирового развития, которые во многих случаях оказались сильнее внутрiformационных процессов, получили приоритетные значения» [16, с. 470]. То есть, он сравнивал общечеловеческие интересы с формационными и отдавал приоритет первым. В то же время под общечеловеческими интересами он понимал не только общество, но и человека, о чём писал в «Философском словаре» 1991 года: «Общечеловеческие интересы находят выражение в борьбе за мир, против социальной несправедливости, национального гнёта, в защите природной среды обитания человека, его нравственных устоев и т. д.» [2]. А что такое частные интересы? Это не только интересы прибыли, но и интересы жизни, здоровья, возможности учиться, заниматься творчеством. Напомним о приведённом выше высказывании Фролова о том, что гуманизм утверждает приоритет человека.

Попробуем проанализировать возможность реализации принципа приоритета об-

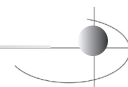
щих интересов над личными в его «чистом» виде. Это значит (в крайнем случае), что если в интересах общества человек должен отдать свою жизнь, то он обязан это сделать. Кроме того, необходимо уточнить, что частные интересы бывают разными: это могут быть интересы и отдельного человека, и каких-либо групп. К сожалению, частные интересы индивидов, групп (от семьи до государства) могут не совпадать не только с общечеловеческими, но и друг с другом.

Это несовпадение возможно во многих аспектах, в данном случае, исходя из темы статьи, остановимся на проблеме, которую Хардин считал основной. Всё человечество идёт в сторону перенаселения, поэтому для улучшения его жизни и для сохранения ресурсов Земли требуется сокращение рождаемости. Проблема возможного перенаселения, поднимаемая в основном на Западе, затрагивалась и в Советском Союзе. Например, И. Т. Фролов отмечал: «Многие специалисты полагают, что существует некий предел численности населения (он определяется иногда в 10 млрд человек), превышение которого грозит человечеству гибелью вследствие истощения всех видов жизненных ресурсов» [15, с. 160]¹. Эта ситуация породила ряд теорий, в том числе популистских, типа теории «Золотого миллиарда»², призывающих к резкому сокращению рождаемости.

В России – прямо противоположная ситуация: количество населения уменьшается, поэтому в интересах государства и коренных этносов необходимо повысить рождаемость. Чему здесь отдать приоритет: всему человечеству, к которому принадлежат и россияне, или именно россиянам? В данной ситуации ценности россиян будут частными по отношению к общечеловеческим. Следовательно, по формуле приоритета общечеловеческих

¹ В популярной статье встретились такие вычисления: «Серьёзным учёным давно ясно, что Земля прокормит и 6, и 8, и 12 миллиардов человек. Герман Кан называл цифру – 15 миллиардов. Английский экономист Колин Кларк оптимистично считал, что Земля, даже если исповедовать американские стандарты жизни, сможет выдержать 47 миллиардов человек, а если взять стандарты японские, – то и все 157 миллиардов [Золотая десятка [Электронный ресурс] // Наука и жизнь. – 2001. – № 11. – Режим доступа: <https://www.nkj.ru/archive/articles/7328> (дата обращения: 11.02.2018)]. Не будучи специалистом ни в математике, ни в демографии, невозможно признать какую-либо цифру более правильной, но ясно то, что в любом случае потолок существует и человечество стремится к нему подняться, либо уже «пробило его», сделав ситуацию необратимой.

² См., например: Теория «Золотого миллиарда», или план Даллеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mirprognozov.ru/prognosis/economics/teoriya-zolotogo-milliarda-ili-plan-dallesa> (дата обращения: 10.01.2018).

интересов надо проводить политику ограничения рождаемости, на что, разумеется, в нашей стране никто не согласится. Но и в самой России прирост населения неравномерен у разных этносов. И здесь уже внутри страны сталкиваются интересы ещё более частного уровня – разных этносов. Так чьи интересы и ценности здесь должны быть приоритетны? Можно ли одним этносам ограничить рождаемость, а другим – разрешить (как, например, в КНР ограничения для этносов, насчитывающих менее 100 тыс. человек, сняты¹)? Мы видим, что однозначных ответов на эти вопросы нет.

Самый малый частный уровень – интересы и ценности человека, о которых заговорили впервые создатели классического гуманизма. Каждый человек, независимо от принадлежности к определённой стране, этносу и конфессии, имеет личные интересы и ценности. Создатель теории утилитаризма Джереми Бентам писал: «Нет смысла говорить об интересах общины, не понимая того, в чём состоит интерес индивида» [18]. Для большинства людей ценностью являются дети. Эта ценность имеет как естественные предпосылки – родительский и материнский инстинкты, так и социальные – дети, как известно, залог обеспеченности в старости. Что касается современного человека, он следует инстинкту лишь там, где сохраняется традиция большой семьи. Во многих развитых странах такая традиция утеряна, и люди стали реализовывать свою потребность в заботе, вкладывать всю свою любовь в одного-двух детей, не говоря уже о новомодном течении чайлдфри, когда вся любовь направляется на себя самого.

Поэтому при поиске вариантов решения демографических вопросов необходимо учитывать не только общечеловеческие, не только частные (государственные, этнические и любые групповые), но и личные интересы. Согласно названному выше принципу приоритета общечеловеческих ценностей над частными, условный россиянин должен игнорировать собственные (частные) интересы и решить, каким общим (этническим, государственным или общечеловеческим) следовать. И в зависимости от принятого приоритета решать, сколько иметь детей².

¹ Опытным путём: детородный порядок [Электронный ресурс] // Vademecum. – 2013. – № 8. – 15 июля. – Режим доступа: https://www.vademecum.ru/article/detorodnyy_order (дата обращения: 24.02.2018).

² В данной ситуации опускаем вопрос о том, имеет ли данный человек экономические условия для обеспечения детей, имеет ли женщина достаточно здоровья,

Всё сказанное показывает, что реализация практического гуманизма (гуманности) – чрезвычайно сложный процесс. Кто, на каких весах будет взвешивать ценности групп и индивидов? В такой ситуации нет третьей стороны, так как для выполнения этой функции нужно находиться вне человечества. А если исходить из принципов демократии, то победит большинство, которое далеко не всегда бывает правым и гуманным. Следовательно, справедливость – вещь труднодостижимая. Всегда окажутся отдельные люди и группы, по отношению к которым окружающие будут поступать несправедливо.

Ещё один аспект проблемы состоит в том, что ценности некоторых групп могут кардинально отличаться от общечеловеческих. Например, для исламских экстремистов жизнь ценности не представляет, да и для христианской религии более ценным считается не жизнь, а загробное существование. Поэтому можно сказать, что в «чистом» виде общечеловеческие ценности есть лишь результат рефлексии мыслителей-гуманистов, разделяемый далеко не всеми.

2. Хардин о трагедии общественных ресурсов.

Хардин положил в основу своей статьи рассмотренный выше принцип преобладания общечеловеческих интересов над частными и личностными. Он не только выдвинул проблему, но и размышлял о том, как её можно разрешить. Учёный сразу отбросил возможность осуществить принцип утилитаризма, предложенный Дж. Бентамом – обеспечение «максимальных благ для максимального количества людей». Хардин указывает на две причины. Во-первых, даже математически доказана невозможность максимизации двух переменных. То есть, либо максимальные блага могут быть доступны лишь для ограниченного числа людей, либо максимальное количество людей смогут пользоваться ограниченными благами. Во-вторых, с биологической точки зрения, если стремиться к максимальному увеличению численности людей, то каждому придётся тратить потребляемые калории лишь на поддержание существования.

Хардин также указывает на то, что слова «максимальный доход на человека» – слишком неопределённые, так как потребности у всех разные и разные понимания того, что является благом. Для того чтобы соизмерить эти несоизмеримые блага, считает Хардин, чтобы родить. Поэтому решение иметь детей в данном случае рассматривается только как намеренность, которая может реализоваться.

нужны критерии, подобные тому критерию, что есть в природе – способности выжить. «Из-за синергетических эффектов, нелинейной вариации и трудностей с прогнозированием будущего это представляет собой сложную научную проблему, но (в принципе) она решаема» [19]. Пока, по мнению Хардина, ни одна культура не пришла к пониманию того, какой должна быть численность населения, достигнув которой, она должна перейти на нулевой рост.

Для того чтобы более ясно читатели осознали всю опасность бесконтрольного размножения, Хардин напоминает сценарий, изложенный в 1833 году в памфлете математика-любителя Уильяма Фостера Ллойда, который уже сам Хардин озаглавил как «Трагедия ресурсов общего пользования». Следует сказать, хотя Хардин об этом не упоминает, что сюжет памфлета имеет реальное основание. В Средние века в странах Западной Европы существовала так называемая соседская община-Марка (от нем. *Marke* – «граница, пограничная область»). Такая община состояла из нескольких крестьянских дворов. Особенностью такой формы общины являлось сочетание частной и общественной собственности. В частной находились пахотные земли свободных крестьян, а всё остальное было ещё не поделённым – пастбища, леса были в совместной собственности, и ими могли пользоваться все.

Хардин пишет, что до определённого периода племенные войны, браконьерство и болезни «удерживали количество людей и животных значительно ниже пропускной способности земли. Наконец, однако, наступает день расплаты, то есть день, когда долгожданная цель социальной стабильности становится реальностью. На этом этапе неотъемлемая логика общности безжалостно порождает трагедию» [Там же].

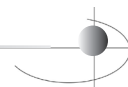
Трагедия возникает потому, что каждый владелец стремится максимизировать собственную выгоду: «Какая для меня будет польза, если я добавлю ещё одно животное в моё стадо?». Хардин здесь использует элементы математики. Лично владелец получает выгоду «+1», для общины же полезность составляет «-1». Поскольку отрицательную полезность разделяют все пастухи, то его потери составляют лишь часть от минус одного. Однако так начинают думать все пастухи и увеличивают своё поголовье. В результате места общинного выпаса разрушаются [Там же]. Можно сравнить такое поведение с тем, как разрушают природу современные жители,

в том числе и в России: «Если я не воспользуюсь этим (дикими цветами, ягодами, грибами, чистой водой и прочим), то этим воспользуются другие». Трагедия, по Хардину, состоит в том, что «каждый человек заперт в систему, которая заставляет его увеличивать своё стадо без ограничений – в мире, который ограничен» [Там же]. Получается, что каждый человек от всего этого страдает, будучи членом общины. Полагаем, что здесь слово «община» следует употребить в смысле «группа» любого размера – от общины-Марки до всего человечества, так как каждый из нас получает свою (пусть небольшую, почти незаметную) долю «отрицательной полезности» от любого антиэкологического поступка.

Но Хардин, как было сказано выше, считал причиной трагедии не просто психологию человека, желающего «отщипнуть от общего пирога», а неконтролируемую рождаемость, приводящую к тому, что ресурсы теперь уже не просто общинного выгона, а Земли в целом не в состоянии выдержать степень современного ему (напомню, это было 50 лет назад) периода. Он считал, что если количество населения Земли сократится до размера, который позволит ресурсам общего пользования возобновляться, то психология человека не будет ей вредить.

Конечно, по мнению философа, одним из способов борьбы с данной ситуацией может быть просвещение, прививающее людям необходимость противодействовать естественной тенденции, как он её называет. Однако «постоянная смена поколений требует, чтобы база этого знания постоянно обновлялась». Хардин приводит ряд примеров того, как растрачиваются ресурсы мест общего пользования в современной ему Америке. Да, частная собственность там священна, но к местам общего пользования люди относятся совсем по-другому. Они не только бесконтрольно тратят общие ресурсы, но и не озадачиваются необходимостью утилизировать отходы, которые частично вредят и ему: «Рационально мыслящий человек приходит к выводу, что связанный с ним ущерб от загрязнения общих ресурсов меньше, чем расходы на утилизацию отходов. Поскольку такой же вывод делают все, то до тех пор, пока мы ведём себя лишь как независимые, рационально мыслящие, свободные предприниматели, сама система побуждает нас “гадить в собственном гнезде”» [19].

Объяснив малую роль просвещения в этом вопросе, Хардин предлагает свою программу. Основной тезис этой программы –

«Свободное воспроизводство неприемлемо». Нужно взаимное принуждение по взаимному согласию. Чем-то это напоминает теорию общественного договора Т. Гоббса. Поскольку воду, воздух «огородить», сделать частной собственностью нельзя, то, по мнению Хардина, задачу надо решать принудительными законодательными мерами или налоговыми инструментами.

Собственно, с тех пор изобретены многие внутригосударственные и международные меры, но для их действенности исполнять их должны все люди, все предприятия и все страны без исключения. Когда же становится известно, что кто-то не подписывает договор или подписал, но тайно не исполняет, другие, по тому же сценарию трагедии общих ресурсов, начинают поступать подобным образом или открыто отказываться от подписанных ранее договоров. Примером может служить Киотское соглашение по ограничению выбросов парниковых газов. Хотя большинство стран этот протокол подписали, но США его не ратифицировали, а в 2013 году заявили о своём неучастии в нём. Подписавшие развивающиеся страны, включая Китай и Индию, по этому протоколу обязательств на себя не брали. В 2011 году Канада заявила о выходе из Киотского соглашения, объяснив это тем, что, поскольку действие Киотского протокола не распространяется на двух мировых лидеров по выбросам парниковых газов – США и Китай, постольку соглашение не работает.

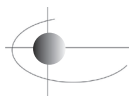
Многие (политики, предприниматели, обычные люди) рассуждают по принципу «На наш век хватит», не задумываясь о будущих поколениях. Всегда есть срочные потребности, удовлетворение которых затрудняется в ситуации соблюдения обязательств по защите природы. Получается, что страдают все, однако экономический ущерб несут самые честные – те, кто договоры выполняет и даже при отсутствии таковых делает всё для защиты природы.

Когда Хардин анализирует демографические проблемы, он ссылается на Т. Мальтуса: «Население, как отмечал Мальтус, имеет естественную тенденцию к росту в геометрической прогрессии, или, как мы сказали бы сейчас, по экспоненте. В мире, где ресурсы небесконечны, это означает, что доля его благ, приходящихся на душу населения, должна постоянно уменьшаться» [19].

Механизм, благодаря которому периоды стабильного развития неизбежно приводят к кризисам и даже голоду, Мальтус назвал ловушкой, получившей позднее имя свое-

го автора – «мальтузианской ловушкой». Л. Е. Гринин даёт такое определение: «Под мальтузианской ловушкой в отношении сложных и сверхсложных аграрно-ремесленных обществ следует понимать почти неизбежную опасность оказаться в ситуации тупика и социально-структурного кризиса вследствие перенаселения, которое становится возможным именно в результате быстрого и успешного развития» [1, с. 101]. Как известно, Т. Р. Мальтус, рассуждая о росте народонаселения, отмечал, что последний может быть остановлен лишь встречными причинами, которые сводятся к нравственному воздержанию или несчастьям (войны, эпидемии, голод). Мальтус считал средства для контроля рождаемости «противными нравственности», греховными. «В соответствии с христианскими нормами, необходима целомудрость, поскольку эта добродетель представляет собой единственное законное средство для устранения пороков и бедствий, сопровождающих закон возрастания населения» [6]. Хардин вместо мальтузианского целомудрия предлагает конкретные (как сейчас говорят, непопулярные), государственные меры, которые могут вызвать отпор со стороны общественности, признающей лишь демократические нормы.

Здесь я вынуждена привести большую цитату из статьи Хардина, в которой высказывается его главная мысль: «Как в условиях “государства всеобщего благосостояния” нам быть с семьями, религиозными общинами, расами, классами, да и любыми отдельными и сплочёнными социальными группами, превращающими чрезмерно высокую рождаемость в средство для увеличения собственной численности? Соединить концепцию свободного воспроизводства с идеей о том, что каждый родившийся ребёнок должен иметь равное право доступа к ресурсам общего пользования – значит направить человечество по пути, ведущему к трагедии. К сожалению, именно так действует Организация Объединённых Наций. В конце 1967 года примерно 30 государств договорились о следующем: “Во Всеобщей декларации прав человека семья называется естественной и основополагающей ячейкой общества. Из этого следует, что любой выбор или решение, связанные с размером семьи, должна принимать только сама семья, и никто иной”. <...> Если мы ценим истину, нам следует в открытую заявить о нереальности Всеобщей декларации прав человека, пусть она и принята Организацией Объединённых Наций» [19].

Здесь Хардин говорит о практически неразрешимом противоречии между общими и частными интересами. Если добавить к этому ещё и личные интересы, которые могут не совпадать как с частными, так и с общими, то трагедия обнажается на ещё более высоком уровне. В природе такое противоречие решается легко: приоритет принадлежит системе в целом, а её подсистемы и отдельные элементы лишь выполняют функции, определяемые по объективным законам этой системой. Но в обществе развитие с возникновением цивилизации, субъективного элемента, с неизбежностью приведшего к идее гуманизма¹, нарушило данное соотношение.

Далее учёный показывает, что обращение к совести людей, призывы сократить рождаемость, могут уничтожить ту самую совесть, так как те индивиды, что прислушались к призыву, то есть, наиболее совестливые, не передадут свои гены потомству. Он замечает, что эта мысль пришла уже к Чарльзу Дарвину, который высказал её, выступая на столетнем юбилее своего знаменитого деда². Хардин цитирует Дарвина: «Может случиться, что подобное развитие инстинкта размножения займёт... сотни поколений, но, если это произойдёт, возмездия природы не избежать: *Homo contracepiens* исчезнет с лица Земли, и его место займёт *Homo Progenitivus*»³ [19]. И здесь, как справедливо замечает Хардин, проявляется та же самая трагедия ресурсов общего пользования⁴.

На наш взгляд, причина того, что большинство людей не будут прислушиваться к таким призывам, заключается в том, что в данной ситуации побеждает естественная составляющая человеческой психики. Генетически в нас заложена программа иметь как можно больше потомков для выживания биологической популяции. А наша совесть изначально является результатом биологической эволюции, так как основная её функция – стимуляция деятельности, способствующей сохранению группы: в тех случаях, когда собственные интересы противоречат групповым,

¹ В доцивилизированном обществе действовало природное правило, господствовал принцип «Человек для общества».

² Речь идёт об Эразме Дарвине (1731–1802) и его книге «Зоономия, или Законы органической жизни».

³ В вольном переводе автора статьи с латинского это «Человек, применяющий контрацепцию» и «Человек, дающий потомство».

⁴ Ответом на вопрос, почему не исчезают альтруисты (а в данном случае альтруистов можно понимать как совестливых людей), занимались социобиологи, но так как данный вопрос выходит за рамки проблемы статьи, оставим его в стороне.

совесть требует от человека отдавать приоритет последним. Другими словами, призывы к ограничению рождаемости будут создавать диссонанс в психике человека, когда социальная составляющая совести будет противоречить её естественной составляющей.

Хардин говорит, что «каждое новое ограничение на общедоступность ресурсов связано с нарушением чьей-либо личной свободы», но он согласен с формулой Гегеля о том, что «свобода есть осознанная необходимость». А самым важным аспектом необходимости на момент написания статьи он называл «необходимость отказаться от принципа ресурсов общего пользования в воспроизводстве». Отказаться от свободы в сфере воспроизводства он призывал немедленно, поскольку только так можно «сохранять и укреплять другие, более ценные свободы». Хотя, как именно это сделать, Хардин не объясняет, полагаясь, видимо, в этом вопросе на специалистов-законодателей.

Вот здесь и видна причина многих противоречий, приводящая к утопичности (по крайней мере, на сегодняшний период и в той перспективе, которую мы можем более или менее точно прогнозировать) теории Хардина. Принять какой-либо действенный закон в сфере регулирования рождаемости можно лишь на уровне всего человечества, что явно нереально. Для человечества в целом увеличение населения имеет неблагоприятные последствия. А для каждой отдельной страны (исключая те, которые уже страдают от перенаселённости) – выгодно, так как увеличивает количество защитников от внешних врагов и позволяет закрепить за собой пустующие территории, если они ещё имеются.

Достигли ли мы демографического потолка? В 2008 году были опубликованы результаты исследования «Вестника 2-х D»: «...произведён расчёт так называемой оптимальной «несущей способности планеты», представляющей собой количественную оценку числа людей, которых планета в состоянии обеспечить своими возобновимыми биоресурсами на долгосрочной основе. Оказалось, что наша планета способна обеспечить условия для устойчивого проживания и пропитания по нынешним, весьма высоким стандартам потребления, населению, не превышающему 4,5 млрд человек (4483,8 млн). Такое значение получено путём деления глобальной биоёмкости планеты, доступной человечеству, на удельный экологический след потребления среднестатистического жителя планеты. Таким образом, уже можно с уве-

ренностью говорить о количественных параметрах перенаселённости планеты, уровень которой сегодня (2008 г.) достиг 33,5 %, или 2256 млн человек»¹.

В настоящее время, то есть время написания статьи (13 февраля 2018 г.), сайт, называющийся «Население Земли – Счётчик населения мира», на 8 утра Московского времени показывает цифру 7 857 915 183 человека². Выходит, что согласно публикации 2008 года, мы перешагнули потолок, превысив критический уровень почти в 2 раза. Конечно, эту цифру нельзя понимать как абсолютно верную, но тенденцию она наверняка отражает верно.

Заключение. Таким образом, трудности реализации принципов практического гуманизма обусловлены противоречиями интересов отдельных личностей, больших и малых групп людей и человечества в целом. Что касается Хардина, то он не учёл того факта, что нация, не имеющая такого числа населения, как Индия, или Китай, не согласится на ограничение роста населения, который может подорвать её безопасность.

Для малых этносов это ещё менее привлекательно, так как угрожает полным растворением культуры в более многочисленных этносах. Во многих культурах, находящихся на низком уровне развития, об этом вообще никто не задумывается, там многодетность – традиция, которую никто не захочет нарушать. Гуманно, или антигуманно запрещать женщине удовлетворять естественную по-

требность рожать детей? Мы уже говорили, что для индивида это негуманно, для человечества в целом – гуманно, так как создаёт возможность более высокого качества жизни для тех, кто будет жить в будущем. Если же никак не ограничивать рождаемость, то мы рано или поздно вновь попадём в мальтузианскую ловушку, как бы ни развивались наши наука и техника. Надежды на расселение землян в космосе не подтверждаются научными данными. Таким образом, задача на современном этапе представляется неразрешимой. Она имеет шанс разрешиться лишь при условии, когда человечество полностью объединится. Такая перспектива в настоящий момент кажется ещё более утопичной ввиду огромного числа межличностных и межгрупповых противоречий. И, в то же время, разум человека имеет шансы подчинить себе чувства, что довольно часто случалось в истории.

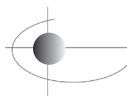
В своих предыдущих публикациях я отмечала, что господствующие в разное время противоречивые принципы: в начале истории – «Человек для общества», в период становления гуманистических представлений – «Общество для человека» неизбежно должны объединиться в принцип «Человек для общества и общество для человека» [11, с. 126], что совпадает с высказанными выше положениями В. А. Лекторского, и что должно, на мой взгляд, стать основой современной идеи гуманизма. Общество и человек нужны друг другу и должны учитывать интересы и ценности друг друга.

Список литературы

1. Гринин Л. Е. Модернизационные (постмальтузианские) ловушки // История и Математика: социально-экономические процессы: ежегодник. Волгоград: Учитель, 2014. С. 98–127.
2. Гуманизм (Фролов) [Электронный ресурс] // Понятия и категории. Режим доступа: <http://www.ponjatija.ru> (дата обращения: 18.02.2018).
3. Гуревич П. С. Парадоксы современного гуманизма // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М.: Ленанд, 2014. С. 127–146.
4. Корсаков С. Н. Место и роль гуманизма в будущей цивилизации / отв. ред. Г. Л. Белкина; ред.-сост. М. И. Фролова. М.: Ленанд, 2014. 400 с.
5. Лекторский В. А. Имеет ли гуманизм смысл сегодня // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М.: Ленанд, 2014. С. 24–34.
6. Мальтус Т. Р. Опыт закона о народонаселении [Электронный ресурс] / пер. И. А. Вернер. М.: К. Т. Солдатенков. 1895. 321 с. Режим доступа: <http://www.ecocrisis.wordpress.com/miscellanea/опыт-закона> (дата обращения: 18.02.2018).
7. Межуев В. М. Гуманизм и современная цивилизация // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М.: Ленанд, 2014. С. 35–57.
8. Пастушный С. А. Философская концепция И. Т. Фролова в её содержательном единстве // Вопросы философии. 2014. № 12. С. 103–107.
9. Субботина Н. Д. Естественные и социальные основы гуманности // Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: V Междунар. науч. конф. (г. Чита, 27–28 мая 2014 г.) / под общ. ред. Н. Д. Субботиной, М. В. Приваловой. Чита: ЗабГУ, 2014. С. 155–164.

¹ Определена несущая способность Земли – не более 4,5 млрд человек [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ecocrisis.wordpress.com/2014/09/23/4530/> (дата обращения: 13.02.2018).

² Население Земли – Счётчик населения мира [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.Countrymeters.info> (дата обращения: 13.02.2018).

10. Субботина Н. Д. Естественные и социальные составляющие агрессии // Гуманитарный вектор. 2010. № 4. С. 88–99.
11. Субботина Н. Д. Естественные и социальные составляющие эмпатии и альтруизма // Гуманитарный вектор. 2011. № 2. С. 58–66.
12. Субботина Н. Д. Социальная эволюция и поведение человека: Диалектика естественного и социального, сохранения и развития. М.: Ленанд, 2014. 432 с.
13. Субботина Н. Д. Проблема соотношения естественного и социального в обществе и человеке: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. Улан-Удэ, 2002. 400 с.
14. Франк С. Л. Духовные основы общества [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.azbyka.ru...Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshestva (дата обращения: 18.02.2018).
15. Фролов И. Т. Перспективы человека: опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1979. 336 с.
16. Фролов И. Т. О человеке и гуманизме: работы разных лет / Избранные труды: в 3 т. Т. 3. М.: Наука, 2003. С. 151–632.
17. Фролов И. Т. Человек. Философия. Гуманизм // Место и роль гуманизма в будущей цивилизации. М.: Ленанд, 2014. С. 9–24.
18. Bentham J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation, printed in 1781 and published in 1789 [Электронный ресурс]. Ontario, 2000. Режим доступа: <https://www.socialsciences.mcmaster.ca/Morals> (дата обращения: 10.02.2018).
19. Hardin G. The Tragedy of the Commons [Электронный ресурс] // Science. New Series. 1968: Vol. 162, is. 3859. Pp. 1243–1248. Режим доступа: <http://www.science.sciencemag.org/content/162/3859/1243.full> (дата обращения: 10.02.2018).

Статья поступила в редакцию 28.02.2018; принята к публикации 27.03.2018

Библиографическое описание статьи

Субботина Н. Д. Трудности реализации принципов практического гуманизма (к 50-летию публикации статьи Гаррета Хардина «Трагедия ресурсов общего пользования») // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 132–141. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-132-141.

Nadezhda D. Subbotina,
Doctor of Philosophy, Professor,
Transbaikal State University
(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039 Russia),
e-mail: dialectica@yandex.ru

Difficulties of Realization of the Principles of Practical Humanity (to the 50th Anniversary of the Publication of the Article by Garret Hardin “The Tragedy of The Commons”)

The author of the article addresses the problem posed 50 years ago by the American scientist Garret Hardin who claimed that the tragedy of public resources is because each person seeks to maximize the benefit, causing thereby damage to all mankind. Hardin considered that for preservation of Earth legislative measures for restriction of birth rate are required. The author offers the explanation for why Hardin’s ideas could not be implemented. As opposed to a number of statements, the author of the article considers that humanity is correlated to human nature though in human nature there are also prerequisites interfering humane behavior. In the article, the possibility of realization of the principle of a priority of common interests over private is analyzed. According to the author, the complexity of realization of the principles of humanity is caused by the fact that in the idea of humanity contradictions between universal, private and personal interests and values are not considered. For mankind in general, reduction of the birth rate is a way of self-preservation and protection of the exhausted resources of Earth. For most the states, including Russia, it threatens with weakening and for small ethnoses – with death. As for the certain person, he needs to solve what interests to put on the first place: universal, group (state, ethnic, etc.) or the personal.

Keywords: humanity, principles of humanity, G. Hardin, public resources, problem of restriction of birth rate

References

1. Grinin L. E. Modernization (postmastership) trap. History and Mathematics: socio-economic processes. Ezhegodnik. Volgograd: Izd-vo “Uchitel”, 2014: 98–127.
2. Humanism (Frolov). Concepts and categories. Web. 18.02.2018. <http://www.ponjatija.ru/>
3. Gurevich, P. S. Paradoxes of modern humanism. In the Place and role of humanity in the future civilization. M: LENAND, 2014: 127–146.

4. Korsakov, S. N. The place and role of humanity in the future of civilization. M: LENAND, 2014.
5. Lektorskiy V. A. Does humanism have any meaning today? The Place and role of humanity in the future civilization. M: LENAND, 2014.
6. Malthus, T. R. The Experience of the law on population. Translated by I. A. Verner. M: K. T. Soldatenkov. 1895. Web. 18.02.2018. <https://www.ecocrisis.wordpress.com/miscellanea/опыт-закона>
7. Mezhujev, V. M. Humanism and modern civilization. Place and role of humanism in the future civilization. M: LENAND, 2014.
8. Pustoshny, S. A. The Philosophical concept of I. T. Frolov in its substantial unity. Voprosy filosofii, no. 12, pp. 103–107, 2014.
9. Subbotina, N. D. Natural and social basis of humanity. Proceedings of the 5th International Scientific Conference. Chita: 27–28 May 2014: 155–164.
10. Subbotina, N. D. Natural and social aspects of aggression. Gumanitarnyi vektor, no. 4(24), pp. 88–99, 2010.
11. Subbotina, N. D. Natural and social components of empathy and altruism. Gumanitarnyi vektor, no. 2 (26), pp. 58–66, 2011.
12. Subbotina, N. D. Social evolution and human behavior: Dialectics of natural and social, conservation and development. M: LENAND, 2014.
13. Subbotina, N. D. The problem of the relationship between natural and social in society and man. Dr. sci. diss. Ulan-Udeh, 2002.
14. Frank, S. L. Spiritual foundations of society. Web. 18.02.2018. http://www.azbyka.ru/otechnik/Semen_Frank/duhovnye-osnovy-obshchestva/
15. Frolov, I. T. Prospects of the person: Experience of complex statement of a problem, discussion, generalization. M: Politizdat, 1979.
16. Frolov, I. T. About man and humanism. Works of different years. Izbrannye trudy v 3-kh tomakh. T. 3. M: Nauka, 2003: 151–632.
17. Frolov, I. T. People. Philosophy. Humanism. In: The Place and role of humanity in the future civilization. M: LENAND, 2014: 18–24.
18. Bentham, J. An Introduction to the Principles of Morals and Legislation, printed in 1781 and published in 1789 (Batoche Books: Kitchener, ON Canada, 2000). Web. 10.02.2018. <https://socialsciences.mcmaster.ca/Morals>.
19. Hardin, G. The Tragedy of the Commons. Science. New Series, vol. 162, Issue 3859, pp. 1243–1248, dec 1968. Web. 10.02.2018. <http://www.science.sciencemag.org/content/162/3859/1243.full>.

Received: February 28, 2018; accepted for publication March 27, 2018

Reference to the article

Subbotina N. D. Difficulties of Realization of the Principles of Practical Humanity (to the 50th Anniversary of the Publication of the Article by Garret Hardin “The Tragedy of The Commons”) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 132–141. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-132-141.

КУЛЬТУРА И ОБЩЕСТВО

CULTURE AND SOCIETY

УДК 130.2

Александр Сергеевич Аневский,
аспирант,
Московский государственный институт
международных отношений (Университет)
МИД России
(119454, Россия, г. Москва, пр-т Вернадского, 76),
e-mail: alexander.anevsky@gmail.com

Смысловые доминанты освоения художественного наследия в культуре современной России (на примере изобразительного искусства 1920–1930-х гг.)

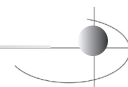
В современном мире в условиях глобализации наблюдаются процессы не только информационного обмена в различных, в том числе культурных сферах, но и тенденция интереса к национальной культуре, а также стремление к её «экспорту». В частности в России, огромный потенциал сегодня имеет популяризация культурного наследия отечественных художников, работавших в XX веке, в эпоху тотальных общественных потрясений. Многие факты культуры 1920–1960-х годов становятся настоящим открытием для специалистов именно сегодня. Тем не менее, для широкой аудитории остаётся непреложным факт: мы не знаем имён отечественных художников после авангарда. В статье подчёркивается важность культурфилософской рефлексии проблемы популяризации искусства и культурного наследия на примере изобразительного искусства 1920–1930-х годов, необходимость исследования процессов популяризации, фиксируются методы и средства её осуществления в современных социокультурных условиях. Обращение к малоизвестным фактам отечественной культуры недавнего прошлого может содействовать переосмыслению значения и роли отечественной культуры XX века в мировых глобальных процессах, созданию положительного образа национальной идентичности, а также положительного образа России за рубежом.

Ключевые слова: трансляция, «мягкая сила», глобализация, изобразительное искусство, социальная коммуникация, художественный авангард, образ России

Введение. Постоянный информационный обмен в различных сферах, от экономики до культуры, – одна из основных тенденций жизни современного общества. Для многих людей доступ к мировым культурным ценностям стал естественной потребностью, нередко требующей перешагнуть не только через политические границы, но и через национальные традиции [22]. С другой стороны, при этом во многих странах нарастают социальные настроения, направленные на постоянное уточнение и дополнительную фиксацию собственной культурной идентичности [3; 4; 5, с. 233], следствием чего становится встречная тенденция интереса к национальной культуре, а также стремление к её «экспорту» в форме культурных обменов, выставок и т. д.

Методология и методы исследования.

Для специалистов в данной области насущным становится философский вопрос: насколько мы осознаём богатства своей культуры? Понимаем ли художественный язык своего недавнего прошлого, точнее – разнообразие этих языков? Отметим, что далеко не все эти языки описаны, восприняты и оценены по достоинству. Обращение к аксиологическому методу в сочетании с подходами философской антропологии позволяет сфокусировать внимание на наиболее существенных процессах в сфере художественной культуры, как в капле воды отражающих социальные тренды со всеми их «вихревыми» движениями, противотоками и т. д. Всё это и определяет возможность уточнить специфику философско-культурологического анализа

сложных общественных явлений, имеющих пролонгированное значение для современности. Таким образом, опора на тексты классиков – социологов и философов, таких, как П. Бурдьё [3–5] и Н. Луман [15], – дополняется в работе обращением к трудам современных исследователей данной проблемы – А. В. Балашова, В. С. Глаголева, Ж. Липовецкого, Г. Ю. Литвинцевой [1; 8; 9; 13; 14].

Результаты исследования и их обсуждение. В России сегодня огромный потенциал имеет популяризация культурного наследия отечественных художников, работавших в XX веке, в эпоху тотальных общественных потрясений. Среди них есть те, чьи имена ещё только входят в сокровищницу мировой художественной культуры, становятся открытиями специалистов и исследователей. Но касательно широкой аудитории, заинтересованного, но «непрофессионального» зрителя сегодня остаётся непреложным факт: мы не знаем имён отечественных художников после авангарда. Загадочное белое пятно в общественном сознании, распространившееся почти на весь русский XX век в искусстве, – огромная трагедия, это потеря обществом живых источников именно актуальных духовных ценностей наследия сотен художников, например, Р. Барто и А. Шевченко, К. Истомина и Н. Прокошева, А. Древина и Н. Удальцовой, М. Соколова и А. Софроновой, А. Глускина и С. Адливанкина, Б. Голополова и Н. Витинга, даже имена относительно известных А. Лабаса, А. Тышлера, В. Лебедева, Т. Мавриной, Ю. Васнецова – не имеют почти никакой опоры в массовом сознании. Открытие этих имён – огромное приобретение для современного общества, напряжённо ищущего свою культурную идентичность, свою духовную основу [7].

Материальное воплощение национальной художественной культуры нуждается, как известно, в поддержке соответствующей инфраструктуры. Вместе с тем сегодня усиливается социокультурное значение музея – основного места взаимодействия общества с этими ценностями, строящегося сегодня по принципу интерактивности [24]. Музейное собрание, как известно, стремится к полноте коллекции по выбранным параметрам; хранение требует выполнения определённых норм и стандартов, чёткого описания; исследование предполагает всестороннее изучение арт-объектов и описание их роли в культуре; современное экспонирование связано с творческой работой кураторов на основе соответствия техническим нормам и стандар-

там. Важнейшей функцией музея является *популяризация* соответствующих произведений, что невозможно без детального научного анализа и философского осмысления.

Что же такое современная популяризация? Можно ли ставить знак равенства между её успешностью и количеством посетителей выставки? Совпадает ли она с мерами, принятыми для привлечения внимания к изобразительному искусству в целом, либо определяется степенью узнаваемости конкретного образа? Может быть, популяризация в свете информатизации – успешное продвижение цифрового изображения артефакта в интернет?

Поиск общих определений даётся в этой сфере с большим трудом. Однако он необходим не только в силу потребности формализовать данное направление исследовательской работы. Строгость дефиниций в данном случае способствует осознанию высокой социокультурной «валентности» изучаемого феномена, а также помогает решению практических задач популяризации наследия творческих школ и направлений, достойных занять место в ряду выдающихся явлений духовной жизни русской культуры.

Во-первых, понятие популяризации тесно связано с семантикой способа трансляции знаний – образованием, просвещением (в смысле распространения знаний и культуры), в недавнем прошлом – ассоциировалось с пропагандой идеологии. Словари определяют популяризацию как «изложение какого-либо сложного вопроса в простой общепонятной форме; распространение чего-либо, стремление сделать что-либо широко известным». В любом случае, несомненна её связь с социальной коммуникацией [15; 22].

Впрочем, распространено мнение, что изобразительное искусство – это элитарная, специфическая область, и «неспециалист» вряд ли должен ориентироваться в тенденциях живописи недалёкого прошлого. Однако постоянный рост интереса к изобразительному искусству (от выставки В. Серова 2016 года в ГТГ до зимних очередей именно «обывателей» на проекции картин Ван Гога в центре Artplay в том же году) фиксирует живой интерес широких слоёв общества к изобразительному искусству [8], причём искусству «оптимистическому», которое «в позитивном ключе» (но в то же время искренне и талантливо) освещает проблемы личности в её многоуровневом отношении с обществом. Не последнее место занимает в общественном сознании процесс усиления влияния патриотических

идей, для гармоничной реализации которых необходимо знание истории культуры.

Действительно, самовоспроизведение социальной коммуникации при отсутствии просветительской установки на «рост» личности (а пропаганда и популяризация – действия, стоящие в ряду этой идеи) вряд ли можно назвать перспективным. Не случайно вопросу о популяризации изобразительного искусства так много внимания уделяло советское руководство [16]. Не секрет: для этого периода времени прогресс «в идеале» всё же означал не только экономическое развитие, но прежде всего «перековку» человека на новый лад, – жестокую, но в то же время не лишённую деформированных представлений о том, что нужно сделать «как лучше». Просвещение предполагалось одним из средств такой «перековки» [6].

В отличие от просвещения масс, «вооружающего» общество аппаратом культуры, популяризация – это распространение информации с получением своеобразного отклика. Популяризовать – значит не только доставить новую информацию до адресата, но и заинтересовать его, увлечь, мотивировать, сделать информацию актуальной, возможно даже за счёт потери качества содержания.

Возможно, современному описанию процессов популяризации в большей степени соответствует понятие *трансляции*, интерпретируемое в естествознании как усиление и передача сигнала. Этот термин релевантен не-пропагандистской популяризации, – его использование, как минимум, отсекает одиозные примеры «раскрутки», то есть популяризации в коммерческих целях фактов массовой культуры, симулирующих смысл [2; 12; 14; 18]. Подчёркнём: кажущееся на слух устаревшим понятие пропаганды – внедрение в массовое сознание какой бы то ни было идеологии, – сегодня фактически вернулось в обиход культуры, выступая в обличие «мягкой силы» [19–21; 25].

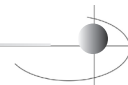
Итак, в условиях сегодняшнего дня популяризация представляется не очень удачным термином, который несёт массу негативных ассоциаций: поверхностность или отсутствие ценности и смысла, жертва содержанием в пользу эффектности. Тем не менее, в современных социокультурных практиках именно популяризация определяет успех того или иного проекта, переводит его из элитарного поля в сферу, востребованную широкими слоями общества, наполненную энергией, финансируемую, тиражируемую, обсуждаемую, то есть – живую.

Популяризация – не однозначное действие, не кнопка, которая включает определённые эффекты и запускает общественную реакцию, скорее, это – совокупность сложных социокультурных процессов, в которых важно учитывать не только доминирующие составляющие (волю государства и государственную поддержку), но и работу конкретных энтузиастов, не только предысторию общественного интереса к теме, мировую моду на культуру [13, с. 9], развитие (или эволюцию) эстетического восприятия в обществе, но и успех того или иного конкретного дизайнерского решения, маркетинг проекта, работу SMM и т. п.

Стоит отметить, что дело популяризации художественного наследия берут на себя не только частные галереи и иные структуры. Один из крупнейших хранителей и популяризаторов здесь – государство. В огромной степени благодаря его участию собраны и получили широкую известность прекрасные коллекции живописи изучаемого периода. Известным минусом, однако, выступает в этом случае определённая политизация самого процесса создания и презентации публике государственных коллекций. Изобразительное искусство не сводимо к функции идеологического рупора. Интуитивно отвечая на духовные запросы общества, оно, вопреки мнению Платона [17], способно сохранить свой потенциал, только дистанцируясь от любого типа «любовой» ангажированности.

Вопрос о мере такого дистанцирования особенно остро стоял для творчески одарённых личностей в период противостояния советского официального искусства, объединённого стилем социалистического реализма и неофициального искусства, имеющего самые разные воплощения: от международных языков экспрессионизма, абстракционизма и т. п. до национальной реалистической традиции, далёкой тем не менее от патетики официоза [10].

На практике приведённое выше рассуждение позволяет лучше понять, почему целая эпоха 1930–1950 годов (между «высоким» авангардом и авангардом периода советской «оттепели») нередко представляется в массовом сознании (как у нас в стране, так и за рубежом) пустыней крайне политизированного, поверхностного и пугающего «лже-искусства». Во многом такая ситуация – результат инерции восприятия как советской, так и антисоветской пропаганды. Но есть у неё и обратная сторона, выводящая из поля зрения потенциальной аудитории целый пласт само-

бытных работ, составляющих одну из вершин изобразительного искусства советского периода. Дело в том, что после распада Советского Союза не было предпринято должных государственных усилий в области «непропагандистской» популяризации этого искусства. С другой – растерянность и отсутствие необходимых действий в области популяризации со стороны частных коллекционеров и популяризаторов, замкнувших свои художественные интересы в сравнительно узкой и хорошо изученной тематике.

В то же время попытки внедрения культуры «высокого» авангарда в современную массовую культуру – процесс, результаты которого заметны уже несколько лет (может быть, начиная с церемонии открытия зимней Олимпиады в Сочи в 2012 году, в которой использовалась стилистика русского авангарда). Это внушает надежду, что следующим пластом культуры, востребованным и актуальным для современного общества, станет период условного «поставангарда». При этом нельзя забывать, что выявление наследия авангарда – результат отчаянных усилий большого числа исследователей, музейных работников, коллекционеров, многие, если не большинство были энтузиастами, работавшими вопреки государственной установке и нарушавшими официальные запреты. Возможно, сегодня от общества требуется подобный острый интерес к прошлому культуры, своеобразная культурная жажда, определяющая титанические усилия – в противном случае то немногое, что мы знаем о периоде «поставангарда», захлебнётся в конкурирующих информационных потоках глобально ориентированной культуры [11].

Какими путями это достигается? Какие практические методы и средства можно перечислить в рамках процессов популяризации отечественного искусства указанного периода?

Первое, что подтверждает статус художника: его работы находятся в коллекции крупного государственного музея. Как ни парадоксально, музеефикация на сегодняшний день – первая важная ступень популяризации искусства, своеобразная гарантия того, что имя художника вписано в историю искусства. Соответственно то, что работу современного художника принял в дар тот или иной центральный музей – факт огромного значения, закрепляющий статус автора, устанавливающий границу профессионального признания, которая отличает его от тысяч художников. Впрочем, как правило, работы,

которые не прошли процедуру дальнейшей «популяризации», остаются в запасниках музея и не экспонируются, или это происходит крайне редко.

Во-вторых, существенную роль для популяризации наследия играет наличие работ в известных частных или корпоративных коллекциях. Более «насыщенная» жизнь ждёт картины и рисунки в частной коллекции профессионального коллекционера. Профессионального – значит отдающего достаточно сил, средств, времени на то, чтобы коллекция развивалась, жила, то есть увеличивалось собрание, предметы изучались, находились в сохранном состоянии, не оставаясь в «сундуках скупого рыцаря», периодически экспонировались и становились бы известными, знакомыми широкой публике [1, с. 8]. Последнее важно как фактор популяризации искусства. Благодаря таким частным собраниям, их совместным проектам с музеями и государственными структурами ежедневно открываются самые разнообразные выставки, появляются новые книги, сайты, исследования.

Настоящие частные коллекции – это всегда личный взгляд на искусство [9], именно такой подход, делающий акцент на осмыслении действительной роли собрания как феномена, опирающегося на «вечные ценности», породило идею музея личных коллекций, когда единство коллекции сохраняется в музейной экспозиции и коллекционер – автор коллекции, – остаётся в истории искусства.

С другой стороны, имеется и отрицательная сторона частного коллекционирования – «самодурство» и неприятие личной ответственности за обладание предметами искусства. Можно привести огромное количество примеров, когда лучшие, ценнейшие артефакты надолго или навсегда исчезали из общественного поля, когда художника незаслуженно забывали, потому что хранители наследия 50–70 лет его никому не показывали, когда не выполнялась необходимая реставрация и работы утрачивались, когда выбрасывали архивы за ненадобностью, когда наследие оставалось неизученным и неопианным и т. п.

В-третьих, в процессах популяризации важна история продаж и рынка искусства. Вопрос о стоимости той или иной работы очень часто остаётся неопределённым: слишком ограничен спрос, слишком мало информации о художнике. Безусловно, ситуация в этой сфере будет постепенно меняться. Большая опасность для наследия в этом случае – получить клише «антиквариат». Советское

политически не ангажированное искусство 1930–1950-х годов остаётся сугубо актуальным, неизученным, неразработанным и поэтому не может остаться в нашей жизни просто прекрасным свидетельством ушедшей эпохи. В этом – принципиальное отличие культурного наследия указанного периода от предыдущих эпох.

В-четвёртых, в целях популяризации требуются исследовательские статьи. Хранители наследия и коллекционеры часто заказывают статьи профессиональным искусствоведам. Это статьи к каталогам, статьи в журналы. Подобные тексты имеют большое значение для наследия и «живут» в библиографии художника вне зависимости даже от их качества или степени актуальности. Так, для многих художников советские статьи, написанные с «идеологическим акцентом», по-прежнему остаются основными текстами, анализирующими их творчество, других пока не написано. Опыт показывает, что многие искусствоведческие статьи созданы на основе более ранних текстов, для исследователя проще идти по чьим-то следам, чем брать на себя смелость поддерживать неизвестное, «забытое» искусство.

В-пятых, большое значение имеют новые книги и монографии. Так или иначе, все методы популяризации искусства подтверждают его исключительный статус, одновременно вписывают в определённый контекст культуры, связывая с другими исключительными именами – именами известных учителей, плеяды учеников, круга общения и т. д. В этом смысле можно сделать предположение, что книги о художниках и даже художественные альбомы зачастую издаются не для распространения информации, а подтверждают (или устанавливают) статус художника. Поэтому книги по искусству малоизвестных художников, как бы идеально они ни были сделаны, плохо продаются, не играют значительную роль в популяризации творчества художника для широкого круга, но помимо прямого своего назначения – фиксации результатов исследований – оповещают специалистов и коллекционеров о повышении статуса художника.

В-шестых, новые выставки. Это – естественная возможность без посредника познакомиться с творчеством художника, осмыслить его вклад в «смыслополагание культуры» [23]. В современном мегаполисе, когда еженедельно открываются десятки художественных выставок, большое значение стало играть их оформление, статус выста-

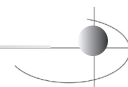
вочного зала, наличие каталога, освещение и т. д. Более того, мы видим фактическую границу между выставками, представляющими «классический» подход к экспозиции (где по концепции, оформлению, освещению, зрителям, публике, даже по цвету стен можно определить, какое искусство представлено) и современный – более эффектный (и одновременно сдержанный), подход к созданию выставки, свойственный, как правило, современному искусству. Поэтому от оформления и концепции выставки сегодня зависит, насколько представленное искусство будет актуально, найдёт путь к современному зрителю.

Необходимо участие работ художников в сборных выставках. Сегодня много усилий требуется потратить для внедрения наследия и имени художника в «пул» выставляемых на групповых выставках того или иного периода и темы. Эти темы постоянно повторяются, а выставочные залы придерживаются примерно одного и того же списка авторов. «Попасть в списки» – важная задача для хранителей наследия.

В-седьмых, имеет значение, как художник позиционируется в интернет. Наличие здесь условий, при которых любой заинтересованный и способный сформулировать запрос пользователь мог получить необходимую информацию, – важный шаг на пути популяризации художественного наследия. Создание сайтов, страниц в Википедии и т. п. должно сочетаться здесь с постоянным обновлением, рекламой и «продвижением» сайта. Иначе любая страница в сети Интернет теряется в бесконечном потоке информации. Виртуальное присутствие наследия в нашей современной жизни – сложная тема, связанная с многими переменными (престижность, статусность, дизайн, информативность, лаконичность и т. д.), которые меняются со временем и требуют адаптации для различной аудитории.

Возможно, удачный формат популяризации – кино. Перевод на язык документального или художественного кинофильма материала, связанного с биографией и творческой деятельностью художника, имеет большое значение. Именно так этот материал попадает в массовую аудиторию, где в доступной и яркой форме представляет художника через его личность и детали биографии, при этом сохраняется возможность представлять сам художественный материал.

В-восьмых, значительный потенциал в популяризации художественного наследия

имеет сувенирная продукция. Поддерживая идею тиражирования, данный метод, с одной стороны, исходно «занижает» планку восприятия». С другой – современные технологии позволяют делать высококачественные копии работ художников на бумаге, холсте, ткани и т. п. Музейные магазины и магазины при учреждениях культуры – идеальные места для распространения подобной продукции. Напомним: во многих европейских и американских музеях идёт успешная торговля принтами и постерами – высококачественными репродукциями картин и графики художников, продаётся и пользуется спросом недорогая печатная графика современных художников.

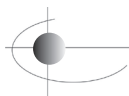
В теории авторские отчисления при продаже репродукций помогают развивать работу с наследием художника, оплачивать новые исследования и т. п. Эта культура только появляется в России, но уже обещает стать эффективным инструментом популяризации отечественного изобразительного искусства. Возможно, подлинная популяризация искусства и состоит в том, что создаётся культурное пространство для потребления аудитории высококачественных копий артефактов. Говоря словами Луначарского, это процесс, когда картина «попадёт в каждый дом и изменит жизнь и быт людей, сделает её более жизнерадостной и светлой».

В **заключение** приходится констатировать, что масштабный проект популяризации искусства среди широких слоёв населения,

которому в нашей стране дала импульс программа на просвещение широких масс в виде пропаганды и популяризации произведений художественного творчества, в настоящее время все ещё далёк от своего полного и окончательного решения. Сформировавшаяся в годы Перестройки постоянная оглядка на элиту, на влиятельных и образованных её представителей (да и просто состоятельных людей, способных «выкупить» те или иные произведения искусства), до сих пор не сменилась в нашей стране благоразумным государственным регулированием деятельности государственных и частных организаций по полномасштабной трансляции культурного наследия периода XX века. Государственным музеям, как и частным коллекционерам, ещё предстоит стать основными «культуртрегерами» и популяризаторами (а точнее, трансляторами) искусства. Для этого есть все основания. В России, как и во всём мире, растёт количество коллекционеров и коллекций. Они находят продолжение своей жизни в симбиозе с государственными музеями и галереями; артефакты приобретают всё большую материальную ценность, становятся предметом инвестиций, постепенно получают статус «настоящей» культурной ценности. Может быть, подобное постепенное «перетекание» культуры от элиты «в массы», вполне свойственное идеям Просвещения и основанное на законах рынка и конкуренции, решит однажды актуальную проблему популяризации/трансляции искусства?

Список литературы

1. Балашов А. В. Художники русского авангарда. М.: AGEY TOMISH, 2016. 308 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Республика: Культурная революция, 2006. 272 с.
3. Бурдьё П. Социология социального пространства: пер. с фр. / отв. ред. пер. Н. А. Шматко. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с.
4. Бурдьё П. Стратегии воспроизводства и способы господства [Электронный ресурс] // Социология социального пространства. С. 104–105. Режим доступа: http://www.socioline.ru/files/5/39/sociologiya_socialnogo_prostranstva.pdf (дата обращения: 31.01.2018).
5. Бурдьё П. Дух государства: генезис и структура бюрократического поля [Электронный ресурс] // Социология социального пространства. Режим доступа: http://www.socioline.ru/files/5/39/sociologiya_socialnogo_prostranstva.pdf (дата обращения: 31.01.2018).
6. Время, вперёд! Культурная политика в СССР // Советская культурная политика и традиции Просвещения / Б. Кагарлицкий [и др.]; под ред. И. Глушенко, В. Куренного. М.: Высш. шк. экономики, 2013. С. 50–63.
7. Глаголев В. С. Величие России: основания, иллюзии и реалии // Философия хозяйства. 2006. № 1. С. 101–106.
8. Глаголев В. С. Аксиологические координаты творческой стихии // Творчество как национальная стихия. Смысл творчества: инновации Dasein: сб. ст. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2016. С. 41–48.
9. Глаголев В. С. Внутренний мир художника: парадоксальность и противоречивость // Многомерность внутреннего мира: философские ракурсы: сб. ст. М.: Берлин: Директ-Медиа, 2016. С. 32–45.
10. Глаголев В. С. Православные ценности в художественной культуре России конца XIX – начала XX века (М. В. Нестеров и П. Д. Корин) // Церковь, государство и общество в истории России и православных стран: религия, наука и образование: материалы VI Междунар. науч. конф., посвящ. памяти православных

просветителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия и 800-летию Владимирской епархии. Владимир: ВлГУ, 2014. С. 60–72.

11. Глаголев В. С. Россия в современном мире: особенности социальной динамики // Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: проблема культурных границ в современном мире: материалы VIII онвента РАМИ. М.: МГИМО-Университет, 2015. С. 34–42.

12. Зобова А. А. Провокативность медиапространства: аксиологический аспект // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 1. С. 434–438.

13. Липовецкий Ж. Империя эфемерного. Мода и её судьба в современном обществе / пер. с фр. Ю. Розенберг, под науч. и лит. ред. А. Маркова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.

14. Литвинцева Г. Ю. Ценностная природа массовой культуры в эпоху постмодерна // Ценности и смыслы. 2014. № 6. С. 51–64.

15. Луман Н. Что такое коммуникация? // Социологический журнал. 1995. Т. 3. С. 114–125.

16. Луначарский А. В. Наши задачи в области художественной жизни // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Худож. лит., 1967. С. 243–254.

17. Платон. Сочинения в четырёх томах. Т. 3: пер. с др.-греч. / под общ. ред. А. Ф. Loseva, В. Ф. Asmusa. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2007. Ч. 1. С. 97–457.

18. Сигнаевская О. Р. Мир человека: смыслы и ценности эпохи постмодерна // Вестник ЧелГУ. 2012. № 4. С. 11–16.

19. Силантьева М. В., Шестопал А. В. Межкультурная коммуникация. «Мягкая сила» культурных модуляторов // Ресурсы модернизации: возможности и пределы международного контекста: материалы VII Конвента РАМИ. М.: МГИМО-Университет, 2012. С. 204–211.

20. Силантьева М. В. Межкультурный диалог – основа плодотворного взаимодействия в системе международного партнёрства // Современная коммуникативистика. 2013. № 5. С. 14–17.

21. Силантьева М. В. Проблема «культурных границ» в современном мире: ценностный аспект // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. С. 235–239.

22. Силантьева М. В. Коммуникация как способ трансляции интенционального опыта локальных культур // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2016. Т. 5, № 4. С. 49–55.

23. Смирнов А. В. Сознание как смыслополагание // Философский журнал. 2014. № 1. С. 35–57.

24. Худякова Л. А. Музей в эпоху постмодерна: потери или возможности? // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 12–21.

25. Чупрова И. А. Музыкальная культура России как инструмент «мягкой силы»: раскрытие образа отечества в диалоге России и Франции // Человек в мире. Мир в человеке: актуальные проблемы философии, социологии, политологии и психологии: материалы XVII Междунар. науч.-практ. конф. студ., аспирантов и молодых учёных. Пермь: Пермский государственный национальный исследовательский университет: Люблянский университет, 2014. С. 176–183.

Статья поступила в редакцию 25.02.2018; принята к публикации 20.03.2018

Библиографическое описание статьи

Аневский А. С. Смысловые доминанты освоения художественного наследия в культуре современной России (на примере изобразительного искусства 1920–1930-х гг.) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 142–150.

Alexander S. Anevsky,

Postgraduate Student,

Moscow State Institute of International Relations (University)

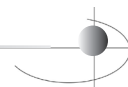
the Ministry of Foreign Affairs Russia

(76 Vernadskogo ave., Moscow, 119454, Russia),

e-mail: alexander.anevsky@gmail.com

Semantic Dominants of Artistic Heritage Exploration within the Framework of Modern Russian Culture (the Case of Fine Art of the 1920s–1930s)

Nowadays the globalized world witnesses not only informational exchange in various spheres including cultural but also an ever-increasing interest towards national culture and its “export”. Thus, Russia is actively popularizing heritage of local artists of the 20th century, who worked in the era of major social upheavals. Many cultural facts dating back to the 1920s–1960s become true discoveries for modern specialists. However, names of Russian artists after the avant-garde epoch remain largely unknown to the general public. The article underlines the importance of analyzing popularization of a certain culture and its heritage both culturally and philosophically, as well as studying the processes of popularization and its means and methods in the modern world. The fine arts of the 1920s–1930s

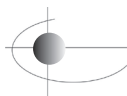

serve as a case study. The focus on the less known facts of the Russian culture of recent past can help reconsider Russia's role in the culture of the 20th century and promote a positive image of Russia's national identity abroad.

Keywords: translation, "soft power", globalization, fine arts, social communication, avant-garde art, image of Russia

Reference

1. Balashov, A. V. Painters of Russian post vanguard. M: AGEY TOMISH, 2016. (In Rus.)
2. Baudrillard, J. The consumer Society. Its myths and structures. M: Republic; the Cultural revolution, 2006.
3. Burd'e, P. Sociology of social space. Per. s franc., otv. red. perevoda Shmatko, N. A. M: Institut jeksperimental'noj sociologii; SPb: Aletejja, 2007. (In Rus.)
4. Bourdieu, P. Stratégies de reproductions et modes de domination. Actes de la recherche en sciences sociales, no. 105, pp. 3–12, 1994. (In Rus.)
5. Bourdieu, P. Esprits d'Etat. Genèse et structure du champ Bureaucratique. Actes de la recherche en sciences sociales, no. 96–97, pp. 49–62, 1993. (In Rus.)
6. Time, go! Cultural policy in the USSR. Kagarlickiy B. Soviet cultural policy and the tradition of the Enlightenment. ed. by Glushchenko, I., Kurinny, V. M: Izdatel'skij dom Vysšej shkoly jekonomiki, 2013: 50–63. (In Rus.)
7. Glagolev, B. C. The Greatness of Russia: reason, illusion and reality. Philosophy of economy, no. 1 (43), pp. 101–106, 2006. (In Rus.)
8. Glagolev, V. S. Axiological coordinates creative elements. Creativity as a national element. The meaning of creativity: innovation Dasein. SPb.:Ihd-vo SPbGJeU, 2016: 41–48. (In Rus.)
9. Glagolev, V. S. The inner world of the artist: paradoxical and contradictory. Multidimensional inner world: philosophical perspectives. M., Berlin: Direkt-Media, 2016: 32–45. (In Rus.)
10. Glagolev, V. S. Orthodox values in the artistic culture of Russia late XIXth – early XXth centuries (M. V. Nesterov and P. D. Corinne). Church, state and society in the history of Russia and Orthodox countries: religion, science and education. Proceedings of the VI international scientific conference dedicated to the memory of Orthodox enlighteners of saints Cyril and Methodius and the 800th anniversary of the Vladimir diocese. Vladimir: VIGU, 2014: 60–72. (In Rus.)
11. Glagolev, V. S., Glagolev, V. S. Russia in the modern world: features of social dynamics. Intercultural communication in the context of globalization: the problem of cultural boundaries in the modern world. Materials of the VIII RISA Convention. M: MGIMO-Universitet, 2015: 34–42. (In Rus.)
12. Zobova, A. A. The Provocative media spaces: axiological aspect. Vestnik of NNSU, no. 1–2, pp. 434–438, 2014. (In Rus.)
13. Lipoveckij, Zh. L'Empire de l'ephemere: la mode et son destin dans les societes modernes. P: Gallimard, 1987. (In Rus.)
14. Litvinceva, G. Ju. Value nature of mass culture in the postmodern era. Values and meanings, no. 6 (34), pp. 51–64, 2014. (In Rus.)
15. Luman, N. What is communication? Sociological journal, v.3, pp. 114–125, 1995. (In Rus.)
16. Lunacharskiy, A. V. Our tasks in the field of art of life. Collected works. Op. in 8 volumes. Vol. 7. M: Hudozhestvennaja literatura, 1967: 243–254. (In Rus.)
17. Platon. Essays in four volumes. Vol.3. Part 1. Under the General editorship of A. F. Losev and V. F. Asmus. Translated from ancient Greek. SPb: Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2007: 97–457. (In Rus.)
18. Signaevskaya O. R. World of human meanings and values of the postmodern age. Bulletin of CSU, no. 4 (258), pp. 11–16, 2012. (In Rus.)
19. Silant'eva, M. V., Shestopal, A. V. Intercultural communication. "Soft power" of cultural modulators. Resources of modernization: opportunities and limits of international context. Materials of VIII RISA Convention. M: MGIMO-Universitet, 2012: 204–211. (In Rus.)
20. Silant'eva, M. V. Intercultural dialogue-the basis of fruitful cooperation in the system of international partnership. Modern communication studies, no. 5 (6), pp. 14–17, 2013. (In Rus.)
21. Silant'eva, M. V. The Problem of "cultural boundaries" in the modern world: value aspect. Vestnik of MGI-MO-University, no. 2 (35), pp. 235–239, 2014. (In Rus.)
22. Silant'eva, M. V. Communication as a way of broadcast of the intentional experience of the local culture. Scientific research and development. Modern communication studies, t. 5, no. 4, pp. 49–55, 2016. (In Rus.)
23. Smirnov, A. V. Smyslopologanie Consciousness. Philosophical magazine, no. 1 (12), pp. 35–57, 2014. (In Rus.)
24. Hudjakova, L. A. Museum in the postmodern era: loss or opportunity? VM, no. 2, pp. 12–21, 2010. (In Rus.)
25. Chuprova, I. A. Musical culture of Russia as a tool of "soft power": disclosure of the image of the Fatherland in the dialogue of Russia and France. Person in the world. The world in man: actual problems of philosophy, sociology, political science and psychology. Proceedings of the XVII international scientific and practical conference

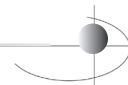

of students and young scientists. Perm': Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet, Ljubljanskij universitet. 2014: 176–183. (In Rus.)

Received: February 25, 2018; accepted for publication March 20, 2018

Reference to the article

Anevsky A. S. Semantic Dominants of Artistic Heritage Exploration within the Framework of Modern Russian Culture (the Case of Fine Art of the 1920s–1930s) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 142–150.

УДК 008:72

Константин Николаевич Гацунаев,
кандидат философских наук, доцент,
Национальный исследовательский
Московский государственный строительный университет
(129337, Россия, г. Москва, Ярославское шоссе, 26),
e-mail: Gatsunaev58@mail.ru

Социокультурные предпосылки возникновения феномена советского архитектурного авангарда

Автором исследуется эволюция социокультурных, организационно-технических, социально-экономических, идейно-теоретических процессов в европейской и отечественной архитектуре рубежа XIX–XX веков. Эта проблема приобрела актуальность в современных условиях в контексте идейно-теоретических дискуссий, связанных с теорией и практикой постмодернизма. Целью исследования является выявление в социокультурной динамике тех процессов, которые к началу 1920-х годов стали предпосылками формирования теоретических принципов и практических методов советского архитектурного авангарда. Основу исследования образует системный подход, объединяющий методы анализа и синтеза в рассмотрении основных характеристик и параметров архитектурно-градостроительной деятельности в изучаемый период. Логическая взаимосвязь разнообразных факторов, детерминировавших кристаллизацию принципов отечественного конструктивизма (ОСА) и рационализма (АСНОВА), к сожалению, не получила должного рассмотрения ни в контексте истории архитектуры, ни в рамках социофилософского дискурса. Условия разработки и реализации новых архитектурно-градостроительных подходов и принципов исследуются на основе текстов, опубликованных философами, социологами и практикующими архитекторами, вовлечёнными в происходящий процесс смены эстетических, социальных и технологических приоритетов. Результатом исследования стало обобщение разнородных факторов, обусловивших сущностные черты и принципы советского авангарда с учётом их разнонаправленности, а иногда и взаимоисключающего содержания. Подчёркнуто принципиально важное обстоятельство: несмотря на пафосно прокламируемую представителями авангарда необходимость разрыва культурной преемственности, отказ от традиции, сам по себе феномен архитектурного авангарда стал закономерным результатом предшествующей ему социокультурной эволюции. В статье определены основные социокультурные факторы, существенно повлиявшие не только на процесс развития советского авангарда 1920–1930-х годов, но и на дальнейшую эволюцию мировой и отечественной архитектуры.

Ключевые слова: функционализм, футуризм, конструктивизм, рационализм, город-сад, модерн

Введение. Задачей архитектуры является формирование материально-пространственного окружения человека, образующего основу его жизнедеятельности, всей совокупности отношений с социумом и природой. Поэтому проблемы архитектуры гуманистичны по своей сути. Формируя среду своего обитания, человек проектирует свою будущую жизнь на перспективу. Решение архитектурных задач детерминировано той информацией, которая заключена в окружающих формах, их художественной ценности, гармоничности и выразительности. Рационально познаваемое, объективное и рассчитываемое в формировании архитектурной среды сочетается с иррациональным, необъективным, ценностным. Целеполагание обусловлено противоречивой сложностью отношений между людьми и человеческого бытия как такового. Целеполагание, безусловно, включает в себя существенную долю риска, связанного с выбором между эмпирически не проверенными и не приведёнными в систему альтернативами.

Уровень неопределённости пропорционален динамике социального развития. Темпы развития, связанного с социальными кризисами и революциями, беспрецедентно выросли в XX столетии.

Если в исторические эпохи, отмеченные стабильностью и социальным благополучием, развитие архитектуры могло базироваться на давно сложившихся обычаях и профессиональной традиции, то в периоды кризисной неустойчивости неизбежен разрыв между миром существующим и миром желаемым, между сущим и должным. В подобных ситуациях идеал выводится из системы ценностей, альтернативно существующей.

Архитектура советского авангарда 1920–1930-х годов стала объектом глубокого всестороннего изучения в контексте междисциплинарного подхода. Историки архитектуры, философы, как впрочем и практикующие архитекторы, начиная со второй половины XX века, посвящают этой проблеме многочисленные работы. Различными аспектами

истории советского архитектурного авангарда плодотворно занимался С. О. Хан-Магомедов [19–22]. Процессы развития отечественной архитектуры 1920–1930-х годов анализируются в монографии А. В. Иконникова «Утопическое мышление и архитектура» [12]. Этот же автор подверг критическому анализу реально осуществлённые проекты, созданные ведущими мастерами советского авангарда [10; 11]. Тенденции развития столичной архитектуры 1910–1935-х годов рассматриваются в работе А. И. Комеча, А. Ю. Брновицкой, Н. Н. Брновицкой [1, с. 255–260]. Начальный этап развития советской архитектуры в его наиболее значимых памятниках стал объектом исследования Т. А. Молоковой и В. П. Фролова [15]. Постреволюционный авангард заинтересовал также зарубежных авторов. Анализу основных тенденций развития архитектуры советского авангарда и выдающимся памятникам этой эпохи посвящены серьёзные исследования [18; 26; 28]. Советскому авангарду в целом, особенно творчеству Корбюзье, посвящены работы Ж.-Л. Козна [13; 23]. Социально-философские аспекты творчества основоположника функционализма анализируются в работах А. В. Миронова [14] и Е. Васильевой [5]. Однако практически вне поля зрения исследования остаются социокультурные предпосылки, обусловившие формирование и развитие такого многогранного феномена, как советский архитектурный авангард.

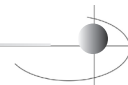
Методология и методы исследования. Нарастающая динамика социокультурных изменений уже к началу XX столетия находила адекватное отражение в развитии архитектуры и градостроения. Поскольку и религиозные, и идейно-политические концепции в наибольшей степени воздействуют на сознание и поведение людей посредством своей образной природы, то вполне объяснимо внимание к архитектурно-градостроительным проблемам даже со стороны далёких от них персонажей конца XIX – начала XX века. Мыслители-теоретики и политики-практики, литераторы и художники, монаршие особы и простолюдины оказались вовлечены в процесс обсуждения и попыток разрешения широкого круга архитектурных проблем. Это обусловлено характерным для архитектуры свойством соединять рациональное освоение мира с художественно-символическим. Особенно привлекательными для наглядного воплощения архитектурных метафор становились целостные в эстетическом и структурном отношении пространственные объекты – дом, фабрика или город как таковой.

В рассматриваемую эпоху уверенность в преобразующей силе разума, основанная на достижениях науки и техники, стимулировала подготовку и осуществление грандиозных социальных экспериментов, таких, например, как социалистическое переустройство России. Параллельно стали осуществляться и локальные эксперименты в отдельных сферах социального бытия, в том числе – в архитектуре и градостроительстве. Как глобальные, так и локальные преобразования проводились под несомненным влиянием утопических представлений, но, как отмечал Н. А. Бердяев, «...утопии оказались более осуществимыми, чем казалось раньше... И теперь стоит другой мучительный вопрос – как избежать их окончательного осуществления» [3, с. 473]. Опасения философа понятны, ведь социальные потрясения вели к гибели и ломке судеб миллионов людей. Но парадоксальным образом импульсы, исходящие от утопических в своей основе концепций, обусловили появление неожиданно ярких культурных феноменов, создание новых ценностей, зачастую за счёт разрушения ценностей, уже существующих.

Философы от Карла Поппера [17, с. 211] и до Бориса Гройса рассматривают философию утопии как политическую философию власти. Сомневаться в этической приемлемости утопической мысли в эпоху постмодернизма стало не просто традицией. Гройс квалифицировал политический режим Сталина как результат осуществления политико-эстетического проекта российского авангарда, той воли к власти, которая заявлена в его утопии [9, с. 98].

Идеальные представления об устройстве социума отражаются художественными образами или формируют конкретные способы создания материальных структур, необходимых для обеспечения человеческой жизнедеятельности. К таковым относятся инженерное конструирование, дизайн, градостроительство и архитектура. Утопические концепции в архитектуре принято подразделять на две группы. Для первой характерна проекция идеалов социальной утопии на модели пространственной организации среды. Вторая связана с отражением принципов утопического сознания и его идеологии в способе формирования произведения архитектуры. Эта группа концепций относится и к содержанию проектного замысла, и к способам его реализации.

Условия развития архитектуры и градостроительства в начале XX века определялись следующими особенностями:

– произошло стремительное увеличение численности городского населения, обусловленное в первую очередь продолжающейся индустриализацией;

– рост численности городского населения происходил главным образом за счёт социальных групп с низкими доходами. Это повлекло за собой как изменение характера городской застройки, так и самой архитектуры;

– повышение социальной мобильности с одной стороны было следствием развития систем коммуникаций, а с другой – стимулировало развитие городской инфраструктуры и её транспортной составляющей;

– возникла необходимость создания разнообразных новых типов зданий и сооружений (офисы, банки, универсальные магазины, крытые рынки и зрелищно-спортивные сооружения большой вместимости, промышленные здания, включая многоэтажные и т. д.);

– изменились условия городской жизни, что обеспечивалось быстрым развитием строительной техники. Использование конструкций из чугуна, стального проката и железобетона сделало возможным создание экономически оправданных большепролётных и высотных несущих конструкций, а также разнообразных лёгких ненесущих наружных и внутренних ограждающих. Кажущиеся чисто техническими достижения в действительности создали возможность использования принципиально новых выразительных средств, способствовавших складыванию принципиально новых архитектурных форм и образов;

– имел место пересмотр эстетических критериев, обусловивший отказ от классических архитектурных форм. Уже во второй половине XIX столетия наблюдается интенсивный поиск новых средств гармонизации композиционных построений;

– классическая симметрия приходила в противоречие с критерием утилитарности. Для новых типов зданий и сооружений требовались рациональные в функциональном смысле объёмно-планировочные решения;

– плодотворной предпосылкой возникновения архитектурного авангарда стала кратковременная эпоха модерна. Как в мировой, так и в отечественной архитектуре этого периода сложились очень важные принципы творчества. Важнейшим принципом, сложившимся в архитектурно-строительной практике, стал императив: «Форма следует функции и конструкции». Это естественное следствие реализации функционального принципа компоновки здания «изнутри – наружу», позже

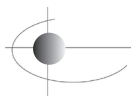
ставшего ведущей составляющей всего зодчества XX века;

– именно в модерне эволюция архитектурных форм приобрела динамичный характер (от исторических реминисценций в начальный период до почти конструктивистских решений в эпоху так называемого «рационального модерна»);

– освоенное к концу XIX века производство прокатной стали и большеразмерного стекла в сочетании с каркасной железобетонной конструкцией позволило уже в эпоху модерна вводить в композицию крупные светопроемы («лежачие окна») и по-новому формировать пространство интерьеров. Этому способствовали также новые подходы к оценке фактора прочности, в частности, к художественной интерпретации конструкций в архитектурной композиции (тектоники зданий). К началу XX века впервые в истории архитектуры благодаря научно-техническому прогрессу появились новые материалы, технологии и конструкции, имеющие колоссальный и кажущийся неисчерпаемым формобразующий потенциал.

Предшествующий авангарду период дал целый ряд очень важных идейно-теоретических концепций, касающихся социально-экономических и эстетических функций архитектуры. Так, в работах французских утопических социалистов идеи общесоциального порядка увязывались с новыми подходами к пространственной организации общества. Этьен Кабе в своей книге «Путешествие в Икарию»¹ даёт описание страны с населением в 50 млн жителей с идеально распланированными городами. Городская структура, расчленённая на стандартные кварталы, должна застраиваться стандартными зданиями из определённого набора элементов индустриального изготовления. Стандартные квартиры – это ячейки, обставленные единообразной мебелью. В целях предотвращения тотального обезличивания среды Кабе предлагал выполнять фасады домов в каждом из шестидесяти районов города в стиле, символизирующем культуру одного из народов мира. В этом подходе просматривается очевидная параллель с представлениями об архитектуре, высказанными Н. В. Гоголем [7]. Таким образом, Этьен Кабе предложил образ городской среды, предвосхитивший и во многом предопределивший градостроительные мечты Ле Корбюзье и М. Я. Гинзбурга, вынашиваемые в эпоху расцвета архитектурного авангарда. По сравнению с описанными Кабе принципами техноло-

¹ Кабе Э. Путешествие в Икарию. Философский и социальный роман. – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – 658 с.

гизма, хрущёвская архитектура «эпохи индустриального домостроения» представляется образцом эстетичности и гуманности.

Важной технической предпосылкой для формирования архитектурного авангарда стали изменения, укоренившиеся в различных сферах жизни благодаря промышленной революции. Своеобразной «витриной» таких достижений стали всемирные выставки. Новейшие разработки в области строительной техники и технологии воплощались в выставочных зданиях и сооружениях. Уже первая всемирная выставка 1851 года дала архитектурный символ будущего в виде здания «Хрустального дворца». Оболочкой здания площадью 72 тыс. м² стали конструкции из металла, стекла и дерева, которые монтировались из стандартных элементов заводского изготовления. О силе впечатления, произведённого громадным и в то же время лёгким зданием из тонких чугунных стоек и прозрачных панелей, свидетельствует образ светлого будущего, данный Н. Г. Чернышевским в романе «Что делать?». Ставший хрестоматийным «четвёртый сон Веры Павловны» даёт эмоциональное описание архитектуры социалистического завтра: «Ты хочешь видеть, как будут жить люди? ...громадное здание ...теперь нет ни одного такого!.. Какой оно архитектуры? Теперь нет такой; нет, уж есть один намёк на неё – дворец, который стоит на Сайденгамском холме: чугун и стекло – только... это лишь оболочка здания, а там, внутри, уж настоящий дом, он покрыт этим чугунно-хрустальным зданием, как футляром; оно образует вокруг него широкие галереи по всем этажам. Какая лёгкая архитектура этого внутреннего дома, какие маленькие простенки между окнами, а окна огромные, широкие, во всю высоту этажей! Его каменные стены – будто ряд пилястр, составляющих раму для окон, которые выходят на галерею... Везде алюминий и алюминий»¹.

Новая техника воспринимается главной движущей силой истории и средством осуществления общественного идеала. Ещё одним важным фактором, стимулировавшим творческий поиск конструктивистов и рационалистов, стал нигилистический подход к прежнему, накопленному поколениями, опыту. М. А. Бакунин в статье, основанной на постулатах диалектики Гегеля, утверждал: «Дайте же нам довериться вечному духу, который только потому разрушает и уничтожает, что он есть неисчерпаемый и вечно

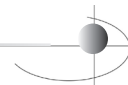
создающий источник всякой жизни. Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть!» [2, с. 226].

Концепции авангарда были ориентированы на произвольно составленные идеальные модели. Несмотря на их взаимную непримиримость, видимость единства авангарду давало противостояние консервативной официальной культурной политике (академизму, историзму, эклектике и т. п.). Радикальная мысль стала стимулом для экспериментов в архитектуре. Особую роль в этом отношении сыграл ранний итальянский футуризм. Ещё в 1909 году Филиппо Томмазо Маринетти опубликовал «Учредительный манифест футуризма» с нападками на традиционализм в культуре и апологией нового индустриального бытия и жизненной динамики, связанной с техникой. Отрицание сущего обрело необычные для художественных концепций политические подтексты: «...нет красоты вне борьбы. Только произведение, полное агрессивности, может стать шедевром... Почему мы должны смотреть назад, если мы хотим взломать таинственные двери невозможного. Пространство и время умерли. Мы живём теперь в абсолютном, создав вечную, вездесущую скорость... Пусть же придут поджигатели с обожжёнными пальцами! Идите же, поджигайте полки библиотек!.. крушите безжалостно древние города!» [28, с. 21–23].

В приведённом тексте новыми были как способ соединения деструктивных идей Прудона, Бакунина с рассуждениями Анри Бергсона о всеобщей текучести и динамизме, так и новый сюжет, ставший типичным для футуризма – мегаполис как символ и коллективное выражение современного общества. Позже аналогичные мотивы присутствуют в высказываниях лидеров конструктивизма и функционализма. Так, М. Я. Гинзбург отмечал: «Нас не связывает прошлое. Мы знаем, что современный город смертельно болен, но не желаем его лечить. Наоборот, мы хотим его разрушить и заменить новыми социалистическими формами расселения людей, лишёнными внутренних противоречий, как пережитков капитализма» [Цит. по: 6, с. 172]. Аналогичным образом высказывался Ле Корбюзье относительно планов преобразования Москвы: «Нужно разрушить все существующие жилые здания... в корне уничтожить радиально-концентрический облик, сохранить помимо Кремля лишь Мавзолей, Большой театр и особняки стиля ампир» [Цит. по: 8, с. 94].

Предметом бурных дискуссий в 1920-е годы стали градостроительные мечты Эбени-

¹ Чернышевский Н. Г. Что делать? – М.: Феникс, 2002. – С. 283–284.

зера Говарда, изложенные в книге «Города – сады будущего». Льюис Мамфорд утверждал, что эта книга больше, чем любая другая, повлияла на развитие градостроительства, в первой половине XX столетия [16, с. 131]. Исходным тезисом Говарда являлась идея о прямой зависимости между структурой предметно-пространственной среды, создаваемой обществом, и характером социальных отношений. Новая среда, безусловно, должна была формировать новое общество [26, с. 131].

Одним из источников в формировании эстетических принципов советского авангарда стали теоретические положения и практические подходы, разработанные бельгийскими архитекторами Хенри ван де Велде и Виктором Орта. Последний целью своей деятельности считал создание такого стиля, который символизировал бы собой новое гармоническое общество, где искусство будет везде и для всех. Разумеется, отрицание консерватизма и антиисторизм считались аксиомами [24, с. 18]. Полный разрыв преемственных связей с предшествующими стилями и направлениями в архитектуре лежал и в основе советского авангарда.

Эволюции эстетизма в направлении геометрической чёткости и упорядоченности композиционных решений способствовали процессы, происходившие в немецкой архитектуре рубежа XIX–XX веков. Формальной дисциплиной и монументальностью отличалось творчество Петера Беренса, оказавшее заметное влияние на деятельность Корбюзье и российский авангард. Немецкого архитектора и художника привлекала концепция культуры Фридриха Ницше и идея стиля, как символа эпохи. Ницшеанская философия воплотилась в чёткой геометрии промышленных построек. Ученик Дильтея, президент правления фирмы АЭГ, Эмиль Ратенау пригласил Беренса на должность художественного директора фирмы с задачей создания корпоративного стиля, охватывающего не только выпускаемую продукцию и рекламу, но и производственные здания и сооружения. Выразительность художественной формы, её гармония с физическими свойствами материала и технологией его обработки обеспечили широчайшее распространение прототипов, созданных Беренсом как дизайнером и архитектором. Промышленность воспринималась им как воплощение «аполлонического» начала цивилизации, долженствующего разрешать также и социальные проблемы. Промышленная архитектура понималась как

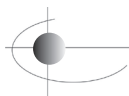
генотип универсального порядка, предписываемого индустриальным гуманизмом.

Фабрика турбин, возведённая Беренсом в Берлине, композиционно продемонстрировала столкновение двух логик формообразования. Логика искусства потребовала рассечения глухих тонких стенок, образующих углы здания декоративными швами. Создавалась имитация кладки из гигантских блоков. А выполненная из решётчатой металлической конструкции высокая кровля по торцу была обработана штукатуркой «под камень». В результате возникала художественная иллюзия размещения в верхней части здания монолита гигантских размеров. Логика техники, наоборот, требовала отказа от любой бутафории: в облике здания намеренно обнажены функциональные элементы конструкции (пролёты между стойками, металлические шарнирные рамы и т. д.). Таким образом, сочетание в одном здании иррациональной декорации и обнажённой конструкции стало основой монументальности символа, прославляющего мощь промышленного производства. Развивая принцип универсальной парадигмы промышленного здания, Беренс создаёт как собственно индустриальные постройки, так и представительные здания, подобные германскому посольству в Санкт-Петербурге на Исаакиевской площади. Колоннада посольства сведена к элементарным геометрическим очертаниям той же схемы, что и фасады промышленных зданий в Берлине.

Беренс сознательно сочетал с техникой монументальное искусство, полагая, что оно «является высшим и важнейшим отражением культуры определённой эпохи, ...находящим своё выражение в местах, глубоко чтимых и священных для народа, являющихся для него источником силы» [4, с. 136]. Таким образом, техномир соединялся с признанными архетипами монументальной архитектуры. Для советского архитектурного авангарда уподобление жилых и общественных зданий промышленным постройкам стало общепринятой нормой.

Результаты исследования и выводы.

Феномен отечественного архитектурного авангарда стал очевидным результатом длительного процесса выработки принципиально новых подходов к осуществлению архитектурно-градостроительной деятельности. Можно выделить как минимум пять важнейших предпосылок его формирования: технико-технологические, социально-экономические, организационно-технические, эстетические, идейно-политические.

Все направления отечественного авангарда в начале 1930-х годов оказались вне магистрального пути развития отечественной архитектуры. «Дворцовая» эстетика, закреплённая чередой партийно-правительственных постановлений, казалось бы, коренным образом изменила вектор эволюции архитектуры и градостроительства. Однако уже в эпоху хрущёвской «оттепели» обнаруживаются симптомы определённой «ностальгии» по советскому архитектурному авангарду. Они проявились как в попытках

создания архитектурной основы для новых социальных экспериментов (проекты жилых комплексов для молодых семей, домов «нового быта» и т. п.), так и в возрождении эстетических и конструктивных принципов (в соответствии с «пятью отправными точками» функционализма). В эпоху хай-тека и постмодернизма архитектурный авангард 1920-х годов, вопреки утверждениям его лидеров и адептов, воспринимается как одно из звеньев в длинной цепи архитектурных стилей и направлений.

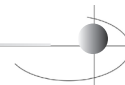
Список литературы

1. Архитектура Москвы 1910–1935 гг. / А. И. Комеч [и др.]. М.: Искусство – XXI век, 2012. 356 с.
2. Бакунин М. А. Реакция в Германии // Избранные философские сочинения и письма. М.: Мысль, 1987. 576 с.
3. Бердяев Н. А. Новое средневековье // Николай Бердяев. Философия творчества, культуры и искусства: в 2 т. Т. 1. М.: Искусство, 1994. 1052 с.
4. Беренс П. Что такое монументальное искусство // Мастера архитектуры об архитектуре. М.: Искусство. 1972. 700 с.
5. Васильева В. Идеальное и утилитарное в системе интернационального стиля: предмет и объект в концепции дизайна XX века // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 4. С. 72–80.
6. Вуек Я. Мифы и утопии архитектуры XX века. М.: Стройиздат, 1990. 286 с.
7. Гоголь Н. В. Об архитектуре нынешнего времени // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 7. М.: Правда, 1984. С. 64–83.
8. Горный С. М. Планировка городов: социалистическая реконструкция Москвы. М.: Изд-во МОСХ, 1931. 172 с.
9. Гройс Борис. Gesamt-kunstwerk Сталин. М.: AdMarginem, 2013. 168 с.
10. Иконников А. В. Архитектура Москвы. XX век. М.: Моск. рабочий, 1984. 222 с.
11. Иконников А. В. Каменная летопись Москвы. М.: Моск. рабочий, 1978. 352 с.
12. Иконников А. В. Утопическое мышление и архитектура. М.: Архитектура-С, 2004. 400 с.
13. Коэн Жан-Луи. Ле Корбюзье и мистика СССР. Теории и проекты для Москвы. М.: Арт-Волхонка, 2012. 316 с.
14. Миронов А. В. Философия архитектуры: творчество Ле Корбюзье. М.: МАКС Пресс, 2012. 292 с.
15. Молокова Т. А., Фролов В. П. Памятники культуры Москвы: из прошлого в будущее. Изд. 2-е. М.: Изд-во АСВ, 2010. 168 с.
16. Мамфорд Л. От бревенчатого дома до небоскреба. М.: Изд-во Академии архитектуры, 1936. 172 с.
17. Поппер К. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1. М.: Культурная инициатива, 1994. 976 с.
18. Пэр Ричард, Коэн Жан-Луи, Ламберт Филлис. Потерянный авангард. Русская модернистская архитектура 1922–1932. М.: Татлин, 2007. 348 с.
19. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда: в 2 кн. Кн. 1. Проблемы формообразования. Мастера и течения. М.: Стройиздат, 1996. 709 с.
20. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда. Кн. 2. Социальные проблемы. М.: Стройиздат, 2001. 712 с.
21. Хан-Магомедов С. О. Конструктивизм – концепция формообразования. М.: Стройиздат, 2003. 576 с.
22. Хан-Магомедов С. О. Творческие течения, концепции и организации советского авангарда. М.: Архитектура, 1997. 415 с.
23. Cohen Jean-Louis. Le Corbusier: la planète comme chantier. Paris: Textuel, 2005. 192 p.
24. Franco Borsi, Paolo Portoghesi. Victor Horta. Brussels: Editions Marc Vocar, 1977. 148 p.
25. Gines Garrido. Moisei Ginzburg. Escritos 1923–1930. Madrid: El Croquis editorial, 2007. 306 p.
26. Howard E. Garden-Cities of Tomorrow. Cambridge: Cambridge Mass., 1965. 177 p.
27. John W. Maerhofer. Rethinking the vanguard: aesthetic and political positions in the modernist debate, 1917–1962. Cambridge: Cambridge ScholarsPub., 2009. 215 p.
28. Marinetti F. T. The Founding and Manifesto of Futurism 1909 // Futurist Manifestos / ed. U. Apollonio. London: Penguin, 1973. 189 p.

Статья поступила в редакцию 15.01.2018; принята к публикации 28.02.2018

Библиографическое описание статьи

Гацунаев К. Н. Социокультурные предпосылки возникновения феномена советского архитектурного авангарда // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 151–158.

Konstantin N. Gatsunaev,
 Candidate of Philosophy, Associate Professor,
 Moscow State University of Civil Engineering
 (National Research University)
 (26 Yaroslavskoe sh., Moscow, 129337, Russia),
 e-mail: Gatsunaev58@mail.ru

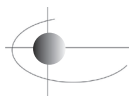
Sociocultural Prerequisites of Emergence of the Soviet Architectural Avant-Garde Phenomenon

The object of research is evolution of sociocultural, organizational and technical, social and economic, ideological and theoretical processes in the European and domestic architecture of a turn of the 19th-20th centuries. This problem has acquired relevance in modern conditions in the context of the ideological and theoretical discussions connected with the theory and practice of postmodernism. Identification in sociocultural dynamics of those processes, which by the beginning of the 1920s became prerequisites of formation of the theoretical principles and practical methods of the Soviet architectural avant-garde is the main objective of the research. The basis of the research is formed by the system approach uniting methods of the analysis and synthesis in consideration of the main characteristics and parameters of architectural and town-planning activity in the period studied. The logical interrelation of the various factors determining crystallization of the principles of domestic constructivism (OSA) and rationalism (ASNOVA), unfortunately, has not received due consideration either in the context of architecture history or within a social-philosophical discourse. Conditions of development and realization of new architectural and town-planning approaches and the principles are investigated on the basis of the texts published by the philosophers, sociologists and the practicing architects involved in the happening process of change of esthetic, social and technological priorities. Result of the research is generalization of the diverse factors that have caused intrinsic lines and the principles of the Soviet avant-garde taking into account their divergence and sometimes mutually exclusive contents. Essentially important circumstance is emphasized: despite the need of a rupture of cultural continuity pathosly proclaimed by representatives of avant-garde, refusal of tradition, the phenomenon of architectural avant-garde itself naturally resulted from the preceding sociocultural evolution. The article focuses on major sociocultural factors that significantly affected not only the process of the Soviet avant-garde of the 1920–30s formation, but also further evolution of the world and domestic architecture.

Keywords: functionalism, futurism, constructivism, rationalism, garden city, modernist style

References

1. Moscow architecture in the 1910–1935s. M: Iskusstvo – XXI vek. 2012. (In Rus.)
2. Bakunin, M. A. Reaction in Germany. The Chosen philosophical compositions and letters. M: Mysl', 1987. (In Rus.)
3. Berdyaev, N. A. New Middle Ages. Nikolay Berdyaev. Philosophy of creativity, culture and art. In 2 v. V. 1. M: Iskusstvo. 1994. (In Rus.)
4. Berens, P. What is the monumental art. Masters of architecture about architecture. M: Iskusstvo. 1972. (In Rus.)
5. Vasil'eva, V. Ideal and utilitarian in the system of international style: a subject and an object in the concept of design of the 20th century. International magazine of the cultural researches, no. 4(25), pp. 72–80, 2016. (In Rus.)
6. Vuek, Ya. Myths and utopias of architecture of the 20th century. M: Stroyizdat, 1990. (In Rus.)
7. Gogol', N. V. About architecture of the present time. Collected works. In 8 v. V. 7. M: Pravda, 1984: 64–83. (In Rus.)
8. Gornyy, S. M. Planning of the cities: socialist reconstruction of Moscow. M: Izd-vo MOSKh, 1931. (In Rus.)
9. Groys, Boris. Gesamt-kunstwerk Stalin. M: AdMarginem, 2013. (In Rus.)
10. Ikonnikov, A. V. Utopian thinking and architecture. M: Mosk. rabochiy, 2004. (In Rus.)
11. Ikonnikov, A. V. Stone chronicles of Moscow. M: Mosk. rabochiy, 1978. (In Rus.)
12. Ikonnikov, A. V. Moscow architecture. XX century. M: Arkhitektura-S, 1984. (In Rus.)
13. Koen Jan Lui. Le Corbusier and mysticism of the USSR. Theories and projects for Moscow. M: Art-Volkhonka, 2012. (In Rus.)
14. Mironov, A. V. The architecture philosophy: Le Corbusier creativity. M: MAKs Press, 2012. (In Rus.)
15. Molokova, T. A., Frolov, V. P. Monuments of Moscow Culture: from the Past to the Future. Izd. 2-e. M: Izd-vo ASV, 2010. (In Rus.)
16. Mumford L. From a log house to a skyscraper. M: Izd-vo Akademii arkhitektury, 1936. (In Rus.)
17. Popper K. Open society and its enemies. Collected works. in 2 v. V. 1. M: Kul'turnaya initsiativa, 1994. (In Rus.)
18. Per Richard, Koen Jan Lui, Lambert Fillis. The lost vanguard. Russian modernist architecture in 1922–1932. M: Tatlin, 2007. (In Rus.)
19. Han-Magomedov, S. O. Architecture of the Soviet vanguard. In 2 books. Book.1. Shaping problems. Masters and currents. M: Stroyizdat, 1996. (In Rus.)

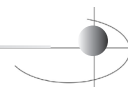

20. Han-Magomedov, S. O. Architecture of the Soviet vanguard. Book 2. The social problems. M: Stroyizdat, 2001. (In Rus.)
21. Han-Magomedov, S. O. The Constructivism – concepts of shaping. M: Stroyizdat, 2003. (In Rus.)
22. Han-Magomedov, S. O. Creative courses, concepts and organizations of the Soviet vanguard. M: Arkhitektura, 1997. (In Rus.)
23. Cohen Jean-Louis. Le Corbusier: la planete comme chantier. Paris: Textuel, 2005. (In Engl.)
24. Franco Borsi, Paolo Portoghesi. Victor Horta. Brussels: Editions Marc Vocar, 1977. (In Engl.)
25. Gines Garrido. Moisei Ginzburg. Escritos 1923–1930. Madrid: El Croquis editorial, 2007. (In Engl.)
26. Howard E. Garden-Cities of Tomorrow. Cambridge Mass., 1965. (In Engl.)
27. John W. Maerhofer. Rethinking the vanguard: aesthetic and political positions in the modernist debate, 1917–1962. Cambridge ScholarsPub., 2009. (In Engl.)
28. Marinetti F. T. The Founding and Manifesto of Futurism 1909. Futurist Manifestos (ed. U. Apollonio). London: Penguin, 1973. (In Engl.)

Received: January 15, 2018; accepted for publication February 28, 2018

Reference to the article

Gatsunaev K. N. Sociocultural Prerequisites of Emergence of the Soviet Architectural Avant-Garde Phenomenon // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 151–158.

УДК 378

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-159-167

Маргарита Ивановна Гомбоева¹,*доктор культурологии, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: m. i. gomboeva@gmail.com***Надежда Иннокентьевна Спандерашвили²,***старший преподаватель,
Забайкальский государственный университет
(672039, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30),
e-mail: nspan56@mail.ru*

Социокультурные основания современных практик дополнительного профессионального образования сферы культуры и искусства

Данная статья посвящена анализу современного состояния, направлениям и задачам развития системы непрерывного дополнительного профессионального образования отрасли «Культура и искусство». Выявлены и описаны две тенденции в развитии и формировании системы непрерывного дополнительного профессионального образования сферы культуры и искусства в Забайкальском крае и Республике Бурятия. Первая тенденция связана с развитием традиционных видов и направлений деятельности существующих учреждений культуры и их образовательных программ, с соответствующим качеством ресурсов, нормативных и концептуальных обеспечений. Вторая тенденция оформила новые формы институализации, отвечает потребностям рынка услуг в сфере культуры, задачам отрасли по коммерциализации, инвестированию, массовизации и цифровизации услуг. Она обозначила себя в новых образовательных проектах, сформированных полноценных предпринимательских инфраструктурах поддержки и финансирования образовательных стартапов, которые особенно ярко проявились в коммерческих программах учреждений дополнительного образования. Благодаря современным технологиям, стартапы в области культуры и дополнительного профессионального образования в данной сфере предложили потребителям более массовые и доступные услуги, ориентированные на тренды глобального рынка, основанные на частных средствах.

Ключевые слова: социокультурные основания, дополнительное профессиональное образование, центр профессиональной переподготовки, стартапы в сфере культуры, новые профессиональные компетенции

*Миссия ДПО: нужные знания
нужным людям в нужное время.*

Введение. Теоретической основой исследования явились труды В. В. Багина, работавшего в Читинском институте повышения квалификации учителей, посвященные проблемам обеспечения корреляции основного и дополнительного образования, интеграции дополнительного образования с профессиональной деятельностью [2]. Проектирование модели системы повышения квалификации работников культуры и искусства в регионе как непрерывной, адресной и персонифицированной структуры, построенной на принципах комплиментарности субъектов, происходило под влиянием работ В. И. Блинова и В. П. Шестака [5; 19]. Нормативно-правовые основы, регулирующие статус системы дополнительного образования в системе основного высшего образования, достаточно последовательно и с надёжной исторической

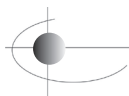
ретроспективой изучены в работах И. А. Мосичевой [10]. Вопросы формирования профессиональных стандартов, специальных компетенций и квалификационные характеристики содержания профессиональных компетенций исследовались В. Д. Шадриковым [18], А. Н. Лейбович [9].

Социокультурное проектирование содержания, принципов функционирования, природы компетентностного ядра системы НДПО в сфере культуры и искусства Забайкальского края как целостной развивающейся структуры, встроенной в другие системно-структурные образования, опиралось на работы Н. Ш. Валеевой [17], Э. М. Никитина [12], В. Д. Шадрикова [18].

Центр профессиональной переподготовки факультета культуры и искусств ЗабГУ реализует программы обучения по 18 направлениям повышения квалификации и 12 направлениям профессиональной переподготовки кадров. Ежегодно по програм-

¹ М. И. Гомбоева является организатором исследования, оформляет материалы статьи.

² Н. И. Спандерашвили собирает и обрабатывает эмпирические данные, обобщает полученный материал.

мам профессиональной переподготовки и на курсах повышения квалификации обучение проходят около 8 категорий работников культуры. Так, за 2017 год в Центре профессиональной переподготовки ФКиИ ЗабГУ прошли переобучение около 300 человек по следующим программам: «Педагог дополнительного образования» – 48 человек; «Музееведение на основе профессионального стандарта» – 14 музейных работников, не имеющих профильного образования; «Менеджмент социокультурной деятельности» – 18 человек, в основном это клубные работники; «Дизайн среды» – 11 человек; «Преподаватель высшей школы учреждений культуры и искусства» – 61 человек из Арктического института культуры и искусств, 10 человек – с кафедры культурологии Иркутского государственного университета; «Технологии брендинга и продвижения услуг в сфере культуры и искусства» – 105 человек, с профилизацией «Интернет – маркетинг» – 10 человек. Всего – 277, из которых забайкальцев – 206 человек, что составило 5,5 % от всей численности специалистов отрасли.

Система непрерывного дополнительного профессионального образования (далее – НДПО) в сферы культуры и искусства Забайкальского края традиционно представлена образовательными программами образовательных учреждений среднего профессионального образования, Института развития образования Забайкальского края, Учебно-методического центра культуры и народного творчества Забайкальского края и факультета культуры и искусств Забайкальского государственного университета. Такова исторически сложившаяся образовательная практика в данном сегменте.

Существующая структура дополнительного профессионального образования сферы культуры и искусства Забайкальского края нуждается в сети межведомственных функциональных коммуникаций. Необходимы надёжные исследования в реальных потребностях сферы в конкретных профессиях, компетенциях и квалификациях. Существует потребность в современных культурных и социальных институциях (учреждения и их сети) сферы¹, способных их артикулировать в

¹ Число учреждений культуры в 2016 г. составило 314 юридических лиц, из них 111 культурно-досуговых учреждений, 40 библиотек, 65 учреждений дополнительного образования, 20 музеев, 1 архив, 6 театров, 2 концертные организации, зоопарк, 4 центра, кинокомпания, 2 образовательных учреждения, 62 многофункциональных учреждения культуры в муниципальных образованиях [Электронный ресурс] // Итоги деятельности сфе-

реальные социокультурные проекты. Система нуждается в разработке акций, проектов, нормативных документов, способных сформировать пространство социального взаимодействия этих учреждений с субъектами в сферы, таких как потребители услуг, резидентские программы поддержки культуры, образовательные программы дополнительного профессионального образования, запросы работодателей, а также необходимую инфраструктуру: реестр лицензированных программ профессиональной переподготовки работников культуры и искусства.

В ближайшем будущем данная структура нуждается в новых образовательных проектах, инновациях и стартапах, созданных на базе новых технологических платформ, инициатив и знаний.

Структура НДПО должна сопровождаться развитием независимых институций, таких как ресурсные центры, центры компетенций, центры сертификаций, квалификаций и др.

Таким образом, в настоящее время происходит подготовка к построению новой архитектуры непрерывного дополнительного профессионального образования сферы культуры и искусства.

В этих условиях основная задача заключается в обновлении компетенций, работников сферы, регулировании рынка труда, внедрении профессиональных стандартов, адаптации выпускающихся из вуза специалистов к изменяющимся требованиям производства, генерировании новых знаний и компетенций, отвечающих запросам будущей системы. Вышеназванные движущие силы есть основы инноваций, оптимизации масштабирования и сокращения издержек.

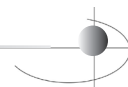
Система НДПО в сфере культуры и искусства Забайкальского края нуждается в изменениях, и они уже осуществляются в *нескольких направлениях*.

Основными направлениями изменений системы профессиональной переподготовки кадров учреждений культуры и искусства являются:

– обновление содержания образовательных программ, способных осовременить имеющиеся профессиональные компетенции и сформировать новые у работающих сотрудников, аккумулировать эти программы в специальном реестре;

– преодоление последствий активной оптимизации структуры сети учреждений куль-

ры культуры Забайкальского края в 2016 году. – Режим доступа: <http://www.xn--80arpechxphc> (дата обращения: 27.02.2018).

туры, особенно в сельских муниципальных образованиях, поселенческих клубах и центрах;

– создание условий для безболезненного внедрения профессиональных стандартов и формирования современной модели системы НДПО в сфере культуры.

Каждое направление можно детализировать, вывести определённые задачи. Задачи по обновлению содержания профессиональных программ переподготовки работающих специалистов в других отраслях экономики страны решаются посредством перевода переобучения и обучения на обновлённые технологические возможности работодателей. Безусловно, это осуществимо и в сфере культуры и искусства, при условии конструктивного диалога и эффективного взаимодействия между работодателями, их сотрудниками, имеющими профессиональные дефициты, и разработчиками образовательных программ.

Например, система профессиональной переподготовки инженерно-технических работников сферы промышленного производства выстроена на производственных площадках: в бывшем Орловском горно-обогатительном комбинате, Краснокаменском ГОКе и других организациях, где большая часть кадрового потенциала обеспечивается корпоративными центрами рекрутства и подготовки специалистов. В этих отраслях согласованность между частным бизнесом, интересами государства в подготовке и в использовании рабочих кадров постепенно решается реальным вовлечением работодателей в подготовку и переподготовку специалистов, координируется совместными усилиями и мероприятиями Минобрнауки и Российского Союза предпринимателей и промышленников.

Ещё в 2013 году Правительство РФ совместно с РСПП в рамках Национальной предпринимательской инициативы по улучшению инвестиционного климата в Российской Федерации разработало Дорожную карту по созданию Национальной системы компетенций и квалификаций (далее – НСКК), в которой на декабрь 2013 года был разработан ряд нормативных актов по проведению отдельных модулей образовательных программ вне образовательных учреждений на базе работодателей или нескольких образовательных учреждений без создания специальных структурных подразделений¹.

¹ Дорожная карта «Создание Национальной системы компетенций и квалификаций в рамках Национальной предпринимательской инициативы по улучшению инвестиционного климата в Российской Федерации». – М., 2013. – Февр. – С. 11, 13.

Для Забайкальского края проблема участия работодателей в проектировании, разработке и реализации дополнительных образовательных программ работников сферы культуры является актуальной.

С одной стороны, проблема перевода обучения на производственные мощности учреждений культуры и искусства не решается, потому что этих производственных мощностей у большинства учреждений нет. С другой – в образовательных учреждениях уже десятилетия не открываются новые образовательные программы по современным и востребованным профессиям, а те программы, которые ещё используются в сфере профпереподготовки работников культуры, морально и технологически устарели.

Современные профессии становятся всё более сложносоставными, меняется сама суть профессии. На первый план выходят навыки и умения, которые не только позволяют состояться человеку в отдельно взятой отрасли как профессионалу, но и при необходимости кардинально поменять область своей профессиональной деятельности. Есть прогноз, что к 2036 году появятся 188 новых профессий, а 57 профессий исчезнут. Изменения в сфере культуры обуславливаются современными художественными технологиями, которые определяют новый уровень восприятия искусства с помощью 3D-принтеров, робототехники, нейроинтерфейсов, станков с ЧПУ, Science Art-технологий, иммерсионных методов и т. д. с одной стороны и размытости определения критериев искусства – с другой.

Новые профессии сферы культуры, искусства и образования, такие как арт-оценщик, science-художник, личный тьютер по эстетическому развитию, тренер творческого состояния, куратор коллективного творчества, уже сегодня можно получить в программах профессиональной переподготовки. Развитие технологий меняет наши представления о способах получения знаний и заставляет серьезно переосмыслить привычный подход к учебному процессу, что означает, что в будущем специалисты в области образования будут весьма востребованными².

Во-первых, в образовании начинают использоваться инструменты обучения с применением игровых технологий и ИТ – онлайн-курсов с современными методиками и технологиями обучения: симуляторы, тренажёры, игровые онлайн-миры. Это даёт новые

² Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atlas100.ru/catalog/kultura-iskusstvo> (дата обращения: 02.02.2018).

возможности – обучающиеся не просто усваивают необходимые знания, но и развивают умение работать с информацией, создавать объёмные, многомерные компетенции, а также учатся входить в продуктивные состояния сознания, позволяющие лучше концентрироваться и решать сложные творческие и аналитические задачи.

Во-вторых, новые технологии позволяют сделать образование более индивидуальным, адресным и персонифицированным. Нет необходимости подстраиваться под общие расписания и пожелания группы, процесс обучения достаточно легко адаптируется к запросам конкретного ученика и его личным особенностям, можно выбрать формат обучения и его темп, сконцентрироваться на конкретной теме, пройти необычную междисциплинарную программу. Акцент профессиональной переподготовки смещается с теоретических основ на реальные проекты и стартапы.

В связи с новыми перспективами НДПО появляются и новые профессии: разработчик образовательных траекторий, гейм-педагог, разработчик инструментов обучения состояниям сознания, координатор образовательной онлайн-платформы, модератор, ментор стартапов, гейм-мастер, тьютер, организатор проектного обучения, экопроповедник, тренер по майнд-фитнесу, дизайнер дополненной реальности территорий, дизайнер виртуальной среды обитания, Digital-комментатор культуры¹.

Новые задачи профессиональной переподготовки работников сферы обусловлены потребностями преодоления последствий активной оптимизации отрасли, структуры сети учреждений. Так, к 2016 году в муниципальных районах Забайкальского края 70 % маленьких поселенческих учреждений культуры были переведены на уровень муниципального района, остальные 30 % учреждений культуры должны были остаться в ведении администраций «самодостаточных городских округов и городских поселений»².

Структурная оптимизация актуализировала новые профессиональные компетенции. В настоящее время востребованы управленческие, предпринимательские компетенции, умение зарабатывать деньги, вы-

полнять индикативные показатели, создавать прибавочную стоимость на основе новых компетенций. Например, в 2016 году объём платных услуг в сфере культуры Республики Бурятия по всем учреждениям и организациям независимо от формы собственности составил 605,6 млн р., в том числе в муниципальных учреждениях – 94 млн р., республиканских учреждениях – 159 млн р. Темп роста объёма платных услуг республиканских учреждений составил 110,5 %, муниципальных учреждений – 6,8 % по сравнению с 2009 годом³.

Показатели увеличились вдвое, численность работников сферы уменьшилась вдвое. В некоторых районах Восточной Сибири сокращение кадров привело к увольнению 30 % состава работников от общего списка. Например, в Бурятии численность занятых в отрасли людей с 2009 по 2016 год сократилась с 4725 до 2223,7 человек⁴. Эти данные отражены в таблице.

Последствия структурных сокращений активно и публично обсуждались во многих регионах [1; 15; 16]. За 25 лет практически вдвое уменьшилось количество культурно-досуговых центров, почти на четверть – количество сельских клубов, всё меньше становится библиотек, в первую очередь, в небольших посёлках и в сельской местности⁵.

Итак, оптимизация отрасли привела к тому, что возможности для роста внебюджетных доходов организаций культуры в поселениях существенно ограничены: численностью населения, вместительностью и пропускной способностью организаций, а рост цен привёл к сокращению доступности культурных ценностей для широких слоёв населения.

Весной 2016 года правительство попыталось скорректировать систему государственной поддержки и регулирования государственной культурной политики, усовершенствовать федеральное и региональное законодательства в области культуры, сформировать на федеральном и региональном уровнях структуры по обеспечению реализации и мониторингу достижения целей и решения задач Стратегии и Основ государственной культурной политики. Поэтому в 2016 году

³ Статистический сборник «Культура Республики Бурятия-2016» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minkultrb.ru/ministry/documentation/offitsialnayastatisticheskaya_information.php (дата обращения: 02.03.2018).

⁴ Там же.

⁵ Государственный доклад о состоянии культуры в Российской Федерации в 2015 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.unkniga.ru/images/docs/2016/doklad-ros-kultura-2015> (дата обращения: 04.02.2018).

¹ Атлас новых профессий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atlas100.ru/catalog/kultura-iskusstvo> (дата обращения: 02.02.2018).

² Доклад Министра культуры В.К. Колосова на коллегии культуры в 2016 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.минкультура.зabayкальскийкрай.рф> (дата обращения: 02.02.2018).

распоряжениями Правительства Российской Федерации утверждены Стратегия государ-

ственной культурной политики на период до 2030 года и План реализации Стратегии¹.

Таблица

Динамика процессов оптимизации на примере учреждений культуры Республики Бурятия

№ п/п	Показатели	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016
1	Объём платных услуг, тыс. р.	40 105,2	53 796,4	64 857,9	74 692	84 566,2	83 435,8	88 288,34	93 868,40
2	Число посещений музеев, тыс. чел.	99	73,1	80,3	89,2	87	77,7	93,69	91,81
3	Количество автономных учреждений культуры, ед.	40	54	66	79	80	80	76,00	77,00
4	Удельный вес населения, участвующего в платных культурно-досуговых мероприятиях, проводимых муниципальными учреждениями культуры, %	78,3	221,8	266,1	273,2	292,3	205,6	199,85	180,94
5	Средняя заработная плата по муниципальным учреждениям, р.	7582,5	7814,2	8668	10 762	11 964,6	15 499	16 938,89	16 938,89
6	Численность занятых в отрасли людей, чел.	4725	5015	4402	4266	2978	2686,57	2 224,35	2 223,70

Поставленные в этих документах цели ориентированы на увеличение всех основных показателей творческой деятельности, что *невозможно* реализовать при сокращении численности основного персонала. Ресурс дальнейших процессов оптимизации учреждений и численности практически исчерпан.

Заявленные на достаточно длительный период задачи могут быть реализованы в новых формах институализации, на новых платформах сетевого взаимодействия разнообразных культурных институций, при условии межотраслевой интеграции, наличии свежих идей в управлении, при изменении принципов определения сфер деятельности и ответственности. Таким образом, работающий персонал учреждений нуждается в принципиально новых компетенциях, а существующая система дополнительного профессионального образования учреждений культуры должна не готова предоставить новые образовательные программы переподготовки кадров, интегрирующие артистические, управленческие и предпринимательские компетенции.

Необходимо определиться с вопросом, что из себя должна представлять новая система непрерывного дополнительного профессионального образования сферы культуры и искусства в Забайкальском крае. Из каких образовательных учреждений, образовательных программ и их качества, компетентностных ресурсов она может формироваться? Какие формы институализации она может приобрести? Какие задачи, потребности развития сферы она должна решать?

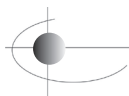
Анализ целевых, программных документов развития отрасли, изучение мнений ве-

дущих специалистов учреждений сферы показали, что важнейшие условия изменения НДПО отрасли сформированы.

Министерством культуры Забайкальского края актуализируется необходимость межотраслевого взаимодействия образовательных учреждений культуры Забайкальского края с современными образовательными практиками, производственными холдингами, академическими структурами с целью обновления ресурсов для привлечения к практике дополнительного профессионального образования работников сферы лучших образцов профессионального мастерства для опережающего удовлетворения потребностей отрасли.

С другой стороны, в самой отрасли сформировались элементы новых образовательных практик, интегрированных с художественной сферой. Так, разработчики новых образовательных программ всё активнее включают в образовательный процесс результаты современных культурных институций, проектов, культурных инициатив на основе арт-медиаций, профессионализации аутсайдеров, коллаборационизма художественных и образовательных практик, инновации методов музейных институций, интеграции ремесленных и промысловых центров региона в туристические маршруты и т. д., способных придать эффективность традиционным мероприятиям в культуре.

¹ Там же; Государственная программа Забайкальского края «Развитие образования Забайкальского края на 2014–2025 годы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.docs.cntd.ru/document> (дата обращения: 04.02.2018).

Во взаимодействии с органами лицензирования образовательных программ, профессиональными сообществами, творческими объединениями НКО ведётся активное формирование современных образовательных программ дополнительного образования, способных заменить устаревшие профессии новыми, обеспечить обогащение существующих образовательных программ новыми компетенциями. В регионе всё больше появляется частных образовательных учреждений, открытых на условиях франшизы и в основном занимающихся масштабированием и прототипированием успешных практик культурных изменений в образовательные потребности и вкусы будущих потребителей сферы.

В развитии НДПО отрасли существуют задачи, которые не стали предметом решения и обсуждения, но будут актуальны в ближайшем будущем:

1. Формирование единой поддерживающей инфраструктуры, включающей ресурсные центры, центры компетенций, технопарки, малые инновационные предприятия, базовые кафедры, стажировочные площадки, технологические платформы на условиях интеграции специализированных единиц – субъектов сети, деятельность которых координируется не только командно-административными методами, но прежде всего рыночными механизмами, основанными на праве собственности, мотивации и принципах конкуренции [4, с. 89].

2. Создание общих сервисов НДПО в сфере культуры, к которым относятся:

– анализ профессиональных дефицитов учреждений культуры по решению насущных задач отрасли;

– разработка адресных (под нужды конкретного учреждения) и персонифицированных (индивидуализированных под возможности, способности сотрудника учреждения) программ переобучения;

– набор сотрудников на образовательные программы;

– подготовка экспертов, способных создать, разработать образовательные ресурсы под новые профессии или, в крайнем слу-

чае, ориентированных на освоение новых компетенций;

– трудоустройство переобученных;

– отслеживание карьеры и повышение квалификации основных кадров;

– одновременное создание базы данных по региональному рынку труда;

– разнообразные информационные порталы о мероприятиях сферы, единой библиотечной системе, коллективно используемых культурных ресурсах и пр.

3. Разработка региональных профессиональных стандартов по отдельным видам социокультурной деятельности.

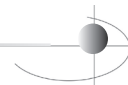
Профессиональные стандарты используются для того, чтобы определить требования к работнику на рабочих местах. Профессиональный стандарт – многофункциональный нормативный документ, определяющий в рамках конкретного вида экономической деятельности (профессиональной деятельности) требования к содержанию и условиям труда, квалификации и компетенциям работников по различным квалификационным уровням. Задавая требования к уровню компетентности работника, профессиональный стандарт является основанием для разработки образовательных программ дополнительного образования, которые переводят эти требования в перечни образовательных дисциплин, модулей, освоение которых должно позволить обучающемуся приобрести необходимые знания, умения, навыки и способность к их применению в практической деятельности.

Разработка региональных профессиональных стандартов и подготовка экспертов предполагает подготовку разработчиков региональных профессиональных стандартов по наиболее значимым для социально-культурного развития края видам профессиональной деятельности с широким привлечением работодателей.

Наибольший системный эффект может быть достигнут при объединении и интеграции усилий и ресурсов многих культурных институций в рамках единой открытой сети, обеспечивающей эффективное межцентровое взаимодействие при их реализации.

Список литературы

1. Анискина Н. Н. Качество дополнительного профессионального образования // Компетентность. № 9–10/100–101/2012. С. 5–13.
2. Багин В. В. Дополнительное профессиональное образование в вузе: стратегии развития / под ред. В. В. Багина. Чита: Изд-во ЧИПКРО, 2005. 139 с.
3. Балацкий Е. В. Кризис социальных наук в свете концепции старых рынков // Наука. Инновации. Образование. 2010. № 9. С. 84–61.

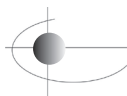

4. Белова Е. Н. Модель тройной сети организации дополнительного профессионального образования университета // Креативная экономика. 2014. № 5. С. 89–96.
5. Блинов В. И., Батрова О. Ф., Волошина И. А. Национальная рамка квалификаций Российской Федерации: рекомендации. М.: Федеральный институт развития образования, 2008. 14 с.
6. Иванова М. И. Учебные заведения сферы культуры и искусств Республики Саха (Якутия) в условиях модернизации: к содержанию работы Образовательного ресурсного центра Министерства культуры и духовного развития РС (Я) // Культура и образование: инновационные технологии: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2014. С. 47–54.
7. Конанчук Д., Волков А. Эпоха «Гринфилда» в образовании // Ректор вуза. 2014. № 3. С. 66–75.
8. Кравченко В. В. Сопоставительный анализ отечественного и западноевропейского дополнительного профессионального образования: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.01. М., 2012. 190 с.
9. Лейбович А. Н. Перспективы развития Национальной системы квалификаций Российской Федерации: тез. сообщения к заседанию Учёного совета ФИРО [Электронный ресурс]. 2010. 27 окт. Режим доступа: <http://www.apkit.ru/files/FIROLeibovich27.10.10.doc> (дата обращения: 02.03.2018).
10. Мосичева И. А. Реализация программ ДПО в условиях совершенствования нормативной базы профессионального образования // Высшее образование в России. 2011. № 8. С. 3–7.
11. Мосичева И. А., Шестак В. П., Гуров В. Н. Высшая школа и дополнительное профессиональное образование: проблемы и решения. Ставрополь: СГУ, 2007. 323 с.
12. Никитин Э. М. Реформа российского образования и повышение квалификации педагогов // Вопросы образования. 2005. № 4. С. 164–173.
13. Нурутдинова А. Р., Валеева Н. Ш., Дмитриева Е. В., Муртазина Э. М. Интегративные структуры научных и образовательных звеньев: уровни, типы и этапы развития // Вестник Казанского технологического университета. 2014. Т. 17, № 9. С. 361–364.
14. Профессиональный стандарт педагогической деятельности [Электронный ресурс] / под ред. Я. И. Кузьминова, В. Л. Матросова, В. Д. Шадрикова. Режим доступа: <http://www.myshared.ru/slide/185805> (дата обращения: 27.02.2018).
15. Садриев Р. И. Проблемы развития системы профессиональной переподготовки и повышения квалификации специалистов социокультурной сферы и искусства в контексте современных образовательных трендов // Культура и образование: инновационные технологии: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Казань, 2014. С. 3–6.
16. Ткаченко Л. А. Институт дополнительного профессионального образования в пространстве университета культуры и искусств // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 14. С. 77–82.
17. Фролова И. И., Ахметзянова Г. Н., Валеева Н. Ш. Качество подготовки специалиста как педагогическая проблема // Вестник Казанского технологического университета. 2013. Т. 16, № 1. С. 350–354.
18. Шадриков В. Д. Профессиональные способности. М.: Университетская книга, 2010. 320 с.
19. Шестак В. П., Мосичева И. А., Гуров В. Н. Высшая школа и дополнительное профессиональное образование: проблемы и решения. Ставрополь: Изд-во СтавГУ, 2007. 322 с.

Статья поступила в редакцию 10.03.2018; принята к публикации 27.03.2018

Библиографическое описание статьи

Гомбоева М. И., Спандерашвили Н. И. Социокультурные основания современных практик дополнительного профессионального образования сферы культуры и искусства // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 159–167. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-159-167.

Margarita I. Gomboeva¹,

Doctor of Culturology, Professor,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: m. i. gomboeva@gmail.com

Nadezhda I. Spanderashvili²,

Senior Lecturer,

Transbaikal State University

(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),

e-mail: nspan56@mail.ru

Sociocultural Grounds of a New Configuration of Supplementary Vocational Education in the Sphere of Culture and Art

The present study analyzes the current state, directions and tasks in development of the system of supplementary vocational education in "Culture and art" field. The article aims to reveal and describe two trends in development and formation of the system of supplementary vocational education in the field of culture and art in Zabaikalsky krai and the Republic of Buryatia. The first trend is connected with the development of traditional types and directions in the activities of cultural institutions and their educational programs, with quality of competence resources, normative and conceptual provisions. The second trend presents the new forms of institutionalization, meets modern requirements in the area of culture services market, objectives and needs of the sphere through commercialization, investment, massification and digitalization of services. This trend is revealed in new educational projects, organized full-fledged infrastructures of support and funding of educational start-ups. Supported by the investors' money and increasing media attention, educational start-ups happen on a mass scale and continue to be further consolidated. The study provides evidence that these two trends in the development of the system coexist under the law of an old and new market. Energy of the new models of education focuses not on combating the old models but on creating successful solutions. In this connection, development of the system of supplementary vocational training and retraining of cultural and art institutions staff is especially relevant today. The processes of implementing professional standards, activity of external challenges and institutions' need in additional income promotes searching for sources of new competences which are formed in educational programs of supplementary vocational education.

Keywords: sociocultural trends, supplementary vocational education, center for professional retraining, start-ups in cultural sphere, new professional competences

References

1. Aniskina, N. H. Quality of additional professional education. Competence. no.9–10/100–101/2012 Oh, pp. 5–13. (In Rus.)
2. Bagin, V. Further professional education in the University: the strategy of development. Chita. CHIPPKRO, 2005. (In Rus.)
3. Balatsky, E. V. Crisis of social Sciences in the light of the concept of old markets. Science. Innovations. Education, no. 9, pp. 84–61, 2010. (In Rus.)
4. Belova, E. N. The triple net model of organization of additional professional education of University. Journal of Creative economy, no. 5, pp. 89–96, 2014. (In Rus.)
5. Blinov, V. I. and [others] national frame of qualifications of the Russian Federation: Recommendations. M: Federal Institute of education development, 2008. (In Rus.)
6. Ivanova, M. I. Educational institutions of culture and arts of the Republic of Sakha (Yakutia) in the conditions of modernization: to the content of the Educational resource center of the Ministry of culture and spiritual development of the RS. Proceedings of the All-Russian Conference. Kazan, 2014, pp. 47–54. (In Rus.)
7. Konanchuk, D., Volkov, A. The Era of "Greenfield" in education. Rector of the University, no. 3, pp. 66–75, 2014. (In Rus.)
8. Kravchenko, V. V. Comparative analysis of domestic and Western European additional professional education. Cand. sci. diss. M: 2012.
9. Leibovich, A. N. Prospects for the development of the National qualifications system of the Russian Federation: abstracts for the meeting of the Scientific Council of FIRO 27.10.10. Web.02.03.2018.<http://www.apkit.ru/files/FIROLeibovich27.10.10.doc>. (In Rus.)
10. Mosicheva, I. A. Implementation of programs DPO in terms of improving the regulatory framework of professional education. Higher education in Russia, no. 8–9, pp. 3–7, 2011. (In Rus.)
11. Mosicheva, I. A., Shestak, V. P., Gurov, V. N. Higher education and additional professional education: problems and solutions. Stavropol: SSU, 2007. (In Rus.)

¹ M. I. Gomboeva: research organization, design and preparation of the manuscript.

² N. I. Spanderashvili: collecting and processing of empirical data, interpretation and synthesis of the data.

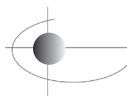

12. Nikitin, E. M. Reform of Russian education and professional development of teachers. *Voprosy obrazovaniya*, no. 4, pp. 164–173, 2005. (In Rus.)
13. Nurutdinova, A. R., Valeeva, N. SH., Dmitrieva, E. V., Murtazina, EH. M. Integrative structures of scientific and educational links: levels, types and stages of development. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, t. 17, no. 9, pp. 361–364, 2017. (In Rus.)
14. Professional standard of pedagogical activity. In Kuz'minova, Ya. I., Matrosova, V. L., SHadrikova, V. D. editors. Web. 27.02.2018. <http://www.myshared.ru/slide/185805/> (In Rus.)
15. Sadriev, R. I. Problems of development of system of professional retraining and advanced training of specialists of the sociocultural sphere and art in the context of modern educational trends. Culture and education: innovative technologies. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Kazan', 2014: 3–6. (In Rus.)
16. Tkachenko, L. A. Institute of additional professional education in the space of the University of culture and arts. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, no.14, pp.77–82, 2011. (In Rus.)
17. Frolova, I. I., Akhmetzyanova, G. N., Valeeva, N. Sh. Quality of training as a pedagogical problem. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, t. 16, no. 1, pp. 350–354, 2013. (In Rus.)
18. Shadrikov, V. D. The Professional ability. M: Universitetskaya kniga, 2010. (In Rus.)
19. Shestak, V. P., Mosicheva, I. A., Gurov, V. N. Higher education and additional professional education: problems and solutions. Stavropol'. Izd. StavGU, 2007. (In Rus.)

Received: March 10, 2018; accepted for publication March 27, 2018

Reference to the article

Gomboeva M. I., Spanderashvili N. I. Sociocultural Grounds of a New Configuration of Supplementary Vocational Education in the Sphere of Culture and Art // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 159–167. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-159-167.

УДК 008: 793.31(460)

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-168-175

Анастасия Леонидовна Кучеренко¹,
аспирант, старший преподаватель,
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
(690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41),
e-mail: anasta-leon@mail.ru

Нина Алексеевна Коноплёва²,
доктор культурологии, профессор,
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
(690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41),
e-mail: nika.konopleva@gmail.com

Танец как феномен телесности на примере испанского танца фламенко

Статья рассматривает танец в контексте телесности, уделяя особое внимание её ритмопластическому проявлению в испанском танце фламенко. Обосновывается, что телесность представляет собой единство психического и физического начал человека, ярко актуализируемых в танце. Отмечается, что направление танцевально-двигательной терапии ставит своей задачей достижение гармоничного единства между физическими проявлениями и внутренним миром личности. Испанский танец фламенко рассматривается как средство психофизической релаксации и поддержания физической формы, подчёркивается его терапевтический эффект. Анализируются ритмопластические элементы танца фламенко в соответствии с их символическими значениями. Исследуется сущность духовного проявления танца фламенко – феномена «дуэнде», подробно рассмотренного в предыдущих публикациях. В статье выявляется семиотическое значение телесных проявлений отдельных элементов феномена «дуэнде» в танце фламенко. Так, воображение, вдохновение, эмоциональная отдача, импровизация и транс, будучи неотъемлемыми элементами «дуэнде», имеют своё соответствующее хореографическое проявление в виде определённых жестов, поз, мимики исполнителя и т. д. Вышеперечисленные элементы также коррелируют с основными функциями танца фламенко, предполагающими развитие определённых навыков и качеств исполнителя. Особое внимание уделяется функции поддержания физической формы и терапевтического эффекта, возникающего в результате занятия танцем фламенко.

Ключевые слова: испанский танец фламенко, телесность, элементы феномена «дуэнде», поддержание физической формы, сапатеадо, пластика тела, танцевальная психотерапия

Введение. В последнее время всё больше исследователей рассматривают танец в контексте телесно-ориентированного подхода. Посредством тела познаётся окружающий мир, при этом проявляются различные аспекты как индивидуального, так и социального самоопределения личности, её идентификации в обществе. По мнению Л. В. Жарова, возросший в настоящее время интерес к проблеме телесности становится новой антропологией, ядром которой является признание единства души и тела³.

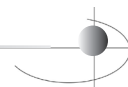
Необходимо отметить, что в конце XX – начале XXI века благодаря работам А. Мас-

лоу, В. Франкла, С. Реншона, Р. Инглхарта и других, придавших теме так называемой гуманистической психологии особое звучание, внимание общества акцентировалось на различных аспектах телесности. Огромное социокультурное значение в признании телесности в качестве одного из образцов, достойных подражания, имело также общественное движение, пропагандирующее здоровый образ жизни, которое начало завоевывать мир во второй половине XX века. Всё это позволило данному явлению, ставящему во главу угла развитие и совершенствование человеческого тела, а также предлагающему обществу со-

¹ А. Л. Кучеренко – основной автор, осуществляет сбор материала, анализ, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта, а также занимается оформлением статьи.

² Н. А. Коноплёва – соавтор, осуществляет систематизацию материала исследования, структурирует и оформляет статью.

³ Жаров Л. В. Двадцатилетний опыт изучения проблемы человеческой телесности (взгляд врача и философа): актовая речь [Электронный ресурс]. – Ростов н/Д., 2001. – Режим доступа: <http://www.e-yanushkevich.com> (дата обращения: 10.01.2018).

вершенный образец всесторонне развитого человека, соединяющего в себе физическое здоровье, психическую устойчивость и социальную благополучность, распространиться по всей планете и продолжать активно развиваться. При этом человек постоянно проявляет активное отношение к своей телесности, намеренно видоизменяя её, выходя за пределы «животной связанности» [2, с. 89].

Методология и методы исследования. В данном исследовании была применена совокупность методов, характерных для искусствоведческого анализа. В основе работы лежит телесно-ориентированный подход, который позволил рассмотреть танец, в частности испанский танец фламенко, в качестве средства поддержания физической формы и психофизической саморегуляции.

Для исследования феномена «дуэнде», присущего танцу фламенко, были применены метод структурного анализа, проблемно-логический и общенаучный метод моделирования, позволившие рассмотреть содержательные элементы данного феномена в их логической последовательности, а также разработать его структурно-функциональную модель. Иконологический метод позволил осуществить формальный анализ и выявить сюжетные линии и символические значения, обусловленные национально-культурными корнями танца фламенко.

Результаты исследования и их обсуждение. Если обратиться к танцу, то можно отметить, что, отражая различные смысловые содержания телесности и свойства тела, танец является средством познания и самопознания. Посредством танца человек познаёт своё тело, пределы его внешних проявлений, изучает свои ощущения, демонстрирует миру возможности своей телесности, переживает радость творчества. Примечательно, что в основе танцевального языка лежат выразительные возможности человеческого тела, при этом сам танец определяется как «музыка тела». Так, в трудах исследователей танца Л. Д. Блок, В. М. Красовской встречается термин «звучащее тело» в отношении тела танцующего [5].

Во время исполнения танца тело способно отражать внутреннюю духовную жизнь человека. По словам К. С. Станиславского, в искусстве, в частности в танце, тело является «внешним аппаратом воплощения» [10, с. 56]. По мнению М. Н. Жиленко, танец – это духовность, выраженная посредством идеально организованной плоти. При этом исследователь выделяет особый вид мыслитель-

ной активности, характерной для танца – танцевальное ритмопластическое мышление, специфика которого определяется пластикой человеческого тела, как основой танцевальной выразительности и ритмом, как одним из главных системообразующих принципов танца [2, с. 92–98]. Посредством ритмопластического мышления эмоции исполнителя преобразуются в ритмически организованное движение. По словам хореографа К. Я. Голлейзовского, «...нужно, чтобы мышцы актёра всегда сливались с его воображением, с его настроением, с его вдохновением».

В современной науке танец всё чаще начинает рассматриваться в контексте психотерапевтического воздействия. Это обусловлено тем, что танец обладает эффективными оздоровительными и гармонизирующими свойствами.

В. М. Красовская подтверждает, что шаманские ритуальные танцы оказывают определённое лечебное воздействие, а ритм танца и его эстетическая сторона гармонизируют энергетику человека [5].

В начале 1940-х годов в США начала активно развиваться танцевально-двигательная терапия, суть которой заключается в психотерапевтическом воздействии танца, способствующего эмоциональному, социальному и физическому уравниванию личности [1].

Рассмотрение танца в контексте психотерапии стало возможным благодаря «революции» в танце и исполнителям-новаторам: А. Дункан, М. Грехем, Э. Жак-Далкрос и другим, – стремившимся передать в танце свои чувства через многообразные комбинации движений. Танец воспринимался ими в качестве способа спонтанного творческого самовыражения, обращения к своим чувствам и эмоциям. Телесно-ориентированный подход к танцевальной деятельности позволяет рассматривать танец в качестве средства невербальной коммуникации, изучать, как эмоции и чувства человека отражаются в его телесных состояниях, анализировать эти взаимосвязи, корректируя их определённым образом.

В культуре прошлого столетия танец в аспекте психотерапевтических воздействий стала рассматривать Мэрион Чейз – хореограф и преподаватель танца модерн из США. В своей практике она стремилась акцентировать свободу движений, импровизацию, выражение индивидуальных потребностей исполнителя. Специалист по танцевальной терапии Труди Шуп особое внимание уделяет спонтанному, катарсическому высвобожде-

нию в танце сдерживаемых чувств, исследованию скрытых конфликтов, являющихся источниками психического и физического напряжения. По словам Т. Шуп, «танец изначально обращался непосредственно к здоровому аспекту человеческой природы, усиливая любые оставшиеся проявления здоровья» [Цит. по: 4, с. 60].

Поскольку телесность взаимосвязана с психическими процессами человеческой жизнедеятельности, то танец, как одно из её проявлений, демонстрирует индивидуальные черты личности, позволяет проявиться эмоциям, снять мышечные зажимы, а в конечном итоге – гармонизировать физическое и психическое состояние человека. По словам В. В. Козлова, танец используется не только как конкретное психофизическое действие, но и как интегративная метафора, позволяющая структурировать и трансформировать внутренний мир личности, осуществить его гармонизацию с внешним миром путём изменения поведения и отношения человека к окружающей действительности [4, с. 85]. В свою очередь, В. Ю. Никитин отмечает, что «человек, который хорошо танцует, испытывает неповторимые ощущения от свободы и лёгкости своих движений – от умения владеть своим телом, его радуют точность, красота, пластичность, с которыми он исполняет сложные танцевальные па» [8].

А. Лоуэн и В. Райх также подчёркивали единство тела и психики. По их мнению, человеческое тело, в широком смысле этого слова, есть основа душевной жизни: насколько гармонично функционирует тело, настолько уравновешенной оказывается психозомональная сторона личности. Наш телесный опыт неизменно отражается на психике, и, наоборот, все психологические и эмоциональные изменения отражаются в теле [9]. Немецкий хореограф Рудольф фон Лабан, в своей теории рассматривал движения танца с учётом параметров пространства и времени. По его мнению, экспрессивность танца зависит от заполняемого исполнителем сценического пространства. Согласно Р. Лабану, танец включает в себя не только движения, но и различные вербальные и звуковые проявления, тесно связанные с телесными проявлениями [15, с. 40–45].

Как подчёркивает А. В. Немцева, телесность не вполне идентична телу, она понимается «выше» и «шире», выходя за рамки физического тела. Именно посредством телесности проявляется духовная сущность человека, связывая его с Абсолютом – транс-

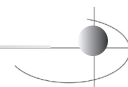
цендентным началом в самом себе через Дух [7]. В этом смысле представление о телесности близко к пониманию природы танца фламенко, в котором духовное начало (феномен «дуэнде») проявляется через физическое – технику танца, выраженную в ритмопластических движениях тела.

Особенности ритмопластических проявлений танца фламенко обусловлены его историческими корнями, происхождением на юге Испании, в провинции Андалусии, сущностью, проявляющейся в соединении танца (baile), пения (cante) и гитарного музыкального сопровождения (toque), культурными причинами – протест в ответ на угнетение народа и подавление его национального характера. Таким образом, фламенко – это не только танцевальная культура, которая символизирует Испанию, её традиции, образ жизни испанцев, но ещё и философия, в основе которой лежат такие понятия, как страсть, мятёж, вызов судьбе, борьба.

Для танца фламенко характерно сольное выступление танцора. Танцуя, один исполнитель демонстрирует свою индивидуальность, независимость от мира и зачастую одиночество. Исследователь фламенко В. Марреро отмечает, что в цыганских танцах Андалусии «явственно ощущается трагизм и одиночество» [Цит. по: 3, с. 8]. Танец фламенко весьма своеобразен, он отличается отточенностью и выразительностью движений рук, включая веерообразные вращения кистей и даже пальцев. Благодаря этому танцорам удаётся передать самые тонкие и, казалось бы, невыразимые чувства и эмоции. Так, плавные движения рук выражают чувственность и любовь, а резкие, подобные взмаху шпаги, показывают, что назревает конфликт, чреватый вспышкой страстей. В контексте танца имеет значение каждый жест исполнителя, будь то поворот головы или взмах веера, прищёлкивание пальцами, ритмичные хлопки ладоней или дроби каблуков.

По мнению танцора фламенко Антонио Гадеса, фламенко символизирует сочетание трёх стихий: ноги – земля, корпус и руки – воздух, душа – огонь¹. Женщина в танце фламенко предстаёт самодостаточной, гордой, сильной, страстной и неприступной. Так, в танце фламенко «...коккетство – не коккетство, а шаманство; и сексуальность – не сексуальность, а гордость за свою принадлежность к женскому полу и к земному, плодоносящему началу. Мужчина в танце фламенко предста-

¹ Гадес А. Москва затмила всех // Музыкальное просвещение. Мир гитары. – 2012. – № 3. – С. 5–11.

ёт суровым, благородным, темпераментным, но при этом сдержанным. Танцуя в паре, мужчина и женщина почти не касаются друг друга...»¹.

Экспрессивность танца фламенко непременно отражается на внутреннем мире самих исполнителей. По мнению С. Липинской, этот танец активизирует определённые личностные качества, которые помогают исполнителю повысить его уверенность в себе, самооценку, развить харизму².

Характерный почерк танца фламенко – это так называемые «сапатеадо», ритмичные удары каблуком, носком или всей стопой ноги танцора, который при этом принимает выразительные позы, сменяющиеся резкими поворотами или выпадами.

Приёмы сапатеадо (*zapateado* – производное от *zapato* – исп. «ботинок») используются и мужчинами, и женщинами, хотя долгое время они исполнялись только мужчинами, поскольку быстрые дроби требуют физической подготовки и отличного чувства ритма [12, с. 66]. Хореограф И. Гоулет называет танцоров фламенко «танцующими музыкантами» (англ. *dancing musicians*), имея в виду, что последние при помощи своего тела: ритмичных ударов стопы и хлопков ладоней – создают аккомпанемент танцу [14].

Само по себе сапатеадо, при котором танцор энергично отбивает дроби каблукми, имеет символическое значение протеста, непримиримой борьбы. По степени экспрессивности сапатеадо фламенко может быть сравнимо с кавказским танцем лезгинка, передающим боевой настрой воинов перед сражением³.

По мнению М. Куэлла-Морено, в танце фламенко очень важен навык изолированной работы отдельных частей тела, при котором голова, руки, ноги и корпус танцора одновременно выполняют движения в различном ритме и с разным характером [12].

Таким образом, танец фламенко представляет собой контраст плавных и чувственных движений рук и стремительной дроби

¹ Ключевые ценности фламенко [Электронный ресурс] // Школа фламенко BANDADA. – Н. Новгород, 2009. – Режим доступа: <http://www.flamenco-nn.ru/index.php> (дата обращения: 12.01.2018).

² Липинская С. Терапевтические и психологические аспекты танца фламенко в концепции танцевальной терапии [Электронный ресурс] // Отделение танцевально-двигательной психотерапии. – Режим доступа: <http://www.tdt-edu.ru/terapevticheskie> (дата обращения: 10.01.2018).

³ Нефляшева Н. Лезгинка – «танец орла» или символический протест? [Электронный ресурс] // Кавказский узел. – 2011. – Режим доступа: <http://www.kavkaz-uzel.eu/blogs/1927/posts/6788> (дата обращения: 10.01.2018).

каблуков, задающих ритм, плавных прогибов корпуса и резких поворотов головы.

По мнению исследователей фламенко (Э. М. Анди, А. П. Кларамент, Г. Эдвардс и др.), особенность исполнения этого танца заключается в том, что при определённой музыкальной структуре исполнителю необходимо проявить импровизацию, без которой танец фламенко утрачивает свою сущность.

Танец фламенко двуедин, он немислим без соединения двух начал, физического и духовного. Ведь помимо техники исполнения в нём обязательно должен присутствовать некий дух, который сами танцоры, равно как и многочисленные исследователи, называют «дуэнде». Именно он позволяет исполнителю доказать подлинность своих чувств, что зачастую зрителями ценится намного выше хореографии и прочих тонкостей профессионального исполнения. И это отличает фламенко от многих других танцев.

«Дуэнде» – это особое, специфическое состояние танцора, при котором его духовная сущность и физическая энергия воссоединяются, порождая феномен, который современной наукой до настоящего времени не был изучен, высказываются о нём чаще всего метафорически – как о некоем «мистическом духе танца», «чёрном бесе вдохновения».

В процессе проведённого исследования была разработана структурно-функциональная модель феномена «дуэнде», согласно которой он представлен пятью элементами: творческим воображением, вдохновением, эмоциональной отдачей, импровизацией и трансом – демонстрирующими полную включённость исполнителя в сферу танца и определяющимися посредством ответной реакции зрителя – катарсиса [6].

В танце фламенко отсутствует система знаковой записи танца – все танцевальные позиции и движения варьируются в разнообразных комбинациях и усваиваются исполнителем в детстве, когда он имитирует танцы старших в кругу семьи. Каждая школа танца использует свою собственную импровизированную систему, в основе которой лежит ассоциативный принцип. Так, распускающийся цветок означает вращение кистями рук флорео (исп. *flor*), а поза цапли – поворот на одной ноге. Например, опущенные плечи танцора символизируют подавленность, вскинутые вверх руки в сочетании с выпрямленной спиной – гордость, непокорность, веерообразные движения пальцами – цветок, нежность [11, с. 47–49].

По словам испанского исполнителя фламенко А. Гадеса, «танец – это не шаги, это то, что происходит между шагами. Это как бой быков...»¹. Как правило, танец фламенко исполняется под аккомпанемент гитарной музыки и пения, именно поэтому его можно назвать своеобразным диалогом между танцором, музыкантом и певцом, который зачастую характеризуется импровизацией. Именно это дает зрителям чувство подлинности фламенко, позволяет им переживать происходящее на сцене как глубоко личное, скрытое от посторонних глаз.

На основании многолетних наблюдений за концертными выступлениями признанных мастеров танца фламенко (К. Амайи, К. Ойос, А. Гадеса, Х. Антонио Хименеса, Л. дель Соль, Х. Кортеса и др.), а также российских исполнителей было выявлено семиотическое значение телесных проявлений отдельных элементов феномена «дуэнде» в танце, представленных в таблице.

Все эти элементы феномена «дуэнде» в танце фламенко взаимосвязаны с его функциями. В итоге они позволяют исполнителю достичь вершин мастерства, разумеется, при условии, что во время танца ему удаётся переживать «дуэнде».

Нами выделены восемь основных функций танца фламенко: креативная, эстетическая, образовательная, коммуникативная, экспрессивная, функция поддержания физической формы, идентификационная и психорегулирующая [6].

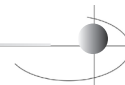
Материалы данного исследования докладывались и обсуждались на заседаниях кафедры дизайна и технологий Владивостокского государственного университета экономики и сервиса (март 2016 г.), на заседании диссертационного совета Дальневосточного федерального университета (декабрь 2017 г.), а также в ходе ряда конференций, в том числе, на международной научной конференции.

Таблица

Телесное выражение элементов феномена «дуэнде» в танце фламенко

Элемент феномена «дуэнде»	Особенности выражения в танце	Примеры выражения в танце	Графическое изображение ¹
Воображение	Данный элемент не имеет своего чёткого хореографического эквивалента – он выражается посредством ряда других художественных средств и приёмов, создающих определённый сценический образ: детали и цвет костюма, аксессуары, особенности мимики, взгляда и т. д.	Красная роза, приколотая к волосам, пронизывающий взгляд, гордо расправленные плечи, вздёрнутый вверх подбородок, плавно изогнутые руки, резко распахивающие веер – в комплексе всё это создаёт образ «роковой женщины»	
Вдохновение	В танце выражается различными хореографическими позициями «на раскрытие» рук и корпуса танцора, символизирующими «сердце, открытое танцу»	Третья позиция рук: округлённые руки за спиной, чуть ниже пояса. Пятая позиция рук: округлённые руки подняты над головой. Движения <i>braceo</i> (брасео) – непрерывные плавные вращения руками, выполняющиеся от одной позиции к другой	
Эмоциональная отдача	В кульминационных моментах танца проявляется при помощи выразительной мимики лица, спонтанных выкриков, движений пальцев рук, при которых каждый палец напряжён и, прорисовывая свою линию вращения, передаёт зрителю накал неподдельной страсти	Нахмуренные брови танцора, спонтанные выкрики («ole», «ay», «vamos» и т. д.), ритмичные хлопки (<i>palmas</i>) и щелчки пальцами (<i>pitos</i>), а также движения флорео – веерообразные вращения кистями рук с максимальным напряжением пальцев	
Импровизация	В определённые моменты танца танцор своими движениями аккомпанирует гитаристу, а также демонстрирует «интригу» с партнёром по сцене, передавая зрителю чувство непринуждённости танца, который создаётся прямо на сцене на его глазах	Различные комбинации дробей (сапатеадо) в сочетании с хлопками (пальмас) и спонтанными выкриками «халеос», махи шлейфом юбки	

¹ Гадес А. Москва затмила всех // Музыкальное просвещение. Мир гитары. – 2012. – № 3. – С. 5–11.

Транс	Данный элемент определяется в танце посредством мимики на лице танцора, а также безошибочного следования сложному меняющемуся ритму. Именно чёткое чувство ритма вводит в транс исполнителя и зрителя	Стремительные комбинации сапатеадо высокой техники исполнения в сочетании с поворотами корпуса, вращениями, движениями брасео и флорео	
* Фламенко силуэт [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ru.freepik.com/free-icon/flamenco-dancing-silhouette-of-a-woman (дата обращения: 10.01.2018)			

«Дальний Восток России и Китай: диалог культур стран соседей» (г. Владивосток, апрель 2017 г.), на XVIII Международной научно-практической конференции – конкурсе студентов, аспирантов и молодых учёных «Интеллектуальный потенциал вузов – на развитие дальневосточного региона России и стран АТР» (г. Владивосток, апрель 2016 г.) и др. Членами дискуссии была подчеркнута инновационность и практическая значимость данного исследования.

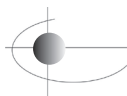
Выводы. Таким образом, с точки зрения поддержания физической формы, танец фламенко рассматривается как активность, используемая с целью улучшения здоровья исполнителя и сохранения телесной красоты. Функция поддержания физической формы в танце фламенко активизируется такими элементами феномена «дуэнде», как импровизация и вдохновение. Импровизационные характерные движения танца активизируют различные отделы мышечного корсета, снимая

зажимы и напряжение в мышцах, укрепляя их, развивают координацию, а также придают пластичность всему корпусу в целом. Благодаря элементу вдохновения, присутствующему в танце фламенко, работа над физической формой превращается из утомительного занятия в удовольствие. В целом внешний облик исполнителя танца фламенко отличается ровной осанкой, отточенными движениями, хорошей координацией, у танцора происходит психофизическая релаксация [6].

Следует отметить, что использование танца фламенко в качестве средства поддержания физической формы было подтверждено практически. В терапевтической практике регионального медицинского центра «Лотос» (г. Владивосток) занятия танцем фламенко были рекомендованы пациентам в качестве эмоционально-психологической коррекции и физической реабилитации в дополнение к курсам рефлексотерапии, арт-терапии и лечебной физкультуры.

Список литературы

1. Гренлюнд Э., Оганесян Н. Танцевальная терапия. Теория, методика, практика. СПб.: Речь, 2004. 288 с.
2. Жиленко М. Н. Танец как форма коммуникации в социокультурном пространстве: дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. М., 2000. 191 с.
3. Клараунт А. П. Искусство танца фламенко. М.: Искусство, 1984. 183 с.
4. Козлов В. В., Гиршон А. Е., Веремеенко Н. И. Интегративная танцевально-двигательная терапия. М.: Речь, 2006. 286 с.
5. Красовская В. М. История русского балета. СПб.: Эксмо, 2010. 312 с.
6. Кучеренко А. Л. Принципы практического использования испанского танца фламенко // Территория новых возможностей: вестник ВГУЭС. 2017. Т. 9, № 1. С. 246–253.
7. Немцева А. В. К вопросу о социально-философском аспекте телесности // Вклад Сибири в культурологическое пространство России: материалы Всерос. науч. конф. по культурологии. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2009. С. 58–61.
8. Никитин В. Ю. Танец как социокультурный феномен. Три лика Терпсихоры // Вестник МГУКИ. 2014. № 6. С. 292–298.
9. Лоуэн А. Биоэнергетика: пер. с англ. СПб.: Ювента, 1998. 253 с.
10. Станиславский К. С. Работа актёра над собой в творческом процессе переживания. Дневник ученика. СПб.: Прайм-Еврознак, 2009. 478 с.
11. Barrio A. A. El baile flamenco. Ángeles Arranz del Barrio. Lib Deportivas Esteban Sanz, 1998. 126 p.
12. Cuellar-Moreno M. Flamenco Dance. Characteristics, resources and reflections on its evolution [Электронный ресурс] // Cogent Arts & Humanities. 2016. № 3. Режим доступа: <https://www.doi.org/10.1080/23311983.2016.1260825> (дата обращения: 20.12.2017).
13. Edwards G. Flamenco! New York: Thames & Hudson, 2006. 176 p.

14. Goulet I. Learning to Become Dancing Musicians: Flamenco Dancers Going Global // A Thesis in the Department of Sociology and Anthropology, Concordia University. Montreal, 2007. 126 p.

15. Laban R. von. Der Moderne Ausdruckstanz in der Erziehung. Eine Einführung in die kreative tänzerische Bewegung als Mittel zur Entfaltung der Persönlichkeit. Wilhelmshaven, 2001. 160 p.

Статья поступила в редакцию 16.01.2018; принята к публикации 28.02.2018

Библиографическое описание статьи

Кучеренко А. Л., Коноплева Н. А. Танец как феномен телесности на примере испанского танца фламенко // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 168–175. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-168-175.

Anastasia L. Kucherenko¹,

*Postgraduate Student, Senior Lecturer,
Vladivostok State University of Economics and Service
(41 Gogolya st., Vladivostok, 690014, Russia),
e-mail: anasta-leon@mail.ru*

Nina A. Konopleva²,

*Doctor of Culturology, Professor,
Vladivostok State University of Economics and Service
(41 Gogolya st., Vladivostok, 690014, Russia),
e-mail: nika.konopleva@gmail.com*

Dance as a Corporality Phenomenon on the Example of Flamenco Spanish Dance

The given article reviews dance in terms of corporality, paying special attention to the rhythm and plastic representations of corporality in the Spanish flamenco dance. It is stated that corporality is an integral unity of physical representation and inwardness of a personality which is the most vividly expressed in dancing. The author admits that a modern trend of the Dance Movement Therapy is aimed at reaching a harmonious integrity of physical and spiritual sides of a personality. Spanish flamenco dance is viewed as a mean of psychological relaxation and a form of physical shape maintaining, highlighting a therapeutic effect of this dance. Certain rhythm and plastic features of flamenco dance and their corresponding symbolic meanings are considered in the article. The author analyzes spiritual aspect of flamenco dance – its “duende” phenomenon which was deeply analyzed in the previous publication. The article reveals semiotic meaning of corporal representation of the specific “duende” elements in flamenco dance. Thus, imagination, inspiration, emotional give, improvisation and trans, being integral parts of the “duende” phenomenon, have their corresponding choreographic representation expressed as certain postures, gestures, face mimics, etc. The above-mentioned elements also correlate to the basic functions of the flamenco dance, fostering development of certain skills of a performer. A special attention in the article is given to the function of fitness and therapeutic effect emerging from practicing flamenco dance.

Keywords: Spanish flamenco dance, corporality, “duende” phenomenon elements, physical shape maintaining, sapateado, corporal plastic, Dance Movement Therapy

References

1. Grenlund, E., Oganessian, N. Dance therapy. Theory, methodology, practice. St. Petersburg: Rech', 2004. (In Rus.)
2. Zhilenko, M. N. Dance as a form of communication in the sociocultural space. Cand. sci. diss. Moscow, 2000. (In Rus.)
3. Claramunt, A. P. The art of flamenco dance. Moscow: Art, 1984. (In Rus.)
4. Kozlov, V. V., Girshon, A. E., and Veremeenko N. I. Integral dance-motion therapy. M: Rech', 2005. (In Rus.)
5. Krasovskaya, V. M. The history of Russian ballet. St. Petersburg: EHksmo, 2010. (In Rus.)
6. Kucherenko, A. L. Principles of practical use of Spanish flamenco dance. Vestnik VGUES “Territory of new opportunities”, no. 1, vol. 9, pp. 246–253, 2017. (In Rus.)
7. Nemtseva, A. V. To the question of the socio-philosophical aspect of corporality. The contribution of Siberia to the cultural space of Russia. Proceedings of the All-Russian Conference on culturology. Irkutsk: Publishing House of IrSTU, 2009: 58–61. (In Rus.)

¹ A. L. Kucherenko is the main author, she collects research materials, makes analyses, formulates conclusions and generalizes results of implementation of the collective project as well as makes arrangement of the article.

² N. A. Konopleva – coauthor, she systematizes research materials, works out the structure and makes arrangements of the article.

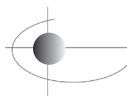

8. Nikitin, V. Yu. Dance as a sociocultural phenomenon. Three faces of Terpsichore. Bulletin of MGUKI, no. 6 (62), pp. 292–298, 2014. (In Rus.)
9. Lowen, A. Bioenergetics: Per. with English. St. Petersburg: Juventa, 1998. (In Rus.)
10. Stanislavsky, K. S. The actor's inner work in the creative process of acting. Diary of the student. St. Petersburg: Prajm-Evroznak, 2008. (In Rus.)
11. Barrio, A. A. El baile flamenco. Lib Deportivas Esteban Sanz, 1998. (In Engl.)
12. Cuellar-Moreno, M. Flamenco Dance. Characteristics, resources and reflections on its evolution. Cogent Arts & Humanities, no. 3, 2016. Web.20.12.2017. <https://www.doi.org/10.1080/23311983.2016.1260825> (In Engl.)
13. Edwards, G. Flamenco! New York: Thames & Hudson, 2006. (In Engl.)
14. Goulet, I. Learning to Become Dancing Musicians: Flamenco Dancers Going Global. A Thesis in the Department of Sociology and Anthropology, Concordia University. Montreal, Canada, 2007. (In Engl.)
15. Laban, R. von. Der Moderne Ausdruckstanz in der Erziehung. Eine Einführung in die kreative tänzerische Bewegung als Mittel zur Entfaltung der Persönlichkeit. Wilhelmshaven, 2001. (In Engl.)

Received: January 16, 2018; accepted for publication February 28, 2018

Reference to the article

Kucherenko A. L., Konopleva N. A. Dance as a Corporality Phenomenon on the Example of Flamenco Spanish Dance // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 168–175. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-168-175

УДК 168.522

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-176-186

Виктория Александровна Плеханова¹,
аспирант, старший преподаватель,
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
(690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41),
e-mail: viktoriya.plehanova@vvsu.ru

Нина Алексеевна Коноплёва²,
доктор культурологии, профессор,
Владивостокский государственный
университет экономики и сервиса
(690014, Россия, г. Владивосток, ул. Гоголя, 41),
e-mail: nika.konopleva@gmail.com

Исследование гендерных и возрастных различий культуры повседневности жилища россиян (на примере г. Владивостока)

В статье рассматривается повседневная жизнь современных российских городских жителей. Отмечается, что предметом изучения обыденной культуры являются различные проявления повседневной жизни: среда обитания, обряды, ритуалы, досуг, обычаи, нравы, уклады жизни, ментальность, образ мышления и образ жизни определённого социума. Причём в культурологии повседневность – это совокупность идей, принципов, процессов и явлений культуры, связанных с повседневной жизнью людей. Особое внимание в статье уделено такому структурному элементу в культуре повседневности, как жилище. Предпочтения в оформлении жилища современного человека могут служить одним из индикаторов условий существования человека и в то же время репрезентировать через повседневную культуру элементы общей системы культуры. Целью данного исследования стало выявление особенностей сегодняшней российской повседневности через анализ отношения отдельных индивидов к внутреннему пространству своего Дома на примере среднего российского города Владивостока с населением на конец 2017 года около 607 тысяч человек. Для решения поставленной задачи было проведено пилотажное анкетирование. Сформированная авторами анкета размещалась в интернете на специальном сайте “Survio” для онлайн-анкетирования. Интерес к исследуемой проблеме проявили 560 жителей г. Владивостока.

Ключевые слова: культура, повседневность, жилище, индивид, дом, интерьер

Введение. Во второй половине XX столетия общепризнанной в гуманитарном знании предпосылкой социокультурных исследований жизненного мира становится повседневная жизнь простого человека. Она выступает «смыслообразующим центром и критерием оценки других сфер жизни» [8, с. 20]. Ещё Маркс и Энгельс отмечали, что именно повседневное бытие определяет общественное сознание, и без анализа повседневной жизни индивидуумов нельзя понять общество в целом [7].

В настоящее время исследование культуры повседневности носит междисциплинарный характер³. Предметом ее изучения являются различные проявления повседневной жизни: среда обитания, обряды, ритуалы, до-

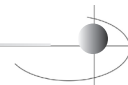
суг, обычаи, нравы, уклады жизни, ментальность, образ мышления и образ жизни определённого социума [5, с. 85]. В культурологии повседневность – это совокупность идей, принципов, процессов и явлений культуры, связанных с повседневной жизнью людей и при этом являющихся составным элементом общей системы культуры [9].

Причём одним из важных элементов материальной структуры повседневности является жильё [2; 6; 11]. Соответственно, концепту *Дом* принадлежит особое место в исследованиях повседневности. Как повседневность в целом, так и жильё есть продукт условий существования человека и в то же время их индикатор [8, с. 91]. Дом – центр внутреннего пространства повседневности. Его жизнь

¹ В. А. Плеханова – основной автор, осуществляет сбор материала, анализ, формулирует выводы и обобщает итоги реализации коллективного проекта, а также занимается оформлением статьи.

² Н. А. Коноплёва – соавтор, осуществляет сбор и систематизацию материала исследования, структурирует и оформляет статью.

³ Теория культуры: учеб. пособие / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. – СПб.: Питер, 2008. – С. 58.

включает в себя полный набор всех форм жизнедеятельности индивида. Он даёт человеку приют и отдых, защиту и пропитание, общение, возможность духовного совершенствования и творчества, право быть самим собой. Пространство повседневности неотделимо от заполняющих его вещей. Вещь (предмет) – отдельная, автономная, оформленная часть второй природы, культуры. Будучи материальной, она, в то же время, содержит множество культурных смыслов: характеризует социальный статус своего обладателя, передаёт атмосферу связанных с ней чувств и переживаний, раскрывает идеи и ценности данного общества. В вещи закрепляются мировоззренческие установки, идеологические смыслы, культурные идеалы и нормы.

Специфика организации жизни в культурном пространстве может быть представлена несколькими моделями дома: дом-очаг, дом-крепость, дом-келья, дом-чаша и даже дом-тюрьма [13, с. 75]. Как менялись эти предпочтения в истории человечества и отдельных социумов зависит от целого ряда факторов, в первую очередь природных особенностей территории, экономических отношений и социальной структуры общества. Один из виднейших исследователей повседневности Ф. Бродель утверждает, что для жилища характерно традиционное постоянство [3, с. 286]. Дом, обладая устойчивостью в истории, на протяжении веков почти не меняется и неизменно свидетельствует о медленном темпе развития цивилизаций и культур. Традиционные цивилизации отличались также постоянством интерьера домов.

Очевидно, современность с её совершенно иными по сравнению с традиционными обществами скоростями смены событий, развития технологий разрушает эти представления о темпах развития культур, следовательно, и повседневностей.

Во многих исследованиях культуры повседневности рассматривается её динамика за периоды разной длительности – от столетий до десятилетий. История российской повседневности изучалась в значительной степени фрагментарно. Тем не менее, по этим работам можно сформировать определённое представление об её основных факторах и особенностях повседневной жизни разных слоёв населения в дореволюционной России, а также советского народа в целом в разных регионах в различные периоды истории советского общества [2, с. 193]. Причём практически не исследована повседневная культура жилища сегодняшней России. Представляется, что

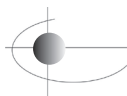
данная работа станет определённым вкладом в теорию и методологию исследований современной повседневной жизни россиян.

Отмеченные выше возможности изучения культуры повседневности и культуры в целом по истории Дома и, в частности его внутреннего оформления, позволили авторам данной работы сосредоточить своё внимание именно на этих элементах пространства повседневности – Доме и его интерьерах. Жильё – одновременно культуропроизводный и культурообразующий феномен. Чум (у народов Сибири) и вигвам (у индейцев), китайская фанза и сакля, балаган (у якутов), хакасская и бурятская юрта, японская минка, испанское пальясо [4], славянская изба явились результатом длительного процесса адаптации разных народов к особенностям среды их обитания, и в то же время само упоминание этих названий отсылает нас к соответствующим этносам. Причём внутри определённого этноса жильё помогает дифференцировать общество по социальной структуре. Архитектурные формы строений и обустройство придомовой территории индивидуального жилья позволяют не только определить положение владельца на социальной «лестнице», но и составить представление о его образе жизни. По оформлению и наполнению интерьеров дома или квартиры можно судить об образованности и духовной жизни владельцев. В стремлении связать повседневность как микроскопический уровень жизни с макроуровнем (экономикой, политикой, уровнем развития техники) авторы считают, что по структуре жилья в определённом социуме и по отношению к нему пользователей можно оценить особенности общества, смысложизненные ориентации, перспективы личностного самоосуществления живущих в нём людей, т. е. составить представление о благополучии социума в целом.

Целью данного исследования стало выявление особенностей сегодняшней российской повседневности через анализ отношения отдельных индивидов к внутреннему пространству своего жилища. Анализ осуществлялся на примере среднего российского города Владивосток с населением на конец 2017 года около 607 тысяч человек.

Методология и методы исследования.

В работе были использованы культурно-антропологический подход и социологические методы исследования: полуструктурированное интервью и анкетирование. Для решения поставленной задачи было проведено пилотажное анкетирование. Сформирован

ная авторами анкета размещалась в интернете на специальном сайте "Survio" для онлайн-анкетирования. Интерес к теме проявили 560 жителей Владивостока, но 16 анкет были исключены из обработки из-за недостаточной адекватности ответов. Из оставшихся 546 участников анкетного опроса 78 % составили женщины. Их более выраженный интерес к предложенной теме естественен, т. к. и в XXI веке женщины остаются «хранительницами очага», в современном понимании налаженного быта.

Результаты исследования и их обсуждение. Средний возраст респондентов – около 35 лет. По возрастным группам они распределились следующим образом:

Возраст (лет)	до 30	31–50	старше 50
% от числа опрошенных	58	26	16

Степень образования анкетированных оценивалась тремя уровнями: средне-специальное, неполное высшее, высшее. Соответственно численность каждой группы (в %) составила: 14; 34; 52. По служебному положению больше всего среди респондентов отмечено специалистов (43 %). Руководители и рабочие вместе с техническим персоналом составили соответственно 13 и 12 %. Средневзвешенный доход анкетированных составил примерно 37 тыс. р. Процент респондентов по уровням дохода распределился так:

Доход, тыс. р.	до 30	31–60	61–100	больше 100
% респондентов	57	30	9	4

Представляется, что выполненный анализ личностных данных анонимных соучастников данного исследования позволяет считать использованную в работе выборку вполне представительной для среднего российского класса. С удовлетворением заметим, что один из виднейших российских исследователей повседневности В. Д. Лелеко считает, что для культуры XX века репрезентативной или характерной будет повседневность именно «среднего класса» или «массового человека» [8, с. 109]. При анкетировании нижний уровень возраста участников был ограничен 20 годами, т. к. детям и «не стоящей ещё на своих ногах» молодёжи не свойственны каждодневные заботы об удовлетворении материальных и духовных потребностей, «повседневность – удел зрелого возраста» [Там же, с. 61]. Чтобы решить вопрос о представительности выборки, т. е. репрезентативности относительно генеральной совокупности, обратимся к существующим, в пер-

вую очередь в социологии, рекомендациям по этому поводу.

Для социологических исследований В. А. Ядов приводит следующую приблизительную оценку надёжности результатов выборочного обследования: повышенная надёжность допускает ошибку вывода до 3 %, обыкновенная – от 3 до 10 %, приближённая от 10 до 20 %, ориентировочная – от 20 до 40 %, а прикидочная – более 40 % [12].

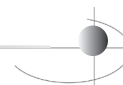
В данной статье мы будем обсуждать ответы лишь на несколько вопросов авторской анкеты, наиболее значимых для решения поставленной задачи. Дополнительно использовались также материалы 20 полуструктурированных интервью. Предполагаем, что отдельные вопросы и их сочетания позволят составить представление о таких сторонах повседневной жизни разных представителей среднего класса, как доля в ней быта, качество образования и наличие культуры вкуса в оформлении жилища, степень соответствия потребностей и материальных возможностей и др.

Обсуждаемые вопросы представлены по тексту, а в таблицах 1, 3 и 5 показаны процентные выражения относительных повторяемостей различных вариантов ответов.

Чтобы определить, в каких пределах полученные вероятностные оценки являются достоверными и при каких условиях превращаются в недостоверное знание, в соответствии со стандартной теорией ошибок случайных величин¹, были рассчитаны их статистические погрешности [Там же]. Величина ошибки тем больше, чем меньше сама повторяемость заданного варианта ответа и число отвечающих на него респондентов. Соответственно, оценки по всей выборке оказались вполне достоверными – их ошибки даже в наиболее неблагоприятных сочетаниях повторяемости и числа случаев не превышали 2 %. При делении всех респондентов на группы (гендерные, возрастные) в некоторых случаях ошибки рассчитанных повторяемостей достигали 10 %, т. е. несколько превышали рекомендуемый в социологических исследованиях В. А. Ядова 5 % уровень. Эти случаи использовались в анализе как приближенные (см. выше по тексту).

Существенность процентных различий определённых вариантов ответов в сравниваемых группах респондентов оценивалась относительно их критических значений. Акцент в анализе результатов расчётов делался на наиболее достоверных данных.

¹ Васнев С. А. Статистика: учеб. пособие. – М.: МГУП, 2001. – С. 45.

Итак, обратимся к обсуждению ответов на вопросы анкеты с учётом дифференциации респондентов по гендерному и возрастному признакам. Группировка вопросов определялась формой обобщающей таблицы.

Первый вопрос: «Расположите в порядке от наиболее к наименее важному следующие материальные составляющие структуры вашей повседневной жизни: еда (1); одежда (2); жильё (3); транспорт (4)».

Второй вопрос: «Считаете ли вы, что качество жилья в наибольшей степени определяется: его площадью (1); дизайном интерьера (убранство и наполнение) (2); качеством придомовой территории (3); инфраструктурой

(наличие магазинов, дошкольных/школьных учреждений и пр.) (4)?» Заданным вариантам ответов в обоих вопросах присваиваются номера от наиболее к наименее значимым. В сводной таблице в каждом случае учтён только процент респондентов, присвоивших данному варианту первое место.

Третий вопрос: «Какие материалы вы предпочитаете в своём жилище: искусственные(1); натуральные (2); безразлично (3)?»

Четвёртый вопрос: «В магазинах какой ценовой категории вы предпочитаете приобретать предметы оформления вашего жилья: высокой (1); средней (2); низкой (3)?» Данные ответов отражены в таблице 1.

Таблица 1

Распределение респондентов (%) по вариантам ответов на 1–4-е вопросы

№ варианта	Вся выборка			Возрастные группы								
	всего	жен.	муж.	младше 30 лет			31–50 лет			старше 50 лет		
				всего	жен.	муж.	всего	жен.	муж.	всего	жен.	муж.
1-й вопрос												
1	25	23	31	25	25	34	27	28	26	20	15	37
2	6	7	4	7	7	5	6	7	5	5	6	0
3	63	65	55	61	65	54	61	65	55	70	76	53
4	6	5	10	7	7	7	6	2	14	5	3	0
2-й вопрос												
1	37	35	44	33	30	43	44	46	42	42	40	53
2	27	30	20	29	34	29	19	25	7	22	24	21
3	18	17	21	16	17	14	16	11	30	26	26	21
4	18	18	15	18	19	14	21	21	21	10	10	5
3-й вопрос												
1	6	9	15	4	9	4	10	11	9	5	4	5
2	51	83	55	46	83	55	53	55	49	65	65	68
3	43	8	40	50	8	41	37	35	42	30	31	27
4-й вопрос												
1	10	9	14	10	9	14	10	8	16	8	9	5
2	80	83	70	80	83	68	82	88	70	78	78	79
3	10	8	16	10	8	18	8	4	14	14	13	16

Анализ первой части таблицы 1 показывает, что жильё является главной материальной ценностью большей части опрошенных. Из 546 человек 63 % отдают ему предпочтение. На втором месте пища. Одежда и транспорт в целом по выборке оказываются малозначимыми. В ответах на первый вопрос интервью: «Что для вас означает ваше жильё?» – в 2/3 случаев жильё оценено как важная часть повседневной жизни (крепость, место налаженного быта, личное пространство), а в 1/3 случаев его оценки негативные – временное пристанище, раздражитель и даже тюрьма с компьютером. Итак, несмотря на малое число интервьюируемых, этот результат согласуется с анкетным опросом.

Гендерные отличия в оценке разных материальных составляющих повседневности весьма существенны (табл. 1). Мужчины

меньше, чем женщины, ценят жильё, но в 55 % случаев – более всего остального. Кстати, в интервью ответы «раздражитель», «тюрьма» принадлежат именно мужчинам (в интервале лет 31–45). С годами у всё большей доли женщин жильё оказывается главным приоритетом, у мужчин такой тенденции не отмечается. Максимальные гендерные и возрастные различия проявляются именно в отношении к жилью. Значимы также эти различия и в отношении к еде, но она более важна для мужчин (табл. 2).

Из второй части таблицы 1, где оцениваются самые общие характеристики внутреннего и внешнего пространства повседневности, по всей выборке можно отметить, что существенно более приоритетным оказывается внутреннее пространство, а из его характеристик – площадь. Фактор оформления

жилья по количеству респондентов, присвоивших ему приоритетную позицию, оказывается на втором месте. Мужчины придают качеству интерьера почти такое же значение, как и качеству придомовой территории (где можно или нельзя припарковать автомобиль). С годами интерес к оформлению жилья в этой гендерной группе ослабевает. Зато их всё больше интересует придомовая территория, возможно, как место общения или наоборот – отъединения от близкого окружения. Для молодых (до 30 лет) женщин более, чем площадь жилья, важно его оформление. В старших возрастных группах приоритеты этих качеств меняются на противоположные. Женщины всех возрастов выше, чем мужчины, оценивают инфраструктуру – близость детских и медицинских учреждений, магазинов и других предприятий сферы обслуживания.

Таблица 2

Разности процентных долей женщин и мужчин по возрастным группам и вариантам ответов

№ варианта	Вся выборка	Возрастные группы		
		младше 30 лет	31–50 лет	старше 50 лет
1-й вопрос				
1	-8	-9	2	-22
2	3	2	2	6
3	10	11	10	23
4	-5	0	-12	3
2-й вопрос				
1	-9	-13	4	-13
2	10	5	18	3
3	-4	3	-19	5
4	3	5	0	5
3-й вопрос				
1	-6	5	2	1
2	28	28	-6	3
3	-32	-33	-7	4
4-й вопрос				
1	-5	-5	-8	4
2	13	15	16	-1
3	-8	-10	-10	-3
Критическая разность	6	8	12	15

Самые большие гендерные различия в выборе вариантов ответов на второй вопрос связаны с отношением к обустройству внутреннего пространства повседневности (табл. 2). Думается, что представленные цифры демонстрируют прежде всего в мужской повседневности вековое русское и советское «противостояние бездуховного, «низменного», быта духовному бытию», являющееся специфической особенностью формирования российской повседневности [2, с. 247]. Заметны также такие реалии российской повседнев-

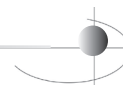
ной жизни, как возрастающая с годами сложность бытовых факторов для женщин и всё большая отстранённость от них мужчин.

Следующие два вопроса (3-й и 4-й) вполне близки к обсуждаемой теме, но их совместное рассмотрение позволяет заметить важную, с нашей точки зрения, особенность сегодняшней российской повседневности. Первое, что выявляется по всей выборке – максимальные по всем рассмотренным вопросам гендерные различия в выборе предпочтительных материалов для оформления интерьера – женщины преимущественно выбирают натуральные материалы, в то время как мужчинам в 40 % случаев безразлично, что будет использоваться в оформлении их повседневного внутреннего пространства. Разности процентных гендерных долей ответов по вариантам 2 и 3 составляют в среднем 30 %, т. е. в 5 раз превышают критическое значение (табл. 2). Причём сформировались такие их величины за счёт самых молодых респонденток (с ростом возраста они неуклонно уменьшаются). Сопоставляя ответы на 3-й и 4-й вопросы, невозможно не заметить в этой группе анкетированных несоответствия между желаниями и возможностями. Среди вариантов ответов на 4-й вопрос о предпочтительной ценовой категории приобретаемых материалов 89 % респонденток выбирают среднюю и низкую. Очевидно представления молодых людей, в первую очередь женщин, о реальной стоимости желаемых ими натуральных материалов весьма иллюзорны. Такой маленький штрих позволяет документировать тот факт, что молодые люди до 30 лет в большинстве своём имеют весьма мало практики в решении бытовых вопросов, а это значит, что наступление их социальной зрелости существенно отстаёт от физиологической.

Пятый вопрос: «Какое минимальное число комнат в квартире может обеспечивать жилищный комфорт для 1, 2, 3, 4, 5 и более человек: 1; 2; 3; 4; 5 и более комнат?»

Респонденты должны были выбрать число комнат в соответствии с количеством жильцов (табл. 3).

Этот вопрос, на наш взгляд, позволяет оценить не только материальные возможности респондентов (хотя речь идёт не о реальном, а о гипотетическом выборе), но и степень их самоуважения и разнообразия интересов. Независимо от гендерных различий более 60 % отвечающих считают вполне достаточным для обустройства своего быта одной комнаты на одного человека. Предполагается совмещение в ней и гардеробной, и

спальни, и гостиной, и кабинета. Например, о месте для бильярдного или теннисного стола никто не осмелился даже пометить. Конечно, представления о стоимости таких апартаментов и об их содержании способны отрезвить любого представителя среднего класса. К сожалению, мы должны отметить, что возможности того контингента, который мы исследовали (он включает в основном людей с высшим образованием, имеющих до-

стойную работу), всё ещё никак не сравнимы с возможностями среднего класса в развитых странах. К тому же вся история нашей советской и постсоветской повседневности не способствовала формированию того чувства собственного достоинства, которое не позволяло профессору Преображенскому из кинофильма режиссера В. В. Бортко «Собачье сердце» «уплотняться и принимать пищу не в столовой, а в спальне»¹.

Таблица 3

Количество респондентов (%), отметивших разное соответствие минимально необходимого числа комнат (к) числу проживающих (l)

Контингент		Варианты ответов												
		l=1		l=2			l=3			l=4			l=5	
		а	б	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	в
Вся выборка	всего	62	36	51	28	18	51	25	20	38	30	7	65	27
	жен.	61	37	53	27	18	50	25	22	38	32	6	65	28
	муж.	62	33	47	32	19	56	30	20	40	24	24	65	26
Младше 30 лет	всего	69	29	52	22	21	48	21	29	36	25	31	60	31
	жен.	69	30	52	20	25	47	21	30	37	21	29	59	31
	муж.	64	27	50	30	20	52	21	25	36	21	39	62	30
31–50 лет	всего	60	38	55	32	11	60	26	13	44	30	22	72	24
	жен.	60	38	58	30	10	59	26	13	45	32	22	72	25
	муж.	60	39	49	37	14	60	26	14	44	28	23	72	23
Старше 50 лет	всего	37	56	42	45	8	46	47	9	36	46	14	74	19
	жен.	31	62	44	50	2	43	43	6	34	53	13	78	19
	муж.	58	37	37	26	32	58	63	21	42	21	16	58	21

Примечание: а) k=l; б) k=l+1; в) k=l-1.

Первое, что привлекает внимание в данных таблицы 3, – максимум респондентов по всей выборке, которые не признают необходимости либо личного пространства для каждого члена семьи, либо отдельного пространства для семейного и более широкого общения (это исключается предпочтительным соответствием числа комнат количеству проживающих). Здесь мы сталкиваемся с характерной для русского и советского менталитета склонностью к самоограничению и жертвенности [2, с. 49] а также с психологией коммунального быта, где не было ни спален, ни гостиных, а были комнаты, приспособленные на все случаи жизни. Примеры таких комнат в современных квартирах показаны на рисунке.

Можно отметить, что общим для интерьеров таких ограниченных по площади пространств является совмещение разных функций в одной комнате (спальня, гостиная, кабинет), использование многофункциональной мебели: диван-кроватей, раскладных кресел, встроенных шкафов-купе, совмещающих в себе функции кладовки, книжного и бельевого шкафов, комода. Очевидно, что такое наполнение интерьеров завершило мно-

голетнюю «борьбу с бытовым хламом» победой. Её сменила борьба за пространство, которая, судя по представленным на рисунке интерьерам, тоже идёт весьма успешно¹ – несмотря на совмещение разных функций, представленные интерьеры не выглядят перегруженными. И это, по-видимому, достаточно устойчивая тенденция. Подтверждение этому – ответы на *шестой вопрос* анкеты: «Какая степень насыщения пространства интерьера вызывает у Вас ощущение комфорта: минимальная, средняя или максимальная?» Только 2 % опрошиваемых отметили третью позицию. По нашей выборке это женщины младшей возрастной группы. Никаких других значимых гендерных или возрастных различий по вариантам вопросов не выявляется. Основным предпочтением всех групп опрошиваемых (в среднем 67 %) является средняя насыщенность пространства, 31 % респондентов предпочитают наиболее просторное внутреннее пространство своего жилья.

Возвращаясь к таблице 3, отметим, что процент респондентов, отдавших предпочтение соответствию числа комнат числу

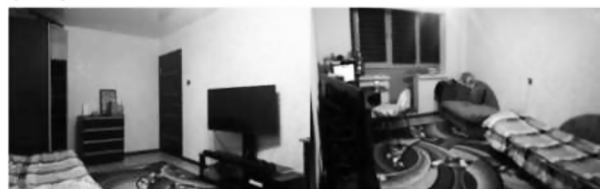
¹ Профессор Преображенский [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.citaty.info/character/professor-preobrazhenskii> (дата обращения: 28.02.2018).

жильцов существенно больше в крайних вариантах – оценке потребностей одного и пяти человек. Можно было предположить, что причины таких внешне сходных представлений (число комнат, равное количеству жильцов) в этих группах различны. Действительно, последующий анализ возрастных различий это подтверждает. Высокий процент респондентов, довольствующихся малым, в первой группе сложился за счёт возрастной категории до 30 лет. Думается, что это может быть обусловлено недостаточной «укоренённостью» людей этого возраста, склонностью к передвижениям в поисках лучшей работы,

лучших природных и социально-экономических условий. Потенциальные обладатели пяти комнат для пяти человек, видимо, чаще удовлетворены тем, что имели бы, хотя в среднем 9 % от их числа не возражают расширить такие апартаменты. Существенных гендерных различий по рассматриваемому признаку практически нет, кроме возрастной группы старше 50 лет. Так, мужчинам в составе небольшой семьи (3 чел.) чаще не хватает личного пространства, чем женщинам (табл. 4). Возможно, это связано с необходимостью их работы в домашних условиях, или просто желанием уединения.

Две 2-комнатные квартиры на 2 чел.

Две 1-комнатные квартиры на 1 чел.

3-комнатная квартира на 6 чел.

2-комнатная квартира на 3 чел.

Рисунок. Современные интерьеры ограниченных жилых пространств

Figure. Modern interiors of limited living spaces

Таблица 4

Разности процентных долей женщин и мужчин по возрастным группам и вариантам ответа на 3-й вопрос

Контингент	Варианты ответов												
	I=1		I=2			I=3			I=4			I=5	
	а	б	а	б	в	а	б	в	а	б	в	а	в
Вся выборка	-1	4	6	-5	-1	-6	-5	2	-2	8	-18	0	2
Младше 30 лет	4	3	2	-10	5	-5	0	5	1	0	-10	-3	1
31–50 лет	0	-1	9	-7	-4	-1	0	-1	-1	4	-1	0	2
Старше 50 лет	-27	25	7	24	-30	-15	-20	-15	-8	32	-3	20	-2

Отвечая на вопрос интервью: «Чем отличается содержание современного жилья от жилья старшего поколения?», – более поло-

вины опрошиваемых отметили техническую оснащённость современного жилья. Характерной чертой времени является наличие

практически в каждой квартире (независимо от её площади) компьютера. Сегодняшняя повседневность не мыслится без интернета, т. е. без социальных сетей, возможностей выхода в интернет-магазины, интернет-библиотеки. Соответственно в квартирах практически исчезли (или замаскировались) стеллажи с книгами. Вместе с буфетами и секретерами исчезли «выставки» посуды, дешёвых статуэток. Зато весьма распространёнными стали коллекции памятных сувениров – свидетелей дальних путешествий, в том числе магнитиков на дверцах и стенках холодильников. В декоре используются картины, вазы, фоторамки, декоративные подушки.

Со значительной долей уверенности можно утверждать, что владельцы представленных на рисунке комнат не знакомы с «системой вещей» Ж. Бодрийера [1], тем не менее их интерьеры свидетельствуют об определённой степени соответствия принципов оформления внутреннего пространства современной российской квартиры общим европейскими и в целом западным тенденциям: вместо традиционных гарнитуров основными предметами домашней обстановки становятся угловые диваны, складные кровати, блочная мебель, скрытые стенные шкафы;

основной чертой внутреннего пространства дома становится его информативность и насыщенность современной техникой, отречение от яркой красочности и уход в чёрно-белую и пастельную гамму.

Сегодняшние усилия дизайнеров по образованию населения: различные дизайнерские интернет-ресурсы (behance.net, inmgoom.ru, houzz.ru, homester.com.ua), телевизионные программы («Школа ремонта», «Квартирный вопрос», «Дачный ответ», «Продекор») и красочные журналы («Интерьер+Дизайн», «AD Magazine», «Salon», «Лучшие интерьеры», «Elle Décor») способствуют тому, чтобы российский быт, хотя бы в некоторых элементах материальной сферы, стремился к мировым стандартам. Ниже показано распределение опрашиваемых нами респондентов по вариантам ответов на вопросы (табл. 5):

Седьмой вопрос: «Имеете ли вы представление о современных стилях интерьера: да (1); нет (2); затрудняюсь ответить (3)?»

Восьмой вопрос: «Пользуетесь ли вы при оформлении жилья: профессиональными дизайн-услугами (1); гляцевыми журналами по дизайну интерьера (2); интернет-ресурсами (3); информацией из телепередач по оформлению интерьера (4)?»

Таблица 5

Распределение респондентов (%) по вариантам ответов на 7-й и 8-й вопросы

№ варианта	Вся выборка			Возрастные группы								
	все	жен.	муж.	младше 30 лет			31–50 лет			старше 50 лет		
				все	жен.	муж.	все	жен.	муж.	все	жен.	муж.
7-й вопрос												
1	63	67	53	70	73	57	58	60	53	51	53	42
2	13	11	23	9	6	23	15	13	19	26	25	32
3	23	22	24	21	21	20	27	27	28	23	22	26
8-й вопрос												
1	13	12	19	11	11	14	18	14	28	11	12	10
2	22	23	17	22	24	16	24	28	16	9	13	21
3	64	66	58	77	77	77	54	57	46	32	34	26
4	26	27	22	17	17	17	30	36	16	49	48	53

Из первой части таблицы 5 видно, что современный городской российский житель весьма осведомлён в интерьерных стилях. Число респондентов, владеющих этими представлениями, практически во всех выделенных группах превышает половину. Более 20 % опрошенных затрудняются с ответом, т. е., скорее, их можно отнести к тем, кто выбрал ответ «нет». В ответах на этот вопрос, позволяющий в какой-то мере судить о степени образованности обследуемого контингента, отмечаются значительные гендерные и возрастные различия. Наибольшая разница

характерна для крайних возрастных групп: младше 30 и старше 50 лет (табл. 6). Женщины, отдававшие предпочтение при оценке качества жилья его оформлению (см. выше по тексту), естественно, больше знакомы с его возможностями.

В то же время, согласно данным второй части таблицы 5, услугами профессиональных дизайнеров пользуется очень малая (меньше 20 %) доля респондентов. Несколько выше она в группе мужчин от 31 до 50 лет. Молодые люди (до 30 лет) чаще всего (более 70 %), независимо от гендерной при-

надлежности, используют интернет-ресурсы (табл. 6). В возрасте от 31 до 50 лет только половина опрошиваемых предпочитает этот вид информации, а старше 50 лет – и мужчины, и женщины наиболее часто обращаются к телепрограммам.

Таблица 6

Разности процентных долей женщин и мужчин по возрастным группам и вариантам ответа на 7-й и 8-й вопросы

№ варианта	Вся выборка	Возрастные группы		
		младше 30 лет	31–50 лет	старше 50 лет
7-й вопрос				
1	14	16	7	11
2	-12	-17	-6	-7
3	-2	1	-1	-4
8-й вопрос				
1	-7	-3	-14	2
2	6	8	12	-8
3	8	0	11	8
4	5	0	20	-5
Критическая разность	6	8	12	15

В анкете был задан также вопрос: «Что вы предпочитаете в оформлении вашего жилья: определенный интерьерный стиль; эклектику (смешение близких стилей); собственные представления об уюте и красоте?» Было выявлено, что независимо от гендерной или возрастной группы большая часть респондентов (около 70 %) оформляют свой интерьер в соответствии с собственными представлениями об уюте и красоте. Сходный вопрос задавался в интервью: «Чем вы руководствуетесь при оформлении своего жилья: материальными возможностями; вкусовыми предпочтениями; принципом “как у всех”; принципом “не как у всех”?». Распределение опрошиваемых по вариантам ответов было таким: около 50 % выбрали вариант «в соответствии со своими вкусовыми предпочтениями», и около 50 % – «в соответствии с материальными возможностями». Таким образом, несмотря на большую просветительскую работу в области интерьерного дизайна и какие-то представления среднего класса о возможностях оформления современного внутреннего пространства повседневности, эти процессы в нашей стране регулируются пока менталитетом российского «массового

человека» и его материальными возможностями.

Выводы. Наибольшие гендерные различия связаны с отношением к обустройству внутреннего пространства повседневности. Мужчины придают качеству интерьера почти такое же значение, как и качеству придомовой территории. С годами интерес к оформлению жилья в этой гендерной группе всё более ослабевает. Для молодых (до 30 лет) женщин оформление жилья является главным приоритетом из всех его свойств.

В современной культуре повседневности выявляется существенный сдвиг возраста (в сторону его увеличения) наступления социальной зрелости молодых (до 30 лет) членов российского общества. В представлениях о современных интерьерных стилях максимальные гендерные отличия характерны для крайних возрастных групп: младше 30 и старше 50 лет. Женщины больше знакомы с возможностями в оформлении жилья.

В современной повседневности российского среднего класса всё ещё проявляются характерные для русского и советского менталитета склонности к самоограничению и жертвенности, а также психология коммунального быта.

Наблюдается достаточная степень соответствия принципов оформления внутреннего пространства современной российской квартиры общим европейским тенденциям: вместо традиционных гарнитуров основными предметами домашней обстановки становятся угловые диваны, складные кровати, блочная мебель, скрытые стенные шкафы; основной чертой внутреннего пространства дома становится его информативность и насыщенность изобретениями.

Несмотря на большую просветительскую работу в области интерьерного дизайна и представлений среднего класса о возможностях оформления современного внутреннего пространства повседневности и профессиональных дизайнерских услуг, эти процессы в нашей стране регулируются пока менталитетом российского «массового человека» и его материальными возможностями. Востребованность данного рода услуг до настоящего времени невелика.

Список литературы

1. Бодрийяр Ж. Система вещей / пер. с фр. С. Зенкина. М.: Рудомино, 2001. 219 с.
2. Бойм С. Общие места: мифология повседневной жизни. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 320 с.
3. Бродель Ф. Структуры повседневности: возможное и невозможное // Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 1–3. М.: Прогресс, 1986.

4. Жилища народов мира [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ethnomir.ru/posetitelyam/zhilishha-narodov-mira> (дата обращения: 20.02.2018).
5. Касавин И. Т. Анализ повседневности. М.: Канон+, 2004. 432 с.
6. Карлсон Ю. В. К вопросу о структуре повседневности с позиций социально-философского анализа [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.vspu.ac.ru/files/povsednevnost/1.doc> (дата обращения: 02.03.2018).
7. Кондрашов П. Н. Марксистская теория повседневности: попытка предварительной экспликации // Философия и общество. 2006. № 3. С. 98–115.
8. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: С.-Петербург. ун-т культуры и искусств, 2002. 320 с.
9. Скульмовская Л. Г. Повседневность как культурно-историческая категория [Электронный ресурс] // Теория и практика общественного развития. 2014. Вып. 12. Режим доступа: http://www.teoriapractica.ru/rus/files/arhiv_zhurnala/2014/12/kulturologiya/skulmovskaya-nazarova.pdf (дата обращения: 24.02.2018).
10. Средние ошибки повторной и бесповторной выборки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.univer-nn.ru/statistika/vyborochnoe-nablyudenie/srednie-oshibki/> (дата обращения: 15.02.2018).
11. Чулкина Н. Л. Концептосфера русской повседневности как объект лингвокультурологии и лексикографии: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. М., 2005. 345 с.
12. Ядов В. А. Социологическое исследование: методология, программа. Методы. М.: Наука, 1972. 240 с.
13. Яровой А. В. Воинская культура казачества: символическое пространство и ритуал. Ростов н/Д.: Логос, 2011. 214 с.

Статья поступила в редакцию 05.03.2018; принята к публикации 27.03.2018

Библиографическое описание статьи

Плеханова В. А., Коноплева Н. А. Исследование гендерных и возрастных различий культуры повседневности жилища россиян (на примере г. Владивостока) // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 176–186. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-176-186.

Victoriya A. Plekhanova¹,

*Graduate Student, Senior Lecturer,
Vladivostok State University of Economics and Service
(41 Gogolya st., Vladivostok, 690014, Russia),
e-mail: viktoriya.plehanova@vvsu.ru*

Nina A. Konopleva²,

*Doctor of Culturology, Professor,
Vladivostok State University of Economics and Service
(41 Gogolya st., Vladivostok, 690014, Russia),
e-mail: nika.konopleva@gmail.com*

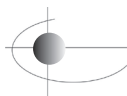
The Research of Gender and Age Differences in the Culture of Everyday Life of Russians' Homes (on the Example of Vladivostok)

This article examines the daily life of modern Russian urban residents. It is noted that the subject of studying of everyday culture are various manifestations of everyday life: habitat, rituals, rituals, leisure, customs, customs, life-style, mentality, way of thinking and lifestyle of a certain society. Moreover, in culture, everyday life is a combination of ideas, principles, processes and cultural phenomena associated with the everyday life of people. In the article, particular attention is directed to such a structural element in the everyday culture as dwelling. Preferences in the design of the dwelling of a modern man can serve as one of the indicators of the conditions of human existence and at the same time represent through the everyday culture elements of a common system of culture. The purpose of this study was to identify the characteristics of today's Russian everyday life through an analysis of the relationship of individuals to the internal space of their House on the example of the average Russian city of Vladivostok, with the population about 607 thousand people in the end of 2017. To solve the task, a pilot survey was conducted. The questionnaire formed by the authors was placed on the Internet on the special website "Survio" for online questioning. 560 residents of Vladivostok showed interest in the problem.

Keywords: culture, everyday life, dwelling, individual, house, interior

¹ V. A. Plekhanova is the main author, she collects research materials, makes analyses, formulates conclusions and generalizes results of implementation of the collective project, as well as makes arrangement of the article.

² N. A. Konopleva – coauthor, she systematizes research materials, works out the structure and makes arrangements of the article.

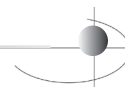
References

1. Baudrillard, J. System of things. Transl. from French by Zenkina S. M: Rudomino, 2001. (In Rus.)
2. Boim, S. Common Places: Mythology of Everyday Life. M: New literary review, 2002. (In Rus.)
3. Brodel, F. The structures of everyday life: Possible and impossible. In: Material civilization, economics and capitalism, XV–XVIII centuries. V. 1–3. M: Progress, 1986. (In Rus.)
4. Dwellings of the peoples of the world. Web. 20.02.2018. <https://www.ethnomir.ru/posetityam/zhilishha-narodov-mira/> (In Rus.)
5. Kasavin, I. T. Analysis of everyday life. Moscow: Canon +, 2004. (In Rus.)
6. Carlson, Yu. V. On the structure of everyday life from the standpoint of socio-philosophical analysis. Web. 02.03.2018. <http://www.vspu.ac.ru/files/povsednevnost/1.doc>. (In Rus.)
7. Kondrashov, P. N. Marxist theory of everyday life: an attempt at preliminary explication. Philosophy and Society, no. 3, pp. 98–115, 2006. (In Rus.)
8. Leleko, V. D. Space of everyday life in European culture. St. Petersburg: St. Petersburg. University of Culture and Arts, 2002. (In Rus.)
9. Skulmovskaya, L. G. The everyday life as a cultural and historical category. Theory and practice of social development. 2014. Issue. 12. Web. 24.02.2018 http://teoriapractica.ru/eng/files/arhiv_zhurnala/2014/12/kulturologiya/skulmovskaya-nazarova.pdf. (In Rus.)
10. Mean errors of repeated and repetitive sampling. Web. 15.02.2018. <http://univer-nn.ru/statistika/vyborochnoe-nablyudenie/srednie-oshibki/> (In Rus.)
11. Chulkina, N. L. Conceptual sphere of Russian everyday life as an object of linguoculturology and lexicography. Dr. sci. diss. Moscow, 2005. (In Rus.)
12. Yadov, V. A. Sociological research: methodology, program. Methods. M: Nauka, 1972. (In Rus.)
13. Yarovoy A. V. Military culture of the Cossacks: a symbolic space and ritual. Rostov-on-Don: Publishing house NMC "Logos", 2011. (In Rus.)

Received: March 5, 2018; accepted for publication March 27, 2018

Reference to the article

Plekhanova V. A., Konopleva N. A. The Research of Gender and Age Differences in the Culture of Everyday Life of Russians' Homes (on the Example of Vladivostok) // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 176–186. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-176-186.

УДК 101.8

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-187-191

Марина Николаевна Фомина¹,*доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: marf_05@mail.ru***Татьяна Викторовна Воронченко²,***доктор филологических наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: tavoronch@mail.ru***Юлия Валентиновна Иванова³,***доктор философских наук, профессор,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30),
e-mail: ivanovayuv@gmail.com*

Рефлексия языка в контексте диалога культур

Статья посвящена анализу феномена философии культуры – «язык культуры». Авторы обращаются к работам Г. В. Ф. Гегеля, М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна, которые анализируют язык и мышление, язык и культуру. Работы М. Бубера и В. С. Библера о диалоге, диалоге культур определили исследование логики культуры. Мысль В. С. Библера о диалоге как о диалоге равных культур стала отправной точкой в данном размышлении о языке культуры. Эпоха глобализации наметила новые направления в исследованиях культуры. Первое связано с трансцендентализмом, второе – с диалогизмом. Трансцендентальная философия размышляет о культуре как о системе ценностей, а диалогическая – как о взаимопонимании. Это определяет актуальность данного исследования. Исследование языка культуры в контексте диалога культур предполагает выход из лингвокультурологической сферы в философию культуры. Если лингвокультурология и культурология объясняют язык культуры, например, через систему символов и знаков, то философия культуры – через рефлексивный диалог культур, который, по словам В. С. Библера, возможен как со-бытийность. Методология исследования, основанная на логике диалога культур, включая философско-культурологический анализ, философско-антропологический подход, позволяет определить, что сущность языка культуры раскрывается на грани культур. Грань культур, по мысли В. С. Библера – это соприкосновение культур, которые равны между собой. Поэтому язык культуры – язык, который позволяет культурам со-участвовать, со-понимать. Следовательно, выход за пределы лингвокультурологии, культурологии, рефлексия языка культуры в контексте философии культуры – это уже размышление об онтологичности, как писал В. С. Библер, диалога культур.

Ключевые слова: культура, язык, рефлексия, диалог культур, язык культуры

Введение. Культура, будучи внутренней логикой развития, представляет общество как социальный организм [9, с.109]. Культурные процессы, являясь показателем равновесия между потребностями и возможностями, отражают не только взаимосвязь человека и общества, природы и общества, но и становление человека культуры. Как заметил В. С. Библер, именно культуре, всеобщему объединяющему началу, принадлежит сделать акцент на эпицентр бытия человека, следовательно, способствовать становлению его духовности [2]. Благодаря своим механизмам и элементам культура является показателем

стабильных или деструктивных процессов в обществе. В свою очередь язык, по словам Э. Кассирера, выражает не мысли, а чувства и эффекты [15, с. 154]. Стоит заметить, что, становясь языком культуры, он выступает не столько средством общения и коммуникации, сколько прогнозирования, так как способствует мысли «вписывания» в «культурную стратегию» общества [6, с.160].

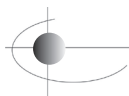
Методология и методы исследования.

Теоретико-методологический анализ рефлексии языка и культуры даёт возможность использовать при исследовании взаимодействия языка и культуры систему методов,

¹ М. Н. Фомина организует исследование, оформляет материалы статьи.

² Т. В. Воронченко обобщает полученные данные, оформляет материалы статьи.

³ Ю. В. Иванова анализирует и обобщает полученные данные, формулирует выводы.

отражающую адаптивные возможности человека в мировоззренческом поле «язык культуры». К ним можно отнести: философско-культурологический анализ, который раскрывает сферу бытия языка в «лоне» культуры; философско-антропологический подход, который представляет проявление культуры в языке; логический метод, который объясняет природу коинциденции в культуре языка и мысли. Базисным положением исследования является мысль Г. В. Ф. Гегеля, что культура есть единство бытия и мышления [8, с. 16].

Результаты исследования и их обсуждение. Так как язык и культура взаимообусловлены не только своей природой, но и создающей мыслью, то утверждение Г. В. Ф. Гегеля о трактовке культуры через единство бытия и мышления позволяет говорить о языке культуры как мыслимой категории. Единство создающего начала, которое реализуется через язык культуры, и сохраняющего – через культуру языка, обуславливают приобщение человека и общества к миру духовности. Поэтому мы отмечаем взаимозависимость философско-культурологической и лингвокультурологических концепций, которые позволяют осмыслить проблему коинциденции языка и культуры. Именно коинциденция обеспечивает рефлексию языка и культуры из реального в понятийный мир, так как язык культуры становится доступным для осмысления в философско-культурном контексте. Но если вновь обратиться к культуре, то она может остаться «мёртвым текстом», если не будет механизма её реализации – диалога. Особенно это проявляется в условиях глобализирующейся культуры [14, с. 301]. Поэтому обращение к диалогу культур как пространству реализации языка культур проецирует возможность и необходимость осмысления диалога в культурном пространстве, где язык культуры является уже определяющим механизмом межкультурной коммуникации [17, с. 81–82].

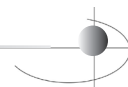
Так как онтологичность культуры раскрывается через её пространственно-временные измерения, то она способна сохранить «прошлое» в «настоящем», при этом подвергнув его «реконструкции» для «будущего». Но в каком бы пространственно-временном измерении она бы себя не проявляла, благодаря языку культуры, обеспечивающему «воспроизведение» мысли, происходит её реализация в языке. Поэтому в поликультурном пространстве язык культуры доступен принятию и пониманию, что становится возможным благодаря его интерпретации.

Являясь важным компонентом культуры, язык, отражая реальность, модифицирует язык культуры, так как именно он становится одним из показателей не только бытия культуры, но и трансформационных изменений, что, в свою очередь, при исследовании рефлексии языка и культуры диктует необходимость обращения не только к методологии философии культуры, но и лингвокультурологии. Это обусловлено тем, что последняя анализирует язык как знаковую систему, позволяет осмыслить бытие человека не только в мире природы и вещей, но и знаков, которые, представляя собой явления культуры, выступают уже её языком.

Язык культуры, отражая и воспроизводя мысль, формирует информацию, которая подвержена не только осмыслению, но и презентации в контексте диалога культур. Поэтому, если лингвокультурология объясняет механизм взаимоотражения языка и культуры, где первый является порождением культуры, а вторая – средством сохранения языка, то философия культуры осмысливает язык культуры через такой её механизм, как мысль, которая, выступая феноменом языка, становится создающим началом бытия культуры.

Философия культуры, осмысливая язык культуры, расширяя исследовательские рамки лингвистического поля, анализирующего взаимодействие языка и культуры, акцентирует внимание, благодаря учению Ю. Лотмана, на языке, как средстве мышления и как средстве общения. Ю. Лотман отметил, что культура, как коллективное начало, способствует созиданию человека как её носителя [10]. При этом создающее начало им отводится языку. Анализируя это положение с позиций лингвиста, он как философ замечает, что культура как форма мышления возможна только тогда, когда язык, став социальным явлением, становится носителем символического смысла, который и позволяет не только выражать человеку своё отношение к миру, но, пожалуй, главное – раскрывать смысл бытия «своего мира». А здесь уже речь идёт о языке культуры.

Результаты исследования и их обсуждение. В контексте данных размышлений, если обратиться к работам некоторых представителей европейской аналитической школы, то увидим, что проблема языка и культуры представлена в рамках концепции диалога. Так, например, если в работах Б. Рассела [11], Л. Витгенштейна [5] прослеживается исследование логической формы языка, то у М. Хайдеггера [12], М. Бубера [3; 4] язык

анализируется в лоне диалога, как духовное начало. В отечественной практике в работах В. С. Библера [1; 2] не только определены концептуальные основы диалога культур, но и теоретические положения о языке культуры, что и явилось основанием для наших размышлений. В. С. Библер перевёл «стрелку» диалога М. Бубера и М. Бахтина с идеи понимания мира, познания на взаимопонимание, в основе которого, прежде всего, – понимание себя, поэтому у него диалог не мнений, а различных культур.

Если обратиться к мудрецам Востока и к философам Запада, отметим: они видели, что между реальностью и её отражением существует мысль, реализуемая через язык. Если в культуре Востока отношение к языку было сформировано как в буддизме, так и в конфуцианстве, как к смыслообразующему началу бытия человека, то в европейской и русской философии язык трактуется в контексте мысли и культуры. Если на Востоке язык раскрывает суть человека, характеризуя его место в мире, то в культуре Запада и России – суть культуры. Таким образом, соотношение понятий «язык» и «культура» в пространстве исследования «язык культуры» антропологично по своей сути, диалогично по своей природе.

Выводы. Коммуникативные способности человека, диалогичность его мышления позволяют воспринимать язык культуры, который, выступая определённого рода смысловой конструкцией, становится сферой исследования не только лингвокультурологии, но и философии культуры. Г. В. Гегель в работе «Феноменология духа» заметил, что потребность в языке возникает не только на уровне развития самосознания, но и реализуется благодаря разуму человека [7]. Но самосо-

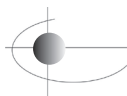
знание для философа выступает как сознание для других, поэтому его доступность для другого человека становится явной благодаря рефлексивности, возможность которой очевидна только тогда, когда на уровне самосознания человек получает удовлетворение от духовного единства с другим. Поэтому, вслед за Г. В. Гегелем, можно сказать, что язык, становясь средством самовыражения, тем самым проявляя социальную обусловленность, выступает и в роли самораскрытия «себя» не только в «другом», но и «другого» в «себе». Реализуясь в контексте как вертикального (во времени), так и горизонтального (в пространстве) диалога, он уже становится языком культуры.

Стоит заметить, что в условиях глобализирующейся культуры осмысление проблем языка культуры представлено уже не столько в контексте онтологии вопроса, сколько гносеологии. Так, например, Эрве Дельмуно замечает, что английский язык, став языком международного общения, ведёт к потере культурной идентичности [16], Аманда Уилсон при этом пишет, что местные языки (этнические языки – М. Ф., Т. В., Ю. И.), как отражение национальной культуры, заменяясь носителями языка на английский, теряют свою значимость в процессе культурных изменений [13]. И подобных рассуждений сегодня уже много.

Язык становится отражением не столько культуры, сколько культур, а это уже диктует необходимость обращения к таким понятиям, как «язык культурного пространства», «язык поликультурного пространства», «язык трансграничного пространства» и т. д. И если в конце XX в начале XXI века речь ещё могла идти о сохранении языка, то сегодня – о языке культуры.

Список литературы

1. Библер В. С. Мышление как творчество (введение в логику мысленного диалога). М.: Политиздат, 1975. 399 с.
2. Библер В. С. О логической ответственности за понятие «диалог культур» // На гранях логики культуры. Книга избранных очерков. М.: Русское феноменологическое общество, 1997. С. 207–219.
3. Бубер М. Диалог // Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 93–124.
4. Бубер М. Я и Ты // Два образа веры. М.: Республика, 1995. С. 15–92.
5. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: Канон+, 2017. 288 с.
6. Воронченко Т. В., Костина И. Н. Диалог как фактор преодоления отчуждения в литературном творчестве представителей турецкой диаспоры Германии // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2009. Т. 2, № 3. С. 159–163.
7. Гегель Г. В. Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г. Г. Штепа. М.: Наука, 2000. 495 с.
8. Гегель Г. В. Ф. Философская пропедевтика // Работы разных лет: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1971. С. 7–212.
9. Кошелев М. И., Фомина М. Н. Пространственные и временные характеристики природы диалога региональных культур // Вестник Забайкальского государственного университета. 2012. № 4. С. 108–112.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. М.: Языки русской культуры, 1996. 464 с.

11. Рассел Б. История западной философии и её связи с политическими и социальными условиями от Античности до наших дней. М.: Акад. Проект: Деловая Книга, 2008. 1008 с.
12. Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге: избранные статьи. М.: Высш. шк., 1991. 190 с.
13. Amanda Wilson. The Influence of Globalization on Learning Languages [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.globoethicsnetwork.org/profiles/blogs> (дата обращения: 12.01.2018).
14. Borisenko O. A., Fomina M. N. Globalizing culture as the essence and the phenomenon of globalization // *Social Science and Humanity*. 2016. № 3. Pp. 294–304.
15. Cassirer E. *An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture*. New Haven: Yale U. P., 1945 [1st ed. – 1944]. 340 p.
16. Herve Delhumeau. Language and Globalization [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.hdelhumeau.wordpress.com/2011/07/22/language-and-globalization/> (дата обращения: 12.01.2018).
17. Kamedina L. V., Voronchenko, I. A. Arzumanov Chinese students facing christian culture in Russia: cross-cultural practice in educational process // *New Trends and Issues Proceedings on Humanities and Social Sciences*. 2017. Т. 3, № 5. С. 81–88.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018; принята к публикации 27.03.2018

Библиографическое описание статьи

Фомина М. Н., Воронченко Т. В., Иванова Ю. В. Рефлексия языка в контексте диалога культур // *Гуманитарный вектор*. 2018. Т. 13, № 3. С. 187–191. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-187-191.

Marina N. Fomina¹,

*Doctor of Philosophy, Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: marf_05@mail.ru*

Tatyana V. Voronchenko²,

*Doctor of Philology, Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: tavoronch@mail.ru*

Yuliya V. Ivanova³,

*Doctor of Philosophy, Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: ivanovayuv@gmail.com*

Reflection of the Language of Culture in the Context of Cultural Dialogue

The article is devoted to the analysis of the phenomenon of the philosophy of culture – the “language of culture”. The authors refer to the works by G. V. F. Hegel, M. Heidegger, L. Wittgenstein who analyze language and thinking, language and culture. Works by M. Buber and V. S. Bibler on the dialogue, the dialogue of cultures determined the study of the logic of culture. V. S. Bibler’s thought on dialogue as a dialogue of equal cultures was the starting point in this reflection on the language of culture. The epoch of globalization defined new directions in cultural studies. The first direction is transcendentalism, the second direction is dialogism. Transcendental philosophy reflects on culture as a system of values, and dialogic philosophy explains culture as mutual understanding. This determines the relevance of this study. The study of the language of culture in the context of a dialogue of cultures determines the path from linguistic cultural studies to the philosophy of culture. Linguistic culturology and cultural studies explain the language of culture through a system of symbols and signs. The philosophy of culture refers to the reflection, the dialogue of cultures which, according to V. S. Bibler, is possible as co-being. The methodology of this study is based on the logic of the dialogue of cultures. It includes philosophical and cultural analysis, a philosophical-anthropological approach. This made it possible to determine that the essence of the language of culture can be understood at the border of cultures. The border of cultures, according to V. S. Bibler, is the contact of cultures that are equal to each other. Therefore, the language of culture is a language that enables different cultures to be joint participants and understand each other. Consequently, going beyond the limits of linguoculturology, culturology, the reflection of the language of culture in the context of the philosophy of culture is a reflection on ontology, as V. S. Bibler wrote, the dialogue of cultures.

¹ M. N. Fomina – organization of research, design of the article materials.

² T. V. Voronchenko – generalization of the obtained data, registration of the article materials.

³ Yu. V. Ivanova – analysis and generalization of the obtained data, formulation of conclusions.

Keywords: culture, language, reflection, dialogue of cultures, language of culture

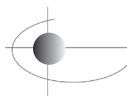
References

1. Bibler, V. S. Thinking as creativity (introduction to the logic of a mental dialogue). M: Politizdat, 1975. (In Rus.)
2. Bibler, V. S. On the logical responsibility for the concept of "dialogue of cultures". On the facets of the logic of culture. The book of selected essays. M: Russian Phenomenological Society, 1997: 207–219. (In Rus.)
3. Buber, M. Dialogue. Two ways of faith. M: Republic, 1995: 93–124. (In Rus.)
4. Buber, M. I and You. Two images of faith. M: Republic, 1995: 15–92. (In Rus.)
5. Wittgenstein, L. Logico-philosophical treatise. M: Canon +, 2017. (In Rus.)
6. Voronchenko, T. V., Kostina, I. N. Dialogue as a factor of overcoming alienation in literary creativity of representatives of the Turkish Diaspora in Germany. Vestnik of the Vyatka State Humanitarian University, v. 2, no. 3, pp. 159–163, 2009. (In Rus.)
7. Hegel, G. V. F. Phenomenology of the spirit. M: Nauka, 2000. (In Rus.)
8. Hegel, G. V. F. Philosophical Propedeutics. Works of different years. In two volumes. V.2. M: Thought, 1971: 7–212. (In Rus.)
9. Koshelev, M. I., Fomina, M. N. Spatial and temporal characteristics of the nature of the dialogue of regional cultures. Bulletin of Transbaikal State University, no. 4, pp. 108–112, 2012. (In Rus.)
10. Lotman, Yu. M. Inside the thinking worlds. Man-text-semiosphere-history. M : Languages of Russian culture, 1996. (In Rus.)
11. Russell, B. History of Western philosophy and its relationship with political and social conditions from Antiquity to the present day. M: Academic Project; The Business Book, 2008. (In Rus.)
12. Heidegger, M. Talking on a country road. Gates. Art. M: Higher School, 1991. (In Rus.)
13. Amanda, Wilson. The Influence of Globalization on Learning Languages. Web. 18.01.2018. <http://www.globalethicsnetwork.org/profiles/blogs/the-influence-of-globalization-on-learning-languages> (In Eng.)
14. Borisenko, O. A., Fomina, M. N. Globalizing culture as the essence and the phenomenon of globalization. Social Science and Humanity, no. 3, pp. 294–304, 2016. (In Eng.)
15. Cassirer, E. An Essay on Man: An Introduction to a Philosophy of Human Culture. New Haven: Yale U. P., 1945 [1st ed. 1944]. (In Eng.)
16. Herve, Delhumeau. Language and Globalization. Web. 18.01.2018. <https://www.hdelhumeau.wordpress.com/2011/07/22/language-and-globalization/> (In Eng.)
17. Kamedina, L. V., Voronchenko, T. V. Arzumanov, I. A. Chinese students facing Christian culture in Russia: cross-cultural practice in educational process. New Trends and Issues Proceedings on Humanities and Social Sciences, t. 3, no. 5, pp. 81–88, 2017. (In Eng.)

Received: March 2, 2018; accepted for publication March 27, 2018

Reference to the article

Fomina, M. N., Voronchenko, T. V., Ivanova, Yu. V. Reflection of the Language of Culture in the Context of Cultural Dialogue // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 187–191. DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-187-191.

УДК 304

DOI: 10/21209/1996-7853-2018-13-3-192-196

Ирина Анатольевна Щеткина,
кандидат социологических наук, доцент,
Забайкальский государственный университет
(672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30),
e-mail: irinasocio@mail.ru

Структура культуры качества жизни

Особое значение для человека и общества, наряду с возможностью пополнять материальные ресурсы, приобретать знания, жить здоровой и активной жизнью, имеет создание условий для реализации творческого потенциала, самореализации в целом, для инициативного участия в культурной жизни. Культура качества жизни в данном контексте выступает как системная целостность специфических способов созидательной деятельности человека по созданию и совершенствованию материальных предметов, духовных ценностей, образа жизни и самого человека; как особая основа качества жизни человека. В современном обществе культура выступает важным механизмом человеческого взаимодействия, помогающим людям обеспечить определённое качество жизни, сохранить единство и целостность сообществ при взаимодействии друг с другом. Основываясь на культурантецентризме, можно говорить о том, что культура качества жизни имеет свою сложную структуру, а современные общества обладают ярко выраженными культурными особенностями, сохраняющимися в течение длительного времени и оказывающими заметное влияние на качество жизни. Структуру культуры качества жизни следует характеризовать также в контексте удовлетворения потребностей, возможности реализовать свободу выбора путей развития потребностей и способов их удовлетворения. Особое значение в этом играет формирование культурных ценностей людей, свобода их выражения, а также реализация творческого потенциала.

Ключевые слова: качество жизни, структура культуры, культурантецентризм, ценности, культурные универсалии

Введение. Сегодня учёные отстаивают идею, согласно которой высокое качество жизни является главным условием культурного развития отдельных стран и мирового сообщества в целом [10]. Качество жизни повышает способности человека изменять собственное будущее, создавать предпосылки для приобщения к культурным ценностям. С другой стороны, сама культура выступает механизмом достижения достойного качества жизни. В современном обществе культура становится основой качества жизни, что подтверждается ростом расходов на усвоение знаний, приобретение культурных ценностей; повышением уровня образования граждан [13]. Именно культура детерминирует статус индивида, возможность его изменять, улучшать своё благополучие.

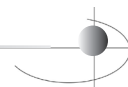
Современная наука чаще всего трактует культуру как систему совместно поддерживаемых взглядов, ценностей, правил и норм поведения, свойственных определённой группе людей. О значимой роли культуры в обеспечении качества жизни говорил в своё время Д. С. Лихачёв: «Культура является определяющим условием реализации созидательного потенциала личности и общества, формой утверждения самобытности народа и основой духовного здоровья нации, гуманистиче-

ским ориентиром, критерием развития человека и цивилизаций» [3].

Методология и методы исследования. Анализ качества жизни с позиции культурантецентристского подхода берёт начало в трудах М. Вебера [1], развивая положения которого, Л. Харрисон [8; 12], С. Хантингтон [14], Дж. Александер [11] и другие направляют усилия на анализ факторов и культурных универсалий, благодаря которым одни страны добиваются больших успехов в экономике, социальной и культурной политике, чем другие [2; 15].

Структура качества жизни может быть описана, исходя из уровня удовлетворения потребностей. Качество жизни, согласно теории потребностей, понимается как общее осознанное удовлетворение потребностей человека в течение какого-то времени [5]. Согласно взглядам А. Маслоу, качество жизни повышается при удовлетворении потребностей более высокого порядка. В так называемой конкурирующей пирамиде потребностей (У. Телли) отрицается единственность вектора развития, направленного только вверх по всем ступеням удовлетворения потребностей [9].

Результаты исследования и их обсуждение. В современных условиях постоянно

меняется структура культуры, формируются всё новые её элементы, формы и типы культуры, изменяется качество жизни людей. Культура качества жизни, понимаемая как культурное наследие, способность человека воспроизводить желаемое качество жизни, в которое входят элементы духовной и материальной сфер культуры, в совокупности образующие интегральное культуроцентристское единство, имеет свою сложную структуру. Аналитический взгляд на структуру культуры качества жизни предполагает выделение следующих элементов:

1. Объективные детерминанты качества жизни человека, включая социокультурные условия жизни, экономические и экологические факторы, а также влияние важнейших социальных институтов.

2. Субъективное представление о качестве жизни человека, сформированное самим индивидом в процессе жизнедеятельности.

3. Деятельностно-практическое отношение к качеству жизни, которое выражается в положении человека как биопсихосоциального существа в окружающем его социальном пространстве, которое формирует его индивидуальную и социальную субъектность, развивает способности и ресурсы, используемые личностью для обеспечения условий его жизнедеятельности. Выделенные элементы позволяют сформировать универсальные качества жизни на основе принятых норм, стандартов и ценностей.

Культура качества жизни как способность человека воспроизводить желаемое качество жизни, имеет сложную внутреннюю структуру, включающую множество разнообразных элементов, способствующих/затрудняющих процесс достижения высокого качества жизни.

Значительный вклад в формирование основ изучения социокультурных аспектов качества жизни внёс российский учёный-культуролог А. Я. Флиер, разработав учение о внутренней структуре культуры, её организационно-функциональном строении. По мысли автора, культура, отражая сложность социальной системы, имеет свою специфику. В целях её понимания необходимо чётко представить культурные функции общества, реализующиеся в тех или иных типовых социальных практиках населения, в повседневной культуре человека. При этом основным связующим элементом этой системы является скрытая нацеленность культуры любого общества в конкретно-исторический период его развития на формирование соответствующего образа жизни и приемлемого качества жизни.

Соответственно, «общество как культурная система характеризуется стихийным объединением людей с целью воспроизводства образа жизни и повышения качества жизни» [7].

Согласно точке зрения А. Я. Флиера, в структуре культуры выделяют следующие элементы:

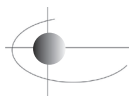
1. «Культура социального взаимодействия, включающая нормативное социальное поведение людей, выражаемое в их толерантности, вежливости, этикете; этноспецифическое поведение людей, выражаемое в обычаях, нравах, ментальностях.

2. Культура социальной коммуникации, включающая нормативную вербальную коммуникацию, реализуемую в языке и письменности; нормативную аудиовизуальную коммуникацию, реализуемую в системе сигналов и символов; актуальный обмен социальным опытом, реализуемый в межличностном общении, работе СМИ, различных формах межкультурной коммуникации; межпоколенную трансляцию социального опыта, реализуемую в воспитании и образовании.

3. Культура социального контроля и регуляции, включающая регуляцию норм жизнедеятельности, осуществляемую в господствующем образе жизни, досуге, структуре социальной активности; регуляцию порядков социальности, осуществляемую в обрядах, ритуалах, праздниках; регуляцию социального мировоззрения, осуществляемую в идеологии; регуляцию социального самоощущения членов общества, осуществляемую в их солидарности и идентичности.

4. Культура социально значимого познания и рефлексии, включающая рациональное познание и рефлексии, реализуемые наукой и философией; образное познание и рефлексии, реализуемые искусством и религией» [6].

Структура культуры, описанная А. Я. Флиером, выступает методологической основой для выделения структурных элементов культуры качества жизни. Структура культуры качества жизни включает различные сферы жизнедеятельности человека (профессиональная и общественная деятельность, личная и семейная жизнь, отдых и развлечения, межличностные взаимоотношения и др.). Качество жизни объединяет также элементы сознания человека, регулирующие его социальную деятельность: мировоззрение, политические взгляды, религиозность, вкусы. Другими словами, качество жизни характеризует локально очерченную культуру социальной активности, регулирующую жизнь людей формами поведения и нормами жизнеустройства.

Качество жизни характеризуется совокупностью положительных выборов, подтверждением своих предпочтений, осуществлённых человеком в процессе жизнедеятельности и способствующих его благополучию. Качество жизни включает также материальный достаток, позволяющий человеку реализовывать свои предпочтения. Оно определяется масштабом возможностей выбора, стоящих перед человеком, а также их количеством. При этом именно культура определяет качество жизни человека, поскольку большинство этих выборов напрямую зависят от того, к какой национальной, социальной, религиозной, политической и прочим культурам принадлежит человек.

Заключение. Культура качества жизни обеспечивает потребность и способность человека к максимальной самореализации в социальном и индивидуальном аспектах на основе применения средств, сформированных природой и преобразованных самим человеком в соответствии с принципами культуросообразности. В контексте данной точки зрения культура качества жизни детерминирована степенью удовлетворения основных материальных и социальных потребностей, включая социально-экономические потребности, потребности в безопасности, уважении, самореализации и самовыражении. Характеризуя структуру культуры качества жизни в контексте удовлетворения потребностей, необходимо говорить прежде всего о возможности свободы выбора путей развития потребностей и способов их удовлетворения. Особое значение в этом играет формирование культурных ценностей людей, свободы их выражения, а также реализация творческого потенциала. Уровень развития потребностей и степень их удовлетворения позволяет вы-

делять следующие типы культуры качества жизни:

– стандартизированная культура качества жизни характеризуется стандартами, принятыми в данном обществе и позволяющими удовлетворять основные потребности большинства людей в соответствии с нормами в различных сферах жизнедеятельности. Этот элемент культуры качества жизни предполагает существенную унификацию культурного продукта;

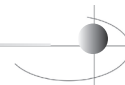
– рациональная культура качества жизни характеризуется целесообразностью удовлетворения тех или иных потребностей человека. Другими словами, рациональная культура качества жизни предполагает постоянный выбор культурного продукта, обусловленный степенью значимости той или иной потребности, а также расчёт итогового результата с учётом понесённых затрат (материальных, духовных и др.);

– элитарная культура качества жизни предполагает высшую степень потребления разнообразных материальных и духовных благ на уровне роскоши, рассчитанную для людей с высоким уровнем развития потребностей и притязаний. Потребление культурного продукта обусловлено как материальными возможностями субъектов, так и уровнем их образования.

Современная культура формируется как сложная динамичная система, имеющая социальную природу и выражающаяся во взаимоотношениях между людьми [4]. Эти взаимоотношения направлены на формирование, хранение и распространение ценностных представлений и идей, позволяющих обеспечить понимание друг с другом в разных жизненных ситуациях и определяющих показатели качества жизни людей.

Список литературы

1. Вебер М. Политические работы (1895–1919). М.: Праксис, 2003. 424 с.
2. Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу / под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. М.: Моск. шк. полит. исслед., 2002. 320 с.
3. Лихачёв Д. С. Декларация прав культуры [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.sbiblioteka.blogspot.ru/2013/04/blog-post_28.html?m=1 (дата обращения: 12.02.2018).
4. Лихачёв Д. С., Самвелян Н. Г. Диалоги о дне вчерашнем, сегодняшнем и завтрашнем. М.: Сов. Россия, 1988. 143 с.
5. Маслоу А. Г. Мотивация и личность / пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. СПб.: Питер, 2008. 352 с.
6. Флиер А. Я. Общество как культурная система [Электронный ресурс] // Культура культуры. 2015. № 2. Режим доступа: <http://www.cult-cult.ru/human-and-culture-factors-of-congruence> (дата обращения: 09.02.2018).
7. Флиер А. Я. Человек и культура: параметры сопряжённости [Электронный ресурс] // Культура культуры. 2015. № 2. Режим доступа: <http://www.cult-cult.ru/human-and-culture-factors-of-congruence> (дата обращения: 02.12.2017).
8. Харрисон Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма. М.: Мысль, 2014. 286 с.

9. Ценев В. Теория человеческих потребностей Уильяма Телли. Ч. 1 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.psyberia.ru/mindterritory/tally00> (дата обращения: 02.02.2018).
10. Шачнев С. А. Культурное измерение качества жизни: Опыт проблемного анализа: дис. канд. культуры: 24.00.01. М., 2006. 142 с.
11. Alexander J. C. The Civil Sphere. New-York: Oxford University Press, 2006. 816 p.
12. Harrison L. The Central Liberal Truth: How Politics Can Change a Culture and Save It from Itself. New-York: Oxford University Press, 2006. 272 p.
13. Hofstede G. H. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001. Pp. 500–502.
14. Huntington S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New-York: Simon & Schuster, 1996. 43 p.
15. Inglehart R., Baker W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values // American Sociological Review. 2000. February. Pp. 19–51.

Статья поступила в редакцию 02.03.2018; принята к публикации 27.03.2018

Библиографическое описание статьи

Щеткина И. А. Структура культуры качества жизни // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 192–196. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-3-192-196.

Irina A. Shchetkina,

*Candidate of Sociology, Associate Professor,
Transbaikal State University*

*(30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia),
e-mail: irinasocio@mail.ru*

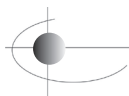
Structure of Quality of Life Culture

Creation of conditions for realization of creative potential, self-realization in general for proactive participation in cultural life is very important to human beings and society, along with the ability to replenish material resources, acquire knowledge, and live a healthy and active life. The culture of quality of life in this context acts as a system-integrity of specific ways of human creative activity on creation and improvement of material subjects, spiritual values, a way of life, man himself, as a special basis for the quality of human life. In modern society, culture is an important mechanism of human interaction helping people to ensure a certain quality of life, preserve the unity and integrity of communities when interacting with each other. Based on cultural centrism, we can talk that culture of the quality of life has its own complex structure and modern societies have distinct cultural features that last for a long time having a significant impact on the quality of life. The structure of the quality of life culture should be characterized in the context of needs, the opportunity to exercise freedom of choice paths of development needs and ways to meet them. Of particular importance is the formation of cultural values of people, freedom of expression, as well as the realization of creative potential.

Keywords: quality of life, structure of culture, cultural centrism, values, cultural universals

References

1. Weber, M. Political works (1895–1919). M: Praxis, 2003. (In Rus.)
2. Culture matters. How Values Shape Human Progress. M: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovanij, 2002. (In Rus.)
3. Likhachev, D. S. Declaration of the rights of culture. Web. 12.02.2018. http://www.sbiblioteka.blogspot.ru/2013/04/blog-post_28.html?m=1 (In Rus.)
4. Likhachev, D. S. Conversations about yesterday, today and tomorrow. M: Sov. Rossiya, 1988. (In Rus.)
5. Maslow, A. G. Motivation and personality. SPb: Piter, 2008. (In Rus.)
6. Flier, A. Y. Society as a cultural system. Culture of culture, no. 2, 2015. Web. 02.12.2017. <http://www.cult-cult.ru/human-and-culture-factors-of-congruence/>. (In Rus.)
7. Flier, A. Y. People and culture: the parameters of the contingency. Culture of culture, no. 2, 2015. Web. 02.02.2018. <http://www.cult-cult.ru/human-and-culture-factors-of-congruence>. (In Rus.)
8. Harrison, L. Jews, Confucians, and Protestants: Cultural Capital and the End of Multiculturalism. M: Mysl', 2014. (In Rus.)
9. Tsenev, V. The theory of human needs of William Telly. Web. 02.02.2018. <http://www.psyberia.ru/mindterritory/tally00>. (In Rus.)
10. Shachnev, S. A. The cultural dimension of quality of life: Experience of problem analysis. Cand. sci. diss. M., 2006. (In Rus.)

11. Alexander, J. C. The Civil Sphere. New-York: Oxford University Press, 2006. (In Engl.)
12. Harrison, L. The Central Liberal Truth: How Politics Can Change a Culture and Save It from Itself. New-York: Oxford University Press, 2006. Table 2.1. (In Engl.)
13. Hofstede, G. H. Culture's consequences: Comparing values, behaviors, institutions, and organizations across nations. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001: 500–502. (In Engl.)
14. Huntington, S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New-York: Simon & Schuster, 1996. (In Engl.)
15. Inglehart, R., Baker, W. Modernization, Cultural Change, and the Persistence of Traditional Values. American Sociological Review. February, pp. 19–51, 2000. (In Engl.)

Received: March 2, 2018; accepted for publication March 27, 2018

Reference to the article

Shchetkina I. A. Structure of Quality of Life Culture // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 192–196. DOI: 10.21209/1996-7853-2018-13-3-192-196.

УДК 81'22

Татьяна Владимировна Бернюкевич,
доктор философских наук, доцент,
Московский государственный строительный университет
(национальный исследовательский университет)
(129337, Россия, г. Москва, Ярославское шоссе, 26),
e-mail: bernyukevich@inbox.ru

Рецензия на монографию А. Ю. Нестерова «Семиотические основания техники и технического сознания»

В рецензии анализируются концептуальные положения монографии А. Ю. Нестерова «Семиотические основания техники и технического сознания». Рассматриваются авторские методологические подходы к определению понятия «семиотика техники», связи этой области исследований с философией техники. Выявляется важность соотнесения её понятий с онтологией, эпистемологией и теорией коммуникации. Акцентируется внимание на том, что техника в авторском понимании – это прежде всего «форма саморефлексии человеческого сознания», а, с точки зрения развиваемого им семиотического подхода, техника – особого рода язык, который реализует систему прагматических, синтаксических и семантических правил в материальных субстратах. Определение теоретических положений семиотики техники в первой части книги позволяет А. Ю. Нестерову во второй части в ракурсе этих идей рассмотреть переведённую им книгу Ф. Дессауэра «Спор о технике», обратиться к антропологическим и социально-прогностическим аспектам развития техники. В этом контексте анализируется фантастика как способ особого синтеза человека и техники.

Ключевые слова: авторский методологический подход, семиотика техники, философия техники, фантастика, синтез человека и техники

В аннотации монографии А. Ю. Нестерова «Семиотические основания техники и технического сознания» говорится о том, что она предназначена для «специалистов в сферах общей семиотики и философии техники». Не относя себя к таковым, всё же попытаюсь определить, чем данная книга может быть интересна более широкому кругу читателей, например, тому, кто занимается вопросами философии культуры, культурологии и философской антропологии.

Поскольку семиотика техники как самостоятельная область исследований – явление становящееся и ещё недостаточно отражённое в философских словарях и энциклопедиях, то для определения её места в рамках исследования техники обратимся к философии техники, достаточно активно развиваемой в нашей стране. Как известно, дисциплинарное поле философии техники опре-

деляется сегодня как «область философских исследований, направленных на осмысление природы техники и оценку её воздействий на общество, культуру и человека» [5]. Так, В. М. Розин отмечает, что интересы философии техники сфокусированы на феномене и сущности техники. Феномен – это машины, технические сооружения, техническая среда (техносфера), а также знания, которые используются в технике. Сущность техники связана с определением её природы, её связей со сферами деятельности человека, её генезисом и развитием, её влиянием на природу, культуру и самого человека [Там же]. Следует заметить, что рассмотрение места техники в человеческом сообществе часто связано либо с позицией определения возможностей и позитивных перспектив, которые открывает перед человеком мир техники, либо с опасениями разрушительности технического

не только для природы, но и для культуры, частью которой является и сама техника. К слову, вторая точка зрения нашла яркое отражение и в современной отечественной литературе, в частности в работах В. А. Кутырёва [2]. Как о важной методологической проблеме философии техники говорят, указывая на пределы её «редукции» к деятельности и её формам, технической рациональности и техническому сознанию, ценностям культуры и т. п. Результатом этого, по мнению В. М. Розина, является «распредмечивание» самого предмета исследования – техники и её подмена предметами других областей философии. Как считает учёный, это может привести к утрате особенностей объекта философии техники и в итоге – утрате специфики самой философии техники: «“Распредмечивание” техники порой заходит так далеко, что техника представляется как глубинный и глобальный аспекты всякой человеческой деятельности и культуры, а не как нечто субстанциальное, что обычно мы интуитивно имеем в виду, говоря о технике» [5].

Монография А. Ю. Нестерова «Семиотические основания техники и технического сознания», на мой взгляд, – это реализация проекта, совершенно чётко ориентированного на такое «распредмечивание» техники, поскольку техника в авторском понимании – это прежде всего «форма саморефлексии человеческого сознания». Сама методология такого «распредмечивания» достаточно глубоко и скрупулёзно описана в первой части книги, в которой представлен не столько привычный тем, кто знаком с семиотикой по трудам российских классиков, терминологический аппарат семиотики, сколько ракурс соотнесения её понятий с онтологией, эпистемологией и теорией коммуникаций. Необходимость раскрытия и обоснования самих теорий и моделей, с помощью которых будет раскрыта сущность техники, определяется автором в начале введения к книге: «В отношении “техники”, равно как и в отношении большинства предметов, фиксируемых человеческим рассудком, невозможна натуралистическая установка или позиция: речь может идти о теориях, моделях или принципах, посредством которых вводится и задаётся понятие техники, раскрываются те или иные экспериментально проверяемые или метафизически выводимые признаки этого понятия» [3, с. 5].

Автор выявляет в истории философии техники три типа понимания техники, а именно: платонистское, конструктивистское и семиотическое – и задачу своей монографии видит

в формулировании «семиотического взгляда на технику как на своего рода “язык”, реализующий сумму прагматических, синтаксических и семантических правил в конкретных материальных субстратах» [Там же]. Понятно, что в рамках данного подхода сами «материальные субстраты» интересуют автора меньше всего. И автор эту позицию излагает в разделе «Семиотика техники»: «Семиотика техники – это онтологическая модель, обеспечивающая ясность и последовательность не только выражения процессов становления техники как таковой (в системе гносеологических знаков), но и посвящённых технике дискуссий (в системах коммуникативных знаков)» [Там же, с. 15]. В данном разделе высказан очень важный для понимания всей книги и особенно её первой, собственно методологической части, тезис: «Институционально семиотика техники принадлежит аналитической философии, понятой в качестве способа постановки философских проблем в их лингвистической данности, в качестве требования ясной и отчётливой, избегающей метафор и произвольных аналогий формулировки вопроса, корректного и внятного аргумента (М. В. Лебедев)» [Там же]. Этот тезис на самом деле определяет и содержание книги, и её стиль, и некоторую сложность её восприятия для тех, кто недостаточно глубоко знаком с положениями аналитической философии. Данный тезис, вероятно, связан с изначальной убеждётельностью автора в том, что такая семиотика техники способна привести в философию техники «аналитическую» ясность.

Центральным понятием первой части книги и, вероятно, сущностной характеристикой техники и технического сознания как предмета семиотики техники является «проективный семиозис». По мнению, А. Ю. Нестерова, введение техники в качестве объекта исследования семиотики будет способствовать развитию семиотических исследований в целом, так как «техника предоставляет уникальную возможность увидеть и описать рождение нового значения гносеологического знака за счёт творческого интеллектуального усилия, сопоставить новое значение гносеологического знака (в виде изобретения) и новое значение коммуникативного знака (в виде акта художественного творчества)» [3, с. 16].

Во второй части монографии (главы третья и четвёртая) от жёсткой схемы определения основных категорий и методов семиотики техники автор переходит, одной стороны, к более широкому, с другой – к более предметному контексту онтологии и эпистемологии

техники, анализирует в этом ракурсе труды Ф. Дессауэра (следует отметить, что именно А. Ю. Нестеровым сделан перевод книги Ф. Дессауэра «Спор о технике» [1]), при этом автор монографии представляет идеи немецкого философа в рамках собственной концепции проективного семиозиса, тем самым наполняя, на мой взгляд, идеи Дессауэра современным звучанием и придавая им большую логическую завершённость и рациональную аргументированность.

Содержательность второй части книги А. Ю. Нестерова обусловлена во многом теоретической фундированностью первой, поскольку, например, та задала возможность чётких, дополненных и развёрнутых семиотических характеристик техники и технического сознания в третьей главе. Одним из таких определений является следующее: «В целом под техникой понимается проективный способ работы сознания со знаками, представляющий собой обращение рецепции и приводящий к формированию новых “значений” при реализации семантических, синтаксических и прагматических правил на каждой из ступеней познания, будь то чувственное восприятие, рассудок или разум» [3, с. 94].

В заключение своей монографии А. Ю. Нестеров обращается к антропологическим и социально-прогностическим аспектам развития техники и значимости концептуальных положений семиотики техники для

понимания их сущности. Неслучайным в этом контексте выглядит и анализ фантастики как способа особого синтеза человека и техники, демонстрирующего «сдвиг немислимого до границы рефлексии» [3, с. 94].

Безусловно, книга А. Ю. Нестерова – это яркий образец сознательного и направленного ухода от «предметности», а точнее, «субстратности» техники в философии техники. И это, на мой взгляд, удачная демонстрация того, как такого типа «распредмечивание» создаёт возможность определения глубоких онтологических оснований самого феномена техники, его рефлексивного генезиса, возможностей эпистемологического анализа. Кроме того, хотелось бы указать на то, что автору удалось, не акцентируя внимания на том, что техника и техническое сознание есть этап и процесс становления культурного как такового, показать эту связь между ними и актуализировать вопрос не только об историко-культурном месте техники в развитии человеческого сообщества, но и о её роли в самих механизмах возникновения культуры в целом, становления её культуры, субъектности [4]. И это позволяет расширить эвристическую значимость исследований А. Ю. Нестерова, включив в неё возможность использования идей семиотики техники не только в философии техники, семиотике и аналитической философии, но и в других областях гуманитарного знания.

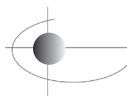
Список литературы

1. Дессауэр Ф. Спор о технике / пер. с нем. А. Ю. Нестерова. Самара: Изд-во Самар. гум. акад., 2017. 266 с.
2. Кутырев В. А. Культура и технология: борьба миров. М.: Прогресс-Традиция, 2001. 238 с.
3. Нестеров А. Ю. Семиотические основания техники и технического сознания. Самара: Изд-во Самар. гум. акад., 2017. 155 с.
4. Пелипенко А. А. Постигание культуры: в 2 ч. Ч. 1. Культура и смысл. М.: Президентский центр Б. Н. Ельцина, 2012. 608 с.
5. Розин В. М. Философия техники [Электронный ресурс] // Новая философская энциклопедия. Режим доступа: <https://www.iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH8a5332a1622574035c348a> (дата обращения: 20.02.2018).

Статья поступила в редакцию 10.03.2018; принята к публикации 28.03.2018

Библиографическое описание статьи

Бернюкевич Т. В. Рецензия на монографию А. Ю. Нестерова «Семиотические основания техники и технического сознания» // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13, № 3. С. 197–200.

Tatyana V. Bernyukevich,
*Doctor of Philosophy, Associate Professor,
Moscow State University of Civil Engineering
(National Research University)
(26 Yaroslavskoye sh., Moscow, 129337, Russia),
e-mail: bernyukevich@inbox.ru*

Review of A. Yu. Nesterov's Monograph "Semiotic Bases of Technique and Technical Consciousness"

The conceptual provisions of monograph 'Semiotic bases of technique and technical consciousness' are analyzed in the review. Author's methodological approaches to the definition of the concept of "semiotics of technology", the connection of this field of research with the philosophy of technology are examined in this work. The importance of correlating its concepts with ontology, epistemology and the theory of communication is revealed. Attention is focused on the fact that technique in the author's understanding is primarily a "form of self-reflection of human consciousness", and according to the semiotic approach developed by it, technology is a special kind of language that implements a system of pragmatic, syntactic and semantic rules in material substrates. The definition of the theoretical provisions of the technology semiotics in the first part of the book allows A. Nesterov to consider the translated book by Dessauer "Dispute on Technology" in the foreshortening of these ideas in the second part, to address the anthropological and socio-prognostic aspects of the development of technology. In this context, science fiction is analyzed as a way of special synthesis of man and technology. The review concludes that the concept of technique semiotics created by A. Nesterov has heuristic significance not only for epistemology and analytical philosophy but also for the philosophy of culture, culturology and philosophical anthropology.

Keywords: author's methodological approach, semiotics of technology, philosophy of technology, science fiction, synthesis of man and technology

References

1. Nesterov, A. Yu. Semiotic bases of technique and technical consciousness. Translated from the German by Nesterov, A. Yu. Samara: Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii, 2017. (In Rus.)
2. Kutyrev, V. A. Culture and technology: the struggle of the worlds. M: Progress-Tradiciya, 2001. (In Rus.)
3. Nesterov, A. Yu. Semiotic bases of technique and technical consciousness. Samara: Izdatel'stvo Samarskoj gumanitarnoj akademii, 2017. (In Rus.)
4. Pelipenko, A. A. Comprehension of culture. In 2 parts. Part 1. Culture and sense. M: Fond «Prezidentskij centr B. N. El'cina», 2012. (In Rus.)
5. Rozin, V. M. Philosophy of technology. In A new philosophical encyclopedia. Web.20.0.2018. <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH8a5332a1622574035c348a>. (In Rus.)

Received: March 10, 2018; accepted for publication March 28, 2018

Reference to the article

Bernyukevich T. V. Review of A. Yu. Nesterov's monograph "Semiotic bases of technique and technical consciousness" // Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13, No. 3. PP. 197–200.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объёмом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

Жанр	Минимальный объём
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Отзыв научного руководителя с указанием новизны и достоверности исследования, если автор статьи – аспирант.
4. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – на русском и английском языках строчными буквами (не заглавными).

Аннотация: 150–200 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: вводную часть, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы. **Название блоков выделяется полужирным шрифтом.**

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается в алфавитном порядке и должен включать не менее 15 источников, в том числе не менее 5 зарубежных источников. Литература на иностранных языках должна следовать за литературой на русском языке.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Самоцитирование допускается в объёме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объём цитирования в статье должен составлять не более 40 % от общего объёма статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский и английский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170×240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объём рисунков не должен превышать ¼ объёма статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции:

672007, Россия, г. Чита, ул. Бабушкина, 129. Забайкальский государственный университет. Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь:

Седина Елена Витальевна,
Блажевская Ирина Николаевна.
Тел. +7(3022) 35-24-79, e-mail: zab-nauka@mail.ru